Деды

дайджест публикаций о беларуской истории

Анатоль ТАРАС рассказывает о себе

На сайте «Правый альянс» размещен материал А.Е. Тараса (более 40 страниц), где он дает ответы на большинство тех вопросов, которые задают читатели во время презентаций книг, на лекциях, а также через электронную почту.

Адрес сайта:
http://aljans.org/library/anatol-taras-rasskazyvayet-o-syebye

Вот что пишет А.Е. Тарас в предисловии к этому материалу: «В Интернете можно найти множество выдумок относительно моей персоны. Их диапазон – от обычных неточностей до целенаправленных клеветнических измышлений. Поскольку моя жизнь известна мне лучше, чем врагам и «заклятым друзьям», будет справедливо, если все желающие смогут получить информацию обо мне, что называется, «из первых рук».

Содержание материала

1. Общие сведения
2. Личная программа
3. О «заклятых друзьях»
4. Почему я пишу и издаю книги на русском языке
5. Интервью
6. Рецензии

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 8

Минск
«Харвест»

УДК 94(476) (059)

Деды : дайджест публикаций о беларуской истории. Выпуск 8 / Составление, научное редактирование А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2011. – 280 с.

ISBN 978-985-18-0579-8

Этот выпуск дайджеста посвящен вопросам историографии, литературы, языка и культуры, а также особенностям национальной психологии. В выпуске 22 статьи, 140 иллюстраций и 5 карт. Материалы выпуска разделены на четыре части.

ISBN 978-985-18-0579-8

Содержание

Часть I. ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

За одно стихотворение — 28 лет жизни

Владимир Михнюк

О Беларусь, мая шыпшына,
Зялёны ліст, чырвоны цьвет!
У ветры дзікім не загінеш,
чарнобылем не зарасьцеш...

Ніколі й нідзе Беларусь не загіне,
Ніколі й нідзе Беларусь не памрэ.
Ні ў турмах, ні ў концах, ні ў клятых краінах,
Ні ў дзікім прыгоне, ў маскальскім ярме!..

Если бы кто-то написал только эти два стихотворения, их хватило бы для того, чтобы имя автора навсегда вошло в историю беларуской литературы. Автором был Владимир Дубовко (Уладзімер Дубоўка), человек трагической судьбы. (Дубоўка – по-беларуски, Дубовко – по-русски; документы свидетельствуют, что он сам так писал. –*Ред.*)

Его арестовали по делу Союза освобождения Беларуси (Саюза вызвалення Беларусі – СВБ), сфабрикованного органами ОГПУ СССР и БССР в рамках кампании по истреблению национально-демократической интеллигенции в Беларуси и Украине*. Ордер на арест Дубовки 19 июля 1930 года подписал заместитель председателя ОГПУ СССР – печально известный Генрих Ягода (1). Некоему Соловьеву, сотруднику оперативного отдела ОГПУ, было поручено произвести обыск квартиры № 13 по ул. Малой Грузинской, дом 34 в Москве, где жил с семьей Дубовко, и сразу арестовать его. Но уполномоченный со своими помощниками не успел сделать это в тот же день. Назавтра, 20 июля, он прибыл в Кремль,

Статья была опубликована в журнале «Полымя» № 2 за 1996 год (с. 215–271) под названием «Вязень сумлення». Перевод и редакция А.Е. Тараса.

* Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) – система органов государственной безопасности в СССР в 1922–34 гг. Главной целью их деятельности являлось подавление явной, тайной и потенциальной оппозиции большевистскому режиму. Основными методами этой «работы» являлись внутренний шпионаж, использование доносов, провокации, фальсификации, моральное и физическое давление. С 10 июля 1934 году ОГПУ вошло в состав НКВД. – *Прим. ред.*

где поэт работал переводчиком. После выполнения необходимой процедуры Дубовко оказался в Бутырках.

Что явилось основанием для ареста поэта, работавшего в самом «сердце» советской империи – в Кремле? Это сегодня известно точно, хотя сам поэт никогда, даже после реабилитации, об этом не вспоминал.

В начале октября 1926 года среди творческой интеллигенции Минска появился машинописный текст стихотворения под названием «На ўшанаванне новага падзелу беларускай зямлі». Оно имело эпиграфы из стихотворений Янки Купалы и Якуба Коласа. Своеобразным поэтическим резонансом звучали коласовские слова из стихотворения «Беларускаму люду», напечатанного в сборнике «Водгульле» (Минск, 1922):

Нас падзялілі – Хто? Чужаніцы,
Цёмных дарог махляры.
К чорту іх межы! К д'яблу граніцы!..
Нашы тут гоні, бары!

Под стихотворением стояла подпись – Янка Кривичанин. Все, кто читал стихотворение, понимали, что это псевдоним. Специалисты-наблюдатели по творческой интеллигенции из ГПУ БССР начали поиски неизвестного автора. Искали долго, но все-таки нашли. Стихотворение было напечатано на пишущей машинке с надломленной буквой «р». А все машинки с образцами своих шрифтов были зарегистрированы в ГПУ – как множительные аппараты. Машинка с надломленной буквой «р», как удалось выяснить чекистам, принадлежала постоянному представительству БССР в Москве. Там работал в то время поэт Владимир Дубовко...

На то, что автором нелегального стихотворения являлся именно он, указали и другие данные. Так, в марте 1929 года был арестован поэт Александр Дударь (2), тоже за нелегальное стихотворение, которое называлось «Пасеклі наш край папалам». В одном из своих показаний он сообщил следователям ГПУ БССР:

«О стихотворении, посвященном разделу беларуской земли, которое печаталось в каком-то зарубежном журнале, я слышал, но очень поверхностно и слышал отдельные строки из этого стихотворения, но всего стихотворения никогда не видел. Разговоры об этом стихотворении были, и в них высказывалась мысль, что стихотворение, если судить по стилю, принадлежит Дубовке, который находится в Москве. Во время партсовещания при ЦК была брошена реплика, что «возвышенцы» посылают антисоветские стихотворения за границу, но представители «Узвышша» заявили, что об этом ничего не знают...»

Стихотворение Янки Кривичанина было также отмечено среди других «вещественных доказательств» при обыске в квартире А.В. Балицкого (3), наркома просвещения БССР, которого ГПУ арестовало по делу СВБ. В следственных материалах есть машинописный экземпляр стихотворения в переводе на русский язык. Перевод был сделан для следователей, чтобы они могли понять его смысл и содержание, так как беларуский язык был для них иностранным. Этот перевод не имеет ничего общего с литературным, но дает возможность идентифицировать его с опубликованным оригиналом.

О злосчастном стихотворении говорится и в обвинительном заключении по делу Дмитрия Прищепова, Антона Балицкого, Алеся Адамовича (5) и Петра Ильюченко (6), которое в ходе следствия было выделено «в особое производство» из дела Союза Освобождения Беларуси:

«Член СВБ – поэт Дубовко написал яркое контрреволюционное стихотворение под названием «В честь раздела белорусской земли», подписанное псевдонимом Янка Кривичанин. Вот это стихотворение Адамович предложил Ластовскому напечатать в своем заграничном журнале «Кривич». Осторожный Ластовский, видя в первый раз Адамовича, «вежливо отказался». Эта контрреволюционная акция объясняет, почему Адамович без посредника, конспиративно познакомился с Ластовским...

Но неудача с передачей стихотворения Ластовскому не обескуражила Адамовича. Случая передать это стихотворение Адамович искал и скоро он ему представился. Вот как Адамович сам об этом показывает:

«Во время Академической конференции в 1926 г. меня Жилунович пригласил к себе на обед. На обеде собрались Жилунович, Кореневский, Ильюченок, Адамович и Езовитов (7–12).

Езовитов являлся членом заграничного центра «САБ» («Саюз адраджэння Беларусі», якобы предшественник СВБ. – *Авт.*). На этом обеде Адамович вместе с Ильюченком дали переписать это стихотворение Езовитову и последний забрал переписанный экземпляр с собой.

Весь этот эпизод, – продолжает Адамович, – я считаю контрреволюционным, как и разговоры, которые велись на обеде. Тут картина ясная до точности и анализировать ее мне не приходится. Поэтому это стихотворение появилось в Вильно в фашистском журнале и строки против Польши были выброшены... Это был акт сотрудничества с заграничным эмигрантским белорусским фашизмом. Здесь, так сказать, люди не только стали «у последней черты», но и перешли все грани»».

Вл. Дубовко в молодости

Из обвинительного заключения по делу Д. Прищепова, а также из других источников мне стало ясно, что стихотворение, автором которого являлся Дубовко, было напечатано в Виленском беларускоязычном журнале. Случайно встретились сведения о названии журнала – «Беларуская культура». Он выходил в 1927 году, но увидели свет только 3 номера, причем второй-третий номера были сдвоенными.

И вот я в научной библиотеке Академии наук Беларуси. Держу в руках две книжки небольшого размера, в серых обложках. В первом номере журнала, который вышел в июле 1927 года, на странице 25 под заголовком «Ненадрукаваны в Менске верш» читаю:

«Ниже приводим стихотворение неизвестного поэта, присланное нам из Минска, стихотворение чрезвычайной динамики. В Минске оно не могло быть напечатано, ибо остро выступает против большевиков, критикуя их оккупантскую политику. Не придворная, казенная советская поэзия, – а это стихотворение отражает истинные настроения и мысли беларуского народа, в недрах которого заки-

пает протест против комиссарских насилий. Общественное значение стихотворения сегодня еще трудно оценить – так далеко в будущее простирается мысль и стремление поэта.

Редакция».

Далее было напечатано крамольное стихотворение, которое сотрудники ГПУ хотели уничтожить как идеологически вредное. Но оно дошло до нас.

Сам поэт отрекся от него навсегда, потому что оно принесло ему очень много страданий и горя.

За ўсе краі, за ўсе народы сьвету,
І што былі, і прыйдуць што пасьля.
Аздобленае горкім, цьмяным цьветам
Зазнаць нам гора лёс благі паслаў.

Скарыліся і моўчкі ўсё прымалі:
Самахаць можа прыйдзе лепшы час.
Як лісьцінку на поплаве качалі
І зневажалі чужаніцы нас.

Калёнія праз некалькі сталецьцяў,
Наедак ненажорным груганом...
Я прысягаю – праклянуць нас дзеці...
За апяшаласць нашу нам праклён.

На плечы ганьбы мы прынялі многа:
Нявольніцтва, жабрацтва навакол.
Слязьмі сясцьцёр чужынцам мыем ногі,
Заместа песен – стогны бедакоў.

Прыцiх наш край: ад гутарак аскома...
Прыцiх наш край: маўчаць, усе маўчаць.
Свабодай карыстаюцца сачкомы
Каб тых, хто мысьліць, у вастрог саджаць.

Дакуль чакаць і варажыць павінны?
Пакуль раса ня выесьць вочы нам...
З усіх бакоў над нашаю краінай
Сплялася нясусьветная мана.

На нашым карку торг спраўляе сьмела
Масква з Варшавай, з Рыгай і Літвой,
І наша змучанае катам цела
Штогодна новай кроіцца мяжой.

Масква сусьвету вушы прашумела
Пра самавызначэньне аж да зор.
Смаленск дзе? Невель? Гомель дзе падзела?
Стварыла Гомельскі ганебны калідор.

Мы цацкай нейкай для чужынцаў сталі,
Пасьмешышчам для сьвету усяго,
Як быццам мала ў нашай волі сталі,
Як быццам у сэрцах нашых згас агонь.

Браты мае! Даволі ашуканства,
Гасьцей да хаты выправіць пара.
З лазы заплаканай сплящём ім кайстры
Для нарабаванага ў нас дабра.

Сьляды іх гідкія пяском пасыпем,
Пясочкам сьветленькім пасыпем іх,
Каб гэтай шумы, акупантаў-злыдняў
Апошні водгук прагучаў і сьціх.

А не, – дык надарма усё, жыцьцё надарма,
Лажыся ў яму Сам, Народзе мой, –
Пакуль ты сам ня будзеш гаспадарыць, –
Не разьвітаешся з жабрацкай калітой.
Менск. 29 верасня 1926 г.

Сразу за стихотворением в журнале помещена гравюра, на которой изображены заснеженные поля, а вдали холм, стародавний курган, увенчанный православным крестом. Над ним кружат черные вороны...

* * *

Через десять дней после ареста появился новый документ – выписка из протокола заседания коллегии ОГПУ:

«Слушали: Дело № 102129 по обв. гр. гр. Красковского Ивана Игнатьевича, Тремповича Павла Викторовича, Мядзелко Паулины Викентьевны, Дубовко Владимира Николаевича и Лёсика Иосифа Юрьевича по 58/11 ст. УК. (13–16).

Постановили: Дело вместе с личностью обвиняемых направить в ПП ОГПУ по БВО.

Арестованы, содержатся первые двое во внутренней тюрьме и последние трое в Бутырской тюрьме. Пом. секретаря коллегии ОГПУ» (подпись неразборчива).

Так Дубовко с товарищами по несчастью оказался во внутренней тюрьме ГПУ БССР. Как обычно, чекисты сочинили очередное постановление. Передаем его полное содержание, сохраняя стиль и орфографию документа.

«1930 года августа 2 дня.

Я, уполномоченный ПП ОГПУ БВО и ГПУ Бел., рассмотрев дело № 13221 и принимая во внимание что данными, имеющимися в деле гр-н Дубовко Владимир Николаевич в достаточной степени изобличается в том, что принадлежал к нелегальной а/с организации и, что обвинение это находит себе подтверждение в материалах имеющихся в деле, а потому, руководствуясь 128 и 129 ст. ст. УПК постановляю:

Дубовко В. Н.

допросить в качестве обвиняемого по сему делу, предъявив обвинение в принадлежности к нелегальной организации, т. е. в преступлении предусмотренном 76 ст.

УК, о чем объявить под расписку сем же и послать копию сего постановления для сведения прокурору.

Ст. уполномоченный (подпись Сикорского)

Согласен: нач. отдела (подпись Аргова) (17 – 18)

Утверждаю: ПП ОГПУ и ГПУ Бел. (подписи нет)

Постановление мне объявлено (вписано следователем. – *Авт.*): в расписке о предъявлении постановления отказался».

Дубовко отказался подписывать предъявленное ему обвинительное заключение. Это была принципиальная позиция человека, который виновным себя не признал, не оговорил ни себя, ни друзей, ни коллег, ни знакомых. В отличие от некоторых других людей, арестованных по делу СВБ, он был очень сдержан на слова. За все время нахождения под следствием во внутренней тюрьме ГПУ БССР – так называемой «американке» – следователи получили от него только одно, сравнительно небольшое собственноручное показание. Он вынужден был написать его, чтобы хоть что-то осталось в деле как доказательство того, что находился под следствием. В нем нет ни одной фамилии.

Показание датировано 3 февраля 1931 года. Это значит, что оно было написано тогда, когда следствие уже закончилось, в кабинетах ГПУ готовили обвинительное заключение и подсчитывали, сколько «членов» СВБ признали или не признали себя «виновными в принадлежности к контрреволюционной, нацдемовской антисоветской организации».

Дубовко в заключение своего показания решительно заявил:

«Никогда ни в каких антисоветских партиях или группировках я не находился и не нахожусь. Как в своей литературной, так и общественной деятельности проводил твердую пролетарскую линию».

На март 1931 года, когда он сидел в душной камере внутренней тюрьмы ГПУ БССР и ждал приговора, приходится интересный факт его биографии. Поэт переводил на родной язык произведения Дж. Байрона, в частности, поэму «Шильонский узник». Этот перевод был впервые напечатан в первом номере журнала «Полымя» в 1961 году, а затем в книге «Д.Г. Байран. Выбранае» (Минск, 1963).

Видимо, тот перевод, который был сделан в начале 1931 года, Дубовко каким-то образом сохранил и, конечно же, дорабатывал. Но, думаю, первый вариант перевода представляет значительный интерес как для специалистов-литературоведов, изучающих творческое наследие поэта, так и читателей, которые интересуются им.

Надо подчеркнуть, что варианты перевода значительно отличаются друг от друга. И не только тем, что перевод 1931 года сделан на «тарашкевице» и в отдельных местах может быть менее совершенным (хотя это тоже важно для понимания творческой лаборатории поэта). Самое главное различие заключается в том, что в первый перевод включены авторские импровизации, так сказать, по мотивам «Шильонского узника». Это касается XI раздела поэмы, который начинается словами «Всегда тюрьмой была тюрьма» (1931 г.) и состоит из 47 строк. В варианте перевода 1963 года он имеет 22 строки.

Складывается впечатление: Дубовко рассчитывал на то, что следователи будут читать перевод и увидят, узнают себя в поэтическом зеркале. Так оно было

или нет, судить трудно. Но точно можно утверждать, что на эти строки в ГПУ обратили внимание. Об этом свидетельствует машинописный экземпляр перевода «Шильонского узника», изъятого при аресте в 1933 году Феликса Купцевича (19). На этом экземпляре XI раздел жирно подчеркнут черным карандашом.

* * *

Постановлением коллегии ОГПУ СССР от 10 апреля 1931 года Дубовко сослали на 5 лет в город Яранск (в Чувашии). Поэт обвинялся в том, что с 1927 года якобы входил в литературную группу СВБ и по поручению члена его центра И. Красковского возглавлял филиал Союза в Москве.

В ноябре 1934 года Дубовку перевели в город Чебоксары, где он работал секретарем ведомственного арбитража. В середине июля 1935 года, когда заканчивался срок изгнания, ему, как и многим другим подельникам, неожиданно объявили решение Особого совещания НКВД СССР о продлении срока ссылки на 2 года.

Поэма «Там, дзе кіпарысы» (1925)

Сборник стихов «Credo» (1926)

Но этим дело не закончилось. В июле 1937 года Дубовку опять арестовали. На этот раз сотрудники НКВД Чувашской АССР. Ему было предъявлено обвинение в том, что он «установил связи» со ссыльными Николаем Мамчицем, Павлом Каравайчиком, Игнатием Савичем (20–22) и проводил вместе с ними антисоветскую агитацию, «направлённую на дискредитацию партии и советского правительства».

И в этот раз Дубовко виновным себя не признал, однако его «изобличали» показания трех знакомых, что было достаточно для вынесения внесудебного приговора. «Спецтройка» при НКВД Чувашской АССР 16 ноября 1937 года приговорила его вместе с М. Мамчицем и И. Савичем к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, а П. Каравайчика – к расстрелу.

После отбытия срока заключения Дубовко уехал жить в Грузию. Но 16 февраля 1949 года был арестован в третий раз и по постановлению Особого совещания МГБ СССР в апреле 1949 года в четвертый раз получил наказание – был направлен в лагерь, находившийся в рабочем поселке Почёт, в Абаканском районе Красноярского края.

Основанием для этого послужило лишь то, что он раньше отбывал наказание. Власть не была полностью уверена, что гражданин Дубовко окончательно «разоружился», перестал быть

«нацдемом». На этот раз он получил срок «на полную катушку» – 25 лет заключения. Другими словами – до конца жизни.

Это заключение продолжалось до 1956 года. Владимира Николаевича спасла хрущевская «оттепель». Но 28 лучших лет были вычеркнуты из творческой жизни талантливого поэта. Последнее его стихотворение до ареста («Ліпнёвы гімн») было написано в 1929 году и напечатано в шестом номере журнала «Іскры Ільіча» за 1930 год*. Следующее его стихотворение «Маленькая гераіня» появилось в 12-м номере журнала «Беларусь» в 1958 году!

Вместо пера и карандаша поэт держал в руках пилу и топор, рубанок и кельму. Он работал на лесоповале, плотником, столяром, каменщиком, штукатуром... Те, кто были знакомы с Дубовкой, рассказывают, что до последних дней своей жизни он держал дома рабочие инструменты в хорошем состоянии, будто ждал очередной смены места жительства и работы. А когда он в гостях или за домашним праздничным столом поднимал рюмку, то первый его тост всегда был примерно таков: «За родную коммунистическую партию – организатора и вдохновителя всех наших побед, за дорогую советскую власть!» Что же, тридцатилетняя коммуно-советская «наука» не прошла даром...

По всем приговорам Дубовко был реабилитирован 25 мая 1956 года Верховным судом Чувашской АССР и 15 ноября 1957 года Верховным судом БССР – «за отсутствием состава преступления».

Очерк биографии

Владимир Николаевич Дубовко родился 2 (15) июля 1900 года в деревне Огородники Вилейского повета Виленской губернии (ныне в Поставском районе Витебской области). В конце 1915 года семья переехала на постоянное жительство в Москву.

В 1918 году Владимир окончил учительскую семинарию в Новой Вилейке. После этого два года был учителем в Тульской губернии. Один год (1920–21) служил в Красной армии.

После демобилизации работал в Наркомате просвещения РСФСР методистом и инспектором беларуских школ.

В 1922–25 гг. Дубовко был редактором беларуского текста «Вестника ЦИК, СНК и СТО Союза ССР», одновременно в 1923–24 гг. ответственным секретарем представительства БССР при правительстве СССР.

В 1924 году он окончил Литературно-художественный институт имени Валерия Брюсова. В 1924–27 гг. преподавал беларуский язык и литературу в Коммунистическом университете народов Запада. В 1926–30 гг. являлся редактором «Сборника законов и указов Рабоче-Крестьянского правительства Союза ССР».

Первое стихотворение напечатал в 1921 году в газете «Савецкая Белорусь».

Несмотря на то, что постоянно жил в Москве, состоял в беларуских литературных объединениях «Маладняк» и «Узвышша», был первым редактором журнала «Беларускі піянер» (ныне это «Бярозка»). Чтобы избежать цензуры, некоторые стихи печатал в журнале «Беларуская культура», выходившем в Западной Беларуси (т.е. в Польской республике).

* Несколько стихотворений, а также поэма «І пурпуровых ветразей узвівы» были напечатаны в 1935 и 1939 гг. в виленском альманахе «Калоссе». Но Дубовко написал их еще до ареста.

До ареста вышли из печати четыре сборника его стихов: «Строма» (1923), «Трысцё» (1925), «Credo» (1926), «Наля» (1927), а также поэма «Там, дзе кіпарысы» (1925). Кроме того, в 1939 году его друзья издали в Вильне (еще при польской власти) поэму «І пурпуровых ветразей узвівы».

20 июля 1930 года Дубовку арестовали сотрудники московского управления ГПУ по обвинению в связях с «контрреволюционным» «Союзом освобождения Беларуси» – мифической организацией, придуманной в недрах палаческого ведомства. Но реальной причиной ареста послужило стихотворение Дубовки, написанное в 1926 году и ходившее по рукам в копиях, в котором он гневно протестовал против присвоения Россией беларуских этнических земель.

Дубовку сотрудники ГПУ арестовали 20 июля 1930 года в Кремле. Особое совещание (орган внесудебной расправы) 10 апреля следующего года осудило 30-летнего Дубовку на 5 лет ссылки в Яранск. Срок ссылки завершался в апреле 1936 года. Но уже в июле 1935 года срок ссылки был продлен на 2 года. В 1937 его арестовали и приговорили к 10 годам лагерей. Заключение отбывал в Кировской области (бывшей Вятской губернии), Чувашии, на Дальнем Востоке, в Красноярском крае.

После освобождения из лагеря в 1947 году власти запретили Дубовке не только возвращаться на родину, но и проживать в европейской части СССР. А 16 февраля 1949 года его снова арестовали, на этот раз в Грузии, где он поселился. Особое совещание при МГБ СССР в апреле того же года приговорило Владимира Николаевича к 25 годам лагерей – снова за то же самое «преступление», из-за которого его отправили в ссылку 18 лет назад. В лагерях литературной работой не занимался.

И все же Дубовке повезло. Он оказался одним из немногих беларуских интеллектуалов, попавших под бульдозер сталинского террора, кому удалось выжить и дождаться реабилитации. Документ о полной реабилитации «ввиду отсутствия состава преступления» был датирован 15 ноября 1957 года.

Покинув Сибирь в начале 1958 года, В.Н. Дубовко не решился приехать в Минск. Все 18 лет последующей жизни он оставался в Москве, время от времени приезжая в Беларусь. Он слабо верил в то, что террор ушел в прошлое. Поэтому бережно хранил чемодан со столярными инструментами, предполагая, что это еще пригодится ему в новой ссылке.

После реабилитации Дубовко вступил в Союз писателей БССР (1958 г.), а в 1961 году издал сборник стихов «Палеская рапсодыя», за который в следующем году Союз писателей БССР наградил его Литературной премией имени Янки Купалы.

Он опубликовал десять книжек для детей. Это сказки «Цудоўная знаходка» (1960), «Як сінячок да сонца лётаў» (1961), «Дзівосныя прыгоды» и «Кветкі – сонцавы дзеткі» (1963), «Мілавіца» (1964), «Казкі» (1968), «Залатыя зярняты» (1975), повести «Жоўтая акацыя» (1967), «Ганна Алелька» (1969), «Як Алік у тайзе заблудзіўся» (1974).

В 1959 и 1965 годах в Минске выходили его «Выбраныя творы» в двух томах. В 1965 появилось литературоведческое исследование Д. Бугаева – «Уладзімер Дубоўка» (через 40 лет оно было переиздано).

Дубовко известен прекрасными переводами на беларуский язык стихотворных произведений Уильяма Шекспира («Манеты») и Джорджа Байрона (поэмы «Шыльёнскі вязень», «Бронзавы век», мистерия «Каін»), стихов В. Брюсова, А. Прокофьева, П. Тычины, Ю. Янониса, Е. Чаренца, В. Броневского, Ю. Словацкого, У. Сыромли и других поэтов.

В 1973 году вышла в свет его книга рассказов-воспоминаний «Пялёсткі».

Он выступал с критическими, публицистическими и научными статьями по вопросам беларуского языка, литературы, культуры.

Владимиру Николаевичу отчасти повезло. Он не только остался жив, но и смог вернуться к литературному творчеству, более того – дождался общественного признания. Однако 28 лет лучших лет жизни были загублены.

Владимир Николаевич Дубовко в июле 1975 года отметил свое 75-летие, а следующей весной (20 марта) умер.

Алесь Пашкевич посвятил ему биографический роман «Круг».

***

Теперь познакомим читателей с документами из архивных папок, ранее имевших гриф «Совершенно секретно». Они дополняют биографию автора бессмертных строк «О, Беларусь, мая шыпшына...» и вместе с тем наглядно иллюстрируют трагическую судьбу национальной интеллигенции.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о заключении под стражу обвиняемого)

1930 г. августа 2 в г. Минске

ПП ОГПУ по БВО и ГПУ БССР допросив сего числа гр-на ДУБОВКО Владимира Николаевича обвиняемого по ст. ст. 76 УК и, принимая во внимание то, что он вполне изобличается в предписываемом ему преступлении, что наказание угрожающее ему сопряжено с лишением свободы, что имеются основания на возможность уклонения его от следствия и суда, в виду тяжести угрожающего ему наказания и, что находясь на свободе, он может препятствовать раскрытию истины вследствие необходимости допроса целого ряда свидетелей, с которыми он может сговориться, а поэтому руководствуясь ст. ст. 144, 146, 147 и 158 УПК

Постановил:

«мерою пресечения обвиняемому ДУБОВКО В. Н. способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей при Комендатуре ПП и ГПУ Бел. по I категории, о чем объявить обвиняемому и копию сего постановления послать Прокурору, наблюдающему за делом.

Уполномоченный (подпись Сикорского)

Согласен: нач. отд. (подпись Аргова)

Утверждаю: зам. ПП ОГПУ БВО и зам. пред. ГПУ Бел. ССР (подписи нет)

Настоящее постановление мне объявлено:

В расписке о предъявлении постановления отказался (это дописано следователем).

СПРАВКА

ДУБОВКО В. Н. препровожден в ПП ОГПУ по БВО из ОГПУ при отношении 181305 от 29.VII.30 г.

Отношение находится в проц. материалах Красковского И. И.

Пом. уполн. СО ПП ОГПУ БВО КОРОТКЕВИЧ

УВАЖАЕМЫЙ ТОВ. ГОЛОДЕД!

Обращаюсь к Вам по нижеследующему вопросу:

Мой брат Владимир Николаевич ДУБОВКО числа 20-го июля 1930 г. был арестован ОГПУ и препровожден в г. Минск, где находится до настоящего времени, т. е. около трех месяцев.

Не зная причин ареста брата, не зная сущности обвинения предъявленного ему, но хорошо зная, что наши органы ОГПУ содержат под арестом лиц замешанных в контрреволюционной деятельности, я не обращаюсь к Вам с ходатайством за брата.

Мое к Вам обращение вызвано следующими соображениями:

1. До сего времени брат содержится на особо строгом положении, первое время запрещали передачи, а последнее время хотя и разрешили таковые, но ни описи передаваемых вещей не принимают, ни расписок в получении им передач не передают.

2. Запрещают передачи и по-видимому снабжение письменными принадлежностями и предполагаю не дают литературы для чтения. Следовательно это дает мне возможность сделать такой вывод, что он на особо строгом положении, а следовательно в чем-то очень тяжелом обвиняется.

Я, находясь в рядах РККА, по роду своей деятельности связь с семьей поддерживал редкими приездами в Москву, или проезжая Москву, на несколько часов заходил к отцу, где встречал и брата.

В 1928-м году в связи с поступлением моим в Военную Академию РККА им. Фрунзе, я приехал в Москву и имел возможность в течение этого времени несколько раз довольно подробно беседовать с братом.

Во время этих бесед он мне высказывал свои переживания и жаловался, что на него в белорусской печати пишут много «ругательного», что обвиняют в мелкобуржуазной идеологии, якобы протаскиваемой им в своих стихах и поэмах и т. п. Жаловался на тормоза и задержку в напечатании некоторых из стихов и поэм, приводя ряд доводов в свою очередь, что в основном это не совсем верно, что его просто не понимают и т. д.

На это я ему посоветовал обратиться с заявлением в ЦК или ЦКК с просьбой назначить вполне авторитетную комиссию или незаинтересованного и компетентного члена ЦКК, с задачей – изучив все произведения или только основные, сделать вполне авторитетное заключение.

Брат обращался к члену ЦКК тов. Керженцеву, но результаты переговоров я, к сожалению, не помню, но смысл слов Керженцева – «Продолжайте Вашу работу и поддерживайте связь со мной».

Очень хорошо помню и искренне возмущался, когда брат мой характеризуя отношение к себе некоторых белорусских деятелей привел такой факт: – Некто Жилунович – зав. Госиздатом, заявил: «Пока я зав. Госиздатом, ни одного стиха Дубовко напечатано не будет».

Когда вопрос встал о снятии с редакторской работы в Совнаркоме СССР и он рассказал мне о методах этого снятия, я ему посоветовал обратиться к секретарю своей парторганизации и изложить ему суть дела.

Всех фактов, приведенных им в беседах я не помню, но должен сказать, что подобного рода отношение меня возмущало и вызывало всегда недоуменный вопрос – «Неужели возможны и допустимы такие факты», вместо поддержки, помощи, направления в правильное русло с пользой для нашего дела, творческой мысли талантливого человека, абсолютно не чуждого нашей стране, нашей советской общественности – голая травля и преследование вплоть до снятия с чисто технической работы, довольно плодотворной по отзывам учреждения.

Между прочим должен оговориться, что хотя и являюсь белорусом по происхождению, я языка белорусского не знаю, так как вся моя самостоятельная жизнь и работа с 15-тилетнего возраста протекала на территории РСФСР, – поэтому я сам лично ознакомиться с творчеством брата не мог, да кроме того стихов (по своей натуре) не люблю, поэтому каких-либо выводов делать или что-либо доказывать не собираюсь.

Допуская, что в своих стихах, поэмах брат сделал ту или иную ошибку никогда не могу согласиться с тем, чтобы он проповедовал что-либо контрреволюционное, направленное против мероприятий нашей партии и совласти.

Это мое глубокое внутреннее убеждение, потому что в беседах я уловил бы предубежденность, неприязнь его к совласти и политике партии.

Кроме того, брат происходит из действительно трудовой семьи, рос, учился на «медные гроши», так что «базы», которая необходима для развития из него чуждого нам человека — не было.

Кроме того, было бы странным даже такого рода положение, когда бы он один очутился «по ту сторону баррикад», против всей нашей семьи.

Я член партии большевиков, к которой пришел еще будучи юношей, но с сложившейся идеологией в 1918 году, младшие два брата комсомольцы.

Так что один против трех нас плюс старик отец, который кое-что нам помог бы.

Все это дает мне основание высказать предположение, что брат не контрреволюционер.

Считая его вполне преданным совласти и нашей партии, думаю что никогда на путь организационной борьбы против партии, против совласти, против диктатуры пролетариата он не становился и не встанет.

Вся кампания поднятая в белорусской печати против брата, его жалобы на это и на отношение к себе некоторых работников, заставляют меня высказать опасение, что как бы не случилось тут какой-либо ошибки.

Поэтому я и обращаюсь к Вам с этим письмом, прошу Вас, если это не затруднит, поставить меня в известность — в чем обвиняется мой брат.

Если эти обвинения обоснованы, этим самым вполне определяется мое отношение ко всему этому делу.

Члены «Узвышша» Слева направо, сидят: Язеп Пуща (Плащинский; 1902–1964) , Адам Бабареко (1899–1938), Владимир Дубовко, Кузьма Чёрный (Романовский; 1900–1944), Змитрок Бедуля (Плавник; 1886–1941), Кондрат Крапива (Атрахович; 1896–1991). Стоят: Максим Лужанин (Каратай; 1909–2001), Николай Дорожкин (1905–1993), Антон Адамович (1909–1998), Тодор Кляшторный (1903–1937), Владимир Жилка (1900–1933), Василь Шешелевич (1897–1941), Петр Глебка (1905–1969)

Я член партии большевиков и враги партии и Советской власти, диктатуры пролетариата – мои враги.

Никаким родственным чувствам и связям места нет и быть не может.

С коммприветом (подпись Вячеслава Дубовко)

Письмо послано:

1. 1-му секретарю ЦК КП(б)Б тов. Гею

2. Предсовнаркома БССР тов. Голодеду

3. Нач. ГПУ Белоруссии т. Раппопорту

4. Отв. секретарю ЦБ ячеек Военной Академии РККА

Адрес: Москва 34, Курсовой пер., д. № 1, кв. 5. Общежитие Военной Академии. (23–25).

Резолюция карандашом: «Т. Раппопорту, препровождаю письмо Вячеслава Дубовко по поводу ареста его брата. Как с ним обстоит дело?»

(подпись Голодеда)

17.X.1930 г.

ИЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПОКАЗАНИЙ ПРОФЕССОРА ПИОТУХОВИЧА

«По делу белорусских нацдемократов от 12.XII.30 г.

Дубовка. Ярко выраженный нац. демократ, представитель контрреволюционного буржуазного течения в белорусской поэзии.

В поэме «І пурпуровых ветразей узвівы» («Узвышша», 1929, № 2) Дубовка открыто высмеивает в лице «математика» коммунистическую партию, ее политику в области культурного строительства. Этой политике Дубовка в лице «лирика» противопоставляет нац. демократическую идеологию, национальный «самобытный» стиль, «философию» упадничества и т.д.

Другие его произведения «Крыху восені і жменька кляновых лістоў» («Узвышша», 1929, № 7), «Пярэсты букет» («Узвышша», 1929, № 1), «Кругі» (1927, № 5, 6) полны злобных выпадов против революционной действительности.

Несколько иллюстраций: Дубовка так, например, оценивает пролетарскую критику. Обращаясь к пролетарскому критику он говорит: «Павесься лепш на той вяроўцы сам, што мне віеш, вяровачных дзел майстар. Свой твор на бесстаронні суд аддам, на суд будаўнікоў энтузіястых» («Узвышша», 1929, № 7) (26).

На современность Дубовка смотрит глазами мещанина обывателя:

Такая маўклівасьць: ні песень, ні слоў,
Задумнасьць пагрозная, смутак...
Чаканае зьнікла, ці, можа, прыйшло
У барвовых вянкох пэрламутных?
Жыву, як бы Вам сказаць, па крысе:
і сьплю, і ем, пасьля хаджу на службу.
Здаецца, так жывем цяпер усе.
Шануючы Кампартыю і дружбу.
Чытаю кожны дзень газэты для навін,
Сачу за ворагам знадворным і нутраным,
Вітаю ў мастацтве фронт адзін.
І плян вытворчы друкаваны.
Іду дарогаю каля слупоў,
Каб ня ўхіліцца ўлева, ці управа

І так ішоў, і так сюды дайшоў
Вось асабістая мая ўся справа.
(«Узвышша». 1929, № 1, с. 50–51)

В этих и подобных им других стихах Дубовки чувствуется злостное хихиканье классового врага, который высмеивает и советскую печать, и культурное строительство, и борьбу с уклонами и т. д.

ПОКАЗАНИЯ ДУБОВКИ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА:

Происхожу из крестьян Виленской губернии, Вилейского уезда, Маньковичской волости, деревни Огородники, где родился и проживал до империалистической войны. У отца было шесть и три четверти десятин земли и соответствующие постройки. В молодости отцу оторвало (на заводе князя Друцкого-Любецкого) машиной кисть правой руки, но пенсии никакой он не получал, а работал. С 1916 г. вся наша семья вынуждена была покинуть деревню, так как возле нашей деревни установилась линия русско-немецкого фронта, которая простояла до конца войны.

Отец выехал в Москву, где устроился работать на железной дороге (теперь – белорусской), в 1 уч. службы пути. Вначале в качестве ремонтного рабочего, а затем рабочего при путевой кладовой, где он проработал вплоть до 1929 г. В этом году медицинская комиссия перевела его в группу инвалидов, он перешел на пенсию (30 р. в месяц) и живет в Москве.

В детстве я учился в сельской школе. Затем (в 1914 г.) поступил в Ново-Вилейскую учительскую семинарию, которая была эвакуирована в гор. Невель Витебской губ. Окончил учительскую семинарию в 1918 г. весной.

Во время учебы, на летних каникулах, работал в качестве ремонтного рабочего на железной дороге, так как у отца была большая семья и материальной поддержки я не получал. Работал на железной дороге и после окончания – до ноября 1918 г. В ноябре я получил назначение учителем начальной школы в Новосильский уезд Тульской губернии, где проработал до перехода в Красную армию, до 1920 г.

В красной армии служил в войсках связи, занимая последовательно должности телеграфного рабочего, переписчика канцелярии, а затем делопроизводителя по строевой и технической части. По этой же должности был демобилизован в сентябре 1921 г. по приказу РВС (27), в ней же состою на военном учете.

В 1921 г. поступил на работу в Наркомпрос РСФСР, в Москве, где занимал последовательно должности: школьного инструктора Главсоцвоса (28), секретаря Белорусского Бюро Наркомпроса РСФСР, методиста этого же бюро. В 1923 г. перешел на работу в Постоянное Представительство Белорусской ССР при правительстве Союза ССР в качестве ответственного секретаря. Одновременно работал лектором Коммунистического Университета Народов Запада (29).

В 1921 г. поступил учиться в Высший Литературно-Художественный Институт имени В. Я. Брюсова, который окончил в начале 1925 г.

В институте вступил в комсомол (в начале 1922 г.), в котором состоял до конца 1926 г., из которого выбыл механически, по переросту.

После окончания института, по затребованию ЦК КП(б)Б (состоял как комсомолец на учете в учраспреде ЦК) (30) был откомандирован в Минск, в распоряжение ЦК ЛКСМБ. Здесь был назначен редактором вновь открытого пионерского журнала «Беларускі піянер» (31). В марте 1925 г. был избран ответственным секретарем литературного объединения «Молодняк», одновременно состоял редактором журнала того же имени (№№ 6 и 7). Осенью 1925 г. Наркомпрос выделил меня для преподавательской работы в Сельскохозяйственную Академию, но я попросил отпустить меня

в Москву, где жила все время моя семья и где я смог бы углубить свое образование. Моя просьба была удовлетворена, я переехал в Москву. В это время в Москве была вакантная должность редактора белорусского текста Собрания Законов Союза ССР. Я был назначен на эту должность по рекомендации СНК БССР, где и работал все эти годы, вплоть до дня ареста, т. е. до 20 июля 1930 года.

Подавал заявление о вступлении в Компартию в 1926 г., рекомендованный для этого ячейкой комсомола еще в 1925 г., но в связи с переездами дело не рассматривалось. В 1927–29 гг. был период ожесточенных нападков на меня в печати, главным образом со стороны представителей нацдемов. В этом периоде я не подавал заявления. Подал вторичное заявление в начале 1930 г.

В печати мои произведения начали появляться начиная с 1922 г., писал на белорусском языке. В этом же году мной был подготовлен первый сборник моих стихов, под названием «Строма» (что значит – «поток»). Этот сборник я переслал по почте революционному журналу (вернее еженедельной газете) «Наша Будучына», впоследствии закрытому польскими властями.

Сборник был отпечатан и затем поступил в продажу и на территории БССР.

Последовательно после этого, мною были изданы следующие небольшие сборники: а) «Там, дзе кіпарысы» – поэма, в 1925 г., в издании «Молодняка»; б) «Трысьце» – в 1925 г., в издании Белгиза; в) «Кредо» – в 1926 г., в издании «Молодняка» и г) «Наля» – в издании Центроиздата в 1927 г.

В журнале «Узвышша» были опубликованы поэмы «Кругі», «І пурпуровых ветразей узвівы», «Урачыстая дата» (к Х-летию существования БССР) и др. мелкие стихи. В издании «Звезды» в 1929 г. опубликован гимн к 9-й годовщине освобождения БССР от белопольской оккупации. В журнале «Молодняк» за 1925 г. начало, а в журнале «Узвышша» целиком – поэма «Браніслава».

В 1929 г. мною подготовлен к печати и отдан Белгизу сборник «Дэпешы без адрасу», куда вошли просмотренные мною произведения из прежних сборников, а также неопубликованные еще в сборниках, но печатавшиеся в журнале.

В 1929 г., осенью, я сдал редакции журнала «Узвышша» новую поэму «Штурмуйце будучыні аванпосты», а весной 1930 года – вторую часть поэмы «І пурпуровых ветразей узвівы». Все эти три последние работы – не опубликованы .

Кроме стихов мною опубликовано несколько статей, главным образом по вопросам белорусского литературного языка и реформы белорусского алфавита.

Не связанный в прошлом с белорусским революционно-культурным движением (ни в нашенивском движении, ни в последующих я никакого участия не принимал, так как жил все время на территории РСФСР и никого из белорусских деятелей не знал), я шел в литературе своеобразным путем, что нашло отражение в моих произведениях. Самую Беларусь я воспринимал не как самоцель, а как путь к интернациональному. Эта мысль,– вернее положение была зафиксирована в одном из моих самых ранних произведений в таком виде. Я воспринимаю тебя, Белоруссия, потому, что:

...Тваім шляхам прыду ў шырокі сьвет,
Паміж людзей, народаў разьліюся
Як ветраў сьлед у збожжавай красе...

В дальнейшем это положение я стремился проводить и проводил во всех своих произведениях и работах. К числу таких произведений можно причислить большинство моих ранее опубликованных работ (например, «Студент», «Лісты кляновыя», «Грахі чубатыя» из сборника «Трысьце», отдельные стихотворения из других сборников).

В дальнейшем, в 1925 г., это положение откликнулось в другом моем лирическом стихотворении, которое звучит следующим образом:

О, Беларусь, мая шыпшына,*
зялёны ліст, чырвоны цьвет!
У ветры дзікім не загінеш,
Чарнобылем не зарасьцеш.
Пялёсткамі тваімі стану,
на дзіды сэрца накалю.
Тваіх вачэй, пад колер сталі,
праменьне яснае люблю.
Ніколі пройме з дзікім ветрам
не разьвіваць дзявочых кос.
Імкнешся да Камуны Сьвету
каб радасьць красавала скрозь.
Варожасьць шляху не зачыніць:
у перашкодах дух расьце.
О, Беларусь, мая шыпшына,
зялёны ліст, чырвоны цьвет!

Я не говорю уже о таких произведениях, где самой темой служила наша борьба за социализм, за лучшую жизнь трудящихся. Образцом может служить хотя бы стихотворение из сборника «Наля»:

Мы ўсе ў большасьці ранэты,
Песьняй шлях надоўга хіба вытчаш?
Закрасуе ў Камуне Сьвету
Песьня хэміі каталітычнай.

Или же стихотворение «Лятуценьнем прахаджу над краем». Да и другие в том же сборнике.

Эта тема привлекла мое внимание еще не раз вплоть до 1927 года. В конце 1925 г. она наиболее полно выявилась в моем цикле стихов «Наля». Там был поставлен вопрос и о батьковщине, и о шовинизме и пр., например:

Скажы ты, Наля, беларусам там,
Што я без бацькаўшчыны гадаваўся.
Сусьвет гатоў пацалаваць, абняць,
Каб не рабіў ён катавасій.
Над працай каб прымусу ня было,
Каб жыў працоўны там, дзе вокам кіне.
На ўзбрэжжа акіяна ад балот
Ішоў з краіны ў краіну.

Или же заключительное стихотворение, где полностью развернута моя установка.

Яно надыходзіць –
Прадвесьня відаць –
Камуны

* Шыпшына – шиповник.

Народаў
Сусьвету.
Жыцьцё за яго я гатоў усё аддаць,
Як дам у гэты час за Саветы.
Каб толькі хутчэй зруйнаваць той падзел:
дзяржаўны і не дзяржаўны.
Тады шавіністаў ня будзе нідзе
І крыўды загояцца раны.

К этому надо добавить, что я во всей своей деятельности, а позже в литературном объединении «Узвышша» стремился к пропагандированию идеи сближения трудящихся СССР и практически работал в этом направлении.

Примером может служить практика журнала «Узвышша», который начал с первого же номера давать переводы произведений братских по Союзу ССР культур, давать статьи об этих культурах. В частности, по вопросу т. н. ориентации на запад у меня было всегда отрицательное мнение, что выразилось как в поэме «Кругі» («Шмат гадоў паветра п'ю маскоўскае, маладосьць кунешана Масквой»), в статье «Лацінка ці кірыліца» и др.

Наиболее яркое отображение нашло это в моем проекте букв «дз» и «дж», разработанном мною в противовес академическим сербским «крыжыкам», принятым на Академической конференции. Букву для «дз» я разработал на основе армянской и грузинской «дз», букву «дж» — тоже, но положил в основу рисунка серп и молот.

Вполне естественно, что за восемь лет своей литературной деятельности я допускал в отдельных произведениях те или иные ошибки идеологического порядка, не нарушавшие, правда, моей основной пролетарской линии, но могущие послужить для кривотолков разных брюхопоклонников, врагов пролетарской культуры. Подобные ошибки злая воля всегда видит в преувеличенном виде, из-за всяких низменных побуждений раздувает их. Я старался исправлять такие ошибки писанием новых произведений, где более четко ставил затронутые вопросы. Так, когда и отдельные критики (типа Байкова – Жилуновича – Глыбоцкого) начали в 1926–28 гг. перевирать мое отношение к БССР, я дал в 1928 г. цикл стихов «Урачыстая дата», в котором с предельной ясностью поставил вопрос и дал на него ответ. Так, по вопросу создания БССР, в противовес нацдемовским теориям, я дал такие строки:

Нарада думных камунараў
Сказала: «Хай апошні бой
Праз беларускія абшары
Вызвольчай коціцца ракой.
Паўстань з абразы і пакуты
Абрабаваная зямля.
Разбураць кайданы і путы
Сыны Чырвонага Крамля.
Табе мы шчыра дапаможам,
Ты будзеш вольная, як мы.
Краіна выйдзе пераможна
З абоймаў лютае зімы.
І вось рэспублікі Саветаў
Так нараджэньне адбыло.
І так на мапу ўсяго сьвету

Змаганьне край наш узьвяло.
За руйнаваньнем красаваньне
Найпрыгажэйшае ідзе.
«Настала ўнукаў панаваньне
Там, дзе учора плакаў дзед».

Вообще весь этот цикл стихотворений является самым ярким документом, характеризующим мое отношение к нацдемам – отношение вполне отрицательное.

Примером ошибок моих может служить стихотворение «К 9-летию освобождения БССР от белополяков» /«Ліпнёвы гімн» – *Авт.*/, о котором я уже упоминал и которое было издано «Звездой» (с нотами). Стихотворение, вернее самый гимн, заканчивается словами:

Мы аб'яднаем ля нашых штандараў
Сілу ўсю беларускіх абшараў.

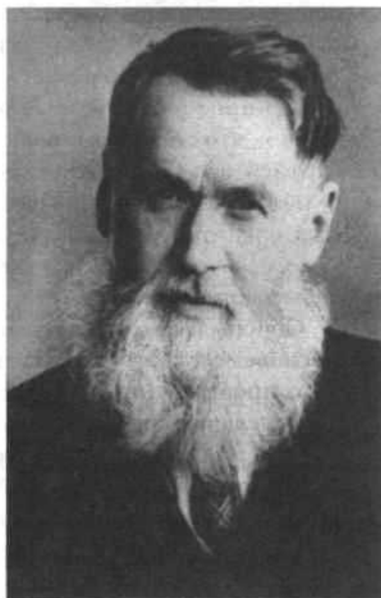
Правда, по ходу всего произведения мысль вполне ясна, что речь идет именно об объединении белорусской этнографической территории в пределах Советского Союза, но для гимна не вполне ясно выражена. Ввиду этого, я исправил эти строки следующим образом:

Злучым ля нашых чырвоных штандараў
Сілу ўсю беларускіх абшараў.

Подобным же образом, вполне оправданным, я редактировал свои произведения в сборнике «Дэпешы бяз адрасу».

К величайшему своему огорчению, я никогда не встречал в печати со стороны нашей критики указаний – на подобные вышеуказанной – реальные ошибки. Вместо этого критика брала мои революционные произведения и начинала их шельмовать самым беззастенчивым образом. Довольно вспомнить, что стихотворение «Памяти расстрелянного белополяками повстанца Янки Глушки», которое было несколько раз напечатано в наших изданиях, один критик на страницах «Молодняка» истолковал, как направленное против... Советской власти. Этого он достиг выхватив несколько строчек, подав с соответствующим «критическим» гарниром.

Это же сделано и делается теперь, насколько я могу судить по доходящим до меня газетам, в отношении моих лучших произведений «І пурпуровых ветразей узьвівы» и «Штурмуйце будучыні аванпосты». Первая объявлена «направленной против Компартии вообще, вторая «против коллективизации», «против политики партии в области сельского хозяйства». Даже, казалось бы, прочесть внимательно нет времени у моих критиков эти произведения, потому что некоторые и заглавия правильного не знают (заметка в «Литгазете» за январь). Поскольку из этих статеек выглядывают обвинения меня чуть ли не в контрреволюции, я несколько подробнее остановлюсь на поэмах, о которых уже упоминал.

Вл. Дубовко после реабилитации

Я – человек не каменный. Я никогда не претендовал на 100 % идеологическую выдержанность. Уже заявлял, что в моих стихах раннего периода можно найти отдельные, малозначительные, невольные ошибки. При желании можно их истолковать разным образом. Но нельзя, невозможно представить всю мою деятельность, как деятельность, враждебную Соввласти, политике партии. Только какой-то хворью можно объяснить подобные попытки.

Работая над стихами, пересматривая свои творческие установки, что выразилось в поэме «Кругі», в письме «Нарўтавічанкі» /оно содержится в поэме «Кругі» – *Авт.*/ я столкнулся, как говорится, лбом с вопросом о взаимоотношении формы и содержания. Очень много людей повторяло формулу тов. Сталина – «национальная по форме и пролетарская по содержанию». Но я не слыхал ни от одного человека о том, где грань между этим пролетарским содержанием и национальной формой, где правильный путь для гармонического сочетания этих двух элементов.

Мои сомнения, мои думы, мои предположения я изложил в поэтической форме, в виде диалога двух героев – Чувства и Разума. Мое, Владимира Дубовки, чувство вступило в конфликт с моим, Владимира Дубовки, разумом. В результате диалог, в результате поэма «І пурпуровых ветразей узьвівы». Если дать просмотреть все мои черновые рукописи, даже часть чистовых, можно увидеть, что эти герои так и назывались: Пачуцьцё и Развага. Только впоследствии я заменил их на «Лірык» и «Матэматык» по тем соображениям, чтобы больше конкретизировать свою мысль. Короче говоря, я представил на суд общественности все свои сомнения, свою внутреннюю борьбу.

Некоторые критики начали писать, что под математиком надо понимать... Компартию, под лириком... Дубовку. С тем же успехом эти критики могут поставить в графу и Коминтерн, и имена вождей пролетариата. Я никогда не соглашался и не соглашусь с такими произвольными толкованиями, протестовал в печати (письмо опубликовано в «Звезде» в апреле 1929 г.). Кроме этого, в 1930 г. я закончил вторую часть этой поэмы, к сожалению, не опубликованной до сих пор, которая положила бы конец всяким абсурдным расшифровкам.

Подобная же судьба постигла вторую мою поэму «Штурмуйце будучыні аванпосты». Эта поэма направлена в защиту коллективизации. Свои личные взгляды на данный вопрос я изложил в специальном предисловии. И вот читаю теперь с изумлением, что опять два героя – Кондуктор и Пассажир – отождествляются один с Компартией, а второй уже не с Дубовкой, а с «белорусским народом». Читаю дальше, что ее объясняют, как направленную против коллективизации («Литгазета» за январь). Повторяю опять – я всегда целиком и полностью разделял все положения, направленные к расширению коллективизации. Это же отобразил и в поэме. Никакой строчкой нельзя доказать обратного.

Обобщая все относительно своей литературной деятельности, я заявляю, что она в основе всегда отображала твердую пролетарскую линию, начиная от самых ранних моих произведений до последних.

Отдельные срывы, отдельные идеологические ошибки мною всегда исправлялись на ходу, в следующих произведениях. Во всяком случае, ошибки и указанные срывы с избытком покрывались всей остальной массой художественных произведений. В частности, вопрос об ориентации на Польшу, который поднимается в печати, относительно моего творчества может быть разрешен и опровергнут тем, что буквально не менее трех четвертей моих произведений прямо или косвенно направлены против белопольской Польши (целиком, например, поэмы «Плач навальніцы», «Лісты кляновыя» и «Студэнт» и т. п.).

С белорусским культурно-революционным движением до революции я не был знаком вообще. Никаких деятелей белорусского движения за тот период не знал. В период революции жил все время на территории РСФСР. С отдельными работниками белорусами начал знакомиться главным образом начиная с 1922 г., когда работал в Наркомпросе РСФСР, а затем по должности секретаря Белорусского Полпредства в Москве. В основном, все это были работники различных наркоматов, партийцы, с которыми я сталкивался по службе.

После окончания Литературного института, когда я в 1925 году переехал на несколько месяцев в Минск, я познакомился лично с работниками литературы, культуры (по Институту Белорусской Культуры). В этом периоде «Молодняк», ответственным секретарем которого я состоял, вел борьбу против так называемых «стариков», т. е. представителей нашенивского движения. Об этом имеются материалы в Бюллетене ЦБ «Молодняка» за 1925 г. Это же обстоятельство вызвало определенный холодок и настороженность в отношении меня со стороны стариков. Во всяком случае, никакой дружбы ни с кем из них я не водил. Больше того, никогда за все время не бывал и на так называемых «банкетах», которые устраивались в Минске в то время.

При встречах со «старыми» я здоровался, иногда обменивался парой слов – и все. После же того, когда я начал проводить более твердую линию против нашенивцев, мое имя стало чрезвычайно неприятным для них. Наиболее полно и ясно об этом написано в исследовании академика Жилуновича под названием «Нізіны і Узгоркі», где я выставлен, как какой-то поругатель «национальных кумиров» (собраны мои выступления за период до 1929 года). Статья эта напечатана трижды (в газете «Савецкая Беларусь», в журнале «Полымя» и в юбилейном сборнике Ц. Гартного) /в 1927–28 гг. – *Авт.*/. Иными словами говоря, в этой статье З. Жилунович доказывает, что я враг национал-демократов. Более убедительного материала в свою защиту я привести не могу.

Сборник стихов «Пялёсткі» (1973 г.)

Но дальше. Из этой линии, направленной против меня, были сделаны и соответствующие «оргвыводы». Мне передавали, что после появления в «Узвышша» статей, в которых объективно разбирались произведения Ц. Гартного (З. Жилуновича) и доказывалась их антипролетарскость, Жилунович заявил: «Пока я живу на свете, ни одна строчка из дубовковых произведений не будет напечатана в Белгосиздате». Я сам не слыхал этих слов, но убедился в их силе хотя бы потому, что за период 1925–30 г. действительно ни одна строчка моя не была напечатана там.

Что касается моего отношения к старым деятелям, нацдемам, и вообще, то оно не было личным, не носило характера личной вражды. Некоторых я вовсе не знал, с некоторыми был знаком, как говорится, шапочным знакомством, но это не мешало мне проводить принципиальную линию борьбы против их идеологии.

Примерами могут быть и такие, более значительные, факты.

На Академической конференции 1926 г., на которую я приехал из Москвы в последние дни, ставились доклады о литературе. Я выступал против докладчиков в под-

комиссии (поскольку прения на пленуме не были допущены), требовал признания докладов неудовлетворительными. Когда это не помогло, я голосовал против резолюции. Это отмечено и в изданных типографским способом «Трудах Конференции», где указано, что резолюция принята единогласно, «за исключением одного Дубовки, голосовавшего против» и т. п.

Когда на конференции были утверждены для введения в белорусский алфавит для звуков «дз», «дж» сербские буквы з «крыжыками», я начал в противовес разрабатывать новый проект, который и опубликовал в 1928 г., положив в основу его интернациональные признаки. Проект, а в дальнейшем опытное осуществление его на страницах «Узвышша» встретил явно враждебное отношение со стороны нацдемов, выразившееся хотя бы в статье проф. Бузука (32), опубликованной в «Молодняке». Не смогши разбить проект, профессор этот прибег к самой гнусной передержке, обвиняя в то же время меня в «самотужности».

Как известно, в дальнейшем под влиянием нацдемовских протестов эти буквы и дальнейшие, предложенные мной для удлиненных согласных, были просто запрещены к употреблению Главлитом. И это несмотря на то, что по опубликованным мною данным, проведение в жизнь моих проектов дало бы два процента экономии на всех без исключения издательских расходах, включая и бумагу.

Поскольку вопрос о «латинизации» белорусского алфавита связывался с некоторыми ориентациями на Запад, я опубликовал в 1929 году статью «Лацінка і кірыліца», в которой ударил по таким настроениям и доказал, что предложенная «латинизация» является ненужной и нецелесообразной, так как употреблявшийся в белорусской практике «латинский» алфавит является неудовлетворительным. Я предлагал оставить в пользовании имеющийся алфавит, изменив его только в отношении «сложных» звуков, а одновременно приступить к созданию подлинно интернационального алфавита для всех народов Союза. После опубликования этой статьи я беседовал с некоторыми ответственными работниками БССР (в частности, с тт. А. Ульяновым и Василевичем о необходимости организации в Минске специальной комиссии по составлению интернационального алфавита, но из этого ничего не получилось.

Не могу не упомянуть и о своей борьбе с нацдемовскими тенденциями на языковедческом фронте. Уже в статьях о реформе алфавита я начал пропагандировать яфетическую теорию акад. Н. Я. Марра. В дальнейшем был такой случай. В Белоруссии начали издаваться словари Байкова и Некрашевича. Когда появился их «белорусско-русский словарь», в «Узвышша» была помещена статья, направленная против этого словаря. Но она не имела никакого успеха, так как через год-два эти же авторы (по принципу «А Васька слушает да ест») выпустили новый русско-белорусский словарь. Прочитав внимательно этот словарь, я пришел к выводу, что рецензией в газете тут ничего не сделаешь. Отметив все основные недостатки этого словаря, я подал специальный доклад в ЦКК ВКП(б) (доклад подписан мною и работавшим со мной переводчиком тов. Бахарет). Насколько мне известно, доклад этот помог советской общественности разобраться в этом вредном издании.

В заключение, об отношении ко мне со стороны нацдемов чрезвычайно красноречивым является и следующий факт. Неоднократно ставился вопрос о моем переезде для работы в Минск. Ставили этот вопрос тт. Кнорин, Гамарник и Голодед. Но когда заходил разговор о должности для меня в Академии наук, таковой никогда не оказывалось...

Об этих отношениях было известно некоторым руководящим партийным работникам.

В заключение заявляю. Никогда ни в каких антисоветских партиях или группировках я не состоял и не состою.

Как в своей литературной, так и общественной деятельности проводил твердую пролетарскую линию.

Отдельные малозначительные промахи или идеологические ошибки в моих литературных произведениях не являлись умышленными, исправлялись мной на ходу в очередных произведениях.

Ни в прямой, ни в косвенной связи с группой нацдемов я никогда не состоял.

В. Дубовко

3.11.31 г.

В ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ НКВД СОЮЗА ССР
административно-высланного в г. Чебоксары
Чувашской ССР Дубовка Владимира Николаевича

Заявление о пересмотре решения
(решение от 14 июля 1935 г.)

20 июля 1930 г. я был арестован по распоряжению ОГПУ СССР, а затем после 11 месяцев предварительного заключения выслан на пять лет в г. Яранск. 23 июня 1934 г. я был переброшен в с. Михайловское Яранского р-на, затем в с. Шешургу того же р-на, а оттуда в ноябре 1934 г. переброшен в г. Чебоксары, где нахожусь и в настоящее время. 20 июля 1935 г. истекал срок моей высылки, но 31 июля мне объявлено Ваше постановление от 14 июля 1935 г. о продлении мне срока высылки еще на два года. Я прошу Вас пересмотреть Ваше последнее решение по следующим основаниям:

Сборник «О Беларусь, мая шыпшына» (издание 2002 г.)

По социальному происхождению я сын рабочего. Начиная с детства вел трудовую жизнь. За период с Октябрьской революции работал в Советских учреждениях. Никаким взысканиям не подвергался. Был в Красной Армии. До 1927 г. состоял членом ВЛКСМ, выбыл механически, за переростом. Последняя занимаемая до ареста должность – ответственный редактор белорусского текста Собрания Законов Союза ССР. По этой последней деятельности также никаких замечаний не имел, а наоборот, за несколько дней до ареста был рекомендован Управлением делами СНК Союза ССР в качестве кандидата в аспиранты Академии наук Союза ССР. Таким образом, я не могу даже допустить мысли о том, чтобы причиной определенного мне Вами наказания послужила моя служебная работа.

Из тех вопросов, которые мне ставились следователями на допросах, я имею основание предполагать, что в какой-то степени на мою печальную судьбу повлияла моя работа в качестве белорусского писателя (бывшего, добавлю в скобках, ибо я теперь за эти годы ничего не писал и вряд ли подымется у меня на это рука и в дальнейшем, т. к. я потерял всякий аппетит к этой работе).

Эти свои соображения я излагал следователям, но поскольку они не были записаны, – сомневаюсь, чтобы они были доведены до Вашего сведения, почему повторяю их вкратце опять.

Я не отрицал тогда и не отрицаю теперь, что в отдельных своих произведениях мог допустить отдельные промахи или ошибки, которые стремился исправить в своих очередных литературных произведениях.

Нападки на меня групповой критики я не мог принять за чистую монету, т. к. и жизнь показала, что эта групповая критика ошибалась и сама, а впоследствии была осуждена решениями ЦК ВКП(б) – (постановление о РАПП и о политике в художественной литературе). Наиболее резким нападкам подвергались мои следующие статьи:

а) об использовании для творческой работы народного творчества, а не о преклонении перед ним (в журнале «Узвышша»), о чем впоследствии говорилось на Всесоюзном съезде писателей.

б) о проведении конкурсов в селах и районах для выделения творчески одаренных личностей, с целью дальнейшего их совершенствования (литературное приложение «Чырвоны Сейбит» за 1926 г.), что впоследствии подтвердилось в организации конкурсов юных дарований.

в) о недопустимости увлечения латинским алфавитом не только в Белоруссии, но и в других братских советских республиках, т. к. этот алфавит не может служить идеалом, а должен быть выработан подлинный интернациональный алфавит (в журнале «Узвышша», 1929 г.), что в 1934 г. нашло подтверждение на страницах журнала «Большевик».

Ни в какие политические группировки не входил, а наоборот насколько мог, проводил борьбу с белорусским нацдемократизмом, что подтверждается следующими наиболее значительными фактами:

а) В 1926 г. принимал участие в работах пресловутой белорусской академической конференции. Я единственный участник голосовал против решений этой конференции, что зафиксировано в ее печатном отчете (...резолюция принята единогласно, за исключением одного Дубовки, голосовавшего «против»).

б) Специальным письменным докладом на имя ЦКК ВКП(б) я обратил внимание ЦКК на большой политический вред и антинаучность изданного словаря Байкова и Некрашевича, который после этого был изъят из обращения.

4. Обо всем этом я говорю исключительно для того, чтобы показать, что в силу возможного я стремился быть активным участником социалистического строительства. Если я ошибался, быть может, или если я действительно совершил какие-либо ошибки, хотя мне о них конкретно ничего не было объявлено на следствии, то полученные и отбытые мною пять лет высылки послужили для меня хорошей наукой для будущего. За время высылки, что Вам очевидно известно, я не щадя своих сил продолжал работать на пользу своей социалистической родины.

Не чувствую за собой никаких проступков за время высылки, полагая, что если Вами были усмотрены мои промахи в литературном творчестве за период до ареста – я достаточно за них наказан, – прошу Вас пересмотреть свое решение от 14 июля 1935 г. и освободить меня от новой высылки. В том случае, если Ваше новое решение основано на соображении изолировать меня от бел. литературы, то я еще раз подтверждаю, что ехать в БССР и принимать какое бы то ни было участие в ее литературной жизни я не собирался и не собираюсь.

г. Чебоксары ЧАССР
ул. Герцена, д. № 25
Владимир Дубовко

Дело № 55-V-34
Секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума Верховного Суда Чувашской АССР
гор. Чебоксары, 25 мая 1956 г.

Президиум Верховного Суда Чувашской АССР в составе: председательствующего Шестипалова, членов: Павловой, Васильева и Сергеевой, с участием и. о. прокурора Чувашской АССР Римской рассмотрел уголовное дело по обвинению гр. Дубовко Владимира Николаевича и Савич Игнатия Николаевича по протесту зам. генерального прокурора СССР Салина по докладу Павловой.

Постановлением спецтройки при НКВД Чувашской АССР от 16 ноября 1937 года осужденных к десяти (10) годам лишения свободы:

ДУБОВКО Владимир Николаевич, рождения 1900 года, уроженец деревни Огородники, Вилейского района, БССР, быв. член ВЛКСМ, по национальности белорус, с высшим образованием – окончил лит.-худ. институт, до ареста проживал в г. Чебоксарах, работал секретарем ведомственного арбитража Чувашсоюза;

САВИЧ Игнатий Николаевич, рождения 1899 года, уроженец села Корча, Игуменского района, БССР, по национальности белорус, с высшим образованием, по профессии журналист, до ареста проживал в гор. Чебоксарах, работал электриком гаража Чувашсоюза.

Рассмотрев протест зам. Генерального прокурора СССР Салина, в котором ставится вопрос об отмене постановления спецтройки при НКВД Чувашской АССР от 16 ноября 1937 года в отношении Дубовко и Савича и прекращении дела производством, заслушав заключение и. о. прокурора Чувашской АССР Римской, полагавшей протест удовлетворить и, проверив материалы дела, Президиум Верховного Суда Чувашской АССР

Установил:

Дубовко и Савич осуждены за то, что они, находясь в административной ссылке в гор. Чебоксарах, в 1935–1936 годах проводили среди окружавших их лиц антисоветскую агитацию. Распространяли клевету на партию и Советскую власть, восхваляли фашистский строй в Германии.

Протест зам. Генерального прокурора подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

В основу обвинения Дубовко и Савича в антисоветской агитации положены показания свидетеля Енгибарьяна, который на допросе 15 сентября 1937 года показал, что Савич и Дубовко и осужденные по этому делу Каравайчик и Мамчиц были тесно связаны между собой, посещали друг друга часто и вели антисоветские разговоры. Однако эти показания носят общий неконкретный характер и в силу этого не могут служить доказательством вины осужденных.

Остальные свидетели, допрошенные по делу: Лебедева, Эльбидин и Наумов не дали показаний, уличающих осужденных Дубовко и Савич в антисоветской агитации.

Т. о. Дубовко и Савич по данному делу осуждены не основательно.

По изложенным основаниям Президиум Верховного Суда Чувашской АССР

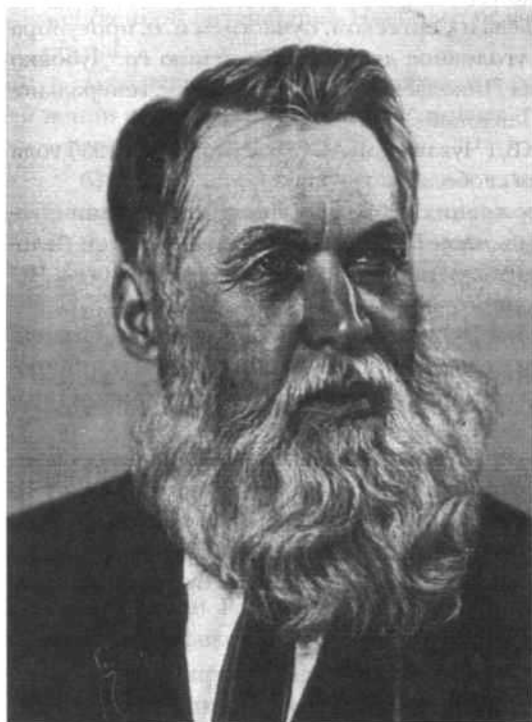
Постановил

Постановление спецтройки при НКВД Чувашской АССР от 16 ноября 1937 года в отношении Дубовко Владимира Николаевича и Савича Игнатия Николаевича отменить и дело производством прекратить за недоказанностью предъявленного обвинения.

Председательствующий (подпись) П. ШЕСТИПАЛОВ

В ПРОКУРАТУРУ СОЮЗА ССР
Гр-на ДУБОВКО Владимира Николаевича
(Красноярский край, Абаканский район,
раб. пос. Почет)

ЗАЯВЛЕНИЕ

Вл. Дубовко в конце жизни

В августе месяце сего года я получил прилагаемую в копии справку Верховного Суда ЧАССР, из коей видно, что своим постановлением от 25 мая 1956 г. Верховный Суд ЧАССР отменил постановление спецтройки НКВД ЧАССР от 16 ноября 1937 года, по которому я был осужден к заключению в ИТлагерях сроком на 10 лет. По отбытии наказания я уехал в Грузию, где 16 февраля 1949 г. был вновь арестован и постановлением Особого Сов. МГБ СССР от апреля 1949 года выслан в Красноярский край по мотивам того, что я был ранее судим.

Поскольку отпало основание для такой ссылки, я вновь прошу Вас поставить вопрос об отмене решений Особых Совещаний при ОГПУ СССР (1931 г.), при НКВД СССР (1935 г.) и при МГБ СССР (1949 г.), о чем подробно я просил в своем заявлении от 3.01. 1955 г. бывшем на Вашем рассмотрении 10 мая сего года (Ваш № 13/9-430991).

Убедительно прошу Вас дело рассмотрением не задерживать, так как эта недоконченность морально тяготит, тем более, что по состоянию здоровья я являюсь инвалидом.

Приложение: Справка (копия) Верховного Суда ЧАССР.

Вл. Дубовко

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Ягода Генрих (Негуда Гирш; 1891–1938) – один из организаторов массового террора и геноцида в СССР. С 1920 на руководящей работе в ВЧК – ГПУ – НКВД. В 1934–37 нарком внутренних дел СССР. Арестован в 1937, казнен в марте 1938. Не реабилитирован.

(2) Дударь Алесь (наст. Дайлидович; 1904–1937) – беларуский поэт, критик, переводчик. В 1927–28 редактор журнала «Маладняк». В 1928 выслан органами ГПУ в Смоленск за стихотворение «Пасеклі наш край папалам». Арестован 22.07.1930 в Смоленске по делу СВБ, но в январе 1931 освобожден. Снова арестован 31.10.1936, а 28.10.1937 приговорен к смертной казни. Реабилитирован ВС БССР 21.09.1957.

(3) Балицкий Антон (1891–1937) – заместитель наркома просвещения БССР в 1922–26, нарком просвещения в 1926–29. Один из активных проводников политики беларусизации. Арестован 3.09.1930 и 18.03.1931 постановлением коллегии ОГПУ приговорен

к 10 годам лагерей. Военной коллегией Верховного суда СССР 30.10.1937 приговорен к смертной казни. Реабилитирован 25.03.1958 и 14.06.1988.

(4) Прищепов Дмитрий (1896–1940) – в 1924–29 нарком земледелия БССР. В сентябре 1929 исключен из компартии «за систематическое искажение классовой линии в руководстве земельными органами», а 19.07.1930 арестован. В марте 1931 осужден на 10 лет лагерей. В конце июня 1937 освобожден в Магадане, но 13 июня снова арестован. В январе 1939 по этапу доставлен в Минск и 20.11.1939 приговорен к смертной казни. Но был болен туберкулезом и скончался в тюремной больнице 31.01.1940. Реабилитирован 11.03.1958 и 14.06.1988.

(5) Адамович Александр (1900–1937) – в 1928–29 зам. наркома земледелия БССР. Арестован 18.07.1930 по делу СВБ и 18.03.1931 приговорен к 10 годам лагерей. Постановлением «тройки» НКВД Карельской АССР от 9.09.1937 приговорен к смертной казни. Реабилитирован 13–19 ноября 1957 и 14.06.1988.

(6) Ильюченок Петр (1891–1945) – в 1923 и 1926 находился на подпольной партработе в Западной Беларуси. В 1925–26 сотрудник постпредства СССР в Варшаве. Арестован 17.02.1930 и 18.03.1931 приговорен к 10 годам лагерей. Снова арестован 16.11.1937 и 16.11. «тройкой» УНКВД Свердловской области осужден на 5 лет. Освобожден 4.10.1942, но вскоре опять арестован и осужден на 10 лет лагерей. Умер 27.06.1945 в Тайшетском лагере. Реабилитирован 14.06.1988.

(7) Ластовский Вацлав (1883–1938) – выдающийся беларуский историк, литературовед, публицист, автор школьных учебников, политический деятель. Академик АН БССР. Арестован 21.07.1930 по делу СВБ и 10.04.1931 приговорен к 5 годам ссылки в Саратов. 20.08.1937 арестован УНКВД Саратовской области, казнен 23.01.1938. Реабилитирован 16.09.1958 и 10.06.1988.

(8) «Крывіч» – журнал, который Вацлав Ластовский издавал в Ковно (Каунасе) в 1923–27 гг. Вышли 12 номеров.

(9) Академическая конференция по реформе беларуского правописания и азбуки состоялась 14–21 ноября 1926 г. в Инбелкульте (Минск).

(10) Жилунович Дмитрий (псевдоним Цішка Гартны; 1887–1937) – литератор и политический деятель, национал-коммунист. Был редактором газеты «Советская Беларусь», журнала «Полымя», директором Госиздата БССР. Арестован 15.10.1936 как «активный участник контрреволюционной фашистской организации». Находясь под следствием, 11.04.1937 покончил с собой в Могилевской психбольнице. Реабилитирован 19.12.1954.

(11) Кореневский Иосиф (1887–1937) – в 1929–37 ректор БГУ, затем несколько месяцев зам. директора Института красной профессуры в Москве. Арестован 15.07.1937 в Москве, казнен 29.10.1937 в Минске. Реабилитирован 6.10.1957.

(12) Езовитов Константин (1893–1946) – видный деятель правительства БНР в 1919–20. В 1921–44 жил в Латвии, занимался культурно-просветительской работой. Арестован контрразведкой СМЕРШ 26.04.1945 на территории Германии. Умер в мае 1946 в тюремной больнице «от туберкулеза легких и дистрофии 3-й степени».

(13) Красковский Иван (1880–1955) – в 1922–25 директор беларуской гимназии в Двинске (Даугавпилсе). С лета 1925 доцент БГУ и член Президиума Госплана БССР. С января 1930 сотрудник Госплана СССР. Арестован в Москве 8.07.1930 и постановлением коллегии ОГПУ от 10.04.1931 сослан на 5 лет в Самару. Вторично арестован 4.11.1937, но 19.03.1940 освобожден. Умер в Братиславе (ЧССР). Реабилитирован 10.06.1988.

(14) Тремпович Павел (1888–1956) – врач, зав. кафедрой оперативной хирургии БГУ. Арестован 9.07.1930 и постановлением коллегии ОГПУ от 10.04.1931 выслан на 5 лет в Астрахань. В 1945–50 работал хирургом в Могилёве-Подольском и в Киеве. Реабилитирован 10.06.1988.

(15) Медёлко Павлина (1893–1974) – была учительницей в 1914–20, потом работала в Двинской беларуской гимназии. В 1925 вернулась в БССР, работала в Госиздате,

с 1927 – в Горецкой сельхозакадемии. Арестована 18.07.1930 и 10.04.1931 приговорена к 5 годам ссылки в Казань. После 1945 – учительница. Реабилитирована 19.09.1960.

(16) Лёсик Иосиф (1884–1940) – в 1918 один из основателей Беларуской социал-демократической партии. С 1921 преподаватель БГУ, а также сотрудник Инбелкульта. Автор ряда учебников по беларускому языку. Арестован 17.07.1930 и постановлением Коллегии ОГПУ от 10.904.1931 сослан на 5 лет в г. Камышин Саратовской области. Снова арестован 25.06.1938 – якобы за участие в «контрреволюционной организации ссыльных в Саратове». 31.03.1940 осужден на 5 лет лагерей. Умер на следующий день в Саратовской тюрьме. Реабилитирован 8.10.1958 и 10.06.1988.

(17) Сикорский (Скрипко) Михаил (1903–?) – в 1930 старший уполномоченный 1-го отделения следственного отдела ГПУ БССР. Уволен из органов НКВД в ноябре 1937. Дальнейшая судьба неизвестна.

(18) Аргов Залман (1897–1934) – в 1930 был начальником следственного отдела ГПУ БССР.

(19) Купцевич Феликс (1900–1938) – в 1920–24 находился на подпольной работе в Западной Беларуси «по линии разведывательного управления штаба РККА». Затем два года находился на партийной работе в БССР. В 1926 избран членом ЦИК советов БССР и направлен на нелегальную работу в Латвию. Позже работал зам. редактора газеты «Звязда» и на радио. В 1929 направлен на учебу в Институт красной профессуры (литературное отделение). В 1930 исключен из партии и института за «националистический уклон». 29.08.1930 арестован по делу СВБ, но 4.10 освобожден. Снова арестован 9.04.1933 и в ноябре осужден на 5 лет лагерей. «Тройка» НКВД 9.03.1938 приговорила его к смертной казни. Реабилитирован 24.08.1956.

(20) Мамчиц Николай (1899–?). В 1924–30 сотрудник органов народного образования БССР. Арестован 20.07.1930 по делу СВБ. В апреле 1931 приговорен к ссылке в Яранск. В июле 1937 снова арестован и приговорен к 10 годам лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован 19.09.1960.

(21) Каравайчик Павел (1896–1937). В 1922–26 сотрудник газеты «Савецкая Беларусь». В 1925 окончил медфак БГУ. В 1926–30 врач клиники при БГУ. Арестован 25.07.1930 по делу СВБ и в апреле 1931 выслан на 5 лет в г. Чебоксары. В июле 1937 снова арестован и в ноябре приговорен к смертной казни. Реабилитирован в 1957.

(22) Савич Игнат (1899–?) – в 1924–30 сотрудник газеты «Беларуская вёска». Арестован 19.07.1930 по делу СВБ. В апреле 1931 выслан в г. Котельнич. В июле 1937 снова арестован и 16.11.1937 осужден на 10 лет лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован 25.05.1956 и 15.11.1957.

(23) Голодед Николай (1894–1937) – с конца 1925 второй секретарь ЦК КП(б)Б, с мая 1927 председатель Совнаркома БСССР. Арестован в Москве 14.06.1937 и этапирован в Минск. Во время допроса 21.06.1937 выбросился из окна пятого этажа НКВД БССР и погиб.

(24) Керженцев (Лебедев) Платон (1881–1940) – в 1928–30 зам. заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), в 1930–40 гг. зам. главного редактора Большой и Малой советских энциклопедий.

(25) Гей Константин (1896–1939) – в 1917–25 секретарь Псковского и Свердловского губкомов РКП(б), потом зав. орготделом ЦК ВКП(б). С декабря 1930 по декабрь 1932 первый секретарь ЦК КА(б)Б. Именно под его руководством было сфабриковано дело Союза Освобождения Беларуси и прекращена беларусизация. Арестован органами НКВД в январе 1939, казнен 25.02.1939.

(26) Пиотухович Михаил (1891–1937) – литературовед, с 1922 преподаватель БГУ, с 1926 профессор. В 1934–36 преподавал в педагогических институтах на Северном Кавказе. Арестован 9.01.1937, казнен 20.12.1937. Реабилитирован 27. 12.1957.

(27) РВС – Революционный военный совет РСФСР (с января 1923 – СССР), в 1918–34 гг. являлся высшим органом военной власти.

(28) Главсоцвос – Главное управление социального воспитания и политехнического образования в Наркомате просвещения РСФСР в 1921–34 гг.

(29) Коммунистический университет национальных меньшинств Запада имени Юлиана Мархлевского работал в Москве с конца 1921 по 1936 год.

(30) Учетно-распределительный отдел ЦК КП(б)Б.

(31) «Беларускі піянер» – ежемесячный журнал для детей. Выходил в Минске с декабря 1924 по сентябрь 1929. Затем по апрель 1941 назывался «Іскры Ільіча». Во время войны не издавался. С июня 1945 выходит под названием «Бярозка».

(32) Профессор Петр Бузук (или Базук) был директором Института языкознания АН БССР. Расстрелян органами НКВД 7 декабря 1938 года.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Владимир Михнюк (1927–2004) — доктор исторических наук (1987), профессор (1991). С 1992 года директор Беларуского НИИ документоведения и архивного дела. С 1998 года профессор кафедры истории Беларуси в Беларуском государственном университете.

Расстрел как итог лингвистической дискуссии

Максим Петров

В 20-е годы XX века жил и работал в Минске человек, которого звали Осип Волк-Леванович (сокращенно В.Л.). До сих пор некоторые наши историки считают его русификатором, тогда как другие – честным ученым старой школы, не вписавшимся в «новые реалии жизни». Он вполне заслуживает того, чтобы мы познакомились с ним без предвзятости.

Из биографии

Фамилия Волк-Леванович относится к числу древних шляхетских родов ВКЛ герба «Труба». Но в своей автобиографии Осип Волк-Леванович написал:

> «Я радзіўся 25 кастрычніка 1891 году /6 ноября по новому стилю/ ў Бабруйскім павеце ў сям'е дробнага беларуса-земляроба».

Что ж, время было такое, что людей дворянского происхождения автоматически зачисляли в категорию «врагов трудового народа». Между тем многие шляхтичи были настолько бедны, что сами обрабатывали принадлежавшие им небольшие участки земли и своим образом жизни мало отличались от крестьян. Такими были и родители Осипа. По документам ГПУ и НКВД он проходил как сын крестьянина-середняка.

В.Л. (он никогда не называл себя Язепом, только Осипом или Иосифом) с детства стремился к знаниям. Хотя в семье, кроме него, было еще четверо сыновей и три дочери, родители нашли возможность послать своего младшего в Бобруйскую гимназию. Вначале было очень трудно с деньгами, но уже через полгода за отличную учебу Осипа освободили от платы за обучение.

В 1911 году он с отличием окончил гимназию и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Его наставниками были академики Алексей Шахматов и Иван Бодуэн де Куртене. Позже он вспоминал:

> «Універсітэцкая вучоба, асабліва праца ў семінарах, моцна мяне захапіла, і я з вялікай прыемнасцю ўспамінаю тыя часы, якія прыходзілася праседжваць у рускім аддзеле публічнай бібліятэкі ці на паседжаннях семінара, прымаючы ўдзел у дыспутах».

Но началась Мировая война. В.Л., окончивший три курса, отправился добровольцем на фронт. По его собственным словам, он сделал это по причинам личного характера и материальной нужды. Бывший студент участвовал в походах и боях, дослужился до чина поручика кавалерии. Осенью 1917 года заболел плевритом, был отправлен в Полтаву, где до декабря находился в госпитале. Комиссия признала его негодным к дальнейшей воинской службе, после чего Осип от-

правился на домашнее лечение к родителям в Бобруйский уезд, на хутор Левоновка. Здесь его застала сначала немецкая оккупация (в 1918 г.), а потом и польская (в 1919 г.).

В это время Осип Васильевич работал учителем в Бобруйской частной гимназии Годыцкого-Цвирко и в Клецкой общественной гимназии, преподавал русский язык и латынь. Тогда же он женился в Бобруйске на учительнице Ларисе Григорьевне, которая стала его спутницей на всю оставшуюся жизнь.

Смутное время

Но вот пришли Советы, и в августе 1919 года Осипа призвали в Красную Армию. Однажды с ним случилась неприятная история, которая впоследствии получила продолжение. Ему поручили произвести учет гужевого транспорта в Бобруйском уезде — повозок с упряжью и лошадей. Уездный военный комиссар Левков, услышав фамилию Волк-Леванович, стал расспрашивать уполномоченного, откуда тот родом, не из Глусской ли волости. А потом объяснил, что «у вас есть однофамилец, бывший штабс-капитан, который теперь оперирует с бандами зеленых в Глусской волости против нас. Его отряды подчинены Балаховичу, и последний произвел его уже в полковники».

Осип Волк-Леванович (1891—1943)

Филологу пришлось доказывать, что он и балаховичский Волк-Леванович всего лишь однофамильцы. На самом деле они были дальними родственниками, и В.Л. встречался с этим штабс-капитаном в 1918 году, во время немецкой оккупации, на вечере в Бобруйской гимназии*. Штабс-капитан познакомил тогда бывшего поручика со своими сестрами, и те приглашали его в гости в свой фольварк.

А еще тревожило то, что в июле 1919 года пропали его личные документы. Случилось это в занятом большевиками Борисове. Леванович получил известие, что жена, находившаяся у своих родителей в Клецке, рожает. Он тут же отправился к ней, несмотря на ситуацию военного времени. Но когда приехал в Клецк, город заняли поляки. Пришлось остаться здесь и работать учителем. Оставленные в Борисове вещи пропали, а с ними метрика, гимназический аттестат и другие документы. В.Л. опасался, что кто-нибудь может использовать его бумаги, чтобы «прикрывать свои, может быть, весьма рискованные и темные дела» его именем.

В 1922 году Осип с помощью Наркомпроса БССР получил возможность завершить образование в университете, теперь уже Петроградском. Кругом царили жуткие условия «военного коммунизма». Но для него главным делом была учеба, лекции академика Ефима Карского.

---

* От Бобруйска до Глуска по прямой линии примерно 42 км.

По окончании университета в 1923 году В.Л. как исключительно способному студенту предложили остаться в университете преподавателем на кафедре русского языка. Но он хотел вернуться на родину, чтобы принять участие в создании беларуской науки. Поначалу В.Л. преподавал беларуский язык в польском и еврейском педагогических техникумах Минска.

«Свои» и «чужие»

Его учитель, академик Ефим Карский, еще в 1921-м году уехал из Минска в Петроград с комментарием: «в Беларуси трудно работать». Дореволюционной российской филологии был присущ взгляд на беларуский язык как на наречие (или диалект), тесно связанное с русским языком. Но в новой политической ситуации такие взгляды пересматривались.

Помимо немногочисленных специалистов, в беларуской филологии того времени подвизалась группа малообразованных деятелей (язык не поворачивается назвать их учеными), искренне преданных беларускому делу, однако не получивших высшего образования. Максимум – учительские институты, где обучение происходило по упрощенным и сокращенным программам. В то время когда В.Л. учился в Петербургском университете, они сидели по тюрьмам, отправлялись в ссылки за идею. А теперь они одержимо работали на поприще возрождения национальной культуры, истории, языка. Именно они определяли «магистральную линию» развития зарождавшейся национальной науки.

Ефим Карский

Отсутствующие научные знания «возрожденцы» заменяли горячим энтузиазмом. Эти фанатики никому не прощали отношения к «беларусчине» как чему-то вторичному, производному от русского, но их критические выступления против инакомыслящих содержали массу субъективных преувеличений, явных «перегибов» и прямых политических обвинений.

Как пишет доктор филологических наук Геннадий Цихун, произошел мировоззренческий конфликт между представителями старой филологической школы, к которой принадлежали М. Пиотухович, И. Замотин, О. Волк-Леванович и «младобеларусами», такими как С. Некрашевич, Я. Лёсик, Л. Цветков, Н. Байков.

Историческая правда такова, что все упомянутые лица, несмотря на расхождения во взглядах и присущие каждому ошибки, внесли свой вклад в становление беларуской лингвистики, их работы послужили основой для последующих научных разработок. Ныне они занимают достойное место на страницах энциклопедий и учебников, несмотря на взаимные попытки «устранить» друг друга.

К 1924 году В.Л. написал свою первую крупную работу – «Историческое изучение белорусского языка в славянской филологии». Именно ее он хотел сделать основой лекционного курса, поэтому представил научному совету педагоги-

ческого факультета, с тем, чтобы получить право на преподавание в университете. Но в этот момент на заседание совета прибыл ассистент университета Л. Цветков и заявил, что он хочет прочитать свой доклад в назначенный Волку-Левановичу день – 1 февраля.

Однако комиссией председательствовал И. Замотин, в нее входили «старые» профессора А. Вознесенский и Н. Никольский. Поэтому в «Протоколе № 1» заседания предметной комиссии БГУ от 30.01.1924 года появился пункт 3. В нем записано решение о переносе слушания доклада Л. Цветкова до приезда в Минск профессора Г. Ильинского, специалиста по нужной теме. А пункт 5 гласит:

> «Назначить вступительный доклад Волк-Левановича на тему: Историческое изучение белорусского языка в славянской филологии («Гістарычнае вывучэньне беларускай мовы ў славянскай філалёгіі») к заслушанию в заседании отделений на 1 февраля в 1 час дня. Предоставить Волк-Левановичу для названного курса 2 часа в неделю для чтения теоретического курса и 2 часа для практических занятий; просить деканат определить размер вознаграждения Волк-Левановичу за указанные занятия».

Но, когда 1 февраля В.Л. пришел для чтения лекции, его предупредили, чтобы он лучше не выступал, потому что готовится обструкция, так как студенты не желают слушать «русского шовиниста». В.Л. был уверен, что это Язеп Лёсик подговорил Цветкова и враждебно настроил студентов.

А еще в университет поступило письмо из Наркомата просвещения:

> «З прычыны таго, што проці Воўк-Левановіча ёсьць адвод з боку Інбелкульту, Глаўпрафасьветы просіць прапанаваць апошняму не прыступаць да выкладаньня самастойнай дысцыпліны да канчатковага вырашэньня гэтага пытання Вышэйшым Саветам Навуковых установ. На катэдру гісторыі беларускай мовы пажадана запрасіць праф. Ільінскі».

Именно в Институте беларуской культуры засели идейные противники В.Л. – Всеволод Игнатовский, Язеп Лёсик, Степан Некрашевич, Николай Байков.

Университетское начальство ограничилось тем, что приняло письмо «к сведению». С 1 февраля 1924 года В.Л. зачислили в штат БГУ на должность ассистента, а с сентября 1927 года он стал доцентом кафедры истории беларуского языка.

Конфликт непримиримых

Кроме истории беларуского языка, Осип Васильевич читал научный курс русского языка, вел семинары по современному беларускому языку, руководил спецсеминарами – по старославянскому языку, польскому, чешскому, сербскому, болгарскому, а также по особенностям языка «Литовской метрики». Публиковал научные статьи, изучал древние памятники беларуской письменности, в частности, труды Скорины.

Противостояние с «национал-коммунистами» сильно обострилось после того, как в 1927 году В.Л. издал на ротаторе (за свой счет и небольшим тиражом) «Лекцыі па гісторыі беларускай мовы». Он выступал в них за то, чтобы сделать основой литературного беларуского языка «жывую мову горада». В этих лекциях есть много вполне приемлемых идей. Но его враги придрались к тому обсто-

ятельству, что он считал частью народного языка многочисленные русизмы вроде «апрэль, інцярэс, срэдства, шчот»... Они стали заявлять, что В.Л. вообще не знает беларуского языка. Чья бы корова мычала! «Западники» сами изобрели много странных новшеств, не прижившихся в беларуском литературном языке.

В нормальных общественно-политических условиях дискуссии по принципиальным вопросам играют роль одного из двигателей науки. Но только не в СССР периода 1920–40-х годов. Партийные идеологи настойчиво требовали полного единомыслия на всех уровнях организации общества. Поэтому в дискуссии все время вмешивалась политика, а главными аргументами вместо логики и научных фактов служили обвинения политического характера, сочетавшиеся с тайными доносами.

Отметим, что В.Л. и сам провоцировал неприязненное отношение к себе: он весьма болезненно реагировал на нападки, резко обвинял противников в попытке оторвать беларуский язык от русского, в засорении его полонизмами. Не менее жестко, чем критиковали его работы, критиковал и он, в частности, грамматику Язепа Лёсика, в которой, на его взгляд знатока, было много недоработок.

В своих воспоминаниях В.Л. описал, как на банкете в честь юбилея театральной деятельности Владислава Голубка заведующий беларуским отделом Наркомата просвещения Петр Ильючонок подсел к декану «П–чу» (Пиотуховичу) и назвал того свиньей:

> «Вы беларус. Но вы не наш. Будьте с нами, и мы вас поддержим. Если нет, то мы вас шибанем!»

И обвинил, что тот «имеет дело с Волк-Левановичем».

Сохранились показания Язепа Лёсика следователю ГПУ от 18 августа 1930 года, где он рассказывает о своей борьбе «с тем направлением в области белорусского языка, идеологом которого являлся академик Карский, а представителем в Минском университете – доцент Волк-Леванович»:

> «Студенты не раз бойкотировали Левановича и поддерживали мою дискуссию с Левановичем в газете «Советская Белоруссия», но всякий раз они терпели поражение».

Примерно в то же время давал показания в ГПУ поэт Алесь Дударь:

> «Жыва цікавіўся я і выступленнем групы студэнтаў 4-га курсу ў 1927 годзе супроць дацэнта Воўк-Левановіча. Выступленьне гэтае, насіўшае спачатку чыста акадэмічны характар, набыло потым пэўны палітычны кантррэвалюцыйны зьмест. Рэакцыйныя вялікадзяржаўныя погляды Воўка-Левановіча на беларускую мову, выкладчыкам якой ён з'яўляецца, не раз знаходзілі належную ацэнку ў савецкім і партыйным друку. Студэнты 4-га курсу літэратурнага лінгвістычнага аддзялення па нейкаму поваду адмовіліся здаваць залік яму».

Алесь Дударь (Дайлидович; 1904—1937) – поэт, считавший себя знатоком «мовы»

Роковой доклад

Сборник лекций раскритиковали жестко и несправедливо. С трудом В.Л. удалось напечатать в газете «Советская Белоруссия» ответ главному критику – Лёсику. В частности, он писал:

> «Калі Я.Л. мае на ўвазе мае суб'ектыўныя адносіны да бел. мовы, то я яе люблю, як мову сваю, маіх бацькоў, дзядоў і прапрадзедаў».

Свой ответ он завершил весьма правильной мыслью, что те «квасные патриоты», с которыми сравнивали В.Л., накинулись бы на его работу «з такім самым задорам «абражанага патрыёта» (з другога толькі боку), з якім гэта робіць Я. Лесік». Вроде бы удалось дать достойный ответ. Но в том же номере газеты был напечатан фельетон за подписью «Алёша» (под ним скрывался Анатоль Вольный):

> «...калі вучоны мовазнаўца Беларускага універсытэту па кафэдры беларускага мовазнаўства сцвярджае, што словы «строгій, строкі, арыхметыка, хвізіка, пандравіліся» і г.д. ёсць беларускія словы, і ўсё яшчэ застаецца прыват-дацэнтам, дык я сьмела буду сьцьвярджаць, што два памножанае на два ёсьць сем»...

Профессор Макс Фасмер

В письме профессору М. Фасмеру в Германию В.Л. писал:

> «В настоящее время я нахожусь под свежим впечатлением той атаки, которая была организована против моих «лекций» по истории белорусского языка нашими «зубрами» шовинистами, «святыми отцами иезуитами». Не понравилось, видите ли, им, что я говорю о большей близости белорусов по религии, культуре и языку к великоруссам, чем к полякам».

Кроме того, поползли слухи о связи Волк-Левановича с «белополяками»: кто-то воспользовался наличием в эмиграции «двойника» – бывшего штабс-капитана с той же фамилией.

В.Л. находился во взвинченном эмоциональном состоянии. Поэтому он легко поддался уговорам выступить в Академии наук с докладом «Пра некаторыя важнейшыя недахопы беларускай літаратурнай мовы». Понятно, что он надеялся этим выступлением доказать научную обоснованность своих взглядов. В.Л. не догадывался, что его обманули как ребенка. Человек, подбивший на выступление с докладом, Александр Ульянов (однофамилец вождя мирового пролетариата), был секретным сотрудником

Волк-Леванович в 1929 г.

Михаил Пиотухович

ГПУ. Его целью являлась банальная политическая провокация. В мае 1930 года в своем обзоре «настроений нац. демократических кругов г. Минска» А. Ульянов написал:

«В октябре 1929 года я уговорил Волк-Левоновича выступить со своим докладом в Академии о белорусском языке. Великодержавные шовинистические установки В.-Левоновича, посещение им Карского мне были известны и ранее, но от поправок и замечаний к докладу я воздержался. После доклада В.-Левоновича я пошел к Мамчицу и возмущенно говорил ему, как это никто не реагирует на выступление В.-Левоновича. И группа начинает действовать. Студент Ленинградского ВТУЗа едет на родину В.-Левоновича для собирания сведений о нем на месте. В Минске распускаются слухи по поводу доклада и, конечно, от В.-Левоновича остались рожки да ножки».

Провокация удалась. С одной стороны, «шовинист» Леванович стал мальчиком для битья, с другой – те, кто нападали на него, проявили свою «националистическую» сущность. В секретной резолюции Бюро ЦК КП(б)Б от 16 мая 1930 года «Вынікі дыскусіі аб мовазнаўстве» В.Л. неоднократно упоминается как сторонник и проводник великодержавного российского шовинизма.

А вот в докладной записке председателя ГПУ БССР Григория Рапопорта секретарю ЦК КП(б)Б Константину Гею от 22 мая 1930 года высказана иная точка зрения на роль В.Л.:

Книга Волк-Левановича «Лекцыі па гісторыі беларускай мовы» (издание 1994 г.)

«Начиная с 1925 года, т.е. с момента приезда в Минск (на самом деле 1924 год. – *Авт.*) для работы в БГУ доцента Волк-Левановича, против него ведется травля со стороны белорусских националистов западной ориентации... Помещенные Волк-Левановичем статьи в 1925 г. против засорения белорусского словаря полонизмами, критика лесиковской грамматики и т.д. – расценивается нац. демократами как посягательство на белорусскую самобытную культуру, а отсюда делается вывод, что он вообще против белорусской культуры, консерватор, черносотенец и т.д.

Когда в 1927 г. вышла в свет книга Волк-Левановича «Лекции по истории белорусского языка», где весьма недвусмысленно давалось понять белорусским нацдемократам, что они пляшут под дудку Пилсудского, то против Волк-Левановича обрушились все бел. нац. демократические круги... Инспирированная Лесиком группа студентов в 10 – 12 чел. пишет статью в газету, где доказывает вредность книги Волк-Левановича. Та же группа студентов устраивает обструкцию Волк-Левановичу на педфаке БГУ, где Лесик и Волк-Леванович преподавали один и тот же предмет...

Недавно тов. Игнатовским было предложено Волк-Левановичу оставить Белоруссию и университет. Волк-Леванович в настоящее время действительно собирается уезжать из Белоруссии: ведет переписку с университетами Саратова и Нижнего Новгорода»...

«Исходя из вышеизложенного» Рапопорт сделал вывод:

«...считаю в корне неверной позицию некоторых членов КП(б)Б – (Волобринского, Белуги, Сенкевича), занятую по отношению к Волк-Левановичу. Их выступления против Волк-Левановича на руку белорусским нац. демократам – укрепляет положение последних. Отъезд Волк-Левановича из БССР политически невыгоден, ибо с его отъездом разваливается группа белорусов-восточников, ведущих непрерывную борьбу с группой западников и расшифровывающая их контр-революционную сущность».

Одинаковая судьба для всех...

Истины ради скажем, что далеко не все в Беларуси относились к В.Л. столь негативно. Он был компетентным специалистом и хорошим преподавателем, многие студенты вспоминали его лекции с восторгом. Его ценили ученые старой школы, скептически относившиеся к новоявленным беларуским академикам-самоучкам. Вот фрагменты из письма профессора БГУ А. Вознесенского в Москву профессору Г. Ильинскому:

Язеп Лёсик, самый непримиримый противник Волк-Левановича

«Вы в скором времени получите от здешнего Наркомпроса просьбу дать отзыв о работах доцента нашего университета Иосифа Васильевича Волк-Левановича. Я и мои коллеги по университету, Вас хорошо знающие и уважающие, считаем своим долгом поставить Вас в известность об обстоятельствах дела... В.Л. – ученик П.П. Шахматова /это описка автора письма, Шахматова звали Алексей Александрович. – *Авт.*) и Е.Ф. Карского. Очень честный ученый. Работы его вам известны. Держится он русской ориентации. Между тем ученые здешние круги, стоящие у кормила правления, все сепаратисты, ярые враги России...

Я всегда ценил Левановича, как научного деятеля, а теперь буду глубоко уважать его, как человека. В такое время всеобщего интриганства и подхалимства, конечно, надо на вес золота ценить человека, который не боится пойти против течения и смеет иметь свое суждение».

Далее профессор рассказал, как травят В.Л. за то, что он предлагает свою концепцию правописания иностранных слов и употребляет русизмы, и подчеркнул, что университет не способен его защитить. Вознесенский завершил пись-

Степан Некрашевич, еще один идейный враг Волк-Левановича

мо весьма эмоционально – «Настоящее средневековье. Волк-Леванович – современный Галилей» и попросил «помочь честному ученому».

Ильинский приехал в Минск, но помочь не смог. Волк-Леванович был столь же непримирим, как и его противники. Новоявленную элиту беларуских гуманитариев бесило то, что он называл их группировку «нацыялістычным засценкам» («хутором»). В 1930 году Осип Васильевич покинул Беларусь.

Но такая развязка не стала победой его противников. В том же году Язепа Лёсика, Степана Некрашевича, Вацлава Ластовского, Алеся Дударя, Петра Ильючонка и десятки других беларуских деятелей арестовали по делу «Саюза вызвалення Беларусі» (СВБ), сфабрикованному органами ГПУ. Позже всех их арестовали повторно и расстреляли. Всеволод Игнатовский, возглавлявший Академию Наук БССР, не желая подвергаться шельмованию, 4 февраля 1931 года застрелился*.

Провокатор Александр Ульянов (тюремное фото 1937 г.)

Не пощадила репрессивная машина и «восточников». Профессора Григория Ильинского арестовали в 1937-м году и тогда же расстреляли. Ивана Замотина арестовали в 1938-м, в 1942-м он погиб. Михаил Пиотухович, как и Волк-Леванович, попытался спастись, уехал с семьей на Северный Кавказ, в Орджоникидзе. Но в 1937-м его тоже арестовали, привезли в Минск и казнили, как и секретного провокатора Александра Ульянова, как и самого Григория Рапопорта.

С 1930 года начался последний период жизни Волк-Левановича. Вместе с женой, дочерьми Ксенией и Леониллой он перебрался в Саратов. Вот цитата из книги по истории Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского:

> «1 апреля 1931 года в связи с переводом в Институт новой русской литературы с должности заведующего отделом редких книг и рукописей Саратовского университета имени Чернышевского уходит В.В. Буш. На его место подаются два заявления И.В. Волк-Левоновича и Ю.А. Кузнецовой. Заведующим назначается И.В. Волк-Левонович».

И еще одна любопытная запись, относящаяся к тому же году:

> «10 ноября 1931 года в качестве сотрудника отдела редких и ценных книг принят В.У. Ластовский».

Так снова встретились недавние враги... «Западник» Вацлав Ластовский, лишенный звания академика, арестованный, высланный на 5 лет в российскую глубинку, и доцент Волк-Леванович, добровольно уехавший туда же от травли

* В 1937 году чекисты отыгрались на его семье. Сыновей Валентина и Юрия приговорили к смертной казни и расстреляли, вдову отправили на 8 лет в АЛЖИР – «Акмолинский лагерь для жен изменников родины».

«западников». По воле судьбы В.Л. оказался начальником недавнего непримиримого оппонента. Сейчас можно только предполагать, содействовал ли он трудоустройству Ластовского или то была случайность, и как складывались их отношения.

Волк-Леванович занял должность заведующего кафедрой, продолжил научную работу, но сменил тему, сосредоточившись на истории русского языка. Ему должны были присвоить звание профессора.

Увы! 15 февраля 1934 года его арестовали сотрудники ГПУ. Правда, вскоре отпустили. Супруга, Лариса Григорьевна, много позже написала Ивану Германовичу, изучавшему биографии беларуских языковедов:

> «Пра допыты ён мне нічога не расказваў. Але з намёкаў я здагадвалася, што па справах у Беларусі. Пасля мінскіх перажыванняў арышт яшчэ больш раздладзіў яго нервовую сістэму. Ён пастаянна з 12 гадзін ночы пакутаваў ад неўралагічнай болі, безупынна стагнаў» (См.: Германовіч И. Беларускія мовазнаўцы. Мінск, 1985).

Пытаясь спастись, В.Л. перевелся в Оренбургский педагогический институт, возглавил там кафедру русского языка и литературы. Но спрятаться от вездесущей карательной машины не удалось. 17 сентября 1937 года его арестовали, а затем осудили на заключение в «исправительно-трудовой лагерь».

Позже родным сообщили, что Осип Волк-Леванович умер в 1943 году в одном из лагерей на Крайнем Севере. Но вполне возможно, что смерть настигла его гораздо раньше, в 1937 или 1938 году, когда «конвейер смерти» работал с огромным размахом. Нынешние историки доказали на многих конкретных примерах, что официальные сообщения советских «компетентных органов» часто содержали фальсифицированные сведения и о датах смерти репрессированных людей, и о причинах их гибели.

Когда знакомишься с документами и публикациями 80-летней давности, становится обидно: сколько страстей, энергии, сил тратили беларуские интеллигенты на «разборки» друг с другом! И как ловко использовали эти конфликты большевики, которым одинаково не нужны были обе группы спорщиков. Когда пришло время, всех их, так горячо выяснявших, кто сильнее любит Беларусь, расстреляли в одних и тех же подвалах.

В 1958 году Осип Васильевич Волк-Леванович был реабилитирован – за «отсутствием состава преступления». А его «Лекцыі па гісторыі беларускай мовы» переиздали в Минске в 1994 году.

Биографические справки

Байков Николай (1889–1941) – родом из г. Бежицка Московской губернии. Окончил Московскую православную духовную академию (1913). В 1913–19 преподаватель духовной семинарии в Минске, параллельно с 1918 преподавал в Учительском институте педагогику, психологию, логику, историю философии. С 1921 преподаватель педагогического техникума. Одновременно в 1921–28 был ученым секретарем терминологических и словарных комиссий Наркомпроса, Инбелкульта, Института языкознания АН БССР. Арестован 19.07.1930 по делу СВБ, но 2 сентября освобожден. В 1931–41 литсотрудник рекламного бюро и стилист газеты «Чырвоная змена». Погиб в Минске 23 июня 1941.

Вознесенский Александр (1888–1966) – исследователь литературы и театра, выпускник Варшавского университета (1913). Работал в университете Ростова-на-Дону (1915–21), в БГУ (1921–30). В 1930 под давлением вульгарной критики, идеологических обвинений со стороны партийных органов уехал в Москву. Далее работал в ВУЗах Москвы и Казани.

Вольный Анатолий (псевдоним, наст. фамилия **Ажгирей**; 1902–1937) – беларуский поэт и литературный критик. Арестован органами НКВД летом 1937, казнен 30 октября.

Гей Константин (1896–1939) – в 1917–20 секретарь Псковского губернского комитета партии, в 1923–25 секретарь Свердловского губкома, в 1925–29 зав. орг. отделом ЦК ВКП(б). С 3.01.1930 по 18.01.1932 первый секретарь ЦК компартии Беларуси. В 1938 арестован, 25.02.1939 приговорен к смертной казни и в тот же день расстрелян.

Голубок Владислав (наст. **Голуб**; 1882–1937) – беларуский театральный деятель и литератор. Автор около 40 пьес. С 1917 по 1937 был актером и режиссером, в 1920–31 возглавлял созданный им 3-й государственный беларуский театр в Минске. Арестован в 1937, умер 28.09.1937 в тюрьме от болезни сердца.

Дударь Алесь (наст. **Дайлидович**; 1904–1937) – беларуский поэт, литературный и театральный критик, один из основателей литературного объединения «Маладняк». В 1929 арестован за стихотворение «Пасеклі наш край папалам» и выслан на 3 года в Смоленск. В 1936 снова арестован и после года допросов, сопровождавшихся пытками, казнен 29.10.1937.

Замотин Иван (1873–1942) – выпускник Петербургского университета (1897), литературовед. Доцент (1904), профессор (1908) Варшавского университета. С 1917 профессор Донского университета (Ростов-на-Дону), с 1922 профессор БГУ, с 1931 – Минского пединститута. Действительный член АН БССР (1928), член-корреспондент АН СССР (1929). Арестован 4.04.1938, в августе 1939 приговорен к 8 годам лагерей. Наказание отбывал в Коми АССР, где и умер в тюремной больнице.

Ильючонок Петр (1891–1945) – родом из деревни Рустяги (ныне в Браславском районе). Окончил начальную школу. В 1910–12 рабочий спиртзавода в Петербурге, в 1912–17 служил в царской армии. С 1917 участник национального движения, с 1919 большевик, работал в Молдавии и Одессе. В Минске с 1920, на административной работе. В 1925–26 сотрудник постпредства СССР в Польше, в 1926–28 зам. председателя Белгосиздата, в 1928–29 зам. председателя «Белторга». В декабре 1929 исключен из партии за «склонность к национал-демократизму». Арестован 17.02.1930 по делу СВБ, в марте 1931 приговорен к 10 годам лагерей. Освобожден 4.10.1942, но в январе 1943 снова арестован и осужден на 10 лет. Умер в лагере.

Карский Ефим (1860–1931) – основатель беларуского научного языкознания и литературоведения, этнограф, фольклорист, знаток древних рукописей. С 1901 член-корреспондент Петербургской Академии наук, с 1916 – действительный член (первый в истории академик-беларус). Окончил духовную семинарию в Минске (1881), Историко-филологический институт в Нежине (1885). В 1893 защитил в Киевском университете магистерскую диссертацию, в которой исследовал беларуский язык. С 1894 профессор, с 1902 декан историко-филологического факультета, в 1905–10 ректор Варшавского университета.

В 1917–20 жил в Минске, с 1921 в Петрограде (Ленинграде). Автор свыше 700 научных работ. Среди них фундаментальный труд «Белорусы» (3 тома в 7 книгах), опубликованный в период с 1903 по 1922 год. Фактически это энциклопедия беларусоведения.

Лёсик Иосиф (Язеп) (1883–1940) – родом из деревни Николаевщина Минского уезда. В 1902 окончил реальное училище в Новгороде-Северском, затем 3 года работал учителем начальных классов. В 1905–07 находился под арестом за революционную деятельность. Бежал, около 4-х лет скрывался от полиции. В 1911 снова арестован и приговорен к бессрочному поселению в Сибири, в Иркутской губернии. После февраля 1917 вернулся в Беларусь, стал одним из лидеров БСГ. Один из инициаторов провозглашения БНР, деятель ее Рады.

После гражданской войны остался в БССР, от политики отошел. Занимался научной, культурно-просветительской и литературной работой. С июля 1921 преподавал в БГУ и в педтехникуме. С 1922 член Инбелкульта. С 1928 действительный член АН БССР, директор Института изучения языка. В 1922 орган ЦК КП(б)Б «Звязда» назвала его учебник «Практычная граматыка беларускай мовы» контрреволюционным. Около двух месяцев провел под арестом.

Арестован в июле 1930 по делу СВБ, в апреле 1931 выслан на 5 лет в Камышин Саратовской области. В ноябре 1934 амнистирован, но с запретом на возвращение в БССР. Поселился с семьей на станции Злынка в Брянской области. Осенью 1937 переехал в Ахтарск Саратовской области, работал в педтехникуме. В июне 1938 снова арестован и 31 марта 1940 приговорен к 5 годам лагерей за «антисоветскую агитацию», но на следующий день умер в тюрьме от туберкулеза.

Автор многочисленных научных и публицистических статей, ряда научных монографий, учебников, литературных произведений.

Некрашевич Степан (1883–1937) – родом из деревни Даниловка Бобруйского уезда. Окончил учительскую семинарию /педучилище/ в Паневеже (1908) и учительский институт в Вильне (1913). В 1914–17 служил в российской армии, далее участвовал в революционном движении. В 1920–22 сотрудник Наркомпроса БССР, в 1922–25 возглавлял Инбелкульт, в 1926–28 руководил отделом гуманитарных наук Инбелкульта. С 1928 вице-президент Академии наук БССР, одновременно директор Института языкознания, председатель Главнауки при Наркомпросе БССР и ряда комиссий. Член ЦИК советов БССР в 1927–30.

Арестован 21.07.1930 по делу СВБ, в апреле 1931 осужден на 5 лет ссылки в Сарапул (Удмуртская АСР), затем срок ссылки продлен на 2 года. В конце 1937 арестован повторно, доставлен в Минск и 19.12.1937 приговорен к смертной казни.

Никольский Николай (1877–1959) – выпускник Московского университета (1900), исследователь истории религии и Древнего Востока. Сын знаменитого востоковеда Михаила Никольского (1848–1917). Профессор Смоленского (с 1918), Беларуского (с 1922) университетов. С 1931 зав. сектором этнографии и фольклора Института истории АН БССР, в 1937–53 директор этого института.

Пиотухович Михаил (1891–1937) – родом из деревни Алексиничи Сенненского уезда. В 1917 окончил Историко-филологический институт в Нежине. В 1921–34 жил в Минске. С 1922 преподавал западноевропейскую и беларускую литературу в БГУ. Параллельно работал в Инбелкульте (кафедра истории беларуской литературы), а затем в АН БССР (Институт литературы и искусства). Автор многочисленных статей и ряда книг, посвященных беларуской литературе и фольклору. Арестован в 1937, расстрелян 20 декабря того же года.

Рапопорт Григорий (1890–1938) – родом из Глуска (ныне в Могилевской области), до 1917 служащий торговой конторы. В 1918–21 сотрудник ЧК в Москве, в 1921–27 зам. начальника Ленинградского окружного транспортного отдела ГПУ. В 1928 полномочный представитель ОГПУ в Крыму, в 1929–31 председатель ГПУ БССР и начальник Осо-

бого отдела ОГПУ по БВО. Позже служил на Урале и в Сталинградском крае. С 1936 в отставке, в июле 1937 арестован, в феврале 1938 казнен.

Ульянов Александр (1901–1937). В 1925–27 атташе, советник, и.о. полпреда (посла) СССР в Польше. Занимался «разложением» беларуской политической эмиграции, организовал возвращение в БССР ряда деятелей национального возрождения. В 1928–31 уполномоченный Наркомата иностранных дел при Совнаркоме БССР в Минске, член ЦК КП(б)Б. Секретный сотрудник ГПУ, «специалист» по беларуской национальной интеллигенции. В мае 1937 арестован органами НКВД, обвинен в шпионаже в пользу Польши и в ноябре казнен.

Фасмер Макс (1886–1962) – немецкий языковед и лексикограф российского происхождения, славист и балканист. Иностранный член-корреспондент АН СССР (1928). Итогом его исследований явился «Этимологический словарь русского языка» (т. 1–3, 1950–1958) – самый большой по охвату материала и надёжный в лингвистическом отношении труд по этимологии русского языка. Редактировал «Словарь русских водных названий» – свод всех известных русских географических названий. Выпускал серию монографий по филологии и культуре славянских народов (т. 1–10, 1925–1933).

Сервилизм в беларуской советской литературе

Петр Васюченко

1. Искусство или антиискусство?

Слово «сервилизм» используется в культурологии наравне с термином «сервильное искусство» и означает обслуживание власти (монарха, диктатора, лидера правящей партии и т.д.) средствами искусства, включая художественную литературу*.

Конечно, прислуживание художника «сильным мира сего» – явление невысокой моральной «пробы». Но мировой опыт постоянно показывает несовпадение канонов творчества и морали. В частности, история литературы содержит множество примеров прислуживания творцов первой звездной величины и создания в таких условиях истинных шедевров.

Лучшие поэты римской античности – Вергилий, Гораций, Овидий – были последовательными сервилистами. Своего патрона, императора Августа они считали не только могучим владыкой всемирного государства, но и земным богом! Сервилистом был также Мольер – придворный комедиограф короля Людовика XIV. Его драматургические тексты усыпаны льстивыми предисловиями, обращенными к королю и влиятельным вельможам. Раболепие перед королевской властью пронизывает почти все его произведения, включая знаменитого «Тартюфа». Примеры политического сервилизма можно найти в творчестве и биографиях Уильяма Шекспира, Александра Пушкина, Чарльза Диккенса, Максима Горького, Кнута Гамсуна, Михаила Шолохова и многих других знаменитых литераторов.

Служение само по себе – процесс нетворческий. Оно сужает внутреннюю свободу художника, ограничивает его возможности. Преодолеть это сужение путем эстетической компенсации способен только мастер, одаренный большим талантом. В отличие от таких мастеров множество лизоблюдов навсегда уходят в забытье, их имена вспоминают разве что специалисты – исследователи. Или же эти имена впоследствии отождествляют только с самим процессом прислуживания – как, например, Фаддея Булгарина, кстати, беларуса по происхождению, но из племени «ренегатов и дегенератов» (по определению Янки Купалы); а ведь он обладал недюжинными литературными способностями...

* Сервилизм (от латинского «servilis» – рабский, невольничий) – 1) раболепство, холуйство; 2) рабская угодливость (Новейший словарь иностранных слов и выражений, Минск, 2001, с. 728).

2. Традиция беларуского сервилизма

В XIX веке литературный сервилизм в Беларуси практически отсутствовал – не находилось властителей, достойных для прислуживания им.

Всплеск сервилизма, достаточно неожиданный, бурный и разрушительный по своим последствиям, начался в Беларуси в 1920-е годы. Он происходил на фоне агонии литературы. Прежняя литература, с ее традициями, произведениями и творцами уничтожалась прежде всего физически, она также искоренялась морально, деформировались естественные законы культурного развития.

В этом явлении легче понять логику власти, чрезвычайно циничной, жестокой, неразборчивой в средствах. В условиях господства сталинской диктатуры и перспектив нового передела Европы национальная творческая интеллигенция (особенно в Беларуси и Украине) была абсолютно не нужна центральному московскому руководству. Потому именно здесь имели место наиболее жестокие репрессии, в результате которых погибло до 80 % состава творческих союзов.

Смущает позиция самих творцов. Кажется, что у большинства из них почти отсутствовал инстинкт самосохранения. Не говоря уже об элементарном для художника чувстве беспокойства за собственную репутацию.

Случаи писательской солидарности бывали, но достаточно редко. Так, Купале, Коласу, Бедуле и некоторым другим «нашенивцам» удалось спасти Наталью Арсеньеву и Кузьму Черного. Добились амнистии для Владимира Жилки, для Александра Власова – бывшего редактора «Нашей Нивы». Однако эта помощь запоздала*.

Евгений Колубович вспоминал случай, когда за помощью к Коласу обратился отец Максима Богдановича, Адам Егорович, у которого отобрали персональную пенсию, ибо сына посмертно объявили «нацдемом». Колас не только помог пенсионеру, но и способствовал реабилитации поэта-классика. Между тем, заступничество в тогдашних условиях являлось смертельно опасным актом, равным покушению на самоубийство.

Это видно из следующего примера, приведенного Антоном Адамовичем. В 1930 году, когда начались первые процессы над «нацдемами», Максим Горецкий уговаривал Купалу и Коласа отказаться, в знак протеста, от звания народных поэтов. Колас сразу отклонил это предложение, Купала же колебался. Но его жена, Владислава Францевна, категорически запретила Купале «протестовать» таким способом. Тогда Горецкий порвал отношения с обоими «народными». Чем же закончился его протест? Известно чем – арестом и ссылкой в Вятку, а позже – расстрелом**.

В таких условиях диапазон реального выбора у беларуских литераторов был невелик: самоубийство, невмешательство, упорное молчание («внутренняя эми-

---

* Н. Арсеньеву арестовали осенью 1939 в Вилейке и выслали вместе с детьми в Казахстан. После ходатайства ее помиловали, она вернулась в Беларусь в мае 1941.

К. Черного арестовали 14 октября 1938. Освободили 8 июня 1939.

В. Жилка был арестован в июле 1930, в марте 1931 осужден на 5 лет ссылки в г. Уржум Нижегородского края. Там он 1 марта 1933 умер от туберкулеза в возрасте 33-х лет.

А. Власов был арестован осенью 1939 и осужден на 5 лет лагерей. Он умер 11 марта 1941 на одном из этапов пересылки, в возрасте 67 лет. – *Прим. ред.*

** М.Г. Горецкого арестовали 19 июля 1930, сослали в мае 1931, казнили 10 февраля 1938. – *Прим. ред.*

грация»). Впрочем, в новых обстоятельствах от репрессий не спасали ни «внутренняя эмиграция», ни рьяное служение режиму. Но иные возможности фактически отсутствовали.

Зловещий парадокс состоит в том, что большинство писателей, особенно молодых, выбрало именно прислуживание! Притом сразу, без колебаний, словно в состоянии какого-то аффекта. Это проявлялось не только и не столько в восхвалении режима, исполнении его «социальных заказов», сколько в сочинении доносов — в прозаической, стихотворной, литературно-критической и драматургической формах. Доносы писали как на бывших литературных оппонентов, так и на прежних друзей. Точь в точь как в пьесе Кондрата Крапивы «Конец дружбы» (1934 г.).

Михась Чарот
(Куделько; 1896—1937)

Михась Чарот после того, как арестовали, но еще не осудили Вацлава Ластовского, Максима Горецкого, Алеся Дударя, Владимира Дубовку, Язепа Пущу и Михася Громыку, срочно опубликовал стихотворную «инвективу» — «Суровый приговор подписываю первым» («Маладняк» № 12, «Полымя» № 11–12 за 1930 г.).

Чаго хацелі вы? Якое мелі права
Крывёю гандляваць працоўных Беларусі?
Прыйшла на вас суровая расправа,
Перад судом віну прызнаць прымусім.
(...)
Вы прытаіліся пад венікам, як мышы,
Каб зноў паўзьці на вольныя загоны,
Вы марылі ўзабрацца на ўзвышша
І дыктаваць драпежныя законы.
Наш сьмелы крок – узвышша затраслося,
Законы піша дыктатура працы.

Чарот не предполагал в тот момент, что «диктатура труда» через 7 лет подпишет смертный приговор и ему. Его расстреляют 29 октября 1937 года.

Аналогичные стихотворные приговоры в 1930 году вышли из-под пера Максима Лужанина («День гнева», в журнале «Узвышша» № 9–10), В. Козловского («Провозглашаю я свой приговор», в том же номере «Узвышша»).

Максим Горецкий (1893—1938)
тюремное фото

Кондрат Крапива, редактор «Узвышша», поместил в журнале и свою статью с осуждением

«плохих» («правых») «узвышэнцаў» — им уже, дескать, все равно, но с защитой «хорошего» («левого») крыла «Узвышша». Не получилось, однако, полностью спасти и «левое» крыло.

В развернувшейся кровавой вакханалии труднее всего понять логику поведения литературных прислужников репрессий, которые вскоре сами стали жертвами. Но это потому, что мы видим их поступки и последующие события в обратной перспективе. У них же такой перспективы не было.

Учитывая этот фактор, попытаемся проникнуть в мотивацию сервилизма в период агонии литературы. Художником, делавшим выбор в пользу прислуживания, могли руководить несколько очевидных мотивов:

1) страх; 2) выгода; 3) чувство преданности конкретному властителю или правящему режиму в целом. Мотивация способна соединять две-три перечисленные причины: например, выгоду и страх.

Сталинский режим использовал политику кнута и пряника. Авторские гонорары того времени считались едва ли не наивысшими в мире. Сталинской премии хватало на то, чтобы приобрести приличный автомобиль. Но этот золотой дождь падал на избранных. Одним из таких стал Янка Купала — поэт, которому одновременно «светили» ордены и ордеры (на арест). И то, что ордеры неожиданно сменились орденами — не заслуга ни Пономаренко, ни Сталина, как показал Георгий Колас в своей книге*. Спасение Купалы обусловило счастливое для него стечение обстоятельств.

Янка Купала
(портрет худ. Н. Гусева)

Вместе с тем, именно страх принудил поэта в покаянном письме в газету «Звязда» в декабре 1930 года отказаться от соратников-нашенивцев. Этот акт отречения фатальным образом был связан с архетипом смерти. На Западе узнали о покушении Купалы на свою жизнь**. Поползли слухи о смерти поэта. И вот он, отвечая друзьям и «врагам», в запале бросил: «Никогда никто меня при советской власти не арестовывал, и никогда я не умирал». И это после того, как в письме к А.Червякову он выжал из себя горькое признание:

> «Умираю, принимая то, что лучше смерть физическая, чем незаслуженная смерть политическая. Видимо, такова участь поэтов. Повесился Есенин, застрелился Маяковский, ну и мне туда за ними дорога. Жалею только, что не смогу больше принимать участие в великом строительстве, которое развернула партия и Советская власть в БССР».

Но судьба распорядилась по-своему. Физическая смерть тогда обошла поэта — он получил отсрочку до июня 1942 года. Началось духовное умирание — агония

* Колас Г. Карэнні міфаў. Мінск, 1998.

** Купала совершил попытку самоубийства 27 ноября 1930 г. Непосредственной причиной послужило то, что следователи ГПУ хотели изобразить его руководителем и идейным вождем мифической контрреволюционной организации «Союз освобождения Беларуси». — *Прим. ред.*

таланта. Страх, который душил поэта до переломного 1930 года, дополнился искушением выгоды. После 1930 года Купала имел все, что мог иметь в то время представитель сталинской элиты, – собственный особняк, прислугу, государственное обеспечение, автомобиль с шофером, дачу в Левках. И... не отказался от этих выгод. Кстати, отказ был бы воспринят примерно так же, как и покушение на самоубийство...

Как истинный беларус, Купала не отказывался от благ, дарованных ему кремлевским горцем. Но продолжал тайно ненавидеть вождя. Одновременно писал в честь его оды. А на свое благополучие смотрел с мрачной иронией – сегодня есть, завтра нет.

Купала не был циничным прагматиком. Вещи и деньги не играли в его жизни такой роли, чтобы его можно было назвать продажным сервилистом. Между тем такая категория профессиональных литераторов в 1930-е годы существовала – они успешно занимались «оглобельной критикой» (от слова оглобля).

3. «Доносительство» как профессия

Никита Обносок (Мікіта Зносак) из купаловских «Тутэйшых» запутался в своих «свободных профессиях». Никто так и не узнал, кем он служил при поляках – «разносчиком» или «доносчиком». Но Обносок был бездарным неучем в деле «доносительства». Все что сделал – так это сдал властям одного «товарища», который воскрес к концу пьесы и повел Никиту за кулисы, чтобы «шлепнуть».

А вот литературное «доносительство» к концу 1920-х стало профессией, обладатели которой получали зарплату, гонорары и премиальные. Действовал целый отряд критиков, специализировавшихся на литературных доносах, сочинении таких рецензий и статей, что их можно было приобщать к судебным делам литераторов-нацдемов. Делалось это достаточно профессионально. «Особый отряд» организационно оформился в 1928 году и назвал себя БелАПП – Беларуская ассоциация пролетарских писателей. Он возник в результате второго раскола «Молодняка». Кстати, первый раскол, произошедший в 1926 году, освободил наиболее творческие резервы объединения и привел к созданию «Узвышша», тогда как второй высвободил энергию иного типа.

По какой-то неясной причине – классовому суеверию, что ли – к БелАПП присоединились и некритики – Анатоль Астрейко, Петрусь Бровка, Платон Головач, Юрий Гаврук, Илья Гурский, Алесь Звонак, Аркадий Кулешов, Михась Лыньков, Борис Микулич, Янка Скрыган, Юлий Таубин, Валентин Тавлай, Павлюк Трус, Станислав Шушкевич и другие. Однако не о них сейчас речь – их можно винить разве что за определенные социальные иллюзии. В недрах БелАПП возникла структура, которая исполняла одновременно несколько функций: продолжала литературную полемику, начатую еще во времена «молоднякизма»; захватила монополию на литературную критику; вырабатывала официальную «линию» политической цензуры; «доносительство», а после – литературно-критическое обеспечение физической расправы с творцами.

Имена этих «профессионалов» приобрели печальную известность: Лука Бендэ, Алесь (Айзик) Кучер, Яков Бронштейн (1897–1937), Илларион Барашко

(1905–1968), Орест Канокотин и ряд других. «Профессионализация» прежней «молодняковской» критики означала, по сути, злокачественное перерождение сообщества. Дискуссии и полемики, начатые еще в конце 1920-х гг., не были уже ни безобидными, ни творческими, но имели явно политический, агрессивный характер, отягощенный фатальными последствиями. Началась шумная «кампания» против Язепа Пущи с его «Письмами к собаке», Михася Зарецкого с его «кулацкой» и «нацдемовской» прозой, Владимира Дубовки с его поэмами – собственно говоря, против всего «нашаніўства» и «узвышэнства».

Дмитрий Жилунович
(Цішка Гартны; 1887—1937)

К этой кампании присоединились не только критики-профессионалы, но и бывшие поэты, прозаики, которые тоже «специализировались» в жанре «оглобельной критики». Дмитрий Жилунович (Цішка Гартны) ради этого даже взял еще один псевдоним – Янка Пільны («Бдительный»). Под этим псевдонимом прежний национал-коммунист бичевал Язепа Пущу:

«Писателю надо лечиться, чтобы не парализовать себя. Ему надо пройти инфекционную камеру и избавиться от вредных наростов, отравивших его мысли и взбаламутивших его настроение» («Полымя», 1927, № 5)*.

Тодор Глубокий (А. Дударь) написал погромную статью «Ветер с Востока», представлявшую собой донос на Дубовку и Пущу. С аналогичной публикацией – «Тени на солнце» – выступил Андрей Александрович. Эти энергичные действия привели к тому, что «Узвышша» распустили и репрессировали раньше других литературных объединений.

От апологетики — к оглобельщине

Этот переход заслуживает внимания, ибо содержит в себе ряд поучительных моментов. Особенно впечатляет контраст между благородным намерением и последствиями – окончательным, так сказать, продуктом.

Дискуссии в литературе были и будут. Они являются приманкой не только для извечных литературных скандалистов, но и для эстетов, мечтателей, апологетов творческой идеи.

Поучительную историю поведал в своей книге-исповеди Борис Микулич – о собственном участии в «кампании» против «узвышэнцаў», в которых он видел литературных противников:

«Узвышанцы» на меня косились – с 1928 года в печати появилось несколько моих агрессивных рецензий и статей; «Узвышша» не выдержало и ответило мне в своем

* Есть зловещая ирония в том, что Дм. Жилунович ушел из жизни (11 апреля 1937) именно во время «лечения», которое он проходил в Могилевской психиатрической клинике по инициативе и под присмотром «врачей» в фуражках с голубым околышем. – *Прим. ред.*

журнале – значит, заело. После одного «собрания», которое закончилось грандиозной попойкой с хождением на польское кладбище, я отстал от этой компании. И здесь Сенькевич (он редактировал «Полымя», ставшее тогда «нейтральным») вдруг предложил мне вместе с Лиходиевским написать рецензии на книги Таубина, Астапенки».

Микулич с радостью принял предложение...

Справка: Змитрок Астапенко был арестован в 1936 и осужден на 8 лет заключения. Умер в 1944. Степана Лиходиевского в 1933 сослали на 3 года в Казахстан, но он остался жив.

Юлий Таубин был казнен в подвале минской тюрьмы НКВД в ночь с 29 на 30 октября 1937. Ему было тогда 26 лет.

Бориса Микулича арестовали 26 ноября 1936, осудили на 10 лет заключения, в 1943 перевели в категорию ссыльного. Освободился в июне 1947, но в апреле 1949 был осужден повторно и умер от туберкулеза в ссылке в Сибири 17 июня 1954.

Борис Микулич (1912—1954)

Не исключено, что многие из агрессивных сервилистов своего времени участвовали в самоубийстве литературы сознательно, искренне, идейно. Многие из них сохраняли верность сталинской идеологии и собственным политическим убеждениям даже перед казнью. Но расстояние между апологетикой и чистым сервилизмом, как выясняется, совсем невелико.

Комплекс Сотникова и Рыбака

Историю Сотникова и Рыбака многие считают повестью о подвиге и измене, герое и предателе. Но у Василя Быкова никогда не бывает все так просто.

Рыбак, кажется, выглядит живым воплощением холуйства. С какой готовностью он пошел на службу к полицаям. Как будто комплекс прислуживания сидел у него в генах. Даже неудобно за беларуса, столь гротескно деформированного в этом персонаже.

Одна моя знакомая из России спросила: «Скажите, отчего среди беларусов столько предателей? Как показала Великая Отечественная война»... Мне пришлось долго объяснять ей истоки и обстоятельства коллаборационизма. То, как в истории беларусы уникальным образом изменяли самим себе, но парадоксально через это и спасались. Они терпели угнетение, экспансию и насилие, а захватчики и насильники принимали их терпение за солидарность. И очень удивлялись, а затем обижались на беларусов за то, что «опять предали».

Не будем, однако, сбрасывать со счетов и «комплекс служения» в традиционной модели поведения беларуса. Он есть. Как есть осторожность и стремление ладить с поганым, наихудшим в мире начальством (Вл. Короткевич) – «другого Бог не дал».

Но и Сотников – «антипод» Рыбака – тоже служит! Он – раб своих убеждений, а иногда суеверий, раб железной и жестокой логики, догматически поня-

той военной обязанности. Ради этого Сотников готов расправиться со старостой, сочувствующим и помогающим партизанам, становится причастным к гибели ни чем не виновной Демчихи и ее детей. По большому счету, Сотников вместе с Рыбаком делит вину и за проваленное задание.

Сотников и Рыбак – две крайности служения. Рыбак – продолжение Сотникова в другой ипостаси. «Служение идее», «принципам», что так рьяно проявляли литераторы в упорной грызне между собой, в политическом контексте того времени объективно укрепляло власть, являлось проявлением приверженности большевистской идеологии, сталинскому режиму, коммунистической тоталитарной системе.

«Конец дружбы»: Кучер и Моряков

Борис Микулич «ревновал» Кучера: пенял, что тот поет дифирамбы враждебным ему литераторам – в частности, Юлию Таубину. Алесь Кучер действительно в начале своей карьеры был критиком дифирамбичным. Впрочем, и достаточно квалифицированным: по крайней мере, мог отличить настоящую литературу от подделки.

Кучер 1920-х годов специализировался в жанре «литературных портретов». Кучер 1930-х – автор «портретов», служивших основанием для приговоров, выносимых органами внесудебной расправы. Очерк Кучера о поэте Валерии Морякове, напечатанный в журнале «Маладняк» (№ 7 за 1929 г.), – это заметка друга, весьма благосклонное рассмотрение эстетических и возрожденческих достоинств поэзии Морякова (которые действительно были). Отношения Морякова и Кучера с юности (они были ровесники) складывались как творческая и человеческая дружба. До времени.

Есть другой документ – «О творчестве Валерия Морякова», выполненный критиком по запросу Управления госбезопасности 20 мая 1935 года. Один и тот же поэт, те же самые произведения. Тот же самый критик – друг. И вот какие разные оценки Морякова:

Алесь Кучер

«Бросается от крестьянских мотивов к городским, и ему чрезвычайно больно бросить один из них. Это видно по его сборнику «Лепестки», которому характерны художественность и эмоциональность стихотворений.

Самые сильные стихотворения третьего творческого периода Морякова: «Цыганка»..., интересный величайшей влюбленностью поэта в «золотую таинственность земли»; «Слышишь, Беларусь»... – бунтарски напряженное стихотворение; «Беларуси»..., которое характерно искренней любовью поэта к отечеству...»

Из второго документа:

«Таким образом, перед нами творческое лицо Морякова. Моряков на протяжении своего творческого пути исповедовал буржуазно-националистические, кулацкие взгляды. Эти взгляды теснейшим об-

разом переплетались у него с пьяной богемой и упадничеством, с враждебным отношением к фабрике, заводу, индустриализации советской Белоруссии, с клеветническими обвинениями по адресу советской власти, что она не бережет и не заботится о рабочих так же, как об интеллигенции, в том числе, интеллигенции художественной».

Валерий Моряков
и Алесь Дударь (слева)

Справка. Поэт Валерий Моряков (1909–1937) арестован в 1936, расстрелян 29 октября 1937. Во время допросов следователь пользовался «разработками» Кучера, об этом свидетельствуют архивные документы. Реабилитирован в 1957.

Алесь (Айзик) Кучер (1910–1996) был награжден орденами «Знак Почета», «Отечественной войны» II степени, медалями. Известен факт: в 1970–1980 годы из библиотек исчезли публикации Кучера 1930-х годов – были вырезаны ножницами из подшивок газет и журналов.

Комплекс Сальери и школа ненависти

Вырисовывается четвёртый фактор, способствующий превращению литератора в агрессивного сервилиста – сублимация ненависти*. Творческое несогласие и конкуренция, накал литературной борьбы, ревность к чужой славе, зависть бездари таланту (комплекс Сальери) – все способствует такой сублимации. Однажды у творца возникает желание уничтожить оппонента.

Более пригодных условий для этого, чем тоталитарный, репрессивный режим, у него нет. Режим оправдывал убийство ради идеи, взращивал стадную ненависть и сакрализовал ее проявления (нечто похожее на «минуты ненависти», описанные в 1949 году Джорджем Оруэллом в романе «1984»).

В заочной расправе творцов с творцами удивляет чрезвычайная жестокость, этакий литературный каннибализм. Образчик коллективного каннибализма – «Посвящение поэту Пуще и другим подобным», сложенное «группой поэтов» Калининщины (был и там «молодняковский» филиал). Его напечатал «Чырвоны сейбіт» (1929, № 12):

Хто такі ты, Пушча?
Што ў цябе на сэрцы,
Яд, атрута, злосьць?!
Табе у дзень цёмна,
Цёмна, як уночы.
Бо чаму ты кажаш:
Запалю лiўтарню.
Годзе пляміць нашы песьні,
Голас скора ўжо ваш трэсьне!

* Сублимация – преобразование энергии сильного чувства (например, ненависти) в общественную деятельность и культурное творчество. – *Прим. ред.*

Язеп Пуща (Иосиф Плащинский; 1902–1964)

Происходил процесс выталкивания из литературы лиц, одаренных полноценными талантами, ярких индивидуальностей. Тоталитарному режиму, с его жестко ограниченными стандартами жизни, нивелировкой во всех сферах, такие не нужны.

*«Кат ученый» – Лука Бендэ**

Иногда в этой фигуре находят нечто зловеще демоническое, мистическое. Вплоть до такой степени, что пытаются списать почти все преступления против беларуской литературы в 1930 годы на эту сверходиозную личность. О Луке Бендэ с отвращением, возмущением и почти мистическим ужасом писали Олег Лойко в биографической книге о Купале, Павлина Медёлко в своих воспоминаниях. Борис Саченко посвятил этому антигерою целый раздел книги «Снятся сны о Беларуси...».

«Академическое» обличье Л. Бендэ, его «литературоведческая» въедливость и настырность в поисках контрреволюции, холодная жестокость, «мастерство» превращать белое в черное – все соответствует чертам «палача ученого». Психологи найдут в его «литературно-критической деятельности» сублимацию сложного садомазохистского комплекса.

Справка: Лука Афанасьевич Бендэ родился в 1903 в деревне Щекоцк (ныне Ивановский район Брестской обл.) в крестьянской семье. Окончил Белорусский Коммунистический университет (1926). Сначала работал в Витебском ветеринарном институте, потом – в Институте языка, литературы и искусства АН БССР, одновременно – в журнале «На пагатове» и в Госиздате в Ленинграде. Печататься начал с 1925, член Союза писателей СССР с 1934.

С 1935 – в Институте русской литературы (Пушкинский Дом), заведовал кафедрой русской литературы в Ленинградском областном учительском институте. Во время войны служил в войсках НКВД в Ленинграде. С 1946 – преподаватель в педагогических и учительских институтах Даугавпилса, Ленинграда, Выборга, Житомира, редактор Ленинградского отделения государственного литаратурного издательства. Умер 23.12.1961.

Бендэ уничтожал других. Но и сам был унижен, хотя уцелел. В 1934 году он едва успел унести ноги из Беларуси, когда началась кампания борьбы с «вульгаризаторами». При этом прихватил с собой архивы писателей, репрессированных по его доносам. Вот что вспоминал один из литераторов, ставших жертвой «палача ученого»:

«Был я на квартире в Ленинграде у этого живодёра, как называла его Владислава Францевна /супруга Янки Купалы – *ред.*/. После войны уже. Жил он роскошно, на Невском проспекте. Вся большая, из нескольких комнат, квартира заставлена бы-

* Автор статьи использовал игру слов «кот ученый» – «кат ученый». По-беларуски «кат» означает «палач». – *Прим. ред.*

ла папками, книгами... И моя нашлась книга, что должна была выйти, да не вышла... И неизданные книги других беларуских писателей там стояли – Дубовки, Пущи, Горецкого, Жилки... Так, как нас брали, в таком порядке и стояли наши книги... Он их продавал, понятно, за хорошую цену...»

А вот каким увидел «монстра оглобельной критики» Борис Саченко в 1960 г.:

«Он даже внешне был неприятен. Худой, лысый до последнего волоса, с глазами, смотревшими как будто с того света, и пронзали насквозь. Помню, когда, знакомясь, он протянул руку, и я в ответ подал свою, показалось, что прикоснулся к чему-то липкому, омерзительному – то ли плесени, то ли паутине».

Но работы Бендэ производят впечатление не демонизма, а посредственности – посредственности, возведенной в квадрат. Его метод был чрезвычайно примитивен: уничтожение литератора через классовую оценку творчества, дополненную холодной ненавистью (комплекс Сальери) и какой-то особой дотошностью. А уничтожались и живые, и мертвые мастера:

«Творчество Купалы из активно деятельного, революционного, превращается накануне Октября в либералистское, ввиду отсутствия революционных элементов оно приобретает глубоко националистический характер, со всеми чертами, свойственными нашенивскому национализму».

«Творчество М. Богдановича по сути своей есть художественное проявление надежд, сил, стремлений, отчаяния, страха и бессилия беларуской буржуазии...»

Лука Бендэ
(фото 1930 г.)

Литературоведческую «школу» Луки Бендэ дополняли разработки его последователей. Это И. Барашко – «Буржуазные течения в современной литературе» (Мн., 1930), А. Кучер – «Великая перестройка» (Мн., 1933), О. Канокотин – «Литература – оружие классовой борьбы» (Мн., 1933) и другие.

4. Сервилизм как ритуал

Литераторы, которые пошли на сотрудничество с режимом большевиков в 1920-е годы на почве беларусизации, позволяли себе скрытый оппозиционизм, верность «нашенивским» идеалам, определенный социальный критицизм.

В 1930-е годы литераторы уже не имели выбора – идти или не идти на сотрудничество с властью. Власть диктовала им правила физического выживания. Причем соблюдение этих правил все равно не гарантировало никому безопасность от ареста, следствия, заключения или ссылки. И все же литераторы пытались принять правила жестокой игры. Далеко не все бросились писать статьи-доносы. Но сервилистами стали многие.

Критики преимущественно занимались выявлением и разобачением «классовых врагов» в литературе.

Прозаики взялись за выполнение «социальных заказов» – сочинение повестей и романов об индустриализации, коллективизации, раскулачивании и т.д. («Переполох на загонах» Платона Головача, «Весна» Кузьмы Черного, «Вязь» Михася Зарецкого, «Язеп Крушинский» Змитрока Бедули).

Драматурги использовали возможности этого рода литературы (интригу, конфликт), чтобы показывать ужасы капитализма, шпионаж и подкопы всевозможных врагов. Или же бросались в новейший жанр «производственной драмы» («Мост» Я. Романовича, «Здесь» Р. Кобеца, «Кочегары» И. Гурского).

Поэты отдали предпочтение одам, прославлявшим социалистическое строительство, партию, Сталина. Не было ни одного беларуского поэта, который не посвятил бы Сталину нескольких стихотворений. Возвеличивание вождя стало своего рода литературным ритуалом.

Не был исключением и Янка Купала. Составители предпоследнего его собрания сочинений старательно «вычистили» из этого издания как «националистические» произведения поэта (трагикомедию «Тутэйшие», около сотни стихотворений, публицистические статьи, письма), так и сервильные творения. А зря. Публиковать надо всё.

Стихотворений, посвященных Сталину, у Купалы достаточно: «Тебе, вождь...», «День Конституции», «О Сталине-сеятеле», «Спасибо партии Ленина-Сталина». Напрасно искать в этих произведениях искренность. Как известно, Купала всегда ненавидел вождя. Поэтому исполнение ритуала стало одним из тяжких этапов угасания его таланта. В купаловской «сталиниане» чаще всего проявляют себя усталость, автоматизм письма, дежурная газетная пафосность. Купала не донимал себя поиском метафор. Он автоматически рифмовал строку за строкой, часто применяя рефрены:

Дзякуй за годнасьць паэта народнага,
Дзякуй за Леніна ордэн мне радасны,
Дзякуй за прэмію Сталіна роднага,
Дзякую Сталіну, сокалу яснаму!

Равнодушные строки – от равнодушия. И так со всей купаловской «сталинианой» – за небольшим исключением, о чем еще скажем.

Купала должен был исполнить еще один ритуал – раскрытия и осуждения «врагов народа» – убийц Кирова и Горького, троцкистов, уклонистов... Он и выполнил, с тем же холодным сердцем, мертвым равнодушием стихотворения «На смерть товарища Кирова», «Мало их повесить!..», «Смерть убийцам А.М. Горького». И в этих произведениях – феноменальная для Купалы небрежность в поэтической технике, в создании ритуального настроения ненависти:

Пятакоў і Троцкі,
Муралаў і Радэк
Пакінуць хацелі
Царскі нам парадак.

«Это не Купала!» – скажет возмущенный читатель. Да, это не тот Купала, которого мы знали раньше. Примитивность приведенных строк показывает не творческую беспомощность, но умышленную неловкость.

5. Иллюзии сервилистов

Купала, благодаря солидному творческому стажу и жизненному опыту, не имел иллюзий. Он как творец успел реализовать себя раньше. Свою Беларусь он воспел, усадил за свадебный стол, а потом похоронил. Лучшие произведения были уже написаны. Не имея ничего другого, ввиду отсутствия перспективы, творец пытался как-то прожить оставшиеся годы.

Более молодым – тем, кто только входил в фазу творческой зрелости и жаждал полной самореализации, трудно было увидеть заранее тупик своей творческой судьбы.

Кузьма Черный с дочерью

Одним из таких был Кузьма Черный (Николай Романов; 1900–1944). Мечта каждого прозаика – создать «роман века». Кузьма Черный, по своему таланту и творческим потенциям мог не только мечтать, но и реально был способен на это. Он практиковался в литературном импрессионизме, экспериментировал, постигал тончайшие приемы психологического анализа, проникновения в «поток подсознания». Он создал один из первых в беларуской письменности интеллектуальный роман – «Сестра» (1927–28 гг.).

Наверное, писатель не сразу ощутил в своей прозе переломный момент. Критика убеждала, что этот перелом – к лучшему.

Признаки кризиса имела его повесть «Лявон Бушмар» (1929). Произведение, написанное во время «великого перелома», уже наполовину было конъюнктурным, но наполовину еще психологически «черновским». Прозаик доказывал порочность кулачества, а попутно пытался найти «ген» собственничества, рассматривал кулачество не как социальное явление, но как инстинкт, данный в наследие, – своего рода фатум, рок. И здесь он сближался с художественным опытом Герхарта Гауптмана, Генрика Ибсена.

Следующие произведения Черного были уже вполне конъюнктурными. «Третье поколение» (1935 г.), «Люба Лукьянская» (1936 г.), «Весна» (1939 г.) – образцы сервильной прозы (не самые худшие), созданные по социальному заказу. Они не удовлетворяли самого создателя. В те годы Черному приходилось отбиваться от нападок «оглобельной критики».

Конъюнктурная покорность не спасла от ареста. Черного арестовали 14 октября 1938 года, он отсидел в КПЗ на Володарке почти 8 месяцев, потом – благодаря ходатайству более старых литераторов и везению, был отпущен (8 июня

1939). О своем заключении он написал в дневнике: «бросали на каменный пол и били палками, загоняли иголки под ногти, кричали в уши через бумажные рупоры»...

В 1940-е годы Черный сделал последнюю отчаянную попытку создать «роман столетия». Таковым могло стать произведение «Поиски будущего» (1943 г.), или «Млечный путь» (1944 г.). Но первому не хватило литературной шлифовки и лично пережитого материала. Второй, глобальный по своему замыслу, – остался незавершенным.

Умер К. Черный 22 ноября 1944 года от инсульта, при темных, невыясненных обстоятельствах.

Добротный сервилизм

Еще одно искушение, иллюзия художников, поддавшихся воздействию конъюнктуры, – искушение ремеслом: дескать, и сервилизм позволяет делать настоящее искусство – качественное, достойное.

Можно надеяться «на потом» (как Черный), можно апатично жить как приходится, можно доживать свой творческий закат (как Купала). Однако полная самореализация в условиях тоталитаризма – иллюзия. Единственная реальная возможность – не потерять «форму», сохранить человеческий облик.

Беларуский сервилизм имеет в своем активе несколько действительно добротных произведений. Одно из них – стихотворное письмо «Великому Сталину от беларуского народа», датированное 11 июля 1936 года. «Письмо», как свидетельствует ремарка, «подписали 2 миллиона трудящихся Советской Беларуси». Создателями этого уникального текста были Янка Купала, Якуб Колас, Андрей Александрович, Петрусь Бровка, Петро Глебка, Изи Харик.

Каждый делал свою отдельную часть. Сочинение «Письма» превратилось в своеобразное соревнование – кто лучше. Стимулировал и «антигонорар», которым могла оказаться пуля или длительный срок заключения.

В этом соревновании даже Купала изменил своему хилому сервилизму: его строки, которыми завершается «Письмо», безусловно, наиболее совершенны, если исходить из критерия поэтической техники. Кажется даже, что это прежний Купала, темпераментный, пылкий, живой:

Янка Купала (фото 1941 г.)

Хай смутак вачэй тваіх добрых ня росіць
Ці сонейка захад, ці сонейка ўсход,
Прымі прывітаньне, якое прыносіць
Табе, правадыр, беларускі народ.

Кажется, что Купала видел, когда писал эти строки, кого-то другого – действительно с добрыми глазами. Кого? Возможно, Властелина беларуской земли, о котором мечтал и которому мог бы служить как поэт...

Аналогичное письмо к «вождю» сложили беларуские поэты Западной Беларуси, в числе ко-

торых – Максим Танк и Наталья Арсеньева. У тех были свои иллюзии (до осени 1939 года) относительно советской Беларуси и ее кремлевского «батьки».

6. Клетка сервилизма (вопросы поэтики)

Сервилизм – этически порочное художественное явление, но все же с развитой и структурированной поэтикой (совокупностью особенностей и приемов).

«Клеткой» мы называем эту систему не только потому, что она содержит готовые рецепты и каноны творчества, но и вследствие того, что предусматривает целый комплекс ограничений и запретов. Таковыми являются запреты:

– на критику существующего строя, режима;

– на формотворчество (авангардизм), на «эстетство»;

– на возврат к классическим формам письма;

– на показ эротики, других «антихудожественных» и «антиобщественных» проявлений;

– на «натурализм» (жесткий реализм);

– на восхваление заграничного, «вражеского», буржуазного;

– на сочувствие к классовым врагам;

– на сомнения;

– на отдельные жанры (детектив, прозу ужасов, а в Беларуси – даже на исторический роман).

В первое послевоенное 10-летие (1946–56 г.) официальная критика наложила запрет на конфликт. Появилась «теория бесконфликтности», по которой в социалистическом обществе не может проявляться конфликт «между хорошим и плохим», но остается конфликт «между хорошим и еще лучшим», который и следует отражать в произведениях.

Подытожим приемы сервилизма.

Гиперболизм

Иначе, отсутствие меры в похвале и проклятии. Отсутствие меры – постоянный канон жанра. Гиперболизм мог стимулировать эмоции как молодых, так и пожилых творцов, создавая иллюзию эмоциональности. Еще одна цитата из «Письма...», которая опять-таки принадлежит Купале:

Ты сонца для нас, што зямлю асьвяціла
І ласкай сагрэла палі, гарады.
О, Ты рэк паўнаводных імклівая сіла,
Ты – наша вясна, дарагі правадыр!

Здесь ощущается момент сакрализации – обожествление властителя, прием, известный с времен Горация, который обожествлял – может быть искренне – божественную природу императора Августа.

Экспрессивность

Качество, которое генетически связывает творчество сервилистов с достижениями Купалы, Тётки (Элоизы Пашкевич), «молодняковцев». Но теперь средства выражения сосредоточились либо на восхвалении, либо на разоблачении.

В последнем случае применялись достаточно примитивные, хотя и энергичные, языковые средства, даже грубая брань.

Фольклоризация

Этот способ опять же изобрел Купала, который – как мэтр поэзии, пусть усталый, но мэтр – внутренне стыдился примитива. Он знал: примитив оправдан разве что в фольклорной стилизации. И потому большинство конъюнктурных стихотворений Купалы 1930-х годов – насквозь фольклорны. Прежде всего, стихотворения так называемого «левковского цикла». Это качество с умилением отметил Горький, который не умел подделываться под фольклор. Прочитав купаловские «левковские» стихотворения, он оставил на полях стихотворения «Лён» отметку из одного слова: «Славно!»

Як расьці стаў, як падрос,
Як лісткі ўзьняў дагары, –
Лён палола з раньніх рос
Да вячэрняе зары.
Сэрца ныла, бы з нуды,
Бы сама была ня ўся, –
Спадабала я тады
Брыгадзіра Міхася.
Ой лянок, лянок мой чысты,
Валакністы, залацісты!

«Лён» – словно тусклый отпечаток поэмы «Она и я» с ее циклической композицией, солнечной колористикой, освящением труда.

Самые «кровожадные» Купаловские инвективы сервильного периода смягчаются фольклоризацией – уподоблением народному жанру. Так в «крутом» стихотворении «Беларуским партизанам»:

Партызаны, партызаны,
Беларускія сыны!
За няволю, за кайданы
Рэжце гітлерцаў паганых,
Каб ня ўскрэслі век яны.
На руінах, папялішчах,
На крывавых іх сьлядах
Хай груган іх косьці ліча,
На бяседу соваў кліча,
Баль спраўляць на іх касьцях.

Выбор между личным и общественным

Понятно, что в сервильной литературе положительные герои делают выбор в пользу общественной (гражданской) обязанности. В этом сходство сервилизма 1930-х и классицизма.

Но этот выбор более не освящается традиционной христианской моралью – наоборот, чаще всего он аморален. Жена обязана донести на мужа («Третье по-

коление» К. Черного). Герой должен отказаться от друга, если тот, пусть даже по недоразумению, попал в ряды «врагов народа» (драма К. Крапивы «Конец дружбы»). В рамках этого аморализма лежит и культ убийства — ради торжества социалистической идеи. Самая мерзкая сцена в «Миколке-паровозе» Михася Лынькова (1936 г.) — когда мальчик Миколка и его дед настреляли целую уйму белогвардейцев и любуются трупами.

Deux ex machine (Бог из машины)

Старый, как само искусство, способ разрешения конфликтных узлов произведения, разработанный еще в античном театре. Появлялись Гермес или Афина, либо другой олимпиец на специальной театральной машине и утрясали человеческие недоразумения. Мольер использовал этот прием в комедии «Тартюф», где лицемера смог обуздать только король Людовик XIV, пославший своего офицера арестовать его.

Карикатурное употребление приема мы находим в «Пинской шляхте», где правосудие восстанавливает асессор Крючков — гротескное воплощение Власти.

В сервильных произведениях роли «богов из машины» чаще всего исполняли партийные секретари, иногда — милиционеры, офицеры НКВД — исполнители воли «вождя». Так, в комедии Крапивы «Кто смеется последним» (1939 г.) Горлохватского разоблачает Леванович, секретарь парткома.

Новояз (сервильный жаргон)

Язык сервильных произведений 1930-х годов образовывают два стилевых пласта. «Высокий» стиль смягчает экспрессивно окрашенные языковые единицы, которые передают чувства приподнятости, восторга и одновременно — самоунижения. «Низкий» стиль предназначен для разоблачения «врагов» и граничит с довольно грубой бранью. Кроме того, был создан специфический литературоведческий новояз, который, кроме брани, вбирал в себя политическую лексику, газетный жаргон того времени. Благодаря ему появились «термины» типа «нацдемовщина», «белбурнац» (беларуский буржуазный националист) и другие новообразования.

Подтекст (эзопов язык)

Как ни странно, но в произведениях 1930-х такой подтекст можно обнаружить. Иногда этот подтекст гипотетичен (кажущийся), иногда — просто парадокс, связанный с совмещением двух времен или двух типов восприятия. Однако подтекст автор-сервилист мог закладывать в произведение и бессознательно, интуитивно. Перечитаем, например, стихотворение Купалы «На смерть товарища Кирова» и увидим в нем скрытую «черную» иронию:

...Ня стала Кірава... Бяз часу сьмерць скасіла...
Герой загінуў ад варожай здрадніцкай рукі...
Таварышы! Зьняць шапкі над жывой магілай!
Хаваюць, ведайце, бальшавіка бальшавікі.

Явный подтекст имеет купаловское детское стихотворение «Мальчик и летчик». Нетерпеливость и любопытство маленького героя, которому невтерпеж посмотреть «на другой порядок и строй», выглядят, по крайней мере, странно:

Мне ўжо надакучыла дома –
Ў дзіцячы хадзі адно сад,
А так паглядзеў бы, вядома,
На іншы парадак і лад.

Наше поколение читало это произведение в усеченном варианте. Текст обрывался на том месте, где мальчик и летчик пролетали над Кремлем. В нем отсутствовали финальные строки:

І там знад нябеснае далі,
Грымнуць громка ўсімі грудзьмі:
Дзень добры, таварыш наш Сталін!
Паклон з самалёта прымі!

Но и в этом варианте ощущается какая-то недосказанность... Что ответил Сталин мальчику? Совсем не ответил? Почему? Неожиданный ответ на этот вопрос дает Адам Глобус (Владимир Адамчик). «Мальчик падает» – коротко пояснил Глобус.

Возможность разночтения – тоже своего рода подтекст, расширение границ «клетки». Таким подтекстом были наделены произведения, которые активно перечитывают и заново интерпретируют сегодня: «Отщепенец» Коласа, «Третье поколение» Черного, «Язеп Крушинский» Бедули, «Вязь» Зарецкого.

7. Выход из клетки

Его в заданных условиях не существовало. Но попытки выхода, расширения творческих возможностей, самореализации – были.

Они проявились в поиске «экологических ниш» – пространства, не заполненного идеологией. Правда, система предусмотрительно ограничивала и такие возможности.

Например, одной из таких ниш мог стать исторический жанр, бегство в прошлое. Некоторые российские писатели этой возможностью воспользовались (А. Толстой, В. Ян, В. Костылев, В. Язвицкий и другие)*. Впрочем, и в этом жанре приходилось приносить жертвы режиму в форме апологетики деспотии (например, «Орел и орлица», «Петр I» Алексея Толстого).

Но беларуские писатели были лишены возможности использовать этот жанр – для них существовала история только после 1917 года.

---

* Алексей Толстой (1882–1945) – автор романа «Петр I» в 3-х книгах (1929–45).

Василий Ян (1874–1954) – автор трилогии «Нашествие монголов» («Чингиз-хан», 1939; «Батый», 1942; «К последнему морю», 1955).

Валентин Костылев (1884–1950) – автор романа «Иван Грозный» в 3-х томах.

Валерий Язвицкий (1883–1957) – автор романа «Иван III, государь Всея Руси» в 5 томах. – *Прим. ред.*

Применялись такие «нейтральные» жанры, как пейзажная, интимная лирика. Однако и на этом пути поэт мог попасть в категорию «богемщиков», мещан, «есенинцев».

Янка Мавр (Иван Федоров; 1883–1971) успешно использовал экологическую нишу приключенческой прозы. Оттенки идеологизации, конечно, есть и в «Полесских робинзонах», «Сыне воды», «Амоке», но законы жанра отодвинули здесь идеологию на второй план.

С риском для себя некоторые творцы пробовали прятаться в нишу «чистой эстетики», совершенствования поэтической формы. Но здесь ограничения были достаточно жесткими. Очень легко было оказаться среди «буржуазных декадентов» и «эстетов».

Янка Мавр (справа) и Якуб Колас

Например, Алесь Соловей (Альфред Радюк; 1922–1978) еще новичком написал стихотворение в форме сонета и послал его в газету. В ответ он получил совет не использовать в дальнейшем «отмерший» жанр. Как известно, Соловей к этому совету не прислушался и написал массу сонетов, триолетов, октав и александрин. Но это происходило в других цензурных условиях. А в 1930-е годы строительство литературных «башен» было занятием напрасным и опасным.

8. Диссидентство. 1956–1991 гг.

Режим подавления и политических преследований творческой интеллигенции после 1956 года относительно либерализовался. Тем не менее, многие типологические признаки прежних отношений между властью и творцами сохранились. Сохранились и прежние мотивации: страх, выгода, «служение идее». Но определенным образом расширились возможности для сопротивления. Появились новые грани процесса, одним из проявлений которого стало диссидентство.

Правда, в Беларуси в 1960–80-е годы диссидентство не оформилось в классическом виде. Главные причины тому – массовое физическое уничтожение потенциальных диссидентов в 1930–40 годы, осмотрительность преемников, сформированная веками беларуская ментальность («памяркоўнасць»).

Существовали ли вообще произведения, запрещенные политической цензурой, или написанные «в стол», явно неприемлемые для публикации в тогдашних цензурных условиях? Увы... В «перестроечное» время из столов достали дневники, отдельные стихотворения, рассказы и заметки. Крупных диссидентских произведений мы не знаем.

Среди книг, изданных в зарубежье, следует отметить произведение Зьніча (Олега Бембеля) «Родное слово и морально-эстетический прогресс», напечатанное в 1985 году в Лондоне.

Беларуский самиздат – это рукописная беллетристика. Так, в 1971–74 гг. в Новополоцке выходил журнал «Блакітны ліхтар». Его издавали местные литераторы В. Мудров, В. Шлыков, А. Рыбиков. В числе авторов состояли Владимир Орлов и Геннадий Кулаженко.

Накануне «перестройки» в Минске выходил журнал «Бурачок» (А. Беляцкий, В. Вечерко, С. Дубовец, В. Ивашкевич и другие)*. Авторы «Бурачка» последовательно и принципиально использовали «тарашкевицу» вместо «наркомовки».

Следует также упомянуть машинописные издания историка-диссидента Николая Ермоловича (1921–2000) «Падсьнежнік» и «Гутарка», которые он выпускал в Молодечно с 1963 по 1964 и с 1971 по 1976 годы. Они содержали и беллетристические произведения.

Возродились традиции анонимности. Образцом ее стал написанный в 1975 году (дата завершения текста, появлявшегося по частям) Франтишка Колдуна Лысогорского «Сказ про Лысую гору». Содержание поэмы – шарж на житье-бытье беларуских писателей, своей политической остротой она не выходит за рамки критики мещанства и неуважения к «беларусчине». Вместе с тем, подпольное распространение поэмы вызвало интерес к ней со стороны КГБ. Традицию анонимности в 1980–90 годы продолжил Колдун Лысогорский-младший, автор нескольких поэм памфлетного, откровенно политического звучания.

Политические жертвы в писательских рядах перестали быть кровавыми. Не было ни арестованных, ни отправленных в ссылку. Но неприятности в отношениях с властями имели В. Быков, А. Адамович, А. Карпюк, А. Рязанов, С. Панизник, В. Орлов и ряд других авторов. В 1975 году за нонконформистские взгляды поместили в психиатрическую клинику писателя Алеся Навроцкого.

Надо отметить общественную активность некоторых литераторов, освобожденных во время «хрущевской оттепели» из тюрем, лагерей и мест ссылки. Если одни молчали, запуганные пережитыми событиями, то другие развили бурную деятельность в «андеграунде» – Николай Улащик (1906–1986), Бронислав Ржевский (1905 –1980) и особенно – Лариса Гениуш (1910–1983).

Были и контрдействия. Широкую молву вызвала отмена в 1973 году научной конференции, посвященной этногенезу беларусов. В связи с ней КГБ выявило «националистический кружок» в Академии наук БССР. В результате изучения гэбистами содержания интеллектуальных бесед ученых были уволены с работы Николай Прашкович (1932–1983), Вячеслав Зайцев (1917–1992), Александр Каврус (1935 г.р.), Валентин Рабкевич(1937–1995), Степан Мисько, Виктор Лапуть.

Большой резонанс вызвал «филфаковский бунт», который начался с невинной просьбы студентов филфака и истфака БГУ в ЦК КПБ перевести преподавание отдельных предметов на беларуский язык. «Бунт» завершился репрессивными мерами против заводил – Алеся Рязанова, Виктора Яроца и ряда других.

* * *

После 1956 года служение системе все больше приобретало чисто ритуальный характер, отмечалось личным неверием или неискренностью. Писатель отдавал дань теме – писал, скажем, произведение, посвященное Ленину, партии,

* От псевдонима Франтишека Богушевича «Мацей Бурачок». – *Прим. ред.*

Октябрю, а затем брался за реализацию более интересных ему творческих проектов. При этом мастера старались и ритуальное дело сделать как можно лучше, чтобы не было стыдно за свое ремесло. Так, Геннадий Буравкин написал добротную, но полностью сервильную поэму «Ленин думает про Беларусь» (1977).

Актуализировалась такая форма терпимого нонконформизма, как социальный критицизм. Примеры его можно найти в произведениях Ивана Мележа (1921–1976), Андрея Макаёнка (1920–1982), Пимена Панченко (1917–1995), Алексея Дударева (1950 г.р.) и других.

Относительная либерализация цензурного режима позволила несколько расширить диапазон социальной критики, а также жанровый и эстетический диапазон литературы. Способов побегов из «клетки сервилизма» стало значительно больше. Открылись новые «экологические ниши».

Вместе с тем, некоторые темы оставались фактически запретными – например, события 1930-х годов и другие «темные» страницы истории, наркомания, события афганской войны, эротика... В ролях цензоров выступали Главлит, работники соответствующих отделов ЦК, партийные функционеры от литературы, негласные надзиратели из КГБ...

9. Стоический нонконформизм Василя Быкова

Алесь Адамович сравнил некоторую монотонность быковской прозы с упорством рядового или лейтенанта, который защищает свою высоту, – и не должен сменяться, ибо тогда перестанет ее оборонять. Одна из европейских газет назвала Василя Быкова последним писателем-традиционалистом Европы.

На самом деле менялись и Быков, и обстоятельства вокруг него. Но действительно впечатляют неизменные артефакты, связанные с его творчеством. Например, быковская манера письма – строгость и скупость в изобразительных средствах, суровость, неулыбчивость, мрачность, трагическая настроенность – они оставались всегда.

Василь Быков (1924—2003)

Оставался и прочный, как каменное здание, быковский нонконформизм. Писатель всегда шел против течения – насколько возможно было идти. Уже первые его «военные» вещи противостояли так называемой «лакировочной» прозе о войне, утверждали принципы «окопной» правды, жестокого реализма.

Позже Быков ощутил на себе удары официальной критики – за произведения, в которых искажал» правду о войне, по сути же, – боролся с официозом в ее изображении (повести «Мертвым не больно», «Проклятая высота», «Круглянский мост»).

Долгое время Быков пребывал в «мягкой опале» – вместе с Алесем Адамовичем и Алексеем Карпюком. Известна его непоколебимая позиция во время кампаний против А. Солженицына.

Прозаик, традиционно считавшийся «военным», исподволь расширял тематику своих произведений, вводя в нее ранее запретные мотивы – раскулачивание, принудительную коллективизацию, насилие после октябрьского переворота, массовые репрессии 1930-х годов («Знак беды», «Облава», «Карьер», «В тумане»); события Слуцкого восстания («На Черных вырубках»); Куропаты («Желтый песочек»); чернобыльскую трагедию («В волчьей яме»).

Иногда говорят о творческой и идейной эволюции Василя Быкова как об одной из моделей превращения «совкового» творца в свободного. Думою, что здесь мы имеем дело с другой моделью – постепенного раскрытия творческой личности, перехода от сокровенного, выстраданного, к откровенному.

Надо добавить, что эстетический пик творчества Быкова пришелся на «советское» время. И не совпадал с пиком его гражданской активности. Но это несовпадение не говорит об «упадке» творца. Творческую личность надо воспринимать как целое, как сумму творческих импульсов и достижений. Отсюда и эта формула – стоический нонконформизм.

ЛИТЕРАТУРА:

Бембель А. Роднае слова і маральна-эстэтычны прагрэс. Лёндан, 1985.

Быкаў В. Крыжовы шлях (Артыкулы. Эсэ. Інтэрв'ю. Выступленні). Мн., 1998.

Вялікаму Сталіну ад беларускага народа // «Крыніца». 1995, № 3 (8), с. 100–111.

Дэмакратычная апазіцыя Беларусі. 1956–1991. (Даведнік) Мн., 1999.

Калубовіч А. Крокі гісторыі. Беласток – Вільня – Менск, 1993.

Купала Я. Поўны збор твораў. Том 5. Мн., 1998.

Кучар А. Літаратурныя партрэты. // «Крыніца». 1998, № 11 (48), с. 103–111.

Макмілян А. Беларуская літаратура 50-х–60-х гадоў XX стагоддзя. /Пер. с англ./ Мн., 2001.

Мікуліч Б. Аповесць для сябе. Мн., 1993.

Сачанка Б. Сняцца сны аб Беларусі... Мн., 1990.

Такі ён быў. Мн., 1958.

Чарот М. «Суровы прыгавор падпісваю першым...». Зборнік твораў, том 1. Мн., 1978, с. 171–173.

Чорны К. Дзённік. // Чорны К. Выбраныя творы. Мн., 2000, с. 579–592.

Янка Купала. Зборнік матэрыялаў аб жыцці і дзейнасьці паэта. Мн., 1955.

Adamovitch A. Opposition to Sovetization in Belorussian Literature (1917–1957). Münich, 1958.

Взгляд на трасянку с позиций лингвистики

Геннадий Цихун

Феномен трасянки не может не вызывать интереса у лингвиста. Само название «трасянка» – это терминологическая метафора, созданная в результате переноса исходного слова из бытовой сферы в сферу лингвистической терминологии. Изначальной основой термина стало, видимо, сочетание «языковая трасянка», похожее на другие словосочетания, используемые в публицистике для определения этого феномена:

– «языковый гибрид» (А. Бубала, «Наша слова», 9.04.94);

– «языковый суррогат» (С. Законников, «Народная газета», 25.01.95);

– «языковая жвачка» («Покажем беларусам их языковую жвачку – может, хоть посмеются над собой», «Круг», 4.04.96);

– «языковая химера» (В. Грицкевич, «Наша слова», 14.07.99).

Первичный смысл слова «трасянка» многие забыли, оно уже требует развернутых объяснений, как, например, в комментарии к «Трасянко-беларуско-русскому словарю», который начала печатать в свое время газета «Круг»:

> «Термин трасянка произошел от названия корма для крупного рогатого скота, то есть коровы. Если у хозяина не хватает хорошего сена, он добавляет солому, старательно растрясая ее. Корова не замечает обмана и съедает трасянку. Правда, молока не прибавляет. Так и беларусы: своей жуткой трасянки не замечают ни дома, ни в автобусе, ни в Верховном Совете» («Круг», 4.04.96).

О времени возникновения термина-метафоры нет точных сведений, но моделью для образования термина «трасянка», видимо, стал соответствующий украинский термин – «суржик» (он обозначает смесь ржи, пшеницы, ячменя, овса или низкокачественную муку из разного зерна). Впрочем, можно допустить и вполне самостоятельное развитие, ибо идея смешения и низкого качества присутствует во всех названиях аналогичных творений. Например, вот какую оценку дала ей С. Прохорова:

> «Трасянка – чудовищная смесь языков – не только показатель низкого культурного уровня страны – это система формирования акультурных личностей с сумятицей в душах и головах» («Аргументы и факты в Беларуси». 1997, № 38).

Яркая эмоциональность метафоры позволила термину «трасянка» закрепиться в беларуской лингвистике.

Другие обозначения – «мешанина» (Я. Миранович), «ломанина» (А. Белецкий), «тарабарщина» (А. Козлович) – при всей их экспрессивности имеют слишком общий характер и не поддаются терминологизации.

Из журнала «Arche», 2000, № 6, с. 51–58. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

Некоторые авторы усиливают эмоциональный характер термина, соотнося его с конкретной личностью (наиболее ярким носителем трасянки) или со средой, где трасянка употребляется. «Двуязычие по-мински. Оно здесь получило название «дементеевская трасянка» (С. Струменский, «Наша слова», 6.12.95). В результате семантической конденсации это дает термин «дементеевка» как например у Рыгора Бородулина: «А все начальство, молотя, как теперь говорят, на дементеевке, думало, что говорит по-русски» («Маладосць», 1994, № 10).

Адам Мальдис образовал композит — «матотрасянка»:

> «Сегодняшний гражданин нашей страны должен одинаково хорошо знать не только русский, но и беларуский язык. К сожалению, он чаще всего не знает хорошо никакого, говорит на «трасянке», густо пересыпанной матом («матотрасянке»)» («Літаратура і мастацтва», 29.09.95).

И, наконец, многие авторы через определения пытаются выразить свое эмоциональное отношение к самому явлению: «знаменитая, ужасающая своей убогостью «трасянка» (С. Законников); «отвратительная трасянка» (А. Белецкий), «наихудшая трасянка» (В. Скороход), «жуткая трасянка» (А. Козлович).

В связи с экспансией трасянки в административную сферу Сергей Островцов, подчеркивая ее гибридный характер, использовал термин «государственный новояз»:

> «Рабочий язык селекторной планёрки – государственный новояз» («Наша Ніва», 12.08.96).

Мы так подробно остановились на обозначениях этого феномена потому, что они, по нашему мнению, во многом раскрывают его сущность.

* * *

Что же такое трасянка с лингвистической точки зрения? Это языковый продукт, возникший путем механического смешения элементов двух языков – русского и беларуского. Типичный продукт такого смешения – креольские языки, в том числе пиджины*. Российский исследователь М. Дьячков в своей книге «Креольские языки», изданной в Москве в 1987 году, писал следующее:

> «Пожалуй, можно считать, что насильственное подчинение одних народов другими, массовые миграции, неравноправные отношения между разными этносами составляют тот исторический фон, на котором формируются пиджины».

Разумеется, нет оснований полностью отождествлять трасянку с пиджинами или даже креольскими языками, прежде всего потому, что у нас речь идет о взаимодействии близкородственных языков, тогда как при образовании пиджинов взаимодействовали обычно далекие в генетическом и типологическом плане языки. Трасянку можно определить скорее как креолизованный язык или, точнее, креолизованный вариант беларуского языка.

Вопрос о языковой базе трасянки, кажется, не вызывает возражений – большинство исследователей считают ее основу беларуской. Один из читателей газеты «Звязда» даже утверждал:

---

* Пиджины – языки, используемое как средство общения в среде разноязычного населения. Известно около 50 пиджинов. – *Прим. ред.*

«Еще надо благодарить Бога, что мы хотя и на «трасянке», но все же разговариваем по-беларуски» (13.06.96).

Определенные расхождения возникают при попытках определить ее лингвистический характер, например, при трактовке трасянки как языка или говорения у одного и того же исследователя. Языковед Нина Мечковская пишет:

«Трасянку составляет множество стихийно и по-разному организованных индивидуальных вариантов белорусской речи... И так называемые трасянка (в белорусском) и суржик (в украинском) это стихийно и по-разному русифицированные варианты национального языка»*.

Как и каждый креолизованный языковой продукт, трасянка возникла изначально из необходимости поддержания коммуникации между коренным беларускоязычным населением, с одной стороны, и русскоязычным административно-партийным чиновничеством, имевшим более высокий общественный статус, с другой. Многочисленные свидетельства об этом обобщенно выразил поэт Рыгор Бородулин:

«Деклассированное большевиками крестьянство вместе с «классовыми» чертами утратило и черты национальные. В новых условиях жизни оно легко поддалось приезжим начальникам, которых боится и от которых страдает... Да, языковая среда разрушена, а здесь еще такой фактор, как города, которые комплектовались за счет русских чиновников и граждан» («Наша слова», 22.02.95).

Пожилой «носитель трасянки»

Колоритно описал конкретные условия, вызывающие «языковый конформизм», читатель газеты «Наша Ніва» Владислав Гарбацкий:

«50-е годы. Советско-беларуская провинция. Вспашка. Уже тогда деревенская беларускость разбивалась о новобетонную русскую советскость. Наивные беларусы прятались на городских свалках или убегали назад от каждого выброса агрессии или просто недовольства со стороны всякого типа председателей, руководителей и других «образованных» людей. А недовольны они были часто, и особенно простотой и деревенской естественностью. Или, в зависимости от плохого настроения, «вульгарной интонацией» беларуского языка. Или негородской выправкой посетителей в мириадах кабинетов в поисках бумажек, справок, в поисках спасения. Вот тогда и родилась окончательно трасянка – советская уродина, которая начала выпрыгивать из беларуских тел, поврежденных и обворованных советскими экспериментами» (19.06.2000).

Значительную роль в ускоренном формировании трасянки сыграли репрессии 20–30-х годов, направленные против так называемых «нацдемов», когда фактически под воздействием господствовавшей тогда атмосферы террора происходил массовый переход на русский язык беларусскоязычной части жителей

* Мечковская Н.Б. Языковая ситуация в Беларуси (1994). Социальная лингвистика (1996).

городов и местечек. Патриарх беларуской литературы Максим Лужанин засвидетельствовал:

> «Не было кому говорить по-беларуски, а кто умел и любил, от страха подстраивался под начальство, а оно держалось и языка своего, и заботы своей. Чтобы выслужиться, все местные один за другим перестали употреблять родной язык» («Маладосць». 1994, № 10).

Определенную лепту в это дело внесла война. Вот как описывал языковую ситуацию в освобожденном Минске театральный критик Борис Бурьян:

> «Парадоксально, но мне помнится, что в 44-м, когда мои фронтовые побратимы входили в Минск, беларуское слово на том же Суражском рынке или в толпе вокруг привокзальной церкви в честь Казанской иконы Матери Божьей... среди подростков, которые тогда – в сентябре 44-го – сбегались к уцелевшим школьным зданиям, – повсюду оно звучало как нечто естественное, привычное, живое. Только вот я (или кто нибудь поофицеристей меня) – человек в армейском убранстве – пробуждал у собеседника-минчанина, бывало, странную смущенную паузу.
>
> В какой-то момент появлялась виноватая улыбка: извините, мол, я здесь по-своему, как мы уже начали привыкать при немцах, а вы же понимаете только по-русски, по-московски... И человек легко переходил на «простите», «благодарю вас», «держитесь берега Свислочи»...
>
> Во-первых, нас, пришельцев с Востока, да еще освободителей, нездешних, удивляла готовность минчанина разговаривать не по-своему, а по-ихнему... И мне такая манера вести разговор показалась неестественной и случайной. По-видимому, «они» здесь во время оккупации, чтобы угодить иноземцам-германцам, отреклись от русской сути и перешли на беларуский язык» («Полымя». 1994, № 5).

Известный сталинский тезис о предательстве всех, кто был под оккупацией, снова создавал «неравноправные отношения между разными этносами».

В дальнейшем, в результате небывалых по масштабам миграций, в первую очередь селян в город, сфера использования трасянки расширилась, поскольку она уже начала восприниматься как обязательный элемент городской языковой ситуации, на которую ориентировались приезжие. Редактор журнала «Маладосць» Генрих Далидович пишет:

> «Селяне буквально заполонили наши города (говорят, нас, таких, в одном Минске более миллиона), но не обеларусили их... В наших городах теперь два языка: русский и трасянка» («Літаратура і мастацтва», 31.05.96).

Наличие такого «двуязычия» не дало основ для закрепления трасянки в качестве основного средства сношений, ибо она даже в глазах ее носителей воспринималась как «некультурный язык», несмотря на то, что гарантировала высокий уровень языковой интеграции в городском окружении.

Однако этот уровень достигался за счет примитивизации исходных структур беларуского и русского языков при языковом взаимодействии, чем и объясняли неполноценность трасянки люди, владеющие двумя (или хотя бы одним) «чистыми» языками. Несмотря на постоянную коррекцию со стороны этих носителей (преимущественно – русскоязычных) путем высмеивания и напоминания о деревенском происхождении («дзярэўня»), а также воздействия русских ра-

дио, телевидения и школы, трасянка остается «самым популярным языком» («Літаратура і мастацтва», 16.02.96).

Как продукт креолизации, она характеризуется малой предсказуемостью появления в процессе говорения тех или иных элементов каждого из языков, которые взаимодействуют во время самого языкового акта. Они зависят от многих факторов, важнейшие из которых – степень ассимиляции говорящих и конкретные условия коммуникации. Наиболее устойчивыми остаются фонетические особенности, что и дает основания большинству наблюдателей оценивать такое говорение как беларуское:

> «Но теперь здесь /в так называемом «частном секторе» Минска. – *Авт.*/ господствует трасянка: и в словах, и, тем более, в произношении, которое всегда оставалось беларуским» (А. Асташонок, «Полымя». 1994, № 11).

А вот наблюдения журналиста Виталия Цыганкова над языком депутатов, выходцев из деревни:

> «Аграрии... имеют в своих рядах одного депутата, который нормально говорит по-беларуски. Остальные же представители этой фракции, очевидно, сделали все возможное, чтобы никто не называл их позорным словом «калхозник»: говорят они уже даже не трасянкой, а почти чистым русским языком. Остались только «аграрные» «г», «ч» и «р» в произношении» («Свабода», 25.01.96).

Молодежный тип «городской деревенщины»

Все это дало основания рассматривать в обобщенном виде трасянку как набор «нелитературных слов, соединяющих собой русский лексический и беларуский фонетический варианты» («Круг», 4.04.96).

Такую особенность трасянки, кстати, замечают и коренные русские, которые констатируют, как это сделал кто-то из русских писателей, будучи в Минске:

> «Слова-то, вроде, русские, а вот язык...» («Літаратура і мастацтва», 5.12.97).

Однако с точки зрения говорящих, в том, что они говорят на русском языке, – сомнения не может быть. Наиболее выразительными свидетельствами тому являются маркировочные элементы (обычно – наиболее частотные), которые имеют, по их мнению, исключительно русский характер. Это слова типа «да, вот, именно, это» как и сходные, которые являются в трасянке наиболее предсказуемыми.

И наоборот, непредсказуемыми являются сочетания слов, репрезентующих различные языковые системы; при этом происходят неконтролируемые процессы, известные в лингвистике под названием «смена кода» («code-switching»). Это заметили носители несмешанных форм говорения, создав ряд анекдотов. Вот один из них в интерпретации Владимира Содаля:

«С малых лет мне запомнилась шутка про зайца, который бегал из бульбы да в картошку, из картошки да в бульбу. Хотя и мал был, но понял, что эта шутка высмеивает людей, которые не держатся своего языка» («Роднае слова», 1997, № 9).

Или еще более показательный случай:

«Человек из деревни поехал в город. Сосед спрашивает: – Ну, как съездил? – А ничего. Туда ехал – смотрю: на дороге лежит полено. Назад еду – смотрю: лежит браўно» («Свабода», 18.07.97).

***

Как явление индивидуализированное, трасянка возникает в результате стихийного освоения русского языка непосредственно в процессе языковых сношений с его носителями, а не в процессе последовательного организованного изучения произношения и правил грамматики людьми, воспитанными в беларускоязычной деревенской среде. Обычно это было связано с переселением в город или внезапным повышением общественного статуса, то есть опять же с перемещением, только в социальном плане. Совершенное овладение другим языком таким прямым методом возможно только в очень раннем возрасте, в других случаях достичь его без постановки произношения, сознательного изучения грамматического строения не удается.

Хорошей иллюстрацией сказанному является фрагмент публикации Михася Тычины «Старшынёва «рош»:

«Молодой, лет тридцати пяти, а может немного больше, председатель колхоза, с которым мы осматриваем поле, поводя рукой, заговорил:

– Вот там у нас посеяна рош, а за посадками грачыха, двадцать гектаров...

Давно ли он, уроженец большой слуцкой деревни, где материнский язык еще пока не забыт-заброшен, как в городе, говорил «жыта», «грэчка», «бульба», «гарбуз»? Пока не пошел в «люди». Армия, сельскохозяйственный институт, номенклатурное окружение районного масштаба, где мова беларуская не в почете – ее и сегодня презирают, – сделали свое дело. И на встрече с учениками сельской школы по поводу начала учебного года, куда пригласили и председателя... извинившись, сказал:

– Я буду говорить по-русску.

А вышла привычная трасянка» («Наша слова», 15.11.95).

Недостаточному владению вторичной языковой системой нередко сопутствует явление, которое в американской лингвистике называют «self-hatred» – презрение и даже ненависть к родному языку; последний начинают считать основной причиной своей отсталости и невзгод. При этом может происходить разрушение и первичной языковой системы, в результате чего становится невозможным или весьма затрудненным и говорение по-беларуски. Фактически человек, независимо от его желания, продуцирует только «трасянковый текст», как это хорошо показал в своем эссе писатель Алесь Чобот:

«Сын Мани, заведующий районным отделом народного образования Иван Иванович Козявка, август ненавидел. Каждый год в конце лета к нему таскались патриоты и доставали за беларускую школу. А следом, уже в сентябре, врывались майорши и подполковничихи и угрожали, что напишут Руцкому и Хасбулатову, что он националист! А Козявка был просто ни рыба, ни мясо, а человек – и хотел жить, как все.

– Гаворите же, как людзи! И ни будзит никаких проблем! – ущучивал он националистов. – Вот я тожа беларус и тожа могу гавариць на роднай мове, если нада... Кали ласка!

– Ну что вы так сразу?! – отбивался он от офицерш. – Ну сагласян, сагласян я: не нада спяшыць! Но вы же пайміця, гдзе жывёця... Да я сам за саюз! Но не все же сразу...» («Літаратура і мастацтва», 7.11.94).

Носители так называемого совмещенного двуязычия ощущают, что степень владения каждым из двух языков не соответствует потребностям «раскованных» сношений. Поэтому они избегают говорить на определенном языке в официальных сферах жизни, приобретают своеобразный комплекс «языковой неполноценности». Тем самым, трасянка как бы парализует языковую деятельность индивидуума, выталкивает его за границы активной общественной жизни.

«Начальство» свободно владеет двумя языками — трасянкой и матом

Но в ситуации, когда трасянка становится привычным средством сношений, теряя свой креолизованный характер, что можно часто наблюдать в наших условиях, она превращается в своеобразное средство идентификации или групповой солидарности ее носителей. Ненормированность трасянки, ее аморфный и текущий характер, дают ее носителям в некоторых ситуациях основание противопоставлять себя – как сторонников раскрепощения или прагматизма в языковой сфере – пользователям литературного языка с жесткой нормой, требующего определенных усилий для его освоения.

Однако чаще всего такой аргумент используется только в качестве одного из оправданий незнания беларуского литературного языка, так как субъективно большинство «трасяночников» стремится к тому, чтобы их идентифицировали с носителями русского языка. Что касается последних, то их реакция на так называемые языковые ошибки «трасяночников» в зависимости от культурно-исторических и социально-политических факторов может колебаться от неприязненной враждебности – через добродушную иронию – до абсолютной языковой толерантности. В последнем случае идентификация или сближение происходит на другой почве (политической, идеологической, прагматической и т.д.), а не на языковой (как в приведенном выше высказывании одного из русских писателей). Считается, что это – неизбежное зло на пути к такой идентификации, которое с течением времени будет преодолено в индивидуальном порядке.

Широкое использование трасянки может существенным образом повлиять на культуру как русскоязычного, так и беларускоязычного говорения.

Угрозу трасянка несет в первую очередь для дальнейшей судьбы беларуского литературного языка. И стихийное давление на него, и сознательное требование «не отрываться от живого языка» ведут к разрушению составленных норм,

потере своего «лица» и опасному сближению с русским языком, что ставит под сомнение само существование отдельного литературного языка. Это хорошо понимали те, кто в 30-е годы спровоцировал (как показали архивные материалы, здесь действовал хорошо подготовленный агент*) известное выступление Волк-Левановича с предложениями о введении некоторых особенностей трасянки в качестве нормы в беларуский литературный язык:

> «...16 декабря 1929 года он выступил в Академии наук БССР с докладом «О некоторых важнейших недостатках беларуского литературного языка». Доклад вместе с правильными положениями имел и ряд ошибочных. Например, автор обосновал необходимость передачи при письме во всех иноязычных словах смягчения «д» и «т» перед гласными переднего ряда (ідзеал, інцярэсы, ліцература, мацер'я, сціль, цеатр, церміналогія) и замены уже принятых в беларуском литературном языке слов русскими эквивалентами (аб'яўленне, апрэль, август, гасударства, знамя, случай, срэдства, фяўраль, шчот, январ и т.д.) на том основании, что в языке части беларуского населения, особенно городского, они употребляются. Именно на живой язык города, указывал докладчик, и должен ориентироваться в своем складывании и развитии беларуский литературный язык» (см.: Германовіч І. Беларускія мовазнаўцы. Менск. 1985).

Не обязательно видеть в этих предложениях сознательное стремление подорвать основы беларуского литературного языка, но объективно они работали на одобренное Сталиным «сближение» и «слияние» языков народов СССР с русским языком.

На подобный путь «спасения» беларуского литературного языка обращают внимание и некоторые наши современники. Так, Михаил Пузиновский вслед за Юрием Ходыко предложил дать «права гражданства обычной трасянке, так как она, по его мнению, свидетельствует, что родной язык еще не забылся, а соседний не овладел человеком полностью» («Наша слова», 3.02.99). Нечто подобное предложил в своем выступлении на съезде Товарищества беларуского языка 6 октября 1995 г., а затем в отдельной публикации в газете «Беларуская маладзёжная» (17.01.97) бард Андрей Мельников. Кроме определенных изменений правописания (упразднения «ў», параллельного употребления «і» вместе с «и», «j» вместе с «й», употребления мягких фонем р', ч', ш' в заимствованиях из русского языка и т.п.) автор рекомендовал пересмотреть такой фактор, как нормативность.

---

* «В октябре 1929 г. я /Александр Ульянов – *Ред.*/ уговорил Волк-Левоновича выступить со своим докладом в Академии о белорусском языке. Великодержавные шовинистические установки В.-Левоновича (...) мне были известны и ранее, но от поправок и замечаний к докладу я воздержался. После доклада В.-Левоновича я пошел к Мамчицу и возмущенно говорил ему, как это никто не реагирует на выступление В.-Левоновича. И группа начинает действовать... В Минске распускаются слухи по поводу доклада и, конечно, от В.-Левоновича остаются рожки да ножки». (Платонаў Р. Агляд настрояў: Гартаючы старонкі дакладаў «сакрэтнага супрацоўніка». Журнал «Полымя», 1994, № 4).

Осип Волк-Леванович (1891–1943) окончил университет в Петербурге, его наставниками были знаменитые лингвисты Иван Бодуэн де Куртенэ (1845–1929) и Алексей Шахматов (1864–1920). В 20-е годы он преподавал в БГУ языковые дисциплины. Однако полуграмотные «национальные кадры» относились к его научным взглядам резко отрицательно и «травили» всеми доступными способами. В 1930 году В.-Левановичу пришлось уехать из Минска в Саратов. Позже он был арестован органами НКВД и осужден (17.09.1937) на 10 лет лагерей. В 1994 году в Минске была издана его книга «Лекцыі па гісторыі беларускай мовы». – *Ред.*

В принципе, характеру беларуского как сравнительно молодого славянского литературного языка соответствует гибкость языковых нормативов, но принятие некоторых предложений А. Мельникова несомненно ведет к тому же результату, о котором говорилось выше. Сравните, например, такой пассаж:

> «Достойно внимания принятие за нормативную заимствованной лексики, если она широко используется параллельно с прежней (например: «званіць», «то есць», «атражаць», «абшчэнне» и т.д.). То, что преимущественное большинство заимствований будет из русского языка, не должно путать. От заимствований наш язык не сделается русским, ибо у нас хватает своего языкового богатства. Выбрасывать из языка то, что легко и приятно произносить, люди не будут, а отказываться от чужого, если оно помогает существованию – глупость».

В предпринятой читателями «Нашей Нівы» в 1998 году дискуссии о роли трасянки были представлены противоположные взгляды. Так, Павел Крукович утверждал: «Для возрождения беларускости, расширения /сферы/ употребления беларуского языка надо сделать модным и его, и даже акцент, так сказать, трасянку». Вопреки ему Андрей Александров заявлял, что «по своей сущности трасянка является языковым уродством («чварэньнем»), поэтому говорить о ее значимости как катализатора перехода к беларускому языку нельзя».

Кажется, что здесь истина, как всегда, посредине. При благоприятных условиях переход к литературному языку возможен, и об этом свидетельствует исторический опыт чешского языка, где полугерманизированное городское «койне» не помешало установлению в обществе чешского литературного языка (хотя и сохранилось определенное противопоставление двух идиом согласно сферам употребления).

С другой стороны, при неблагоприятных условиях постепенно может произойти замена языка, и трасянка – шаг на этом пути. Здесь для пользы дела целесообразно разграничение сфер употребления трасянки и образцового литературного языка, ибо, как утверждал один из участников дискуссии, «книжный» и «возрожденческий» язык не поможет найти понимания с «простым человеком» («Наша Ніва», 24.07.2000). Но это совсем не значит, что он не нужен и не следует заботиться об его культуре.

Возвращаясь к определению лингвистической сути трасянки, надо признать, что до тех пор, пока в границах этого явления сохраняется способность к ассимиляции чужих языковых структур (фонетических, морфологических и синтаксических), можно говорить о ее беларуском характере. По мнению Барбары Шидловской-Цэглёвой, известной польской исследовательницы «угасшего» полабского языка, приспосабливание своих слов, прежде всего в морфологическом плане, к структуре экспансивного языка есть сигнал перехода на единый код (иноязычный).

Остается невыясненным в теоретическом плане отношение феномена трасянки к типологически сходному явлению, результату беларуско-польского языкового взаимодействия, письменно зафиксированному в известном «Дневнике» Федора Евлашевского (1546–1619) или «Диариуше» Михала Казимира Радзивилла (1702–1762). По мнению некоторых исследователей, сюда же относится и так называемый «простой язык» («прастая мова»), на котором писали Иван

Вышанский (ок. 1535 – после1620), Зиновий Копыстенский (ок. 1580–1627), Памва Беринда (ок. 1565–1632), Мелетий Смотрицкий (1577–1633), Иван Ужевич (середина XVII века) и другие беларуско-украинские писатели Средневековья. Владимир Свежинский даже утверждает, что язык произведений Франциска Скорины является одним из ранних случаев фиксации беларуско-церковнославянской трасянки*.

Но нам кажется, что такое распространение термина «трасянка» на письменный язык не имеет оснований. Все славянские литературные языки, которые развивались в рамках церковнославянской традиции, в силу своей специфики (которая характеризовалась преемственностью) сочетали в себе народные элементы с церковнославянскими. Но, независимо от этого, им была свойственна более или менее четкая норма, что совсем не характерно для трасянки, которая относится к категории неписьменных языков.

Появление же в последнее время текстов, стилизованных под трасянку, надо рассматривать как художественный прием, направленный на достижение определенного эффекта, чаще всего – отрицательной или комической характеристики персонажа, ее носителя.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Геннадий Цихун (Генадзь Цыхун; 1936 г. р.) — доктор филологических наук (1982), славист, профессор. Главный научный сотрудник отдела славянского и теоретического языкознания Института языкознания Национальной Академии наук Беларуси. Доктор honoris causa Софийского университета (Болгария), член Международного комитета славистов.

* Свяжынскі У. З гісторыі беларускай трасянкі. Газета «Наша слова», 1990, № 2.

Реалии двуязычия в Беларуси

Виктория Ляндра

Комфорт и дискомфорт двуязычия

По-беларуски я говорю не всегда. Кстати, как и по-русски. Причина – дискомфорт. Моя мамочка, например, меня просто не понимает. Беларуским языком я пользуюсь на работе и в разговорах с некоторыми знакомыми, при написании материалов для учебы (сочинения, рефераты). На беларуском в университете читается мизерное число предметов, а еще прессу и книги я выбираю преимущественно беларускоязычные. При всем этом «счастье» родным языком считаю беларуский, а русский просто «знаю как родной» (определение заимствовала из анкеты Беларуского коллегиума, спасибо ему).

В провинциальном местечке услышать беларускую «гаворку» очень трудно. Но возможно. До поступления в БГУ я жила в Пинске, где по-беларуски:

1) преподавали в школе два предмета;

2) один учитель использовал беларуский и в повседневной жизни;

3) объявляют остановки в автобусах;

4) иногда говорят местные лидеры ради создания имиджа в глазах электората.

От обращения по-беларуски там округляются глаза даже у тетенек-библиотекарш. Когда такое было?!

Минск – столица. Здесь толпы людей, постоянный гул транспорта... На родном языке говорят разные люди, но и реакция на это разная:

– уважение;

– удивление;

– интерес;

– неприятие, исключение из группы, агрессия («иди отсюда!»);

– уверенность в наличии оппозиционных убеждений («бэнээфовец хренов, развелось вас тут»!).

Еще бывает безразличие и отсутствие реакции. Кто-то, вероятно, воспринимает беларускую речь как нормальное явление, кто-то реагирует: «мне все равно, я понимаю». А некоторые пожимают плечами: «какая разница».

Но можно и «нарваться». «Разговаривайте на нормальном языке!» – строго произносит женщина. «Нет, ну посмотрите, какой грамотный нашелся!» – возмущается мужик. Одногодки могут посоветовать: «Не прикалывайся!» («Не загоняйся, не выпендривайся!»).

А бывает и настоящее удивление: «Вы что, преподаете беларуский язык?»; «Вы американец?» (варианты – «хохол», «не местный»). Самые парадоксальные замечают: «Ну вот, и здесь колхозники. Понаехали со своих деревень»...

Из журнала «Абажур», 2008, № 3, стр. 40–42. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

***

Если всю эту мешанину классифицировать, мы получим несколько устойчивых мифов о нашем языке.

Большинство обывателей считает беларуский языком оппозиции, олицетворением которой для них является БНФ. Возможно, они даже не знают, как расшифровать эту аббревиатуру. Вероятно, бело-красно-белый флаг для них – это флаг Израиля. Возможно даже, что их сын – активист «Молодого фронта». Скорее всего по вечерам такие люди смотрят только Первый Национальный канал. Но дело не в этом. Главное, что **беларуское** в их сознании ассоциируется с **оппозиционным**. С чем-то катастрофически ненадежным, вредным и названным разными другими плохими словами.

Еще для одной части наших соотечественников беларуский язык превратился в один большой экзотизм. Открываю конспект, цитирую: «Экзотизмы – слова, обозначающие предметы и явления, не присущие повседневной жизни. Не имеют синонимов в языке». То есть, слова вроде бы не устарели, из употребления не вышли совсем, вот только услышать их – значит окунуться в какой-то иной мир, попасть на другую планету. Отсюда и круглые глазки, и непонимание самого содержания речи.

Позиция еще одной группы: беларуский язык – язык «колхозников». На нем говорят, когда доят корову, разгребают сено, обращаются к трактористу. Если ты используешь этот язык в другой ситуации, ты либо сам колхозник, либо издеваешься над колхозником.

Некоторые всерьез уверены, что в Беларуси по-беларуски не говорят. Разве что некоторые преподаватели и еще тетеньки с противными голосами, объявляющие остановки. А уж если ты, весь такой особенный, так говоришь – тогда ты эмигрант, живешь в Америке и, возможно, поешь по вражеской, буржуйской партитуре.

Еще один миф: беларуский – мертвый язык. Купала и Колас написали все, что могли, кроме них никого в беларуской литературе не существует. Остались только несколько писак, пытающихся «возродить язык предков». Ага, размечтались, сейчас все возродим! Зачем нам этот беларуский язык, если мы и по-русски хорошо друг друга понимаем?!

Наконец, существует категория людей, которые понимают беларуский язык, уважают, может быть, даже сами пользуются им, воспринимают как тот самый обещанный, «равноправный с русским». Для них услышать беларускую речь так же обычно, как и русскую.

И что же мы видим из этого? Неужели беларуский язык в самом деле равноправен с русским? Неужели им действительно можно пользоваться в повседневной жизни и при этом не беспокоиться, что тебя поймут неправильно или вообще не захотят с тобой разговаривать? Действительно ли является признанием языка то, что остановки в «городском пассажирском транспорте» объявляются по-беларуски, расписание занятий возле деканата написано на нем же, а в киосках продается газета «Звязда» на беларуском языке?

Ответ очевиден – нет.

А теперь попытаемся разобраться, почему так происходит.

Колониальное отношение к языку

Представим себе ситуацию, которую сегодня в Беларуси, к сожалению, встретить почти невозможно: человек в совершенстве владеет беларуским языком, но абсолютно не знает русского. В таком случае понятно, что он никогда не сможет стать высоким чиновником и вообще занять государственную должность, так как получит клеймо «неблагонадежного».

Кроме таких «глобальных» проблем возникнут проблемы мелкие, повседневные. Но именно они создают большой дискомфорт. Продавцы не поймут, какой товар хочет приобрести беларускоязычный покупатель (например, некоторые считают, что слово «насоўкі» означает «презервативы»); документы, которые оформил бедняга (заявления, квитанции и т.д.) могут не принять; с зарубежной классической литературой, в том числе детской, такой человек не сможет познакомиться. Число таких проблем безгранично. Поэтому очевидно, что ни о каком равноправии двух государственных языков в Беларуси говорить не приходится.

В цивилизованных полиэтничных странах типа Голландии, Швейцарии или Канады ситуация двуязычия способствует развитию личности. В стране, где государственными являются (а не считаются) несколько языков, как-то странно знать только один. Помимо практической пользы, человек испытывает еще и психологическое удовлетворение от возможности ответить обычному встречному на его языке. А в Беларуси... То ли мы не цивилизованные, то ли моноэтничные, и то шиворот-навыворот.

Таких читательниц у нас очень мало...

Отсутствие мотивации к изучению «мовы»

На беларуском языке в своем большинстве говорят взрослые люди. Этот сознательный выбор они совершают не детьми (к сожалению, детей, пользующихся беларуским языком, много не найдешь), все происходит позже, когда повзрослеют.

Так откуда взялась мотивация? Почему они решили пользоваться родным языком? Неизвестно. Но можно высказать предположение, что эта мотивация – из внешней среды. Возможно, это друзья, фанаты «Змяі» и «Indiga»; возможно – прочитанная в свое время книга (как у меня «Каласы пад сярпом тваім» Короткевича); возможно, повлияли истфак, журфак, филфак, талантливые преподаватели...

Одно известно точно: мотивация эта не пришла со стороны государства, которое первым должно работать ради популяризации и широкого признания

своих символов, существующих на протяжении веков, со времен образования беларуского этноса.

Социальная недоступность «мовы»

Желание владеть беларуским языком – откуда оно может возникнуть? Что этому способствует? На фоне многочисленных проявлений пренебрежения к родному языку у многих ли появляется желание владеть им?

Сколько человек в нашей стране в университетах, в школе, на специальных курсах изучает английский язык, и сколько – украинский? Можно не считать – число первых будет значительно преобладать. Так и с нашим языком: великий его конкурент, русский язык, уничтожает всякую потребность владеть беларуским.

Отсутствие потребности в «мове»

Для примера возьмем профессиональную потребность. Кому необходимо знание беларуского языка на работе, если преобладающая часть любимого коллектива говорит по-русски?

Обратная сторона медали: кое-где беларуский язык употребляется как язык профессиональный, рабочий. На работе человек разговаривает, пишет материал, читает лекции по-беларуски. Но, как только покинет рабочее место, начинает говорить как все: по-русски. И хорошо еще, если наш профессионал владеет обоими языками на достаточном уровне. Но ситуация бывает значительно хуже: мы слышим «трасянку», то ли беларуско-русскую то ли русско-беларускую. Иногда даже и различий между ними не видно, тогда уже совсем грустно.

Тупик?

Представим себе, что по неведомым причинам появились и потребность, и желание, и все остальное. Но появится ли вместе с этим возможность овладеть родительским языком у «простого рабочего человека», работающего на своем убыточном предприятии? Две-три телевизионные передачи здесь точно не помогут, объявлений о бесплатных курсах ТБМ (общества беларуского языка) в метро не увидишь, ангажированную политическую прессу читать – тоже не научишься.

Тупик? Я так не думаю. Кажется, наш язык свыкся со статусом подпольного, неофициального, потому что слишком долго так было. Но сейчас по статусу это язык титульной нации.

Всякий этнос, который превращается в цивилизованную нацию и обретает государственность, стремится к тому, чтобы посредством этого государства проявлялись его воля и достоинство. Наше государство обязано дать возможность своим гражданам ощущать себя полноценными беларусами. Это значит – иметь свою историю, свои символы и свой язык.

Если же государство никак не стимулирует знание и употребление родного языка, то оно работает против самого себя, против своего имиджа. Противостояние народа, защищающего свою самобытность, и государства, обязанного хранить эту самобытность – разве это не нонсенс?

Часть II. ИСТОРИОГРАФИЯ

Беларусы в имперской России. 1863–1914 гг.

Теодор Уикс

В последние десятилетия XIX века национальность как «классификационный принцип» впервые стала важным фактором российской имперской политики. Среди наиболее деликатных проблем, с которыми столкнулась имперская бюрократия, было определение границ «русского народа». Хорошо известно, что официальный Петербург никогда не считал ни украинцев (которых в те времена чаще называли малороссами), ни беларусов отдельными самобытными народами.

С другой стороны, официальная Россия не отрицала полностью языковых либо культурных различий этих двух групп. О последнем свидетельствуют и категории, использованные в переписи населения 1897 года: на вопрос о «родном языке» (понятия «нация» либо «этническая принадлежность» не фигурировали в переписи) респонденты могли ответить «великорусский», «малорусский» или «белорусский». Правда, все эти три категории попадали в более широкую – «русский»*.

Аналогичным образом российская бюрократия никогда не отрицала, что беларусы в некоторых аспектах отличались от своих братьев-великороссов из центральной России. Однако чиновники с презрением отвергали идею, что эти отличия настолько существенны, чтобы не считать беларусов ответвлением русского народа.

В первой части статьи я попытался показать беларусов глазами царских администраторов – как местных, так и петербургских. В качестве корректива к этой явно предвзятой точке зрения будут приведены некоторые статистические све-

Т. Уикс – профессор истории в университете штата Иллинойс, США (Southern Illinois University Carbondale). Перевод А.Е. Тараса с англоязычной публикации 2003 г.

* При всех недостатках перепись 1897 г. остается ценным источником для историков и социологов истории. Центральный статистический комитет при Министерстве внутренних дел опубликовал результаты переписи в 89 томах (в алфавитном порядке по губерниям), а также массивный «Общий свод» в 2-х томах (см.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета МВД / Ред. Н.А. Тройницкий /. СПб: МВД, 1899–1904).

дения о беларусах в Российской империи. И тогдашние критики, и критики поздних времен в основном признавали, что перепись была проведена профессионально и без предвзятости. Эти сведения обеспечивают другой ракурс взгляда на «беларуский вопрос» по сравнению с царскими чиновниками.

Далее мы проанализируем общие представления и подходы российских чиновников, использованные в российской внутренней политике применительно к ним. Затем рассмотрим острую проблему беларусов-католиков и их принадлежности – или непринадлежности – к «русским». Наконец, затронем смежную проблему «освобождения беларусов от польского влияния».

Анализ различных аспектов восприятия беларусов официальными российскими властями приводит нас к выводу, что в рассматриваемый период они не уделяли беларусам особого внимания. «Беларуский вопрос» почти всегда оставался в тени более злободневных вопросов, а именно «еврейского» и «польского». К тому же, ситуация с беларусами еще раз показывает, что в Российской империи было почти невозможно отделить религию от этнической принадлежности: несмотря на риторические заявления о принятии беларусов-католиков в лоно «русского народа», все равно доминировала формула «католик = поляк».

1. Беларусы в Российской империи: немного статистики

Любая попытка «научного» определения границ этнокультурных групп сама по себе обречена на поражение. И все-таки было бы важно выделить некоторые параметры, через которые просматривается существование определенной национальной группы. Для беларусов такие параметры имели как географический, так и социальный характер.

Беларусы были преимущественно крестьянами, жили в сельскохозяйственных регионах, не проявляя «национального сознания». В конце XIX века они продолжали жить в обществе, где этническая и классовая принадлежности почти совпадали: беларусы составляли крестьянское сословие, евреи жили преимущественно в местечках и доминировали в занятиях, характерных для «среднего класса» (розничная и оптовая торговля); что же до «высшего класса» – чиновников и землевладельцев – то в нем явно преобладали поляки и русские.

По переписи 1897 года, беларуский язык занимал четвертое место среди «родных языков»: на нем говорили около 6 миллионов человек, или 4,57 % обитателей Российской империи (3). Основная масса беларускоязычных – свыше 90 % – жила в пяти губерниях Северо-Западного края: Могилевской, Минской, Гродненской, Витебской и Виленской (4). Во всех этих губерниях жители занимались преимущественно сельским хозяйством, а уровень урбанизации оставался низким. Поскольку в официальной статистике чаще всего не проводилось различие между русскими и беларусами, не всегда можно с точностью сказать, сколько беларусов насчитывалось среди городских жителей, но видно, что их было очень немного. Взглянув на крупнейшие города края – Вильню, Витебск, Могилев, Гомель, Минск, Белосток – мы увидим, что «русские» (категория, которая включала и беларусов, и украинцев) нигде не составляли большин-

ство городских жителей. Повсюду евреев в городах было больше, чем всех «русских», вместе взятых, хотя иногда и ненамного (5).

Наиболее урбанизированной среди пяти губерний была Гродненская с 16 % городского населения, но этим она обязана Белостоку, центру текстильной промышленности на западной границе империи. Доля городского населения в Виленской и Витебской губерниях составляла 10–15 %, а в Минской и Могилевской – 5–10 % (6). Ни в одном из губернских центров численность населения не превышала 200.000 человек – одна Вильня приближалась к этой отметке. Только в Вильне и Витебске жило более 100 тыс. человек, да еще в Минске – почти 100 тысяч (7). Если взять всех беларусов империи в 1897 году, то из них менее 3 % жили в городах, по сравнению с 5,6 % украинцев и 18,3 % поляков (8).

Губернии Северо-Западного края

Не удивительно, что уровень грамотности беларусов – преимущественно жителей деревень и сел – был совсем невысоким. Хорошо известно, что в Российской империи школьное дело было поставлено скверно, несмотря на то, что к концу XIX века в нем были достигнуты определенные успехи. Поскольку преподавание в школах велось по-русски, шансы беларуских крестьянских детей стать вполне грамотными уменьшались еще больше. Так или иначе, в 1897 году преимущественное большинство беларусов (85,04 %) было неграмотным. Для сравнения отметим, что среди украинцев уровень неграмотности был еще выше, хотя и ненамного (86,16 %). Всего 0,35 % беларусов имели образование выше начального (9). Около 80 % беларусов зарабатывали себе на жизнь сельским хозяйством, и только 0,5 % заявили о том, что заработок им дают «свободные профессии» (10).

В определенном смысле было бы несуразностью говорить о «беларусах» как о четко выделенной и бесспорной этнической категории. И к концу имперского периода, и в более поздние времена множество свидетелей сообщали, что национальное сознание у беларусов оставалось неразвитым (11).

В целом беларуские крестьяне отождествляли себя с деревней, религиозной принадлежностью и социальным положением, а не с «национальностью», категорией, которая мало что значила в их повседневной жизни. В то же время и официальный Петербург, и российское чиновничество решительно настаивали на «русскости» крестьянства названных губерний – тех самых людей, которых мы теперь называем «беларусами».

Беларуские крестьяне начала XX века

Не только чиновники, но и почти всё образованное российское общество – были твердо убеждены в том, что беларусы, как и украинцы, в культурном, языковом и (отчасти) религиозном плане настолько близки «братьям» из Курской, Рязанской или Тверской губерний, что хорошо налаженная образовательная и административная система вскоре полностью соединит их с русским народом.

2. Российское правительство и беларусы

Итак, беларусы составляли очень большой слой в населении так называемых «северо-западных губерний». Но в официальных отчетах краевых чиновников чаще говорится о евреях или поляках, чем о беларусах. Здесь опять надо помнить о том, что беларусы как таковые попадали в категорию «селян» или «русских», их достаточно редко называли просто «беларусами». В отличие от поляков и евреев, беларусы не представляли для правительства серьезной проблемы.

Надо также учитывать, что поскольку беларусов обычно включали в категорию «русские», общая политика в регионе, направленная на «усиление россий-

ского землевладения», могла касаться и их. Можно заметить, что этнические различия между беларусами и русскими все чаще признаются с конца XIX века; этим же временем датируется рост интереса к беларусам.

Однако мысль о том, что беларусы являются чем-то большим, чем ответвление русского народа, так и не была принята. Разве что наиболее «либеральные» чиновники отмечали, что на правительственном уровне надо признать различия между центральной Россией и беларускими губерниями, чтобы убедить беларусов в их русском, а не – избави Боже! – польском происхождении. Усиление же сознания беларуской отличительности воспринималось просто как одно из проявлений усиления русского сознания – важнейшего дела для правительственной политики в регионе. Беларуское национальное сознание рассматривалось как проблема только тогда, когда служебные лица полагали, что поляки и прочие «негодяи» пытаются использовать его, чтобы разорвать «очевидные, естественные и вечные» связи белороссов с великороссами.

Сразу после польского восстания 1863 года российская политика в беларуских губерниях имела целью в первую очередь уменьшить польское экономическое и культурное господство. Ради этого осуществлялось давление на католическое духовенство, были закрыты все монастыри, которые помогали повстанцам, в общем, ставились всевозможные преграды расширению «полонизма» через католический костёл. В то же время петербургские власти заявляли, что не желают нарушать право католиков молиться по своему обряду, а хотят только защитить некатоликов от хищных ловцов душ вроде иезуитов. Тогда и позже как в официальных заявлениях, так и в массах католический костёл неизбежно ассоциировался с Польшей и польской культурой.

Действительно, католические семинарии в Российской империи прозвали «рассадниками полонизма», поэтому важным элементом правительственной политики после 1863 года было ограничение этого влияния. Католическим священникам и тогда, и позже выдвигалась претензия: дескать, они заставляют неполяков молиться по-польски. Потворство полонизации беларусов-католиков казалось «российским патриотам» недопустимым, и многие из них охотно подписались бы под анонимным предложением, полученным Министерством внутренних дел в конце 1865 года:

> «Католикам надо позволить полную свободу в выборе языка молитв – пусть молятся хоть по-китайски или по-татарски. Однако священники, которым правительство платит зарплату, во время исполнения своих служебных обязанностей должны обращаться к католикам на общегосударственном языке, понятном всем жителям России без исключения» (12).

Однако даже в этом предложении нет слова «белорус». То же самое мы видим в отчетах губернаторов, которые ежегодно присылались в Петербург из каждой губернии. В первые десятилетия после 1863 года прилагательное «белорусский» редко встречается в документах, а если и встречается, то чаще обозначает регион, а не народ (13). В дальнейшие десятилетия, в частности, в XX веке, употребление слова «белорусский» становится более частым, но и после 1905 года многие ежегодные отчеты, детально описывая поляков и евреев, даже не упоминают о большинстве обитателей края или упоминают только местных «русских».

Короче говоря, беларуское крестьянство не виделось ни как проблема, ни как организованная «группа интересов», с которой надо взаимодействовать. Поэтому российские чиновники могли трактовать беларусов как «наших» (своих) или просто как пассивную, убогую массу, нуждающуюся в надлежащих стимулах «сверху», чтобы дорасти до статуса «настоящих русских». За несколько месяцев до начала Первой мировой войны в правительственном отчете о регионе говорилось:

«Паны» (семья беларуской шляхты)

«Развитие национального движения среди белорусов слабое, в народных массах оно почти не существует; только часть белорусской интеллигенции пытается пробудить у белорусов национальное сознание печатью и другими средствами».

Низкий уровень национального сознания у беларусов контрастировал с ситуацией среди литовцев, где «движение разворачивается сильнее» (14). Хотя в Вильне в 1914 году выходили две газеты на беларуском языке («Наша Ніва» и «Беларус»), их влияние на селян было очень слабым. В любом случае, даже летувисы имели в Вильне 8 своих газет, русские и поляки – 14 и 22 соответственно, что дает определенное представление об относительном количестве читателей (15). В том же отчете есть нарекание, что беларусы-католики, опрошенные насчет языка, на каком они говорят дома, часто отвечали «панский» или «польский». По обычаю, источник таких ответов искали в подрывной деятельности католических ксендзов-полонизаторов (16).

Если же упоминают конкретно беларусов, то упоминания эти краткие и не очень положительные. Так, в 1911 году могилевский губернатор докладывал, что беларуское население, в отличие от поляков и евреев, было политически благонадежным. Он также добавлял, что «культурный уровень» и нравы в его губернии весьма низкие и отмечал острую потребность в открытии большего числа школ, чтобы вывести местное население «из тьмы» (17). В 1906 году тамошний генерал-губернатор рапортовал, что «белорусское племя» по языку и нравам находится где-то посредине между коренными русскими и поляками. Хотя генерал-губернатор К. Крживицкий не хотел унизить беларусов, он считал, что более развитые поляки ассимилируют беларусов, если правительство не предпримет энергичных мер для ограничения влияния польской культуры и «всеми средствами культуры не пробудит национального сознания в Беларуси, чтобы сохранить белорусов для русской культуры».

Интересно, что Крживицкий высказывался за использование беларуского языка в школах, за введение его в церквах, а также за выдачу государственных субсидий беларуским крестьянам, желавшим приобрести землю (18). Но лишь немногие чиновники мыслили таким образом: чаще в литературе можно встретить невнятные ссылки на «обрусение края». Последнее, по докладу минского губернатора 1902 года, шло медленно из-за безразличия «русских землевладельцев». Тот факт, что население провинции было преимущественно беларуским или, с официальной точки зрения, «русским», вообще не упоминался (19). В огромном по размерам докладе генерал-губернатора П. Святополка-Мирского можно найти призыв к католикам губернии молиться «на родном языке», что в данном контексте могло означать только беларуский – однако язык просто не назван (20).

Встречаются и более красноречивые свидетельства. Например, комиссия, которая в 1905 году расследовала ограничения, наложенные на поляков, пришла к выводу, что, хотя «местные языки» (то есть все, кроме русского) следует поощрять во всех сферах, включая образование, преподавание на украинском и беларуском языках было бы излишним и несуразным:

> «...малороссийские и белорусские диалекты настолько близки к русскому языку, что нет нужды в одновременном преподавании на них. Более того, белорусский диалект, на котором почти не существует литературы, вряд ли можно даже преподавать как самостоятельный предмет» (21).

Это мнение было поддержано в отчете 1910 года о положении дел в Виленской губернии. Виленский губернатор жаловался, что престиж польской культуры остается высоким, так что любой крестьянин, который получил даже скромное образование, сразу же начинает усваивать польские культурные маркеры, в том числе язык (22). С другой стороны, отчет содержит на редкость негативную оценку беларуской интеллигенции, находившуюся «под гибельным влиянием социалистических идей».

Еще худшим, по выводам губернатора, является «новый тип деревенского учителя», который претендует на достоинство патриота и человека из народа, а на самом деле клевещет на землевладельцев всех национальностей (23). Видимо, эта туманная жалоба была реакцией на новый тип политизированного беларуского национального чувства среди молодых, радикально настроенных беларуских учителей.

С 1863 до 1914 года официальные дискуссии о беларусах во многом сохраняли постоянство. Для российских властей беларусы оставались «темной» крестьянской массой, хотя и подпавшей под польско-католическое влияние, но в целом пассивной, неспособной к самостоятельному развитию. Несмотря на всю правительственную риторику о необходимости возродить «истинно русский характер» населения западных губерний, самому беларускому населению отводилась весьма скромная роль в этом проекте. Пропагандируемое Петербургом «обрусение края» следовало проводить для беларусов, но не при активном участии их самих.

3. Беларусы-католики: «Мы» или «Они»?

Наиболее проблемной группой среди беларусов, которая чаще всего становилась предметом дискуссий, были католики. Беларусы преимущественно исповедовали православие (хотя большинство их было потомками униатов, перекрещенных в 1839 г.), но более миллиона человек (18 % от всех беларусов в 1897 г.) исповедовали католическую веру (25). Учитывая весьма тесную связь между конфессиональной и национальной принадлежностью в регионе, становится понятной правительственная озабоченность этими «русскими-католиками», которые самим фактом своего существования бросали вызов привычной системе категорий.

Характерно упоминание минского губернатора в 1901 году о «белорусах-католиках, считающих себя поляками», и о деятельности римско-католических ксендзов, которые «еще и теперь ставят знак равенства между верой и национальностью, католичеством и полонизмом». Но в отождествлении веры и национальности католические ксендзы не были одиноки. В отчете 1908 года могилевский губернатор советовал не позволять католикам покупать землю в губернии, объясняя, что разрешение на куплю должно выдаваться исходя из не национального, а религиозного («вероисповедного») принципа. Примерно в то же время минский губернатор открыто заявил: «в Западном крае «католик» и «поляк» — синонимы».

Князь Петр Святополк-Мирский

С одной стороны, и общество, и власть связывали католицизм с польской национальностью и «полонизмом». С другой, правительство не хотело мириться с ассимиляцией «католиков-русских» в польскую нацию. В результате в официальной риторике сохранялись странные двусмысленности и противоречия.

Например, резко выступая против отождествления религии и национальности, виленский генерал-губернатор князь Петр Святополк-Мирский (1857–1914), закончил так: «в то же время я не могу не надеяться, что, когда белорусское племя осознает свою принадлежность к русскому народу, оно само возвратится в лоно православной церкви». Другими словами, даже для «либерального» чиновника, каким был Святополк-Мирский, понятие русского-католика было неприемлемым в долгосрочной перспективе.

Сходную двусмысленность можно найти в мемуарах Фердинанда Сенчиковского (1837–1907), католического ксендза, который приобрел определенную известность благодаря энергичному введению русского языка в богослужение. Сенчиковский, чьи отношения с католическими иерархами обострились настолько, что ему пришлось покинуть край (в 1883 г.), высказывался насчет своей религиозной и национальной принадлежности весьма противоречиво. Он родился в семье униатов, закончил семинарию в Минске в 1861 году. Во время восстания 1863 г. он, по собственному признанию, пользовался «белорусским

и русским /языками в костёле/ вместо польского», пытаясь таким образом предотвратить закрытие костёлов российскими властями (30).

Свою программу он описал следующим образом:

«Прежде всего я хотел уничтожить полонизм, вернуть полонизированный русский народ Беларуси в российское лоно, и, сохраняя западную обрядность в догмах, соединить их с православием, чтобы раз и навсегда оторвать этот темный народ от польской политической пропаганды» (31).

Действительно странно, что католический священник говорит об обращении его паствы к православию, и удивление еще более нарастает, когда Сенчиковский, якобы желая подтвердить свою «русскость», долго перечисляет собственных родственников, которые были православными*.

Еще раз меняя курс, Сенчиковский выступил против идеи исключения неправославных верующих из состава российской нации:

«И, наконец, разве же только православные могут быть русскими? Разве одна религия делает человека истинно-русским? Разве мало было православных с русскими именами, которые изменили России?» (32).

Для тех, кто так и не понял этой идеи, редактор через несколько страниц торжественно подчеркнул:

«Несомненно, с ранних лет душа Сенчиковского, под влиянием его матери, склонялась к православию. В то же время, рожденный католиком, он понимал, что ему суждено вечно оставаться в лоне Римско-католической церкви, столь чуждой ему» (33).

Облик ксендзов не меняется свыше 200 лет!

Опять-таки католичество может быть приемлемо как временное состояние, но ни в коем случае не как глубоко укорененное свойство «истинно-русского человека».

Впрочем, имперские чиновники старались не лезть глубоко в душу. Для них самой насущной проблемой после 1863 года было как можно большее ограничение польского влияния. При отсутствии развитой школьной системы католическая церковь была наиболее значительным польским культурным институтом в крае. Учитывая, что беларусы численно преобладали среди католиков в большинстве уездов северо-западных губерний (за исключением литовцев в Ковенской губернии), вполне понятно, почему правительство энергично взялось за «располячивание костёла».

В конце 1869 года был издан закон, разрешавший добровольное использование русского языка в католических храмах, если местный священник и приход

---

* По мнению беларуских исследователей, Сенчиковский был этническим беларусом. Он родился в имении Снов Новогрудского повета, окончил Минскую католическую духовную семинарию. В феврале 1872 открыл в Минске училище органистов для «римо-католиков по религии, но чисто русских по происхождению и народности». — *Прим. ред.*

того пожелают. Но если при этом сохранялся принцип добровольности выбора, то закон не давал результата. Несмотря на усилия таких энтузиастов как Сенчиковский, употребление русского (или беларуского) языка не приобрело популярности среди католиков-прихожан. Местные ксендзы упорно сопротивлялись использованию русского языка в гимнах, молитвах и проповедях, успешно отстраняя от служб или другими средствами вынуждая замолчать священников вроде Сенчиковского, пытавшихся продвигать русский (или беларуский) язык. Ватикан пошел еще дальше, издав постановление от 11 июля 1877 года, которым полностью запрещал использование русского языка в «дополнительных службах» (т. е. в проповедях, молитвах и т.д.). В середине 1890-х гг. минский губернатор заявил, что попытки ввести русский язык были сделаны в 30 из 50 католических храмов губернии, однако «в настоящее время всего около десяти» используют другой язык вместо польского.

Восприятие правительством беларусов-католиков как «группы риска» еще более обострилось после указа 17 апреля 1905 года, разрешившего переход из православия в другие конфессии (ранее переход был разрешен только из других христианских и нехристианских конфессий в православие, но не наоборот). Например, витебский губернатор жаловался на «массовое обращение» в католицизм в течение 1905 года. Через два года гродненский губернатор жаловался, что католические ксендзы все еще пытаются полонизировать губернию, а в 1910 году витебский губернатор писал, что католические ксендзы пытаются обратить в свою веру православных крестьян и ведут религиозное образование исключительно по-польски. «Родной язык» местных католиков вызывал большую озабоченность властей. Многие губернаторы отмечали, что ксендзы учат своих прихожан называть родным языком тот язык, на каком они молятся. Поскольку все беларуские католики умели молиться только по-польски, такой подход еще более обособлял их от русской культуры.

Местные чиновники опасались, что от определения польского языка как «родного» (в среде верующих) до требований ввести польский в начальные школы лишь один шаг, хотя после 1905 года обучение по-польски было, в принципе, разрешено. Однако власти боялись потерять «миллион русских людей» в том случае, если не будут предприняты последовательные и энергичные контрмеры. Минский губернатор писал накануне Первой мировой войны:

> «...белорусский народ римско-католической веры – ветвь чисто русского происхождения. Кроме религии, эти люди ничем не отличаются от православных белорусов: тот же народный белорусский язык, те же обряды, те же песни, одежда, обычаи и то же положение в обществе».

Губернатор поощрял употребление русского языка в католических храмах своей губернии, назначая ксендзов беларуского происхождения в приходы, поставив неполяка (литовца) во главе минской католической семинарии. Короче говоря, правительство стремилось делать все необходимое для создания барьеров между поляками и беларусами, утверждая даже, что беларусы-католики почти ничем не отличаются от других «русских» с точки зрения языка, культуры и даже политических симпатий. Этих «русских-католиков» следовало любой ценой защищать от полонизма.

4. Защита беларусов от полонизма

Призывы «защищать беларусов от полонизма» стали особенно частыми и громкими после 1905 года. Иногда употреблялось просто слово «польщизна», но чаще чиновники писали о чрезмерной экономической, культурной и религиозной силе поляков в западных провинциях. И после 1863 года, и раньше образ польского пана или ксендза-русофоба, который «по-иезуитски» пытается подстрекать «темных сялян» на пользу польскому делу, был весьма популярен, и, несмотря на риторику, отчасти он был правдивым.

Пастух с овцами, или русский пастырь с беларуской паствой

Подобная риторика прорывается в отчетах разных времен, например, в отчете минского губернатора за 1895 год, согласно которому беларуские католики несамостоятельны в своих мнениях и действиях ввиду сильного влияния католического клира польского происхождения. Даже могилевский губернатор, управлявший наименее полонизированной (и наименее католической) губернией края, отмечал в 1900 году, что влияние поляков, составлявших всего около 3 % населения, оставалось большим, и назвал в качестве одной из причин польских женщин, «одержимых патриотизмом». Годом позже из Гродненской губернии пришло донесение, что экономическая мощь польских помещиков и антирусские тенденции в среде польских ксендзов, соединенные вместе, являются источником распространения антирусских чувств среди местных крестьян-католиков (беларусов).

После 1905 года таких жалоб стало больше, а объем их увеличился. Могилевский губернатор подчеркивал, что католическое духовенство добивается существенных успехов в деле полонизации, а вот православным священникам не удается так же хорошо пробуждать у верующих чувство принадлежности к русско-

му народу. В отчетах 1907 и 1909 гг. виленский губернатор развил эту тему. Его подход отличался ясностью: «вообще, в настоящее время понятие «поляк» утратило в Виленской губернии этнографический характер и приобрело почти всегда политический смысл».

Поэтому политически целесообразно поддерживать и защищать местных беларусов, в том числе беларусов-католиков, среди которых живет «многовековое чувство преданности и любви к России». Ради этого властям надо поощрять национальное сознание беларусов, требовать употребления беларуского языка в местных храмах и назначать священников-беларусов в местные приходы. В продолжение этих размышлений через два года губернатор писал, что беларуские крестьяне сильно полонизировались и потому нуждаются в неотложной защите от польских помещиков. Он отклонил идею о возвращения края в православную веру, но одновременно отметил потребность в очищении местных католических храмов от польского влияния.

Признаком того, что беларуская проблема приобрела значимость для центральных властей, стал ряд дискуссий насчет ее накануне Первой мировой войны. Так, в середине 1912 года министр внутренних дел Макаров писал, что правительство должно поощрять чувство «русскости» у беларусов:

> «Правительство, вместе с местной русской общественностью, обязано всеми возможными средствами обеспечивать в белорусских народных массах поддержку и дальнейшее развитие сознания их кровной национальной и культурно-исторической близости к России».

В числе средств назывались «русские национальные школы», внедрение русского языка в католических костёлах и противодействие польскому влиянию на беларусов.

В следующем году (1913) о мерах против полонизации беларусов было написано еще больше. Так, деятельный губернатор Гродненской губернии, П.М. Боярский, составил пространный отчет о полонизме и способах борьбы с ним. По Боярскому, в подчиненной ему губернии «нет польского народа, а есть только паны и ксендзы». Но, к несчастью для «русского дела», его собственные силы очень слабы и малокультурны, как в случае местного отделения Союза русского народа в Белостоке. Поляки же отличались дисциплиной, организованностью и обладали финансовыми средствами.

В такой ситуации, утверждал Боярский, правительству надо довести до всеобщего сведения, что оно не планирует никого ни русифицировать, ни обращать в православие. Каждому католику надо гарантировать право исповедовать свою веру «при условии полного политического слияния с коренным русским населением, чтобы они /католики/ могли стать искренними, правдивыми и лояльными российскими гражданами».

Снова выясняется, что, хотя католикам было «дозволено» сохранять свою религию, надеяться на «слияние» их с русской нацией можно было только при помощи особых мер. Даже в 1913 году российские чиновники продолжали рассматривать католиков-беларусов как потенциальных, но все же неполноценных членов великого русского народа.

Выводы

За полстолетия между восстанием 1863 года и Первой мировой войной образ беларусов в глазах российской администрации изменился незначительно. В 1860-е годы, как и в период после революции 1905 года, она видела беларусов прежде всего забитой, бедной, неграмотной, пассивной массой, подпавшей под господство помещиков-поляков и слишком часто поддающейся пропаганде хитрых и коварных католических ксендзов. Попытки ограничить польское влияние в католических храмах в 1870–1880 гг. оказались безуспешными, и, учитывая массовый (по крайней мере, таким он казался) переход в католичество после 1905 года, власти обращались к более сильным и более эффективным мерам ради сдерживания католичества и полонизма. Российские чиновники верили в то, что, если беларусов, в том числе католиков, освободить от польского влияния, они осознают свою принадлежность к великой русской нации.

Идеи о самобытной беларуской культуре или языке, не говоря уже о национальности, редко даже озвучивались, а если и звучали, то разоблачались как еще один способ, которым поляки пытались полонизировать здешних русских. В отличие от украинского языка, использование беларуского не рассматривалось как угроза; возможно, ввиду отсутствия беларуского «Пьемонта», каковым для Украины была Галичина, находившаяся в составе Австро-Венгрии. Наконец, российские власти никогда не воспринимали беларусов всерьез.

И для местного чиновничества, и для официального Петербурга единственная проблема заключалась в том, станут ли беларусы полноценными, сознательными и образованными «русскими людьми», или же окончательно полонизируются, потеряв тем самым свою «истинно русскую» суть. Даже в 1914 году официальная Россия не могла поверить, что беларусы способны к выработке и развитию собственной национальной культуры.

ИСТОЧНИКИ

3. Более точные сведения – 5.886.000 человек, преобладали количественно великороссы, украинцы и поляки. См. таблицу: Weeks Theodore. National Minorities in the Russian Empire, 1897–1917 // Russia under the Last Tsar: Opposition and Subversion 1894-1917 / Anna Geifman, ed./ Oxford: Blackwell, 1999. P. 118.

4. Число беларусов и их доля в населении каждой из губерний были таковы: Могилевская – 1.389.782 (82,39 %), Минская – 1.633.091 (76,04 %), Виленская – 891.903 (56,05 %), Витебская – 788.599 (52,95 %), Гродненская – 705.045 (43,97 %). См.: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения Российской Империи. Том 2. СПб: МВД, 1905. с. 20–21.

5. Официальные сведения по этим шести городам в 1910 г.: Вильня – 22,9 % «русских», 28,6 % поляков, 39,8 % евреев; Могилев – 38,6 % «русских», 5,0 % поляков, 43,2 % евреев; Гомель – 47,5 % «русских», 1,8 % поляков, 50,5 % евреев; Минск – 43,0 % «русских», 11,4 % поляков, 43,3 % евреев; Белосток – 29,2 % «русских», 2,9 % поляков, 64,9 % евреев. См.: Города России в 1910 г. СПб: ЦСК МВД, 1914. с. 90–93, 554–557.

6. Ежегодник России 1904 г. СПб: ЦСК МВД, 1905, с. 85–86.

7. Данные подсчитаны по сборнику «Города России в 1910 г.», табл. 4, с. 90–92. Точная численность жителей по этому источнику: Вильня – 181.442, Витебск – 101.005, Минск – 99.762, Белосток – 80.303, Гродно – 49.707, Могилев – 49.583.

8. Bauer et al. Nationalitaten des Russischen Reiches. Vol. B. Table 3. P. 74.

9. Bauer et al. Nationalitaten des Russischen Reiches... Table 12. P. 93.

10. Ibid. Table 22. P. 153.

11. Невозможно оспорить тот факт, что до XX века беларуское национальное сознание не было развито. Даже настроенный в пользу беларусов современник пенял на «забитость и апатию», господствовавшие среди них (Новина Антон /псевдоним А. Луцкевича – Ред./. Белорусы. В сб.: Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. СПб.: «Общественная польза», 1910. с. 389).

12. О Западной России. СПб.: Российский государственный исторический архив [далее РГИА]. Ф. 869, оп. 1, 1865, д. 563, л. 14.

13. Сошлюсь на несколько всеохватывающих отчетов, где, однако, нет ни одного упоминания о беларусах (в отличие от поляков, католиков и евреев). Виленский генерал-губернатор, 1868–1873 и 1884–1886 гг.; Гродненская губерния, 1866; 1869 гг.; Минская губерния, 1865 г.; Могилевская губерния, 1863, 1867 гг.; Витебская губерния, 1866 г.; Виленская губерния, 1864 г.. РГИА, фонды 1263, 1267, 1281, 1284.

14. РГИА. Ф. 1821, оп. 150, 1913, д. 174, л. 14. Этот отчет не датирован, но информация в нем и приложенные документы позволяют предположить, что он был написан весной 1914 г.

15. Там же. Л. 19–21.

16. Там же. Л. 29v.

17. РГИА. Ф. 1284, оп. 194, 1912, д. 38.

18. РГИА. Ф. 1284, оп. 190, 1899, д. 84А, л. 88–89.

19. РГИА. Ф. 1284, оп. 194, 1903, д. 98.

20. Святополк-Мирский также призывал чиновников бороться против общераспространенного отождествления «католиков» с «поляками».

21. РГИА. Ф. 1276, оп. 1, 1905, д. 106, л. 419v.

22. РГИА. Ф. 1284, оп. 194, 1911, д. 72, л. 7v.

23. Там же. Л. 19v, 23v.

25. Bauer et al. Die Nationalitaten. Vol. B, table 6. p. 77. Среди беларускоязычного населения (5.885.547 человек) было 4.787.391 православных, 38.458 староверов, 1.054.451 римо-католиков, 1345 иудеев, 2738 мусульман, несколько сотен лютеран, католиков армянского обряда и других.

30. Жиркевич А.В. Из-за русского языка. (Биография каноника Сенчиковского, в двух частях...) Часть 1-я. На родине в Белоруссии // Минская старина. Выпуск 3. Вильна, с. 11.

31. Жиркевич. Там же.

32. Жиркевич. С. 12–14. Цитата со стр. 14.

33. Жиркевич. С. 29.

Беларуское национально-освободительное движение в XIX — начале XX вв.

Алексей Кавка

Беларуское национально-освободительное движение (далее в тексте – НОД) – это совокупность действий сознательных представителей беларуского народа за освобождение от колониального угнетения, национальное возрождение беларусов, за самостоятельное свободное развитие на основе своей государственности.

Исходным пунктом беларуского НОД явилось восстание 1794 года в Польше, Беларуси и Летуве под руководством Тадеуша Костюшко против насильственного раздела Речи Посполитой монархами России, Австрии и Пруссии.

По уровню национального самосознания, качественной эволюции беларуского НОД в его истории условно выделяют два основных этапа:

1) внутри польского национально-освободительного движения (1794–1863);

2) этап осознания собственно беларуских национальных интересов и конечной цели – возрождения беларуской государственности (1863–1918).

На первом этапе преобладали разрозненные проявления литературной, научной, культурно-просветительской деятельности среди мелкопоместной шляхты (так называемой «краёвой», в своем большинстве полонизированной), униатского духовенства, студентов и преподавателей Виленского университета. Эта деятельность заключалась в изучении языка, обычаев и культуры беларусов; в постепенном осознании их самобытности среди других славянских народов; в попытках возобновления традиции книгопечатания на беларуском языке.

Такая деятельность объективно была направлена против официальной политики российского самодержавия и польской (либо полонизированной) аристократии в Беларуси, фактически означала стихийный протест против игнорирования исторической самобытности беларуского этноса, его насильственной ассимиляции в форме полонизации или русификации.

Первоначальные проявления беларуской идеологии наблюдались:

– в деятельности тайных обществ – филоматов, филоретов, Демократического общества в Виленской медицинской академии (основано Ф. Савичем, существовало в 1836–38), Братского союза литовской молодежи (основан братьями Далевскими, существовал в 1846–49, объединял свыше 200 человек), Общества земель литовских и русских в эмиграции;

– в научных исследованиях Зориана Даленги-Ходаковского (1784–1825), Игната Анацевича (1780–1845), Игната Даниловича (1787–1843), Михаила Бобров-

---

«Энцыклапедыя гісторыі Беларусі». Том 1 (1993), с. 445–447. Перевод А.Е. Тараса

ского (1784–1848), Теодора Нарбута (1784–1864), Ивана Лабойко (1786–1861), Ивана Григоровича (1790–1862), Константина (1806–1868) и Евстафия (1814–1873) Тышкевичей, Адама Киркора (1818–1886) и других;

– в литературном творчестве Яна Чечота (1796–1847), Яна Борщевского (1794–1851), Ромуальда Подберезского (1812–1856), Владислава Сырокомли (1823–1862), Артема Вериги-Даревского (1816–1884), Павла Шпилевского (1823–1861), Винцента Дунина-Марцинкевича (1808–1884), анонимных поэмах «Тарас на Парнасе» и «Энеида навыворот».

Эти просветительские начинания явились доказательством способности отечественной словесности к выработке собственного национального стиля, преодоления «пограничной» беларуско-польской или беларуско-русской раздвоенности на пути к национальному творческому синтезу, к литературе однозначно беларуской по языку, содержанию и форме.

После восстания 1830–31 гг. зародилось революционно-демократическое течение, характерное соединением литературного просветительства с политической борьбой (Франц Савич, 1815–1845; Александр Незабытовский, 1818–1849).

Этапную роль в дальнейшем развитии беларуского НОД, особенно его революционно-демократической традиции, сыграло восстание 1863–64 гг. во главе с Константином Калиновским – первым беларуским политическим деятелем нового времени. Он положил начало соединению социально-экономических (особенно аграрных), политических и культурно-духовных (в т.ч. религиозных) проблем национально-освободительной борьбы беларусов. С Калиновского также началось оформление в русле польского освободительного движения собственно беларуских («литвинских») национальных требований (в т.ч. идеи о самостоятельности Литвы-Беларуси в демократическом союзе с Польшей и Россией). Калиновский первым обратил внимание на крестьянство как главную дееспособную силу беларуской нации, посвятив ему первое национальное периодическое издание – газету «Мужыцкая праўда».

В результате поражения восстания 1863–64 гг. и наступления политической реакции, созревание беларуской национальной идеи временно затормозилось. Усилилась тотальная русификация Беларуси, проводившаяся в соответствии с программой главного начальника Северо-Западного края Михаила Муравьева и идеологией ассимиляторской концепции западнорусизма.

***

Нового идейно-теоретического и политического качества беларуское НОД достигло на исходе XIX века в деятельности революционной народнической группы «Гомон» и ее нелегального одноименного журнала (1884 г.). Гомоновцы осмыслили закономерности развития беларуского этноса, трудности его национальной консолидации и одновременно историческую жизнестойкость народа при извечном ассимиляционном давлении со стороны соседних России и Польши, постоянной опасности растворения беларусов в «великорусском или польском море».

В качестве альтернативы имперскому абсолютизму они обосновали идею «федеративности Беларуси» на основе равноправного союза с другими народами демократизированной России. Беларуские народовольцы выступили в тес-

ной связи с революционно-демократическими движениями России, Украины и Польши, поддержали федеративные идеи Александра Герцена, Михаила Бакунина, Михаила Драгоманова. Одновременно они предостерегали руководителей партии «Народная воля» от искушения революционным централизмом, недооценки и узкопрагматической трактовки национального вопроса.

Беларускую освободительную идею углубило творчество Францишека Богушевича. В предисловии к сборнику «Дудка беларуская» (1891), в других произведениях он высказал концептуальный взгляд на историю беларусов, подчеркнул преемственность политико-государственных и культурных традиций ВКЛ со стремлениями избавить свою «землицу-Беларусь» от социального, политического, религиозного угнетения, культурного упадка, возродить общественный престиж родного языка. «Пробудительная» личность Богушевича, «духовного отца беларуского возрождения» (определение М. Горецкого), а также литературно-общественная деятельность его современников Альгерда Обуховича (1840–1898), Адама Гуриновича (1869–1894), Каруся Каганца (Казимира Костровицкого; 1868–1918) и ряда других лиц сыграли исключительную роль в становлении следующих поколений «возрожденцев».

Журнал «Гомон» (1884 г.)

Во второй половине XIX и в начале XX века широкое развитие получило беларусоведение. Это публикации Ивана Носовича (1788–1877), Павла Шейна (1826–1900), Петра Бессонова (1828–1898), Александра Ельского (1834–1916), Николая Никифоровского (1845–1910), Генрика Татура (1846–1907), Алексея Сапунова (1851–1924), Михаила Федеровского (1853–1923), Евдокима Романова (1855–1922), Николая Янчука (1859–1921), Ефима Карского (1860–1931), Яна Карловича (1863–1903), Александра Сержпутовского (1864–1940), Митрофана Довнар-Запольского (1867–1934), краеведческо-собирательная деятельность Бронислава Эпимаха-Шипило (1859–1934) и других.

Оживилось культурно-просветительское направление беларуского НОД: «Гурток моладзі польска-літоўскай, беларускай і маларускай» (Петербург, 1889–93), «Круг беларускай народнай прасветы і культуры» (Петербург, 1902–04 гг.), другие студенческие объединения в Петербурге, Москве, Кракове. Были предприняты попытки издания нелегальной политической газеты «Свобода» (1902), основания Революционной партии Белой Руси.

Сборник стихов Фр. Богушевича «Дудка беларуская» (1891 г.)

В этой же среде возникла мысль о необходимости партийно-политической самоорганизации НОД. В результате в 1902 году была учреждена Беларуская революционная грамада (с 1903 года – Беларуская социалистическая грамада, БСГ).

Глубокие качественные изменения в беларуском НОД произошли в результате революции 1905–07 гг. Ослаб абсолютизм монархии, были завоеваны некоторые демократические свободы, в том числе право на легальную беларускую печать. Появились газеты «Наша доля» (1906) и «Наша Ніва» (1906–1915), позже – газета «Беларус» (1913–15), журналы «Лучынка» (1914) и «Раніца» (1914). Возникли профессиональные, общественно-культурные объединения и кружки (Беларуский учительский союз, Гродненский кружок беларуской молодежи (1909–14), Беларуский музыкально-драматический кружок (действовал в 1910–16), Беларуский научно-литературный кружок студентов (действовал в Санкт-Петербурге в 1912–14), издательства («Загляне сонца і ў наша аконца» 1906–14), национальные театральные коллективы Игната Буйницкого и Флориана Ждановича.

Укреплялась взаимосвязь между культурно-просветительскими и политическими, легальными и нелегальными направлениями и формами движения. Принципиальное значение для идейной консолидации беларуского НОД имела деятельность БСГ в народных массах (митинги, листовки), ее программное направление на замену капиталистического строя социалистическим, четкое определение ближайших задач (свержение абсолютизма, автономия Беларуси с сеймом в Вильне в составе демократической Российской республики, 8-часовой рабочий день, передача всей земли в общественную собственность). Важное значение имело также ознакомление всероссийской и международной общественности с сущностью беларуского вопроса (участие в Международной конференции социалистических партий, публикации в русской, польской, украинской, летувисской, чешской, немецкой печати).

Год VI. № 4

НАША НІВА

ПЕРШАЯ БЕЛАРУСКАЯ ГАЗЭТА З РЫСУНКАМІ

Выходзіць што тыдзень рускімі і лацінскімі літэрамі.

«Наша Ніва» за январь 1911 г.

После поражения революции 1905–07 гг. главным центром становления и консолидации всех культурно-просветительских сил, формирования и распространения в обществе идей национального возрождения стала газета «Наша Ніва». Под ее влиянием зародилось также (первоначально в католической, проуниатской среде) беларуское национально-религиозное движение (деятельность священников А. Бычковского, В. Годлевского, А. Почопки, А. Астрамовича и др.).

Благодаря «Нашей Ніве» была воспитана и вовлечена в активную работу мощная плеяда писателей-классиков, крупных общественно-политических и культурных деятелей, национальных идеологов. Это Янка Купала (И. Луцевич), Якуб Колас (К. Мицкевич), Тётка (Э. Пашкевич), Максим Богданович, Ядвигин Ш. (А. Левицкий), Алесь Гарун (А. Прушинский),

Тишка Гартны (Д. Жилунович), Змитрок Бедуля (С. Плавник), Максим Горецкий, братья Антон и Иван Луцкевичи, Александр Власов, Вацлав Ластовский, Игнат Буйницкий, Владислав Голубок (Голуб), Аркадий Смолич, Бронислав Тарашкевич, Язеп Лёсик, Фабиан Шантырь, Зоська Верас (Л. Сивицкая), Язеп Дроздович, Евгений Хлебцевич, Лявон Гмырак (М. Бобрович) и другие.

HOMAN

BIEŁARUSKAJA WILENSKAJA CZASOPIS

Газета «Homan»
(выходила в 1916—18 гг.
в Вильне в период немецкой
оккупации)

Значительна заслуга газеты в противодействии шовинистическим нападкам на беларуское движение со стороны русской и польской реакционной прессы, местных ренегатов Лукьяна Солоневича, Павла Каранкевича и других, общества «Селянин» (1905–15), «Беларуского общества» и других.

Раздел территории Беларуси в ходе мировой войны на две зоны между войсками Германии и России имел следствием временное организационное разобщение НОД, приспособление структурных форм его работы к оккупационым и фронтовым условиям.

Среди беларуских активистов Вильни, оккупированной немцами, идея возобновления беларуской государственности связывалась с возможным возрождением государственной унии Беларуси и Летувы. Это нашло отражение в обращении Конфедерации Великого княжества Литовского от 15 декабря 1915 г., в совместной декларации социалистических и демократических партий Вильни (декабрь 1917). Координационным центром беларуских национальных организаций в Вильне был Беларуский народный комитет (председатель Иван Луцкевич), который поддерживал связи с летувисским, польским, еврейским национальными движениями для обеспечения территориальной целостности беларуских земель. Он также представлял и защищал интересы беларуского населения перед оккупационными властями.

По инициативе Тётки (Э. Пашкевич) и Ивана Луцкевича в Вильне и прилегающих районах были основаны первые беларуские школы, учительские курсы, гимназии. В Вильне издавалась беларуская газета «Гомон».

Из виленской среды беларуский вопрос был вынесен на международный форум. В «Мемории представителей Беларуси на конференции народов России» (июнь 1916, Лозанна), представленной беларуской делегацией (И. Луцкевич, В. Ластовский) было дано историко-культурное и политическое обоснование права беларусов «стать хозяевами на собственной земле».

* * *

Глубокий всеобщий кризис, а за ним распад царской империи в результате Февральской и Октябрьской революций 1917 года способствовали ускорению эволюции НОД от общей идеи «свободной Беларуси» к ее конкретизации в направлении практического государственно-национального самоопределения. Национально-освободительные идеи активизировали сознание многих беларусов — военнослужащих, рабочих, десятков тысяч беженцев, объединенных в белару-

ских союзах Петрограда, Москвы, Киева, Одессы, Тамбова, Саратова, во фронтовых организациях.

В марте 1917 года в Минске возник Беларуский национальный комитет, в июле – Центральная Рада беларуских организаций, реорганизованная затем в Великую Беларускую Раду. В связи с идеей создания национального войска появилась Центральная беларуская войсковая рада.

Проблемы сплочения беларуского движения на демократической, общенациональной платформе широко и остро обсуждались на страницах новых периодических изданий – газет «Вольная Беларусь» и «Белорусская Рада». Ломка буржуазно-поместного строя империи способствовала расширению социальной базы движения, присоединению к нему части рабочих, низшего офицерства, других слоев интеллигенции, даже отдельных представителей местной аристократии, ранее, как правило, безразличной либо враждебной к беларускому вопросу. В результате углубилась политическая неоднородность НОД, стали очевидными попытки крупных собственников (Роман Скирмунт и др.) перехватить лидерство в нем.

Цана асобнага № 40 кап.

ВОЛЬНАЯ БЕЛАРУСЬ

№ 11. 1918 г. 31-го сакавіка 1918 г. № 11.

Рашучы акт.

Вольная Беларусь.

«Вольная Беларусь», март 1918 г.

Резкое усиление радикальных социально-экономических настроений трудящихся на фоне низкого уровня национального самосознания большинства беларуского населения – с одной стороны, либерально-эволюционный курс руководства беларуского НОД – с другой стороны, еще больше обострили внутренние противоречия в движении. Кроме того, ситуацию усложняло игнорирование вопроса об автономии Беларуси как Временным правительством России, так и большевистской оппозицией. Руководство последней считало дело национального самоопределения колониальных народов России полностью буржуазно-националистическим и несовместимым с интересами трудовых масс, а главное, с непосредственной задачей большевизма – развертыванием мировой пролетарской революции.

Нарастание внутренних противоречий, воздействие внешних факторов ускорили раскол беларуского движения на два течения: классово-революционное и национально-демократическое. Этот раздел четко обозначился на 3-м съезде Белорусской Социалистической Грамады (октябрь 1917) в Минске, когда представители левого течения устремились в коммунистическом направлении, а представители другой части (составлявшей большинство) взяли курс на скорейшее государственное самоопределение. Поворотной вехой на этом пути стал Всебеларуский съезд, созванный в Минске Великой Беларуской Радой и эсеровским Беларуским областным комитетом (декабрь 1917). Съезд проходил под знаком консолидации различных идейно-политических течений и партий ради осуществления общенациональной цели – свободной независимой Беларуси.

Несмотря на силовой разгон съезда по решению Совнаркома Западной области (и Западного фронта) России, делегаты приняли резолюцию о создании на всем беларуском этнографическом пространстве краевой власти в форме Всебеларуского Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, а также об установлении этим Советом официальных отношений с центральными органами советской власти и с другими национальными республиками.

Силовая реакция местных советских властей на национальное волеизъявление беларусов вызвала осуждение среди не только беларуской общественности, но и демократических кругов Украины и России (например, появилась публикация-протест в газете Максима Горького «Новая жизнь»).

БЕЛОРУССКИЙ ПОТДЕЛ
ОТДЕЛА ПРОСВЕЩЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ
Н. К. П.

КУРС
Белоруссоведения.

ЛЕКЦИИ, ЧИТАННЫЕ В БЕЛОРУССКОМ НАРОДНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В МОСКВЕ ЛЕТОМ 1918 ГОДА.

1918—1920 г.г.
МОСКВА.

Первый курс беларусоведения (1918—20 гг.). Лекции на русском языке Д.Н. Анучина, Д.Ф. Жилуновича, В.И. Пичеты, П.А. Расторгуева, И.П. Силинича, М.И. Силищевского, А.Ф. Фортунатова, Е.М. Чепурковской, Н.А. Янчука

Разгон Всебеларуского съезда не остановил деятельности на пути самоопределения: сформированный на съезде Исполнительный комитет Рады Всебеларуского съезда обратился 21 февраля 1918 года с первой уставной грамотой «К народам Беларуси» и создал временное правительство – Народный секретариат Беларуси. Второй уставной грамотой Исполком Рады 9 марта 1918 года провозгласил Беларускую Народную Республику (БНР).

Заключение между Германией и РСФСР так называемого Брестского мира, предусматривавшего германскую оккупацию восточной части Беларуси завершило окончательное оформление идеи суверенного Беларуского государства. 18 марта в состав Рады съезда были кооптированы представители Виленской беларуской рады, в связи с чем Рада съезда реорганизовалась в Раду БНР. В ночь на 25 марта 1918 года Рада БНР приняла резолюцию о суверенной независимости Беларуси и третью уставную грамоту, в которой утверждалось:

> «С этого времени Беларуская Народная Республика объявляется независимым и свободным государством. Сами народы Беларуси, в лице своего учредительного Сойма, постановят о будущих государственных связях Беларуси. На основе этого теряют силу все старые государственные связи, которые дали возможность чужому правительству подписать и за Беларусь трактат в Бресте, который убивает насмерть беларуский народ, разделяя его землю на части».

В грамоте была указана территория БНР – «все земли, где живет и имеет численный перевес беларуский народ», высказана готовность к равноправному сотрудничеству со всеми народами.

Провозглашение БНР означало завершение предыдущего развития беларуского НОД и одновременно положило начало реальному национально-государственному строительству в Беларуси.

Советизация, западнорусизм, что дальше?

Геннадий Саганович

1. Первая национальная школа

У беларусов, как и у большинства европейских народов, историческая наука появилась в эпоху национального возрождения, взяв на себя задачу пробуждения и укрепления национального сознания.

Не случайно первую попытку концептуального изложения истории Беларуси и беларуского народа осуществил один из самых известных деятелей и идеологов беларуского национального движения Вацлав Ластовский (1883–1938), издавший в 1910 году «Краткую историю Беларуси». Автор написал ее исходя из того, что «история – это фундамент, на котором строится жизнь нации», и освещал прошлое «с позиции выгод и вреда для беларуского народа». Именно этим, а не научным уровнем определяется ценность компилятивной работы Ластовского.

Прошлое Беларуси последовательно отделено в ней и от Польши, и от России. Хотя автор находился под влиянием российской историографии, он трактовал Россию как «чужую» беларусам и утверждал, что «беларусы и московцы различаются во всем, даже в самой вере православной». Ластовский четко отделял Беларусь и от «польскости». «Своим» для него было Великое княжество Литовское (далее – ВКЛ), с которым автор связывал лучшие времена Беларуси.

Многие акценты, расставленные Ластовским, повторил в 1919 году Всеволод Игнатовский (1881–1931) – выпускник Тартуского (Дерптского) университета, известный общественный и политический деятель – в первом официальном пособии «Краткий очерк истории Беларуси». Отметив трудности, с которыми неизбежно сталкивался каждый, кто пытался писать о Беларуси как отдельной стране, он призывал коллег «с горы спуститься вниз» и начать «черновую работу» основательного исследования совершенно непознанной недавней провинции Российской империи:

> «Взяв в руки яркий фонарик, мы должны шаг за шагом обойти прошлое нашего Отечества».

Определяя истоки истории Беларуси и ее территориальный состав, Игнатовский без колебаний противопоставил Киевской Руси Русь Полоцкую, с которой он начинал излагать историю края. ВКЛ для него «с самого начала было не просто литовским, а литовско-беларуским государством», созданным «более путем согласия, чем путем давления и войны», где на протяжении столетий «обе

---

* Переработанный автором вариант статьи «Zrodla pamieci historycznej wspolczesnej Bialorusi. Powrot zachodniorusizmu» (2006). Перевод А.Е. Тараса, с сокращениями.

нации жили в согласии». Не меньшую последовательность историк проявил в характеристике отношений с Русью Московской. По его мнению, «московские войска» разрушали «беларуские территории», а защищать их стремилось «литовско-беларуское» войско.

С учетом должностей Игнатовского в официальных научных структурах (в 1926 году он возглавил Институт беларуской культуры, в 1929 – созданную на его основе Беларускую Академию наук, а также стал директором основанного тогда же Института истории) и его авторитет, можно понять, насколько популярны были в те годы такие взгляды.

Но наиболее весомый вклад в разработку позиций первой национальной исторической школы внесли Митрофан Довнар-Запольский (1867–1934) и Владимир Пичета (1878–1947). Даже советская традиция связывала с Пичетой «начальный период становления белорусской советской исторической науки».

Пичета в публикациях первой половины 1920-х годов отделял беларускую историю от московской. Он постулировал раннее обособление беларусов как народа, и отмечал преимущественно добровольный характер вхождения земель Беларуси в состав литовского княжества, которое он тоже называл «литовско-беларуским государством» – при численном и культурном доминировании беларусов. Особенно Пичета акцентировал господство в нем беларуской культуры и затяжной конфликт ВКЛ с Московским государством, развивавшимся в совершенно ином направлении.

Свои взгляды по ключевым вопросам отечественной истории Довнар-Запольский системно изложил в брошюре «Основы государственности Беларуси». В этом издании, написанном с целью исторической легитимации Беларуской Народной Республики (т.е. в духе политической пропаганды), он однозначно утверждал, что княжества Беларуси в эпоху Киевской Руси мало зависели от Киева, а позднее добровольно вошли в ВКЛ, посредством которого Беларусь сохраняла свой суверенитет вплоть до 1795 года.

Митрофан Довнар-Запольский

Вацлав Ластовский

Владимир Пичета

Василий Друщиц (слева)
и Владимир Пичета

Книга Игнатовского
«Кароткі нарыс гісторыі
Беларусі» (1926 г.)

Всеволод Игнатовский

После образования БССР Довнар-Запольский создал обобщающую работу по истории Беларуси, которая должна была стать учебником для студентов. Однако в начале 1926 года большевистская цензура запретила ее издание. Как и в предыдущей публикации, автор подчеркивал в этой книге, что «само объединение Литвы и Руси являлось результатом не завоевания, но добровольного подчинения беларуских областей Литве», показывал выгоды для населения Беларуси от жизни в ВКЛ, а также говорил о вестернизации края, постепенном отдалении его от византийских традиций*.

Примерно тогда же в кратком обзоре отечественной истории, написанном Василием Друщицем (1886–1937) для правительственного издания, была изложена сходная концепция. Беларуский народ, сложившийся из кривичей, дреговичей и радимичей, в IX–XII веках имел Полоцкое, Смоленское и Турово-Пинское княжества, а затем его земли вошли в ВКЛ, образование которого связывалось с Миндовгом. Друщиц тоже акцентировал мирный характер вхождения беларуских земель в ВКЛ и преобладание в нем беларуского элемента (поэтому и он называл это государство «литовско-беларуским»), а также подчеркивал, что ВКЛ пришлось вести «непрерывную борьбу с Москвой ... в течение всего XVI и XVII вв.».

Учитывая, что и во многих других изданиях (например, в юбилейном сборнике «Четырехсотлетие беларуской печати 1525–1925») предлагалась такая же система взглядов и оценок, можно говорить об исторической школе, сформировавшейся в Минске в первой половине 1920-х годов. Она выработала первую национальную концепцию истории Беларуси, названную позже в советском политическом лексиконе «нацдемовской».

Ключевая ее особенность – стремление к легитимизации суверенного беларуского государства и включение его истории в европейский контекст. Эпоха ВКЛ трактовалась как время

* См.: Довнар-Запольский М.В. История Беларуси. Минск, 1994.

наибольшего проявления беларуского духа («золотой век» Беларуси). Рассказ о ВКЛ, с одной стороны, связывал Беларусь с западными традициями. С другой – содержал явные антироссийские компоненты. «Литовско-беларуское государство» с его демократизмом и федерализмом противопоставлялось автократичности и централизму Московского государства, приводились свидетельства высокого экономического и культурного развития Беларуси в составе ВКЛ и т.д. Вопрос о цивилизационной ориентации ВКЛ представители национальной исторической школы однозначно решали в пользу Запада.

2. Репрессии и советизация

Понятно, что историческая концепция, разрабатывавшаяся минскими учеными, не могла удовлетворить большевистское руководство. Но в 20-е годы в СССР «историки-марксисты» еще уживались с «буржуазными историками». Однако постепенно отношение к немарксистам менялось. Начиная с 1928 года, лидеры историков-марксистов в Москве заявляли, что применительно к оппонентам надо применять «методы более сильные, чем разъяснение и убеждение». От столицы не отставал и Минск. Автор статьи, посвященной анализу тогдашней ситуации на «историческом фронте» Беларуси, отметив недопустимое «отсутствие марксистских сил», поставил задачу организации «энергичного отпора» вредным «буржуазно-националистическим влияниям».

Сначала молодая беларуская историография потеряла своего лучшего профессионала – Довнара-Запольского. После критики рукописи учебника власти приказали ему покинуть Минск, и он уехал в Москву, где в 1934 году умер. А в 1930 году органы ГПУ сфабриковали дело «Союза Освобождения Беларуси», по которому в одной только Академии наук БССР было арестовано более 30 ученых, что составило треть ее тогдашнего штата. Под огонь политической критики попали наиболее известные историки, лишившиеся должностей и званий, ошельмованные в партийной печати (Игнатовский, Ластовский, Пичета). 4 февраля 1931 года застрелился обвиненный в контрреволюционной деятельности Всеволод Игнатовский.

Постановление, принятое местными большевиками, требовало «дальнейшего усиления бдительности... ко всяким проявлениям в рядах партии уклона в сторону местного беларуского шовинизма». Отныне любая попытка национально-патриотической интерпретации истории Беларуси получала ярлык «буржуазного национализма» и «контрреволюционности». Вульгарная критика, обрушившаяся на «историков-нацдемов», именно идею государственной независимости Беларуси и западную ориентацию преподносила как их наибольшую вину перед советской властью.

В 1933 году был нанесен второй весомый удар по национальной интеллигенции, когда многих академических сотрудников арестовали по фальсифицированному делу «Беларуского национального центра».

Но наибольшие потери беларуская историография понесла в 1937 и 1938 гг. Только за 10 месяцев (с марта 1937 по май 1938) в республике было казнено около 100 тысяч человек (!). Карательные органы в тот период осудили и казнили по лживым обвинениям известных историков «нацдемовского» лагеря: Алексан-

дра Цвикевича, Вацлава Ластовского, Василия Друщица, Федора Забелло, Константина Кернажицкого (1902–1942), Александра Коваленю (1895–1937), Александра Левданского (1893– 1937). Не повезло и лидерам марксистской историографии академикам Павлу Горину (1900–1939) и Василию Щербакову (1898–1938). Их тоже предали смерти.

Александр Коваленя

Александр Левданский

Константин Кернажицкий

Любопытно отметить, что обзорная работа Василия Щербакова по отечественной истории, появившаяся в самый разгар репрессий против «нацдемов» и оценивавшаяся современниками как «первая попытка дать очерк истории Беларуси, написанный с позиций большевистской партийности», еще включал в себя ряд базовых положений национальной концепции. Особенно существенно то, что в трактовках ВКЛ он повторял многие важные тезисы осужденных предшественников. Так, для Щербакова ВКЛ тоже было «литовско-беларуским государством», в которое земли Беларуси вошли без насилия, ибо в нем «нуждались господствующие верхи не только Литвы, но и Беларуси». Объясняя образование ВКЛ с классовых позиций (как союза феодалов «против трудовых масс»), он признавал активную роль в нем не только литовских, но и «беларуских крупных панов»*.

В очерке того же автора по историографии Беларуси политика России в отношении Беларуси осуждалась, а российские историки, которые «оправдывали колониально-национальное подавление Белоруссии», остро критиковались. Только стиль его критики был уже по-большевистски хлёстким и обличительным**.

Критические выпады в адрес России, содержавшиеся в работах Щербакова, базировались на концепции главного в то время пролетарского историка Михаила Покровского (1868–1932), осуждавшего включение нерусских народов в состав России. Его последователи разоблачали «великодержавность и шовинизм» буржуазных российских историков, в основном учеников Василия Ключевского (1841–1911) – «певцов господствующего прошлого Великороссии».

* См.: Шчарбакоў В.К. «Нарыс гісторыі Беларусі». Частка 1. Мінск, 1934.

** См.: Шчарбакоў В.К. «Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі», Мінск, 1934.

Однако по мере становления культа личности Сталина интернационализм Покровского перестал удовлетворять советскую партократию. Надежды на мировую революцию развеялись, большевики занялись строительством социализма «в одной отдельно взятой стране». С 1934 года обозначился поворот к великорусскому патриотизму. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) санкционировали создание новых «марксистско-ленинских» учебников по истории, авторы которых должны были «преодолеть» традиции школы Покровского.

Павел Горин (Коледа)

В 1937 году специальная правительственная комиссия в Москве своим постановлением отвергла взгляды школы Покровского и ввела в объяснение истории внешней политики России формулу «наименьшего зла». Применительно к Украине и Беларуси она означала, что включение этих народов в состав России было для них «меньшим злом», чем поглощение Польшей. С того времени присоединение новых территорий к России перестали называть «захватами», а Россию — «тюрьмой народов».

Василий Щербаков

Разгром школы Покровского, завершенный к концу 1930-х годов, стал началом преобразования всей советской историографии в единую дисциплину, жестко связанную с идеологическими установками правящей партии. Этапным событием этого процесса явилось издание в 1938 году «Краткого курса истории ВКП(б)». В специальном партийном постановлении было сказано, что этим учебником «кладется конец ... обилию различных точек зрения и произвольных толкований важнейших вопросов партийной теории и истории партии».

В годы Второй мировой войны Сталин поставил перед историками задачу по изменению облика России: отныне требовалось показывать ее как наиболее прогрессивную страну, игравшую ключевую роль во всех переломных моментах истории Европы. После победы над нацистской Германией сталинское руководство неоднократно критиковало советских историков за «принижение роли русского народа и русской культуры в мировой истории» и требовало от них усилить наступательную борьбу «против ревизионизма и буржуазной идеологии».

После обсуждения формулы «наименьшего зла», проведенного на страницах журнала «Вопросы истории» в 1951 году, присоединение нерусских народов к России было признано прогрессивным событием, тогда как их национально-освободительные движения, особенно направленные против России, отныне квалифицировали как реакционные явления. В соответствии с постановлениями XIX съезда КПСС (1952), одно из первых мест в советской историографии заняло «освещение прогрессивной роли России в истории человечества» и «ве-

дущей роли русского народа в семье народов СССР». Тогда же исследования в области истории СССР (Российского государства) стали сопровождаться борьбой с проявлениями «буржуазного национализма» в национальных республиках и утверждением превосходства русского народа над всеми другими. Официальная историческая пропаганда все более последовательно проводила в жизнь формулу о «добровольном присоединении» народов СССР к России и хотя повторяла тезис о «дружбе народов СССР», все упорнее возвеличивала русский народ как «старшего брата».

Отметим, что в Минске сразу после войны еще имели место попытки трактовать историю страны в национально-патриотическом духе. Так, в журналах «Беларусь» и «Полымя» в 1945–46 гг. появились статьи Юлиана Пшыркова, Михаила Ларченко, Владимира Перцова, положительно оценивавшие роль «Нашей Нивы» и ее авторов в становлении беларуской литературы, деятельность революционера-демократа Константина Калиновского и т.п.

Более того, в 1945 году вышла в свет брошюра секретаря ЦК КПБ Тимофея Горбунова (1904–1969) «Гераічнае мінулае беларускага народа», содержавшая утверждения вроде того, что Полоцкое княжество было «первым государством беларусов», где правили «беларуские князья». Вслед за ней в 1946 году появился первый том «Истории БССР» под редакцией Т.С. Горбунова. Однако эти книги осудило московское партийное руководство, а вслед за ним и минское. Их признали «националистическими», содержащими «антинаучные и лживые концепции», изъяли из книжных магазинов и библиотек.

В результате обсуждения этого тома, организованного в Институте истории АН БССР в ноябре 1946 года, было решено подготовить новый вариант коллективного труда. Однако работа над ним растянулась на целое десятилетие ввиду частой смены идеологических установок.

После того, как Москва указала «местным товарищам» на ошибки идеологического характера, содержащиеся в исторических работах и литературных произведениях, изданных в БССР, XV пленум ЦК КПБ (27 ноября – 1 декабря 1947 г.) рассмотрел вопрос «О политической и идеологической работе компартии (большевиков) Беларуси среди интеллигенции». Он постановил развернуть борьбу против «низкопоклонства перед заграницей, перед реакционной буржуазной культурой», которое проявляется в «настроениях националистического порядка» (эти лозунги повторил и XIX съезд КПБ в феврале 1949 г.).

Николай Никольский

Первоочередной задачей, говорилось в постановлении, должна стать борьба «против всякого рода искажений и ошибок националистического характера в области истории БССР, литературы и искусства», а также «создание большевистских научных работ» по истории. В АН БССР, в БГУ, в Союзе писателей БССР прошли соответствующие собрания, а печать занялась критикой «ошибочных националистических» взглядов.

Под горячую руку чуть было не уволили директора Института истории профессора Николая Никольского*.

Согласно с решениями партийного пленума 1947 года, Институт истории партии при ЦК КПБ и Институт истории АН БССР разработали «Тезисы об основных вопросах истории БССР». Этот документ был опубликован через год и на десятилетия стал программой для советских беларуских историков. Он явился квинтэссенцией «марксистско-ленинского понимания» истории Беларуси, при этом альтернативные взгляды были категорически отнесены к числу «антинаучных и лживых концепций, уже давно разоблаченных партией». С момента появления этого документа начался процесс приведения всех версий освещения беларуского прошлого к общегосударственному стандарту.

Сталинский марксизм был далек от интернационализма, поэтому канон официальной истории Беларуси создавался в русле повествований о Великой России. Концепции, содержавшие «отрицание общности исторического происхождения и общности исторических судеб» русских, украинцев и беларусов, а также «отрицание постоянного стремления беларуского народа к единству с русским народом» были названы «антинаучными и вредными». ВКЛ последовательно изображалось в «Тезисах» чуждым беларусам государством-захватчиком, а период с XIV по XVIII века (то есть, вся эпоха ВКЛ), когда Беларусь находилась «под властью Литвы и Польши» – как «наиболее мрачный период в ее историческом развитии».

Даже в российской дореволюционной историографии ВКЛ фигурировало как «литовско-русское», а не чисто литовское. Зачем понадобилось столь радикально менять оценку? Затем, что любая степень признания позитивной роли ВКЛ в истории беларусов, а также их участия в создании и функционировании этого государства противоречила советской москвоцентричной концепции. Авторы «Тезисов» сами это подтвердили, заявив, что любые утверждения «беларуских националистов» о добровольном объединении Беларуси с Литвой являются фальсификацией, нужной для того, чтобы «обосновать исторический отрыв белорусского народа от русского народа». «Белорусский народ складывался в тяжелых условиях иноземного владычества литовских феодалов и в борьбе с этим владычеством», – авторитетно заявили авторы партийной разработки. Далее они делали логичный вывод о том, что присоединение земель Беларуси к России в конце XVIII века «отвечало вековому стремлению белорусского народа к воссоединению со своим старшим братом – великим русским народом».

«Тезисы» категорически ставили историю Беларуси в зависимость от России, и хотя в них еще не говорилось о едином этническом корне восточнославянских народов («предками трех братских народов» назывались «восточнославянские племена»), однозначно постулировалось единство их исторических судеб. Прошлое Беларуси рассматривалось через призму подавления ее трудовых масс иностранными феодалами (литовскими и польскими), что стало одной

* Н.М. Никольский (1877–1959) – профессор Смоленского университета (с 1918), профессор БГУ (с 1922), директор Института истории АН БССР (в 1937–53), академик АН БССР (с 1931), член-корреспондент АН СССР (с 1946). Во время войны в 1941–43 жил в Минске, в 1943–44 находился в партизанской зоне. Депутат Верховного Совета БССР (в 1947–59). – *Прим. ред.*

из аксиом послевоенной советской историографии. Понятно, что с таких позиций взгляды представителей национальной историографии 1920-х годов однозначно осуждались как «ошибочные».

Пока в Минске, руководствуясь данными тезисами, продолжали работу над академическим сводом истории Беларуси, был создан завершающий компонент советской исторической доктрины – концепция древнерусской народности. Учение о едином этническом сообществе как общем предке трех восточнославянских народов разрабатывалось с 1930-х годов, но официальную поддержку властей оно получило только в послевоенное десятилетие. Решающую роль в этом сыграли тезисы ЦК КПСС, опубликованные в 1954 году в связи с 300-летним юбилеем Переяславской рады. В них впервые появилась лаконичная формулировка: «русский, украинский и белорусский народы происходят от единого корня – древнерусской народности, создавшей древнерусское государство Киевскую Русь».

С приданием концепции древнерусской народности статуса официальной теории, присоединение беларусов и украинцев к России требовалось называть «воссоединением», а любые действия, направленные на воссоздание целостности, якобы существовавшей в прошлом, оценивать только как прогрессивные и справедливые. При таком подходе центральным местом всей древней отечественной истории становилась Киевская Русь, а ВКЛ неизбежно оказывалось преградой закономерному историческому процессу восточнославянского единения, как наброшенная извне государственность, чуждая Беларуси в той же степени, что и России.

Второй вариант «Истории БССР», подготовленный в 1949 году, после внесения поправок в Москве считался готовым к печати, но его снова отправили на доработку в связи с постановлениями XIX съезда КПСС (1952) об усилении борьбы с «буржуазным национализмом» нерусских народов СССР.

Только третий вариант, обсуждавшийся в Минске с участием российских, украинских и литовских историков (первые приняли участие и в подготовке текста) был наконец одобрен – с учетом рекомендаций еще сильнее подчеркнуть исключительно тесную связь истории Беларуси с историей России. Первый том, охвативший период до революции 1917 года, вышел в свет лишь в 1954 году (на русском языке), второй – через четыре года. Вскоре этот академический труд переиздали в переработанной версии и он послужил основой для создания других обобщающих изданий по истории Беларуси.

Первый школьный учебник появился только в 1960 году, – через год после того, как в средних школах ввели курс истории БССР, хотя до конца советской эпохи он так и не стал самостоятельным предметом, оставался необязательным дополнением к курсу истории СССР.

А учебник по истории Беларуси для студентов исторических факультетов ВУЗов появился только через 20 лет после школьного! Но, несмотря на разное время издания, шаблонностью своего содержания все эти книги похожи друг на друга как капли воды. Из учения о единой «древнерусской народности» как «колыбели» братских народов выводилось вековое стремление беларуского народа, угнетенного поляками и литовцами, к воссоединению с Россией, прогрессив-

ность разделов Речи Посполитой и включения Беларуси в состав Российской империи, постулировалась закономерность большевистской революции и т.п.

Рассматривая первый том академической «Истории БССР» образца 1954 года, американский историк Освальд Бакус метко подметил главную черту официальной советской беларуской историографии. Он написал, что в этом издании мало собственно беларуской истории, зато сверх меры «манифестаций основных тенденций истории России». Независимо от него к такому же выводу пришел беларуский историк-эмигрант Павел Урбан. Констатировав, что в академическом издании «отсутствует история беларуского народа», он заявил, что книгу, видимо, писали «под наблюдением российских историков».

Аналогичное впечатление может сложиться при чтении практически всех советских учебников по истории Беларуси, – настолько в них сильна пророссийская интерпретация основных событий. В частности, они последовательно обходили тему многочисленных войн Московского государства против ВКЛ. До конца 1980-х годов ни в академических изданиях по истории Беларуси, ни тем более в школьных учебниках ни разу не было сказано о вторжениях московских войск на территорию страны. Тема битвы под Оршей в 1514 году, в которой они потерпели поражение, вообще считалась запретной.

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ
БЕЛОРУССКОЙ ССР

ТОМ
I

Под редакцией
действительного члена АН БССР
В. Н. Перцева,
кандидатов исторических наук
В. Н. Шабуни и Л. С. Абецедарского

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
МИНСК 1954

«История БССР», том 1 (1954)

Из учебников по истории жители советской Беларуси могли узнать только о внутренних конфликтах в ВКЛ, объяснявшихся борьбой между сторонниками и противниками «воссоединения с Россией», о казацких восстаниях, изображавшихся «национально-освободительной борьбой» и т.п. Даже руководителю антироссийского восстания Калиновскому приписывали взгляды, якобы «отвечавшие давним стремлениям белорусского народа соединиться с великим русским народом в единой братской семье».

3. Оттепель и «абецедарщина»

После смерти Сталина, в период короткой хрущевской «оттепели», БССР, как и другие советские республики, переживала определенный этап десталинизации. В это время в беларуской печати успел появиться ряд публикаций, авторы которых отошли от канонических версий отечественной истории. В первую очередь это публикации 1964–66 годов в журнале «Полымя», главным редактором которого был в то время народный поэт Беларуси Максим Танк (Е.И. Скурко; 1912–1995).

С особенно смелыми статьями выступил историк литературы Николай Прашкович (1932–1983), попытавшийся подчеркнуть различие исторических судеб Беларуси и России и вернуть ВКЛ облик «своего» государства. Такие же позиции

отстаивал философ Николай Алексютович (1921–1967), отвергавший тезис о культурной отсталости Беларуси в эпоху ВКЛ и критиковавший представление, будто из России в Беларусь шло только хорошее, тогда как влияние Запада было сугубо отрицательным. Заданный ими ракурс поддержали в своих публикациях другие гуманитарии (Вячеслав Чемерицкий, Александр Яскевич, Владимир Анищенко и прочие). Позже в архиве была найдена докладная записка неизвестного лица в ЦК КПБ (вероятно 1966 года), где публикации в «Полымя» были квалифицированы как предпринятая Прашковичем «кампания за пересмотр в определенном духе всей советской концепции истории БССР» и высказывалось требование о ее немедленной «остановке».

Бросается в глаза то, что среди участников упомянутой «кампании» отсутствовали сотрудники Института истории АН БССР. Видимо, практика «борьбы с национализмом» создала в их среде такую атмосферу страха, что в 1960-е годы академические историки не смели отходить ни на шаг от основ советской концепции. В большинстве публикаций тех времен они лишь укрепляли ее одиозные тезисы. Например, инкорпорацию страны в состав России в результате разделов Речи Посполитой называли «воссоединением в едином государстве» беларуских земель «насильно оторванных от братского русского народа», событием, «отвечавшим кровным интересам широких масс белорусского народа».

В целом хрущевская оттепель не повлияла на беларускую историографию. Историков не мог не сдерживать тот факт, что в ответ на попытки пересмотра некоторых оценок даже в начале «оттепели» появлялась жесткая критика в партийной печати. Так, первый секретарь ЦК КПБ Кирилл Мазуров (занимал этот пост в 1956–1965 гг.), выступая на III пленуме Союза писателей БССР, призвал «давать решительный отпор всяческим проявлениям буржуазного национализма». Особая бдительность проявлялась по отношению к периоду революции и советской эпохи, где не допускалось никакого отхода от партийных канонов.

Николай Прашкович

Когда литературовед Михаил Ларченко (1907–1981) предложил признать прогрессивную роль газеты «Наша Ніва» в развитии беларуской культуры и снять ярлыки «буржуазных националистов» с Алеся Гаруна (Прушинского), Каруся Каганца (Костровицкого) и Ядвигина Ш. (Левицкого), его немедленно остро раскритиковал Лаврентий Абецедарский за «серьезные ошибки», которые «кроме вреда ничего не могут принести развитию литературоведения и критики».

После очередного нерешительного предложения пересмотреть отрицательную оценку «Нашей Нівы» появилась разгромная статья того же Абецедарского и его коллег из Академии наук в печатном органе компартии республики. А ученики Абецедарского, двое аспирантов БГУ (одним из них был Яков Трещенок; 1931–2011), продемонстрировали завидную преданность

партийному курсу, выступив со злобной критикой исторических взглядов Н. Прашковича. Безапелляционно осудив любой отход от официальной концепции, они оценили события и деятелей истории Беларуси с точки зрения интересов России. В частности, заклеймили церковную унию как «вероломную попытку Ватикана и магнатов Речи Посполитой поработить белорусский народ, разорвать его связи с русским народом». Униатского митрополита писателя-полемиста Ипатия Патея они назвали «мракобесом», тогда как православного монаха Афанасия Филипповича (1596–1648), шпионившего в пользу Москвы, объявили «выразителем интересов» беларуского народа.

Михаил Ларченко

Лаврентий Абецедарский

Вскоре пришел конец и тем полусвободам, которые открыла хрущевская либерализация. В связи с вводом советских войск в Чехословакию в 1968 году Москва усилила борьбу «с идеологическими диверсиями империалистической пропаганды» в союзных республиках. Исторические интерпретации снова вводились в строго определенные рамки. Пленум ЦК КПБ в 1968 году потребовал от «всех коммунистов» активизации идеологической работы с народом, а руководство Института истории АН БССР публично пообещало, что это учреждение будет вести «непримиримую борьбу против фальсификаторов истории белорусского народа». Под фальсификаторами имелись в виду прежде всего историки беларуской эмиграции.

Дать «отпор» последним и «подкрепить фактами» марксистскую доктрину истории Беларуси было поручено главному авторитету советской историографии в БССР профессору Лаврентию Абецедарскому (1916–1975), который до своей смерти оставался автором единственного школьного учебника истории БССР, переизданного 14 раз без каких-либо изменений, а также одним из составителей школьной программы по этому предмету. Позже, перечисляя его заслуги, бывшие сослуживцы вполне справедливо отметили, что он «в каждое свое исследование вносил партийный дух» и был «врагом аполитичности».

Именно в таком духе Абецедарский написал и издал в 1969 году брошюру с характерным названием «В свете неопровержимых фактов». По словам автора, эта книжонка была посвящена тем вопросам, «которые наиболее часто искажаются буржуазными фальсификаторами». Но особенность их подбора заключалась в том, что все они (за исключением одного — о закономерности большевистской революции в Беларуси) прямо либо опосредованно касались места и роли ВКЛ в истории Беларуси. Так, Абецедарский включил в свою работу вопросы происхождения беларусов, образования ВКЛ и его характера, правового положения беларусов в ВКЛ и Речи Посполитой, места церковной унии в бела-

руской истории, историко-культурных связей Беларуси с Россией. Именно эти темы еще в «Тезисах» 1948 года рассматривались как «основные вопросы» истории БССР, и на каждый из них был дан директивный ответ, поэтому Абецедарскому осталось лишь подобрать удобные факты под готовые формулы.

Абецедарский категорично формулировал свои ответы: «До Великой Октябрьской социалистической революции никогда не было беларуской государственности», а ВКЛ являлось «государством литовских феодалов», следовательно, «бывшие гитлеровские прислужники», которые называют его беларуским, «беззастенчиво врут». Повторяя идею «Тезисов» 1948 года о стремлении «беларуских националистов» через ВКЛ исторически обосновать отрыв Беларуси от России, он сам раскрыл истинный смысл категорического отрицания хоть какой-то «беларускости» в ВКЛ. Дескать, объявляя ВКЛ беларуским государством, националисты «по-мошеннически стремятся создать впечатление, что к России враждебно относилась не литовская феодальная знать, а... весь белорусский народ», и обосновывают «враждебность между братскими народами».

Далее Абецедарский стремился доказать, что социальное и правовое положение беларуского народа и условия развития его культуры в ВКЛ и Речи Посполитой были исключительно тяжелыми, и подчеркнуть как благотворно влияла на Беларусь соседняя Россия, как беларусы вели борьбу против социального и национально-религиозного угнетения – «за объединение с Россией». Все это почти дословно совпадает с «Тезисами» 1948 года.

Эмигрантский историк Павел Урбан, который проанализировал брошюру Абецедарского в своей книге, комментируя некоторые пассажи последнего, иронично заметил: «...нет ни одного самостоятельного слова, которое принадлежало бы самому профессору Абецедарскому. Все живьем заимствовано из общей советской исторической и партийной литературы».

Подметив политическое, а не научное происхождение основных постулатов брошюры Абецедарского, Урбан метко раскрыл и их суть. Утверждения о вековом «единстве» Беларуси с Россией, с одной стороны, о чужеродности ВКЛ и враждебности Запада, с другой, повторялись как заклятие не потому, что на то есть исторические доказательства. Дело в ином – если бы советская историография признала самостоятельное, не связанное с Россией развитие беларуского народа, то Россия лишилась бы «исторических прав» на Беларусь. В советской схеме ВКЛ и Беларусь оказались разведенными на противоположные полюса именно с целью оставить последнюю в поле притяжения и в исторических рамках России.

Адепт советского канона Абецедарский занимал настолько важное место в официальной историографии БССР 1960-х – первой половины 1970-х годов, что его фамилия позже стала нарицательной для определения исторической политики той эпохи. Среди характерных черт «абецедарщины» современники назвали стремление к монополизации своей точки зрения, обостренную нетерпимость к альтернативным идеям, деформацию норм профессиональной этики. Это было время, когда официальная историография срасталась с государственно-партийным советским аппаратом (секретари и функционеры ЦК КПБ получали научные звания и ключевые должности в Академии наук), а практика ди-

рективного управления и идеологической опеки над историками достигла своего апогея.

В 1970 году ЦК КПБ специально рассмотрел ситуацию в историографии и принял постановление «О работе Института истории АН БССР», после чего работу гуманитарного отделения АН БССР анализировал очередной пленум ЦК. Констатируя факты «аполитичности, идейных шатаний» среди беларуской интеллигенции, партийный форум осудил «ошибочные взгляды» некоторых сотрудников Института истории и Института литературы. Перманентные кампании «по усилению борьбы с идеологическими диверсиями» и империалистической пропагандой не давали историкам возможности поднять голову.

Никакие публичные дискуссии по истории в то время не допускались. Например, когда Абецедарский выступил в печати с вульгарной критикой исторических публикаций, обвинив историка Семена Подокшина (1931–2004) и писательницу Ольгу Ипатову (1945 г.р.) в идеализации Ефросинии Полоцкой и Лаврентия Зизания – «богословов, стремившихся укрепить господство своей церкви над народными массами», то опозоренным авторам не дали возможности ни слова сказать в ответ.

О том, насколько большим доверием пользовался «главный историк» БССР во властных структурах свидетельствует тот факт, что его оценки и суждения использовал в своих докладах первый секретарь ЦК КПБ Петр Машеров. Так, в апреле 1974 года на пленуме ЦК, посвященном идеологической работе в республике, он осуждающе высказался о работах посвященных Ефросинии Полоцкой, Смотрицкому и Зизанию, почти дословно повторив Абецедарского: дескать, в упомянутых публикациях «проявились отголоски внеклассового объективизма, идеализация отдельных богословов...».

Вспомнил Машеров и научную конференцию по этногенезу беларусов, которая годом раньше должна была состояться в Минске, но в последний момент была запрещена решением высшего партийного руководства, – по той причине, что авторы поступивших докладов обсуждали роль балтского субстрата. Тезисы «крамольных» докладов, которые успели опубликовать до запрета конференции, долгое время не позволялось распространять. За идеологическую нерадивость, якобы угрожавшую «возможными негативными итогами», Машеров осудил руководство Отделения общественных наук АН БССР, санкционировавшее эту конференцию, оно получило выговор по партийной линии.

Тогда же сотрудники КГБ выявили «националистический» кружок в Академии наук, – неформальную группу патриотически настроенных ученых-гуманитариев. В 1974 году работы лишились 5 сотрудников (среди них Институт истории представлял археолог Михаил Чернявский), для других дело закончилось «принципиальной критикой товарищей». На будущее Пленум ЦК КПБ постановил при приеме в аспирантуру по истории отдавать приоритет тем, кого рекомендует партия.

В «застойные» 1970-е годы историографию БССР фактически полностью поставили на службу партийно-государственному бюрократическому аппарату. Ее основной кадровый и финансовый потенциал был задействован на изучение советской эпохи, в первую очередь – послевоенных десятилетий. Партия ориентировала историков на прославление своей руководящей роли в построении со-

циализма, воспитании трудящихся, выполнении планов развития народного хозяйства... Исследователи подсчитали, что 90 % диссертационных работ, защищенных в БССР по историческим специальностям с 1961 по 1987 год, посвящены советскому периоду истории страны, при этом в большинстве из них (58 %) рассматривалась историко-партийная тематика. Между тем, работы такого характера вообще трудно квалифицировать как научные, поскольку партия сама себя оценивала на съездах и пленумах. Именно прямая зависимость от партийных директив составляла суть феномена советизированной историографии.

Говоря о чертах советизации как длительного процесса, образцовым продуктом которого явилась историческая наука БССР, исследователи отмечают, что на уровне производимых текстов ее характеризовали следующие черты:

– идеологизация и монополизм идей и направлений работы;

– запрет многих тем, источников и имен;

– воинственность риторики и навешивание ярлыков;

– пренебрежение жанром рецензий и ухудшение культуры научных дискуссий;

– унификация стиля и выхолащивание индивидуального творческого подхода.

Партийно-советский Минск выделялся, кроме того, еще и особой покорностью Москве. Все это позволяло эмигрантским историкам заявлять, что «в БССР не существует национальной историографии», а то, что под этим понимают, «является в действительности казёнщиной», которая «вымывает национальное содержание» из истории Беларуси.

4. Перестройка и демократизация

Хотя позиции официальной беларуской историографии изменились лишь благодаря распаду СССР, для интеллигенции и молодежи советская трактовка прошлого стала неприемлемой намного раньше. С середины 1980-х годов, благодаря политике «перестройки» Михаила Горбачева, усилилось активное обращение общественности к прошлому, все чаще слышались голоса несогласных с советскими концепциями. Принципиальным условием таких перемен стал курс на демократизацию всех сфер общественной жизни, которую реформистское крыло ЦК КПСС объявило гарантом от повторения ошибок прошлого и успеха перестройки.

В сфере исторической науки «перестройка» означала, прежде всего, освобождение от практики сталинизма и «возрождение ленинских традиций» демократизма и гласности. Впервые при советской власти историков призвали очистить историю от «искажений и умалчиваний». Признав, что «слишком часто мы заранее знали конечный результат исследования, и под готовый вывод нам оставалось только подбирать факты», партия ожидала от историков «не новых фактов самих по себе, а новых мыслей и идей».

В БССР, как и в 60-е годы, первыми выступили с новыми идеями не историки, а писатели и публицисты. На пленуме Союза писателей Беларуси в 1987 году они потребовали изменить трактовку ключевых проблем истории, а именно – этногенеза беларусов, истории Полоцкого княжества и ВКЛ, а также освещения

отношений между Беларусью и Россией. Лидер писательской организации Нил Гилевич призвал тогда творцов художественного слова «растолкать историческое сознание» народа, ибо историки сидят под «колпаком абецедарщины» и боятся высунуть голову.

Газета «Літаратура і мастацтва» в годы перестройки стала форумом всех неравнодушных к поиску исторической правды. Публикуя статьи и заметки с сенсационными открытиями, со смелой критикой догматизированых версий, с новыми оценками и взглядами на давнюю историю и советское прошлое, еженедельник писателей заслуженно приобрел среди национально ориентированной интеллигенции и молодежи репутацию самой независимой и авторитетной газеты в БССР.

В России к новому осмыслению истории, к критике устаревших схем тоже первыми пришли писатели и публицисты, тогда как большинство историков оказалось не готовым к этому. Но в Беларуси позиции официальной исторической науки оказались слишком закостенелыми. Как и раньше, здесь последовательно ограничивали даже направления исследований. В академическом Институте истории и на соответствующей кафедре БГУ ученые, занимавшиеся досоветским периодом, разрабатывали только социально-экономическую тематику, тогда как политическая история, равно как история культуры и религии по-прежнему не включались в планы исследований.

Нил Гилевич

Обзор состояния исторической науки в БССР в первой половине 1980-х годов хоть и был издан в разгар «перестройки», своим содержанием и риторикой не отличался от похожих изданий «эпохи застоя». Его авторы по-прежнему призывали историков решать задачи, поставленные ЦК КПСС и «овладевать всем богатством идей марксизма-ленинизма». Между тем, приведенные ими сведения о защищенных диссертациях показывали упадок науки. Так, с 1981 по 1986 год в Минске по всей дореволюционной истории страны (десять веков!) была защищена только 1 докторская диссертация, тогда как о советских временах — 13. При этом авторы обзора утверждали, что в этих диссертациях были «решены крупные проблемы исторической науки».

Нил Гилевич справедливо назвал такие работы «профанацией научной деятельности», осуществлявшейся «на глазах всего общества». Однако официальная позиция академической и университетской историографии, не признававшей никакого кризиса, по-прежнему определялась набором идеологем советской концепции. Многие ее представители в то время не только не склонялись к ревизии привычных канонов, а наоборот, защищали их. Они обижались на слова Гилевича о том, что беларуские историки остаются под «колпаком абецедарщины», как и на упреки других писателей. Лишь отдельные профессиональные историки решились критиковать официальную концепцию прошлого, открыто выступив с беларусоцентричных позиций. Это были, прежде всего, Ана-

Михаил Ткачев

Анатолий Грицкевич

Николай Ермолович

толий Грицкевич (1929 г.р.) и Михаил Ткачев (1942–1992). К ним надо добавить историка-любителя Николая Ермоловича (1921–2000), ставшего своего рода рекордсменом по популярности благодаря оригинальной, радикально несоветской концепции образования ВКЛ.

В противовес академическим историкам, верным партийной доктрине и сохранявшим безоглядный москвоцентризм, в кругах гуманитарной интеллигенции создавалась и нелегально распространялась патриотическая «контристория». Ее основные позиции определялись взглядами все еще запрещенных Ластовского, Игнатовского и Довнара-Запольского.

Обращение общества к прошлому и недовольство советской версией его освещения безудержно нарастали. Но только в 1988–89 гг., когда волна гласности начала размывать устои советской идеологии, руководители главных историографических институций с санкции ЦК КПБ согласились проводить «круглые столы» по важнейшим проблемам истории (в Москве их проводили с 1987 г.). Оказавшись, по собственному признанию, под настоящим давлением со стороны общественности и печати, они продемонстрировали готовность дискутировать по поводу многих событий беларуской истории, но призвали при этом придерживаться не только «правдивости» и «объективности», но и ... «принципов марксистско-ленинской партийности».

Однако в реальности те переоценки, которые позволяли власти БССР, были незначительны. Например, в результате требований национальной интеллигенции пересмотреть канонизированную трактовку беларуской истории, в 1989 году был издан переработанный школьный учебник советского образца. В нем впервые появился сюжет о войнах между ВКЛ и Московским государством, но освещались они по-прежнему в контексте объединительной политики Москвы и стремления беларуского народа к воссоединению с Россией.

Важным шагом, способствовавшим массовому отходу от советских стереотипов в истории, стало возобновление процесса реабилитации

жертв сталинского террора. Не предпринимая никаких собственных инициатив по десталинизации, официальный Минск пошел на это по приказу Москвы только в 1988 году. Тогда были сняты обвинения с репрессированных лидеров «нацдемовской» школы – Ластовского, Цвикевича, Лёсика. Это означало возвращение их книг в публичное и научное использование. Правда, Игнатовского реабилитировали только в 1990 году.

Авторы книги о первом президенте Беларуской Академии наук, ставшем жертвой сталинского режима, отмечали особую актуальность его слов о фонарике, с которым историки должны «шаг за шагом обойти прошлое отечества». Игнатовский и представить себе не мог, что сформулированная им задача снова окажется актуальной через шесть десятилетий. И что историкам заново придется «разжигать фонарик», почти угасший в сумрачную пору сталинщины и застоя. Чтобы высветить дорогу к правде истории, очистить ее от сознательных и несознательных искажений, лжи, чтобы «воссоздать на скрижалях ее вычеркнутые, запачканные некогда имена честных сыновей народа».

5. Национально-государственная концепция

Радикальные перемены в исторической науке произошли только с началом реального распада Советского Союза. За разработку первой собственной концепции в Минске взялись после провозглашения «Декларации о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики», принятой 27 июля 1990 года. Ученые в Минске впервые получили реальную возможность писать историю без согласования с Москвой. С 1992 года был упразднен предмет «История СССР», а «История Беларуси» впервые получила статус самостоятельной дисциплины.

Перед историографией суверенного государства встала задача создания своей концепции, – такой, которая бы способствовала укреплению беларуской идентичности. Известно, что «узаконивание» новых национальных государств всегда требовало новых интерпретаций истории. Переосмысление прошлого необходимо для утверждения своего коллективного тождества, исключения из него «других», отделения от «чужих». Это естественный процесс создания национального мифа как главного компонента национальной идентичности.

В недавнем прошлом методы мифологизации истории с целью мобилизации масс и консолидации их вокруг национальной идеи активно использовались в России, Польше, Летуве. У беларусов, запоздавших с развитием национального самосознания, потребность в героизации своей истории, историзации общественно-политической жизни была особенно острой. Так что стремление беларуской национальной историографии к созданию мифов, которые бы удовлетворяли потребности развития своего государства и нации, можно считать типичным явлением, характерным для становления европейских народов.

Но, поставив себе такие задачи, беларуская наука в начале 1990-х годов оказалась в чрезвычайно сложной ситуации, ибо не имела ни собственной научной традиции, ни достаточного кадрового потенциала. Среди историков Беларуси тогда численно преобладали специалисты по истории КПСС, а кадров, получивших образование в западных университетах, вообще не было. После дистанци-

рования от марксизма-ленинизма беларуская историография, изолированная от Европы, оказалась в «методологической пустыне». Такое положение не могло не обусловить всевозможных упрощений и преувеличений в процессе «национализации истории».

Михаил Бич

Проект «Национальной концепции исторической науки и исторического образования в Республике Беларусь», созданный под руководством заместителя директора Института истории АН БССР профессора Михаила Бича (1937–1999), был опубликован для обсуждения уже в 1991 году. Названная авторами «национально-государственной», эта концепция стала четкой антитезой советской традиции. Она декларировала деполитизацию исторической науки, а также приоритет национальных ценностей.

Основные ее принципы ориентировали преподавание истории на осознание национальной специфики Беларуси, возрождение исторической памяти и национального сознания, на воспитание патриотов Беларуси независимо от национальности. Представляя новую концепцию широкой общественности, руководители главных исторических институций Беларуси заявили об отходе от марксизма-ленинизма, а также напомнили о праве беларуского народа на собственное видение мировой истории*.

На основе новой концепции была разработана программа отечественной истории для базовых школ, опубликованная в 1995 году, а через год вышла программа и для высшей школы. В соответствии с этими программами авторский коллектив создал первые учебники, поступившие в школы уже в 1993/94 учебном году. Они знаменовали переход на действительно новое содержание исторического образования, причем история Беларуси должна была излагаться на беларуском языке. В новых учебниках наше прошлое впервые рассматривалось не с классовых, а с общенациональных позиций, показывались истоки беларуской государственности, отношения с Россией рассматривались без боязни разозлить «большого брата» и без реверансов в сторону Москвы, а при освещении событий новейшей истории авторы демонстрировали сугубо отрицательное отношение к тоталитарной советской системе.

Национальная историография суверенного государства ставила своей целью прежде всего демонтаж великороссийской и советской парадигм, которые никогда не трактовали беларусов как отдельный народ и отказывали им в возможности самостоятельного государственного существования. Стремление исторически обосновать право на собственную государственность и дистанцироваться от России предопределило набор базовых концептов новой беларуской историографии. Это отрицание восточнославянского единства (балто-славянское происхождение беларусов), глубокие истоки государственности беларусов (По-

* Біч М. Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь // «Беларускі гістарычны часопіс». 1993. № 1.

лоцк как первое беларуское государство), исключительное место ВКЛ в беларуской истории (ВКЛ как беларуско-литовское государство), дистанцирование от России через определение ее далеко не позитивной роли в истории Беларуси (захватнические войны, колониальная политика и т.п.).

Все эти темы освещались в новых учебниках с позиций национально-государственной концепции. Их разработке в профессиональной историографии должно было способствовать издание многотомной «Энциклопедии истории Беларуси», концепция и первый том которой были подготовлены в 1991–92 годах под руководством одного из лидеров беларуского национально-демократического движения историка Михаила Ткачева.

Проблема этногенеза беларусов и происхождения названия «Беларусь» была одной из ключевых тем, вызвавших широкий общественный интерес еще в годы «перестройки». В объяснении происхождения беларуского народа главный акцент делался на балтский субстрат (на местное дославянское население), который удалял Беларусь от России уже на стадии этногенеза. Эта идея, сформулированная российским археологом Валентином Седовым в конце 1960-х годов, но остро критиковавшаяся советскими учеными, в историографии независимой Беларуси актуализировалась и активно подкреплялась археологическими и лингвистическими аргументами. Концепция единой древнерусской народности как общего корня великорусского, украинского и беларуского народов теперь критиковалась и признавалась ненаучной. Называя «прабеларускими» племена кривичей, дреговичей и радимичей, археологи пытались выводить происхождение беларусов непосредственно из балто-славянского слияния в VIII–X вв.

Поиски корней беларуской государственности стали вторым приоритетным направлением исторической науки. Их видели в первую очередь в Полоцком княжестве, успешно боровшемся за независимость от Киева. Полоцкое княжество трактовали как «прабеларуское», «раннебеларуское» государство, или просто первое государство на территории Беларуси, с которого началась история беларуской государственности. В новых изданиях (включая школьные учебники) беларуские авторы уже не связывали отечественную историю с традициями Киевской Руси. Как и балтский субстрат беларуского этногенеза (в отличие от угро-финского в российском, тюркского в украинском), непохожесть беларусов на украинцев и великороссов должна была подчеркнуть также тезис об отсутствии татарского завоевания беларуских земель в середине XIII века.

Наибольший интерес беларуских историков вызывало, несомненно, Великое княжество Литовское. После провозглашения государственной независимости Беларуси число научных и популярных публикаций о ВКЛ ежегодно возрастало почти вдвое. Это стало наглядным свидетельством желания значительной части общества видеть свое прошлое в несоветских координатах. Яркая история ВКЛ стала важным направлением научных исследований в Институте истории НАН Беларуси, темой научных конференций, вошла в учебные программы исторического факультета Белгосуниверситета.

Взгляды беларуской историографии на ВКЛ характеризовались главным образом новым подходом к путям создания этого государства и его национального характера. Принятый в советской историографии тезис о завоевании земель Беларуси литовскими князьями отрицался, утверждалась идея их ненасильст-

венного присоединения, которое перед угрозой агрессии Немецкого ордена и Татарской орды соответствовало интересам обеих сторон. Это положение было особенно важным для трактовки ВКЛ как общего с литовцами государства, – «своего» и для беларусов, а не чужой «власти литовских и польских панов», как твердили учебники времен БССР. Молодой национальной историографии следовало позаботиться о том, чтобы обосновать справедливость наследования беларусами традиций государственности ВКЛ. При этом в толковании этой проблемы делалось очень много преувеличений и упрощений (особенно в исторической публицистике), которые во многом были обусловлены стремлением освободиться от пресловутой «абецедарщины».

Наиболее известный пример упрощенных подходов к данной проблеме – несомненно, книга Николая Ермоловича, излагавшая оригинальную версию образования ВКЛ (власти разрешили напечатать ее перед самым распадом СССР)*. Построив свою концепцию на радикальном отрицании принятых в советской науке представлений о завоевании западных земель Руси литовскими князьями, Ермолович локализовал летописную Литву на территории современной Беларуси и утверждал, что создание ВКЛ началось с подчинения этой Литвы боярством Новогрудка, нанявшим князя Миндовга. В эклектической конструкции Ермоловича, вобравшей в себя многие положения старой российской историографии, а также идеи беларуских национальных деятелей первой половины XX века, содержался новый тезис о беларуских началах ВКЛ. Именно это сделало ее чрезвычайно привлекательной для широкой общественности.

Несмотря на явную крайность и необоснованность основных положений, концепция Ермоловича сразу же приобрела в Беларуси огромное число сторонников и надолго стала авторитетной даже среди части историков. Только после того, как проблемой истоков ВКЛ в Беларуси начали заниматься молодые историки, она дождалась профессиональной критики, хотя популярность радикальной беларусоцентричной концепции происхождения ВКЛ среди широкой общественности осталась высокой. В целом, однако, определение ВКЛ как «беларуского государства» в современной беларуской историографии не прижилось. Так оно трактовалось преимущественно в публикациях самого Ермоловича и в некоторых популярных изданиях, рассчитанных на широкую публику. В публикациях же, которые представляли научную историографию, закрепилось название «беларуско-литовское государство».

Надо отметить, что в научных публикациях обычно признавалось доминирование литовцев в политической сфере, зато подчеркивался факт демографического перевеса беларусов в государстве, господство старобеларуской культуры и в первую очередь старобеларуского языка, который исполнял функции официального. Правда, и это вызвало определенную конфронтацию с историографией Республики Летува.

Характерно то, что представляя ВКЛ государством литовского и беларуского народов, новая историография Беларуси стремилась подчеркнуть его европейскость – по контрасту с «азиатской» Россией. Сродни своим предшественни-

* М. Ермалович. Старажытная Беларусь: Полацкі і Навагародскі перыяды. Мінск, 1990.

кам 1920-х годов, беларуские историки подчеркивали европейское происхождение государственных и социальных институтов ВКЛ.

Демократичность государственного строя, конституционный характер Статутов ВКЛ, Магдебургское право городов, цеховые организации ремесленников и купцов, традиции религиозной толерантности, – это то, что положительно отличало Беларусь от России и свидетельствовало об ее вовлеченности в западную цивилизацию.

Чаще всего выставлялись традиции демократии и толерантности. Например, в учебниках говорилось, что ВКЛ было «одним из первых» европейских государств, которое «создало уникальный образец политического и общественного строя, правовой демократии, мирного сосуществования и сотрудничества разных народов и религий». Особенно прославлялся Статут ВКЛ 1588 года, который в публицистике даже называли «первой беларуской конституцией».

Против западнорусистских и советских положений о преследовании православной веры в ВКЛ и о национально-религиозном угнетении беларусов «польско-литовскими феодалами» был выставлен тезис толерантной политики государства применительно к православным подданным. В новой исторической литературе религиозные конфликты вообще не акцентировались, зато подчеркивались факты активного участия православного населения Беларуси в защите своего государства от войск единоверной Москвы. Римо-Католичество рассматривалось теперь как одна из традиционных для Беларуси христианских конфессий, а не оружие польской экспансии.

Что до Греко-Католичества, то многие беларуские историки стремились исправить негативный образ церковной унии, созданный российско-советской историографией. Они постулировали неизбежность заключения религиозной унии в Бресте как единственного выхода из кризиса, в котором находилась тогда православная церковь Беларуси и Украины. Игнорируя конфликты, вызванные заключением церковной унии, исследователи обращали внимание на ее позитивные итоги, высоко оценивая роль унии в этнокультурном развитии Беларуси.

В атмосфере 1990-х годов и Люблинскую унию 1569 года, которая даже основоположникам национальной историографии Ластовскому и Игнатовскому представлялась концом самостоятельности ВКЛ, многие беларуские историки стали оценивать в меру позитивно. Необходимость ее заключения обосновывалась потребностью защиты от московской агрессии, а позитивные итоги виделись в активизации западных влияний. Юридически оформленная в Люблине Речь Посполитая характеризовалась как федерация двух государственных организмов, государство многих народов, достойное место в котором занимали и беларусы.

Но во многих публикациях она по-прежнему оценивалась отрицательно. Последнее было характерно для работ не только Н. Ермоловича и других историков-популяризаторов, но и представителей академической науки. Например, в докладе директора Института истории НАН Беларуси, подводившем итоги многолетних исследований, говорилось о «систематическом наступлении на беларуский этнос» в Речи Посполитой, о политике полонизации и т.п.

Но в целом в новой беларуской историографии образ первой Речи Посполитой приобрел больше позитивных характеристик, чем когда-либо прежде. Она уже не ассоциировалась с анархией и постоянным усилением национально-религиозного угнетения, о котором настойчиво говорили издания советской эпохи, не имела таких негативных оценок, которые содержали украинские учебники 1990-х годов, и что особенно существенно – разделы Речи Посполитой оценивались в ней негативно. Беларуские историки характеризовали политику российского правительства по отношению к присвоенной Беларуси как колониальную и русификаторскую.

Исторический образ России во всех бывших советских республиках после распада СССР эволюционировал от позитивного к негативному, но для русифицированной Беларуси аналогичный пересмотр отношений с великим соседом может считаться особенно показательным. Из «старших братьев» великороссы превратились в агрессивных и коварных соседей, которые вели разрушительные для Беларуси войны, а потом использовали Беларусь как колонию. Так произошло не только потому, что ВКЛ действительно больше всего воевало с Московским государством. Актуальным было акцентирование примеров отпора захватчикам и ассимиляторам, конфликтов с соседями, – в этом заключался один из способов пробуждения национального сознания.

Политику Московского государства применительно к ВКЛ (и Беларуси как его части) в школьных учебниках впервые назвали «открытой агрессией». Беларуско-российские отношения XVI–XVII веков освещались с патриотическим пафосом не только в учебной литературе и исторической публицистике, но и в академических работах. Центральным сюжетом истории противостояния Беларуси и России стала битва 1514 года под Оршей, ныне названная «великой победой» воинов, «защищавших независимость своего государства, свои дома и семьи». День 8 сентября, когда войска ВКЛ и Польского Королевства разгромили превосходящие силы Москвы, был распропагандирован историками и популяризаторами, и с 1992 года публично отмечался как «День беларуской воинской славы». Это чрезвычайно раздражало Москву и пророссийски настроенную часть населения Беларуси, однако запретить этот праздник в еще демократической стране никто не мог.

Институт истории НАН выпустил «Нарысы гісторыі Беларусі» в 2-х частях (1994–95 гг.), основанные на национальной концепции. Это был первый обзор отечественной истории, созданный в суверенной Беларуси. Несколько лет он использовался как пособие для студентов ВУЗов.

Национальная историография, при всех ее недостатках, в целом освещала прошлое Отечества гораздо полнее и объективнее, чем когда-либо раньше. Новые поколения беларусов смогли впервые открыто читать о благотворности западных влияний на развитие хозяйства и культуры в Беларуси; о том, что далеко не все население края когда-то исповедовало православие; о разрушительных войнах Москвы против ВКЛ и Речи Посполитой в XVI–XVII веках; о российской оккупации беларуских городов и грабительской политике царской власти; об участии своих предков в антироссийских восстаниях 1794, 1831 и 1863 годов; о последовательной русификации Беларуси в царской России и СССР, не говоря уже о преступлениях большевистского режима.

За короткий период демократии беларуская историография выработала такое видение прошлого, которое принципиально отличалось от москвоцентричной советской концепции. В ее взгляды вошло многое из так называемого «нацдемовского» наследия. Демонтируя положения имперской мифологии, она вводила противоположную оценочную ориентацию, меняя вектор с Востока на Запад. Опровержение великорусских концепций, не признававших существование самого беларуского народа, историки суверенной Беларуси связывали с экспонированием западных параметров истории и культуры своего края. С этого времени национально ориентированных историков Беларуси ничто общее не связывает с Россией.

6. Ресоветизация

Новая трактовка прошлого Беларуси, отдалявшая ее от России и отвечавшая интересам укрепления беларуской идентичности, настолько радикально отличалась от прежних стандартов историографии, что вызвала критику части общества, преданной советским идеалам. Историков обвиняли в «фальсификации» взаимоотношений с Россией, истории Второй мировой войны и особенно – в «очернении» советской действительности.

После установления в стране режима президентской власти (1994) и сворачивания процессов демократизации пророссийская и просоветская часть общества Беларуси вернула привычные для себя образы прошлого. Эпоха свободного развития исторической науки и образования завершилась.

Все началось с учебников. В середине августа 1995 года, вскоре после смены государственной символики и объявления русского языка вторым государственным в Беларуси, Главное управление общественно-политической информации администрации президента сообщило о решении руководителя государства запретить использование новых учебников по истории и вернуть в школы старые, советского образца. Сообщалось, что президент пошел на это после «глубокого изучения» материалов какой-то «комиссии», которая «в течение двух месяцев экспертировала содержание учебников». Один из самозваных экспертов (Василий Милованов) в том же сообщении одобрил решение запретить учебники, ибо в них, дескать, «пропагандируются антирусские настроения и выражаются симпатии Западу».

Министерство образования охватила паника, так как это решение нельзя было выполнить по чисто техническим причинам. На специальном совещании президента с представителями министерства образования 23 августа 1995 года пришлось разрешить «временно» пользоваться «националистическими» изданиями – до появления новых учебников.

С целью проверки и «исправления» учебной литературы по истории власти создали специальную комиссию, которую возглавил руководитель Главного управления общественно-политической информации полковник Владимир Заметалин – русский по национальности, ярый противник беларуского суверенитета. В состав комиссии вошли крайне одиозные лица, «специалисты» по советскому периоду: Петр Петриков (1927–2009), Александр Филимонов (1918 г.р.), Вячеслав Дашкевич, а также Валерий Черепица (1945 г.р.), печально извест-

ный своим издевательским отношением к беларуской истории и культуре. Вот так в Беларуси был взят курс на ресоветизацию исторического образования и на войну с национальной историографией. Протесты и запросы Комиссии Верховного Совета по образованию и воспитанию, расценившей распоряжение президента как «покушение государственной власти на учебники», президентская администрация демонстративно проигнорировала.

Авторы учебников, обвиненные в национализме и русофобии, пытались защищать свое профессиональное достоинство. Разумеется, первое поколение постсоветских учебников имело недостатки, но не принципиального характера, а в основном методические и фактографические. На заседании круглого стола в редакции «Беларускага гістарычнага часопіса» профессор Игорь Аржаховский (русский), засвидетельствовал, что учебники истории образца 1992–95 гг. не содержат никакой русофобии. Относительно их содержания было отмечено, что польские историки (члены польско-беларуской комиссии по совершенствованию содержания исторического образования), проанализировав учебники 1993–95 годов, дали им в целом положительную оценку. Но, как оказалось, этот факт только добавил масла в огонь.

Суть новой государственной политики в сфере гуманитарного образования президент публично раскрыл в 1998 году на совещании в Национальной Академии наук, когда похвастался как достижением тем, что «за последние годы преодолена деидеологизация средней и особенно высшей школы». Правда, в отношении высшей школы он переоценил успехи в этом направлении, ибо на исторических факультетах университетов, как и в Институте истории НАН, не желали подменять науку идеологией. Зато система школьного образования действительно пострадала от вмешательства государственных идеологов.

До 1997 года в школах одновременно использовали три поколения учебников, совершенно разных по ориентации: книги последних лет советской эпохи, первое поколение постсоветских пособий (1992–95 гг.), а также учебники, «исправленные» государственной комиссией или написанные в качестве альтернативы национальной концепции. Но постепенно вся официальная учебная литература приводилась в соответствие с «политикой президента» в области истории, к которой обычно апеллировали члены комиссии по учебникам.

Авторитетом президента прикрывались также члены общественного объединения «Исторические знания», созданного в Минске весной 1996 года из нескольких десятков ученых-пенсионеров. Объявив себя «защитниками и сторонниками советской государственности и советской власти», они получили роль своеобразного экспертного органа, на удивление авторитетного в «коридорах власти». Домогаясь «восстановления исторической правды», члены комиссии и упомянутого клуба отличались яростными нападками на представителей национально ориентированной историографии.

В 1998 году, в связи с проведением научной конференции «Политические репрессии в Беларуси: 1917–1997 гг.», председатель объединения «Исторические знания» Адам Залесский (1912–2002) и художник Михаил Савицкий (1922–2010) обратились к Генеральному прокурору Беларуси с требованием привлечь к уголовной ответственности авторов опубликованных материалов – якобы для того, чтобы «защитить честь и достоинство президента А. Лукашенко» (?!). А тог-

дашний руководитель президентской администрации Михаил Мясникович направил письмо в Институт истории с приказом «разобраться с сотрудниками» (участниками этой конференции) и «принять меры».

В учебниках по советской истории их раздражало одно лишь упоминание о том, что в СССР существовали «антинародный тоталитарный режим», «национальное и культурное угнетение». Из текстов учебников вычеркивался сам термин «тоталитаризм», исключалось все, что свидетельствовало о сотрудничестве СССР с нацистской Германией, а также о роли Сталина в развязывании Второй мировой войны. Критика оппонентов перенимала стиль и лексику худших советских стандартов.

Евгений Новик

Ее образцом можно считать «разбор» содержания пособия «История Беларуси» для 9 класса, предложенный профессором Евгением Новиком. Разоблачая «не научный, а политико-идеологический облик авторов», этот убежденный защитник советского строя оспаривал мысли оппонентов посредством навешивания ярлыков и ругательств: «политический заказ!», «примитив!», «сплошная политизация!», «врете!», «свирепая ненависть ко всему советскому!». Упоминания о кризисе советской системы Новик назвал «мифами, которые противники советской общественной системы тянут ... в учебники».

Петр Петриков

«Борцов с фальсификациями» более всего волновали вопросы освещения предыстории и событий Второй мировой войны, оценка партизанского движения и советского строя, однако они уделяли внимание и далекому прошлому. «Борцы» остро критиковали постсоветские учебники за отрицание древнерусского единства, за «некритическую» оценку уний 1569 и 1596 гг., за негативное отношение к разделам Речи Посполитой, и вообще за «русофобию».

Одновременно с критикой «крамольных» изданий, представители старой советской школы писали свои, действительно альтернативные пособия, в которых оценки событиям и эпохам расставлялись в соответствии с государственной политикой того периода.

Адам Залесский

Например, Василий Милованов, автор пособия «История Беларуси. Конец XVIII – 1917 г.», изданного в 1998 году, назвал разделы Речи По-

сполитой «освобождением Беларуси» и оценил их как «прогрессивное событие», давшее беларусам «возможность сбросить с себя угнетение польско-литовских феодалов». Он утверждал, что «воссоединение с братским русским народом» спасло беларусов «от полного ополячивания» и даже обеспечило им развитие национального сознания, культуры.

Второй такой же «альтернативой» стало пособие под редакцией Евгения Новика (1939 г.р.)*. В нем российский генерал Михаил Муравьев, автор программной русификации нашего края, прозванный за свою жестокость «вешателем», был представлен «энергичным государственным деятелем, который со знанием дела делал то, к чему был призван». А денонсацию договора об образовании СССР и создание СНГ Е. Новик назвал «государственным переворотом».

В учебной литературе опять появилась концепция древнерусской народности как «общего корня» беларусов, русских и украинцев. Единственным центром «собирания восточнославянских земель» изображалась Москва, «столетиями олицетворявшая исторические надежды на воссоздание единства братских народов», якобы когда-то существовавшего. Разумеется, все то, что могло препятствовать «воссоединению», а тем более отдаляло его, оценивалось отрицательно. Даже сам факт пребывания Беларуси в составе ВКЛ и Речи Посполитой подавался с сожалением, как явление сугубо отрицательное.

Наряду с традиционными для советской эпохи схемами и оценками, официальные пособия по истории, созданные во второй половине 1990-х годов, содержали и новые акценты. Явное славянофильство, граничившее с российской версией панславизма (в виде объединения всех славян вокруг «русского племени»), роднило эти издания не столько с советской, сколько с великодержавной российской традицией. Католической Польше придавался в ней резко негативный образ, тогда как захват Беларуси Россией в конце XVIII века и политика российских властей безмерно восхвалялись. Так в качестве «нового» составного элемента официальной историографии появились старые установки западнорусизма XIX века, отрицавшего историко-культурную самобытность Беларуси.

Первый университетский учебник по истории Беларуси, написанный группой преподавателей в соответствии с «новой политикой» и представленный в 1998 году в качестве идеологического ответа «фальсификаторам», свидетельствовал, что в кампании ресоветизации дошла очередь и до высшей школы. Это издание отличалось многочисленными фактографическими ошибками, но главным его сюрпризом стало идейное наследование позиций старой российской и советской историографии. Во многом и здесь произошло явное возвращение на позиции западнорусизма.

Если в советских учебниках Люблинская уния 1569 года упоминалась как малозначимое событие, а ее негативное значение виделось только в распространении католицизма и полонизации, то здесь она была названа «трагической страницей истории Беларуси». Шляхетская демократия и выборная монархия Речи Посполитой квалифицировались как «наихудшая форма управления государством». Все западное и католическое отождествлялось с моральной неполноценностью. Авторы этого издания настолько увлеклись выполнением политиче-

* «Гісторыя Беларусі: у 2 частках» под ред. Я. Новика, Г. Марцуля (Минск, 1998).

ского заказа, что массой допущенных ошибок вызвали возмущение не только научной общественности, но даже студентов. Тем не менее, одиозный учебник получил статус базового и несколько раз переиздавался.

Подменой содержания образования новая историческая политика не ограничилась. Требовалось еще взять под контроль саму историческую науку – тех, кто мог продуцировать крамольные публикации (или хотя бы лишить их возможности транслировать свои взгляды обществу). Потому в 1996 году началась кампания против Института истории НАН – главной крепости «фальсификаторов», по заявлениям членов клуба «Исторические знания». Одновременно была изменена концепция «Энциклопедии истории Беларуси», большинство активных авторов которой составляли сотрудники упомянутого института, а издательские планы подверглись идеологической цензуре.

В результате всего этого историки Беларуси раскололись на два лагеря. Условно говоря, на сторонников национальной концепции, и официозных (или «придворных») историков. Диалог и компромисс между ними были невозможны с самого начала, поскольку представители официозной историографии, не занимавшиеся реальными исследованиями, получили влиятельные должности и право экспертизы.

Михаил Костюк

На оппонентов стали навешивать ярлыки политических обвинений. Так, в президентском журнале /«Беларуская думка»/ было заявлено, что национальная концепция истории ставит целью помешать «созданию союзного государства Беларуси и России», а ученые из Института истории НАН, продолжавшие придерживаться этой концепции, получили клеймо «агентов западных спецслужб». Сам институт был назван «националистическим заповедником», а его деятельность охарактеризована как «противоречащая исторической правде». Представители официозной историографии квалифицировали позитивную оценку Запада как проявление «русофобии» и «преклонения перед Западом». Один из наиболее активных апологетов советской власти Петр Петриков расценил «прозападную» ориентацию историков из национального лагеря как «антибелорусский курс», а в их учебниках ухитрился разглядеть намерение «новой инкорпорации Беларуси в состав Польши!».

Подобными инсинуациями определенные круги стремились доказать, что историки из академического института профессионально непригодны, а более всех других отвечает за «фальсификации» директор института Михаил Костюк (1940 г.р.). Чтобы не допустить его очередного переизбрания на должность директора, президиум НАН нарушил свой же Устав и в соответствующий срок не объявил конкурса на замещение вакантной должности. В конце 1999 года президент НАН Александр Войтович возложил обязанности директора Института истории на Николая Сташкевича (1938 г.р.) – бывшего сотрудника Института истории партии при ЦК КПБ, автора печально известных работ о «банкротстве антисоветских сил» в Беларуси.

Николай Сташкевич

Внешним символом наступления на Институт истории явилось установление на его здании в начале 2000 года мемориальной доски в честь бывшего президента АН БССР Павла Горина – того самого деятеля, который в 1930-е годы яростно громил «нацдемовщину» и ревностно исполнял поручение партийного начальства по организации академии «действительно коммунистической, подчиненной интересам социалистического строительства».

В 2001 году президент издал указ, которым фактически подчинил НАН своей власти, ибо присвоил себе прерогативу назначения президента Академии наук. Такого не позволял себе даже Сталин! Новым президентом НАН был назначен Михаил Мясникович – бывший руководитель администрации президента, который не являлся ни академиком, ни членом-корреспондентом, а имел только степень доктора экономических наук.

7. Новый западнорусизм

Утратой академических свобод беды беларуской историографии не окончились. Состояние дел в исторической науке и образовании все еще не удовлетворяло высшее руководство страны. В 2002 году президент провел совещание по вопросам подготовки учебников, в первую очередь – по гуманитарным дисциплинам, где сообщил, что берет это дело под свой контроль. Министерство образования тогда же объявило конкурс на подготовку новых учебников по истории Беларуси. Имя победителя было известно заранее – им должен был стать Яков Трещенок, который когда-то преподавал историю будущему президенту. Вскоре последний сам рассказал, как Трещенок призывал его по примеру Сталина взять в свои руки контроль над учебниками, и президент доверил ему написать нужный учебник («Напиши учебник в таком стиле, как ты у нас преподавал историю»).

Так малоизвестный преподаватель Могилевского университета, не имевший ни ученой степени, ни опубликованных работ, которые бы свидетельствовали о соответствующей квалификации, получил право разработки «новой концепции исторической науки» для Беларуси. Для приличия в 2002 году министр образования Петр Бригадин организовал в Могилёве «обсуждение» его идеологических выкладок. Специально подобранные представители университетов и Академии наук приехали в Могилев и единогласно одобрили «новую концепцию». Между тем Трещенок высказал симпатии Сталину и предложил, помимо прочего, в беларуских школах «использовать современные учебники русской истории Российской федерации» (!)

Тогда же власти инсценировали «активное обсуждение в научных кругах» текста учебника Трещенка, хотя в реальности историки его не видели. Из всех руководителей кафедр истории Беларуси один только профессор Анатолий Лю-

тый (1951 г.р.) решился публично критиковать предложения Трещенка. Он назвал публикацию могилёвского доцента проявлением глубокого кризиса и возвращением к концепциям сталинских времен, предложил вынести идеи Трещенка на обсуждение Всебеларуской конференции историков. Понятно, что властям это было не нужно.

На деле «новая концепция» оказалась давно забытым старым. «Историю Беларуси» Трещенка, изданную в качестве учебника для университетов, можно смело назвать модернизированным воплощением идеологии западнорусизма, скрещенного с апологией советской системы. Ее автор руководствуется основными принципами архаической концепции Михаила Кояловича (1828–1891): не признает культурно-исторической самобытности Беларуси (считает ее частью России), гиперболизирует роль православия (которое всячески идеализирует), безмерно очерняет все католическое, историю Беларуси связывает только с православием и Россией, тогда как Польшу представляет в роли ее главного врага. Речь Посполитую он назвал нежизнеспособной «исторической химерой». Отвергая саму идею прозападной ориентации Беларуси, Трещенок поместил ее на передний край многовекового противостояния Востока (православия) и Запада (католичества), заодно объявив православную церковь «спасительницей» беларусов. Совпадает даже терминология старого и нового западнорусизма: любые формы беларуского национального движения, любые стремления к самостоятельности могилёвский доцент клеймит как «сепаратизм» и пытается высмеивать.

Но при близком знакомстве «усовершенствованная» редакция западнорусизма оказывается более примитивной чем оригинальная версия XIX века, и даже чем советская концепция. Это не удивительно, ибо Михаил Коялович все же был эрудитом и хорошим исследователем, да и Лаврентий Абецедарский, при всех его отрицательных «заслугах», являлся знатоком архивов, а вот Яков Трещенок – всего лишь идеолог-пропагандист. Его нигилистическое отношение к базовым знаниям, к научным разработкам историков и к беларуской культуре настолько смутили многих ученых, что они сначала просто не знали, как реагировать.

В самом деле, невозможно логично объяснить тот факт, что в суверенном государстве на страницах учебника сама его независимость вдруг стала изображаться явлением временным и нецелесообразным. Трещенок неоднократно высказывается о неизбежности реинтеграции, настойчиво повторяя, что «белорусы и малорусы-украинцы войдут как равноправные самоуправляющиеся составляющие» в союзное государство восточных славян – «Великую Россию».

И если могилёвский доцент только намекал на целесообразность ликвидации беларуской государственности, то в изданиях Института социально-политических исследований при Администрации президента уже писали более откровенно: дескать, беларусы как «единокровные братья и единоверцы... рано или поздно, но вернутся в общее государство». Более того, там сказано, что «белорус... по своей теоретической и практической жизни является русским человеком» (!), и что враждебный славянам Запад «ведет тотальную информационно-психологическую войну против общерусского мировоззрения нашего народа»...

Идейное наследие Кояловича, давно списанное в архив, оказалось востребованным в Беларуси времен президентства «спасителя нации». Ее теперешних сторонников, как когда-то и Кояловича, не печалит полное несоответствие концепции данным и выводам научных исследований. Наоборот, «русский субъективизм» они провозглашают наилучшим методологическим принципом не только для познания истории, но и «для правильного понимания и усвоения общечеловеческой цивилизации»! Комментарий таким пассажам дать нельзя, можно только ставить медицинский диагноз.

С выходом учебника Трещенка, как вскоре выяснилось, были связаны планы глубоких изменений в системе исторического образования, основой которого все еще остаются программы, принятые в первой половине 1990-х годов. Его сторонники более настойчиво потребовали изменить их, ввести «государственный стандарт» трактования истории, основанный на «православной парадигме», и перевести преподавание истории Беларуси на русский язык.

Кампания по навязыванию идей западнорусизма охватила не только сферу исторического образования. Его эпигоны, не скрывавшие ненависти к беларускому национальному возрождению, положили свою систему оценок и взглядов также и в основу курса государственной идеологии Беларуси, директивно введенного в стране. В результате исторические разделы учебников по идеологии производят такое впечатление, будто они написаны в интересах российского, а не беларуского государства. Подобная идеология никак не способствует интеграции граждан Беларуси, она только подрывает основы дальнейшего формирования беларуской нации.

Евгений Анищенко

Академическая историография в последние годы тоже все больше страдает от политики. Ряд деятелей из высшего руководства страны открыто подчеркивает первостепенное значение политико-идеологической функции в работе Института истории НАН. Ведущие должности в нем заняли лица не в соответствии с профессиональной пригодностью, а по принципу лояльности режиму и политической целесообразности.

Оказались под политическим контролем и темы научных исследований. Высшая аттестационная комиссия (ВАК) начала отклонять диссертации по идеологическим мотивам. Весьма показательна в этом плане судьба докторской диссертации Евгения Анищенко «Политическая история Беларуси во времена разделов Речи Посполитой», отклоненной в 2004 году из-за того, что автор в отрицательном свете показал Россию. А кандидатскую диссертацию Ирины Каштелян «Повседневная жизнь беларуского общества: 1944–1953 гг.» ВАК забраковал на основании того, что диссертантка «очернила» советскую власть и ее политику!

Ныне в Беларуси сосуществуют две взаимоисключающие исторические концепции и два типа национальной идентичности. Официозная (или директивная) историография сводит прошлое страны к жизни провинции, затерянной в тени российской и советской империй, отсчитывает начало ее истории с 1917

года, отгораживает Беларусь от «враждебной» Европы. Национальная историография предлагает тысячелетнюю историю, традицию собственной государственности, независимость как высшую ценость. Именно эта концепция, фактически вытесненная сейчас из публичного обращения, является важнейшим элементом национальной идентичности беларусов.

Но, несмотря на все усилия, правящий режим не способен контролировать историческое сознание общества и направлять его развитие. Данные независимых социологических исследований показывают, что более трети опрошенных жителей Минска считают первым в истории беларуским государством Великое княжество Литовское (БССР назвало таковым вдвое меньше респондентов), а среди государственных чиновников, опрошенных в 2006 году, сторонников ВКЛ оказалось абсолютное большинство. В этом можно увидеть продолжение процесса «национализации» прошлого – вопреки сценариям официальной исторической политики.

Символично, что одним из ключевых сюжетов для формирования беларуской идентичности стала битва под Оршей 1514 года – знаковое событие, которое, как и в советские времена, снова вычеркнуто из официального календаря истории Беларуси. В этом факте кроется вполне определенный смысл: жизненность того прозападного выбора, к которому пришли еще создатели первой национальной школы беларуской историографии. Преемственность с ней сохраняет сегодня и профессиональная историография Беларуси. Вопрос только в том, какой ценой ей удастся пережить это нелегкое время.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Геннадий Саганович (1961 г.р.) — историк и археолог, кандидат исторических наук (1989). В 1984–96 был научным сотрудником Института истории НАН. В 1994 — 2009 гг. — редактор и издатель журнала «Беларускі гістарычны агляд» (изданы 30 выпусков). В настоящее время преподаватель Европейского гуманитарного университета (Вильня).

Автор книг «Айчыну сваю боронячы: Канстанцін Астрожскі» (1992), «Войска Вялікага Княства Літоўскага у XVI–XVII стст.» (1994), «Полацкая вайна, 1563–1579» (1995), «Невядомая вайна, 1654–1667» (1996), «Дзесяць вякоў беларускай гісторыі. 862–1918» (1999), ряда статей в журналах и научных сборниках.

Загребущие летувисы

Николай Шкелёнок

В статье «О беларуско-литовских отношениях» («Беларускі фронт», № 14) мы рассмотрели территориальные претензии политических деятелей Летувы в отношении беларуских земель*. Теперь остановимся на аргументах, которыми они обосновывают свои желания.

Все эти аргументы фактически сводятся к одному – историческому, выступающему в различных модификациях.

Первая его фаза связана с начальным периодом литовского возрожденческого движения, когда литовская историография только возникала. Литовские историки, такие как Басанович и Давойно-Сильвестрович, приступили к историческому исследованию жизни своего народа с большим размахом. Они захватили буквально всю историю бывшего Великого княжества Литовского и отождествили его с возникавшей в то время «Новой Литвой».

Взгляды литовских историков переняли литовские поэты, которые в своих патриотических произведениях писали, например, о Беларуси и Украине как о «частях» единой Великой Литвы, снова возрождающейся к жизни.

Претендуя на всю историю Великого княжества Литовского, новая Литва, ясное дело, претендовала (теоретически) и на все земли, входившие в его состав. Таким аппетитам способствовала теория о доисторических обитателях Беларуси, господствовавшая в XIX веке. Она утверждала, что вся Беларусь до прихода сюда беларуского народа якобы была заселена предками литовцев, которых беларусы оттеснили на север, занимая их поселения.

Итак, эта первая фаза «исторического аргумента» обосновывала литовские претензии на беларуские земли государственной принадлежностью последних к Великому княжеству Литовскому, а также дополнительной ссылкой на литовский характер доисторического населения Беларуси. Подобный взгляд позволил литовцам «захватить» столько беларуских земель, сколько они хотели.

Эта фаза кончилась тогда, когда появились исторические труды беларуских историков такой величины как Митрофан Довнар-Запольский и Михаил Любавский. Благодаря их капитальным исследованиям по истории родного края, была окончательно развеяна нарбутовская мифология, а история ВКЛ получила научное освещение*. Было заявлено, что ВКЛ являлось государством «русским» (беларуским) и было создано беларусами. Работы Довнар-Запольского и Любавского до сих пор считаются наиболее объективными и основательными из всей историографии о ВКЛ. Отождествление «новой Литвы» с Великим княжеством Литовским стало невозможным.

Перепечатка из сборника статей Н. Шкелёнка «Беларусь і суседзі» (Белосток, 2003, с. 230–235). В сборнике статья называлась «Да літоўска-беларускіх адносін». Перевод и редакция А.Е. Тараса.

* Газета «Беларускі фронт» выходила в Вильне с мая 1936 по август 1939 года один раз в месяц. Редактор – Винцент Годлевский. Шкелёнок был членом редколлегии. – *Прим. ред.*

Польский историк Феликс Конечны предложил (см. журнал «Ateneum Wilenskie», том IX, 1930 г.), и весьма удачно, для обозначения того, что было сделано в истории ВКЛ неславянской частью его населения, использовать названия «Летува», «летувисский» (как они сегодня называют сами себя), а не «Литва», «литовский»**. Ибо эти последние в ВКЛ относились в первую очередь к беларусам (что подтвердили и другие исследователи).

Великое княжество Литовское в XV–XVII вв.

Одновременно археологические раскопки на территории Беларуси убедительно доказали, что беларуские племена были первобытными жителями своего края. Некоторые исследователи делали даже выводы о том, что бассейн Припяти являлся прародиной славян, откуда они расходились в разные стороны.

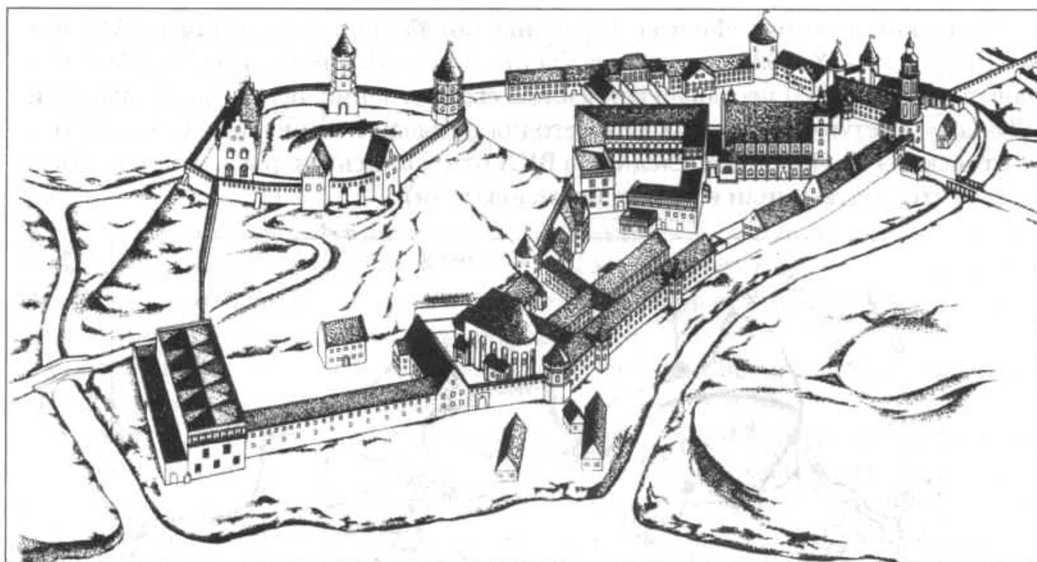
Доисторические владения литовского этнографического элемента в свете новых исследований все более сокращались. В этой связи отпали литовские претензии на беларуские земли в связи с их государственной принадлежностью бывшему ВКЛ. Литовцы сильно отступили, но, не желая окончательно отказаться от претензий и замкнуться в своих этнографических границах, пере-

* Митрофан Довнар-Запольский (1867–1934) – автор множества научных работ. Отметим среди них «Очерк истории Кривицких и Дреговицких земель до конца XII века» (1891 г.) и «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах» (1901 г.).

Михаил (Мацей) Любавский (1860–1936) – автор монографии «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» (1910 г.).

Теодор Нарбут (1784–1864) – историк и археолог, выпускник Виленского университета. Автор «Истории литовского народа» в 9 томах (1835–41 гг.), изданной в Вильне на польском языке. Свое исследование он довел до Люблинской унии 1569 г. – *Прим. ред.*

** Феликс Конечны (1862–1949) с 1919 по 1929 год был профессором Виленского университета. Потом работал в Краковском университете. – *Прим. ред.*

Верхний город в Вильне периода XIV–XVI вв.

красили «исторический аргумент» в другой цвет и запустили в свет. Так возникла вторая фаза, которая господствует в литовском обществе по сей день.

Теперь литовцы утверждают, что в старину этнографические границы их народа далеко заходили на беларуские пространства и как минимум совпадали с границами тех регионов, где сейчас проживают беларусы-католики. А эти границы, в свою очередь, более или менее совпадают с теми, которые мы видим на литовских картах Вайчуляйтиса. Литовцы считают, что нынешние беларусы-католики – это по происхождению чистые литовцы, но подвергшиеся беларусизации. А чистыми беларусами надо считать только православных.

Подобные рассуждения опираются главным образом на тот факт, что беларусы значительно раньше приняли христианство восточного обряда и придерживались его, а литовцы крестились в католичество только в 1387 году и впоследствии столь же твердо придерживались римско-католической веры. Следовательно, хотя с течением времени значительная литовская территория подверглась беларусизации, все же религия может служить надежным указателем того, куда она доходила в прошлом. Именно на допущении, что беларусы-католики это на самом деле беларусизированные литовцы, и опираются литовские претензии на беларуские земли Виленщины и Гродненщины.

Они должны вернуться к Литве, после чего начнется процесс их дебеларусизации. Поэтому литовцы не считают нужным декларировать какую-либо автономию для земель с католическим беларуским населением. Просто начался бы переучет «украденных душ», как это происходит в других странах. Но, хотя этот аргумент в своей новой форме куда скромнее предыдущего, однако и он не может устоять в свете имеющихся научных данных. Ибо, если хоть на минуту согласиться с литовским тезисом о том, что беларусы были только православными, то надо раз и навсегда отбросить литовские претензии на Гродно и Вильню, так как эти города основаны именно православными беларусами.

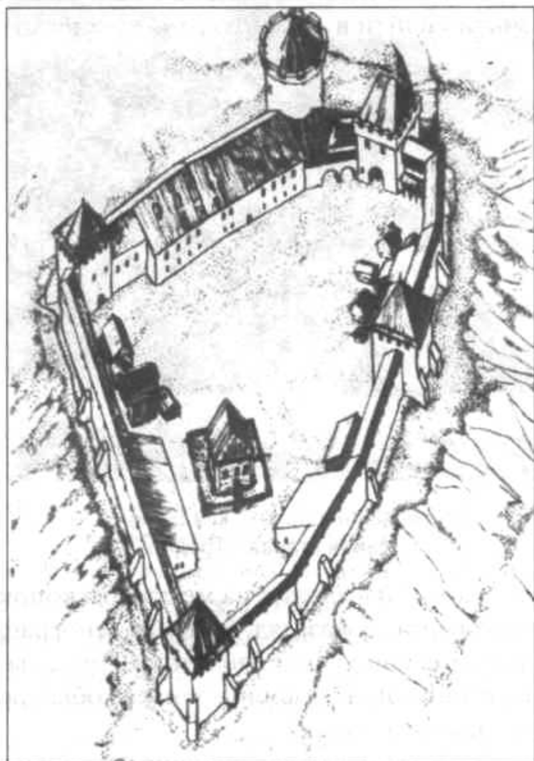
Что касается Гродно, то раскопки Едковского (в 1932–33 гг.) установили, что он был «русским» (беларуским) городом с самого начала, и что уже в XII веке здесь стояли православные каменные церкви. Предположение профессора Ловмяньского о том, будто бы Гродно был сначала литовским селением и только в XV веке превратился в город, оказалось вымыслом, не основанным ни на чем*. Нет никаких археологических данных, подтверждающих «литовское» (летувисское) начало Гродно.

Что касается Вильни, то здесь в пользу беларусов свидетельствуют не только археологические данные, но и письменные документы.

Название «Кривой город», как и название холма, где он находился («Лысая» или «Кривая» гора, пока литовцы не заменили его на «гору Бекеша») ясно свидетельствуют, что здесь изначально находилось славянское (кривицкое) поселение. Это вполне согласуется с сообщением о Вильне в Воскресенской летописи**. Независимо от него там, где сейчас расположена Бакшта, находился еще один «русский» укрепленный город.

А если обратиться к письменным документам, то сразу становится ясно, что самая старая часть Вильни (ее «сердце») «была русской» (беларуской) и православной. Это «сердце» находилось внутри периметра древних виленских стен.

Как установила М. Ловмяньская (см. ее книгу «Вильня перед московским нападением 1655 г.»), стены эти начинались от нынешней звонницы Кафедрального собора и шли улицей Бонифратской, а затем Людвисарской до Виленской, потом между улицами Познаньской и Желиговского и, не доходя до Завальной, бежали вдоль ее до Конской, потом по Базилианской до Субача, оттуда до моста через Виленку возле Бернардинского костёла, где и кончались, потому что дальше до самого замка защиту обеспечивала Виленка.

Старый замок в Гродно в XIV—XVI вв.

* Юзеф Едковский (1890–1950) – польский археолог и нумизмат. В 1919 – 1938 гг. возглавлял бюро охраны памятников истории и культуры в Гродно и Гродненском повете. Основал историко-археологический музей в Гродно. Датировал Каложскую церковь в Гродно XI веком.

Генрик Ловмяньский (1898–1984) – польский историк, изучавший эпоху Средних веков. В 1934–39 гг. профессор Виленского университета. С 1945 работал в Познаньском университете. – *Прим. ред.*

** Воскресенская летопись – обширный рукописный текст, составленный в XVI веке на основе Московского свода 1479 г. и Ростовского свода 1503 г. Описанные в нем события доведены до 1541 г. Название – от Воскресенского монастыря под Москвой, где был обнаружен. – *Прим. ред.*

В этой «русской» части Вильни было 10 церквей, большинство которых появилось задолго до костёлов. Самые старые костёлы были построены здесь только в конце XIV века (кафедральный и Св. Николая) – для обслуживания католических «гостей» (купцов), преимущественно немцев.

Здесь была сосредоточена вся жизнь города. Вот названия «брам» (ворот) в стенах – Субача, Острая, Спасская, Рудницкая (от слова «Рудники»), Татарская, Вилейская, Бернардинская и Магдалены (две последние появились позже других).

Названия улиц с переулками тоже говорят сами за себя. Великая, Замковая, Заречная, Конская, Рудницкая, Пречистенская, Савича (ныне Бакшта), Спасская, Телячья (ныне Людвисарская), Филипповская (сейчас Гаона). Например, название улицы Скаповка происходит от слова «копа», означавшего место, где собирался копный суд, а не от какого-то «смока», как утверждает Клос в своем путеводителе по Вильне. В беларуских городах до введения Магдебургского права судопроизводство находилось в руках так называемых «копных судов». Невозможно найти в этом что-то «летувисское».

Православная Каложская церковь — самая старая в Гродно

Так выглядит прошлое Гродно и Вильни, даже если согласиться с нынешней литовской точкой зрения о литовском происхождении беларусов-католиков. Но литовский взгляд ошибочен и по другим причинам.

Прежде всего надо отбросить мысль о массовой беларусизации литовцев на протяжении истории. Если часть литовцев и обеларусилась, то относительно небольшая и только там, где литовцы жили вперемешку с беларусами. Раскопки, проведенные в районах Дисны, Постав, Вильни и Гродно, повсюду доказали наличие славянского (кривичского) населения на местах раскопок с самого раннего периода. Тем самым опровергается взгляд, будто бы этнографическая литовская граница проходила значительно южнее, по линии Поставы – Молодечно – Волковыск – Слоним. Севернее, по Г. Ловмяньскому, якобы проживали литовцы либо имелись незаселенные участки.

Возможно, что дальнейшие раскопки выявят присутствие кривичей еще дальше на северо-запад от Вильни, Гродно, Постав и Дисны, приблизив тем самым этнографическую границу между беларусами и литовцами, существовавшую в прошлом, к современной. Как бы там ни было, в некоторых местах вдоль современной этнографической беларуско-литовской границы действительно находились незаселенные лесные участки. Но они были не столь обширными, как думает Ловмяньский, их узость подтверждают раскопки.

Постепенно эти лесные участки (пущи) колонизировались с обеих сторон – литовской и беларуской. Так возникали регионы со смешанным населением.

Только на таких смешанных территориях литовское население действительно подвергалось беларусизации, так как оно уступало беларусам в количественном отношении, не говоря уже о культурной и политической отсталости.

Таким образом, новейшие научные данные исключают возможность беларусизации в прошлом цельных литовских этнографических регионов. Там, где литовцы обеларусились, они наверняка составляли меньшинство по сравнению с беларусами. Уже одно только это исключает возможность отнесения территорий, населенных в настоящее время беларусами-католиками, к этнографически литовским в старину, а самих беларусов-католиков ни в коем случае нельзя считать беларусизированными литовцами.

Если же проследить историю распространения католичества в Беларуси, то станет ясным, что католичество принимали и православные беларусы, а в XVII веке даже массово. Особенно отчетливо это видно на примере беларуских магнатов и боярства. Магнаты и бояре, перешедшие из православия в католицизм, вводили последний и в своих владениях с беларуским населением. Кроме того вовсе не исключено, даже подтверждается сообщениями некоторых источников, что и в 1387 году, когда произошло крещение литовцев в католицизм, множество православных (т.е. беларусов) тоже перекрестилось в католичество.

Православная Пятницкая церковь — самая старая в Вильне

Пути распространения католичества на землях бывшего ВКЛ, причины этого явления и его масштабы представляются далеко не такими простыми, как думают литовцы (летувисы), поэтому зачисление всех беларусов-католиков в литовцев по происхождению является абсолютно безосновательным. И как не может оправдать литовские претензии на беларуские земли первая версия «исторического аргумента», так не может оправдать их и вторая.

Такой, в общих чертах, представляется литовская аргументация. Надо сказать, что в немалой степени литовскую сторону привело к заблуждению стремление измерять «литовскость» Великого княжества Литовского современным смыслом этого слова. Между тем эти два понятия «литовскости» (старинное и современное) являются абсолютно несоразмерными.

Поэтому вполне был прав профессор Конечны, когда предложил называть «летувисским», а не литовским все то, что было сделано в прошлом этнографическими жамойтами (нынешними «литовцами»)! Только при таком разграничении этих терминов история «Летувы» получит правильное освещение, которое и включит в себя «историческое» обоснование литовских претензий на беларуские земли и сделает понятной для народа его собственную историю. Если бросить взгляд на эволюцию новейшей литовской историографии, то кажется, что она, хоть и под давлением извне, движется именно в таком направлении.

Колизей и национальный «хутор»

Алесь Бразгунов

Величественный амфитеатр Колизей* дремлет на руинах Древнего Рима. Безмолвный, он словно напоминает нынешним поколениям о былой славе Вечного Города, столицы античной Ойкумены.

Однако же любая великая цивилизация не исчезает бесследно в истории, она оставляет после себя памятники материальной и духовной культуры. Поэтому есть только один способ понять, действительно ли она была великой – подтвердить ее ценность временем, этим неумолимым и грозным властелином жизни. Величие древних Греции и Рима в том, что они создали фундамент нашей европейской цивилизации. Какой области человеческой деятельности ни коснись, повсюду отчетливо видны следы их влияния: в архитектуре, скульптуре, живописи, театре, законодательстве, литературе, военном деле, религии...

И это – общее наследие человечества, ибо оно стало результатом взаимодействия Эллады и Рима с менее развитыми цивилизациями, результатом взаимопроникновения и обогащения культур. Достижения цивилизаций, существовавших в древности на территории современных государств, являются неотъемлемой частью культурной истории последних. Вместе с тем, это наследие всего человечества, его золотой фонд.

***

«Золотым фондом» беларуской культуры и литературы явились два колосса Средневековья – Киевская Русь и Великое княжество Литовское, Русское и Жамойтское.

Но если относительно Киевской Руси (оставим вне рассмотрения правомерность использования термина киевская) среди ученых существует большее или меньшее согласие: Русь – общее наследие беларуского, украинского и русского народов (своего рода восточнославянский «древний Рим»), то относительно ВКЛ взгляды радикально расходятся. И это понятно, так как именно на время существования ВКЛ приходится формирование беларуской, литовской и украинской наций, каждая из которых претендует на «наследие дедов».

Действительно, существовавшее в XIII–XVIII веках ВКЛ было полиэтничным славяно-балтским государством. Его ядро – территория нынешней Республики Беларусь, но оно также включало в разные периоды времени территорию современной Летувы (Жамойтию), Украины (Киевщину, Волынь, Подолье), востока Польши (Подляшье), Латвии (Латгалию), запада Российской Федерации (Смоленскую и Северскую земли). Для украинских ученых указанная проблема в последнее время утратила актуальность, потому что на первый план вышла

Из журнала «Маладосць», 2008, № 12, с. 114–119. Сокращенный перевод и редакция А.Е. Тараса.

* Итальянское слово coliseo произошло от латинского colosseum – огромный, исполинский. – *Прим. ред.*

концепция Киевской Руси как древней украинской державы. Поэтому «борьба» за наследие ВКЛ продолжается между учеными Беларуси и Летувы.

Главным аргументом для любого историка являются артефакты – письменные источники, поэтому раньше или позже обязательно возникает вопрос о языке этих источников. Ответ на него зависит от национально-культурного самоопределения исследователя. К примеру, беларуские ученые называют государственный язык ВКЛ старобеларуским (но при этом литературу – древнебеларуской, а славянское население беларуских земель – литвинами).

Показательно в этом плане то, что суждение нашего первопечатника Франциска Скорины, постоянно повторявшего в 1517–19 гг. в послесловиях к своим переводам библейских книг – «выложены доктором Франъциском... из славного града Полоцька на руский язык», не является авторитетным для исследователей. Еще меньше внимания привлекают слова Яна-Казимира Пашкевича в стихотворении от 22 августа 1621 года: «Полска квитнет лациною, Литва квитнет русчизною . Между тем, Пашкевича отделяет от Скорины целое столетие!

Не лучше обстоят дела у наших соседей в Вильнюсе: (senoji) kanceliarine rusu, rusenu, senoji gudu (baltarusu) kalba – (старый) канцелярский русский, русинский, старобеларуский язык. Как видим, их ученые столь же смело переносят современные реалии в историческую ретроспективу. Показательно, что среди беларусов более молодого возраста получила широкое распространение манера называть соседнюю страну Летувой (Жамойтией – в историческом плане); с литовской же стороны время от времени вместо традиционного Baltarusija употребляется досоветское название – Gudija.

Предки беларусов могли, разумеется, называть себя и русинами (традиция названия со времен Руси), и литвинами (традиция названия во времена ВКЛ). При этом самоназвание собственно литовцев было жамойты (или жемайты), что, однако, не исключало возможности использования ими политонима литвин (но не русин) – здесь уже кому что ближе.

Однозначный ответ в ближайшее время вряд ли возможен, так как каждая из сторон по-своему права. Стоит, тем не менее, помнить, что никогда вся территория беларуских земель не называлась Литвой, как не называлась так до XIX века и вся территория современной Республики Летува, но вместе они полтысячелетия образовывали Великое княжество Литовское, Русское и Жамойтское. Напомню в этой связи классические строки из «Прамовы Мялешкі» (1589 г.):

*«Але Жыкгимонта Первого – солодкая память его! Той немцев, як собак, не любил, и ляхов з их хитростю велми не любил, а литву и русь нашу любительно миловал»**.*

***

В каком бы направлении ни продолжалась дискуссия, несомненным останется одно: язык, который в XIV–XVIII веках исполнял в ВКЛ функцию государственного – как его ни называй (канцелярским, русинским, литвинским, старо-

* Пашкевич Я. К. (посл. четверть XVI века – 1636) – поэт, родом из Ошмянского повета. Прославился стихотворением «Полска квитнет лациною».

** Иван Мелешка (ок. 1552 – 1622) – государственный деятель ВКЛ и публицист. Родом из Слонимского повета.

беларуским) – славянский. А это свидетельствует о реальном соотношении этносов в тогдашнем обществе.

Именно этим языком (при всем разнообразии региональных отличий) пользовались не только предки беларусов и украинцев, но и балтоязычные в повседневной жизни жители Жамойтии, так же как и татарское население. Об этом свидетельствуют книги Великокняжеской канцелярии (пресловутая Литовская метрика, существующая в сотнях томов), тексты которых касаются и этнически литовской территории (Жамойтии), а также написанные арабским письмом по-беларуски татарские религиозные сборники (так называемые аль-китабы, которые более точно, чем тогдашняя кириллическая графика передавали фонетические особенности живого беларуского языка).

Именно этот язык оставил значительный след в том лексическом составе языка жамойтов (нынешних летувисов или литовцев), который возникает на начальном этапе формирования любой этнической общности (anukas/ унук, bijoti/ баяцца, diena/ дзень, gyventi/ жыць, mileti/ мілаваць, nesti/ несці и т.д.). Обычно его называют базовой лексикой. Итак, официальный, закрепленный Статутом 1588 года язык ВКЛ не является исключительно наследием беларусов и украинцев, но и литовцев (жамойтов), татар, литовско-беларуских евреев (которых еще в начале XX века для отличия от их европейских соплеменников называли литваками). Вместе с тем, славянский язык ВКЛ оказал решающее влияние на формирование литературной нормы современных беларуского и украинского языков.

Из уникальности Великого княжества как многонационального, многоязыкового в повседневной жизни, многоконфессионального государства исходит неповторимость его литературного ландшафта. Понятно, что при желании можно бесконечно кроить этот «пирог» на национальные «куски», доказывая друг другу основательность своей позиции, прославляя цивилизованность предков и их свершения, «прописывая» на собственном национальном «хуторе» величественные фигуры просветителей, писателей, печатников. Ведь деятельность писателей и просветителей осуществлялась в городах и местечках которые сегодня оказались в разных государствах – Беларуси, Летуве, Польше, Украине. Поэтому сам принцип территориальности дает каждому из этих государств основания зачислять культурные достижения каждого творца в сокровищницу своей культуры.

Подход, в принципе, обоснованный, если бы не одно обстоятельство: это приписывание исследователями творцам прошлого того типа национальной идентичности, который возник в Европе только в XIX–XX веках и который принимается самими исследователями. Рассмотрим данный подход на примере личности выдающегося поэта второй половины XVI века Андрея Рымши*.

Для отечественного исследователя Рымша – безусловно беларуский поэт, ибо писал не только на польском, но и на старобеларуском. К тому же, родился

* А. Рымша (1550–1599) – служил в войске Криштофа Радзивилла «Перуна». В 1581 году издал в Остроге рифмованную «Хронологию» календарного типа. Поэму «Десятилетняя повесть», посвященную кампании 1572–82 гг. периода Ливонской войны он издал в Вильне в 1585 г., а «Хорографию» – в 1595. – *Прим. ред.*

он в деревне Пянчын под Новогрудком (т.е. на территории Беларуси, в той ее части, которая относится к исторической Литве). Это признавал и сам поэт, подписывая свои беларуско- и польскоязычные произведения Андрей Рымъша, Литвин/ Andrzej Rymsha, Litwin.

Противоположный подход у литовцев, для которых Рымша – однозначно литовский творец: хотя он и не писал на «литовском», однако владел имением в деревне Девянишкес /Девянишки в Ошмянском повете – *Ред.*/, где написал поэму, позже изданную в «литовском» Вильнюсе (беларуской Вильне). Да и сама фамилия и подпись (Литвин/ Litwin) свидетельствуют о его литовском (жамойтском) происхождении. Поэтому следует отождествить его с литовцем в современном понимании (A. Rimsa Lietuvis – вопреки старобеларускому Литвин, польскому Litwin, латинскому Lituanus).

Старый Гродно: в центре — костёл иезуитов, справа — дворец Стефана Батория

Своим путем идут украинские ученые: хотя Рымша и не родился в Украине, но здесь он учился (в Остроге) и напечатал свое первое произведение, а потому и язык этого произведения – староукраинский.

Наконец, безукоризненной, на первый взгляд, кажется позиция польской стороны: Рымша – польский писатель, потому что создал на польском большую (2185 строк) поэму «Десятилетняя повесть» и перевел с латинского на польский «Хорографию, или Описание Святой Земли» А. Поляка. Однако в творческом багаже Андрея Рымши – есть стихи и на старобеларуском языке, не все из которых, к сожалению, сохранились до нашего времени.

Как быть? Как разделить личность поэта, который жил, писал (на старобеларуском, польском, латыни), издавал произведения на территории Беларуси (где родился), Украины (где учился), Летувы (где, видимо, завершил свой земной путь)?

Очевидно, что это невозможно без предварительного ответа на традиционный вопрос: ради чего нужен такой «раздел»? Ради удовлетворения сегодняшних

национальных амбиций народов, которые когда-то составляли политический народ ВКЛ? Если да, то самое время руководствоваться — при отнесении того или иного творца из совместного прошлого к определенной нынешней национальной культуре — языково-территориальным принципом. Но и здесь мы неизбежно попадаем в новую ловушку, так как в случае ВКЛ подобный критерий не только не даст ответа на поставленный вопрос, но и приведет к еще большей путанице.

Франциск Скорина
(гравюра Арлена Кашкуревича)

Скажем, Франциск Скорина начал свою деятельность в Праге, в Чехии. Соответственно, кто он? — чешский печатник (ибо действовал на территории Чехии); зачинатель беларуского книгоиздания в Чехии (ибо и после него издавались книги в Чехии на беларуском) или просто беларуский первопечатник (так как до него никто и нигде книг на беларуском языке не издавал)?

Те же вопросы возникают относительно личности литовского (жамойтского) первопечатника Мартинаса Мажвидаса, чья издательская деятельность тоже началась в зарубежье — в прусском Кёнигсберге в 1547 году.

А чьей культуре оказали услугу иезуиты, издав в 1585 году в Вильне «Малый Катехизис» и на старобеларуском, и на латышском языках? Должны ли мы, сегодняшние беларусы и литовцы, каждый по отдельности претендовать на «виленское наследство», если с XVI века в столице Княжества выходили из печати книги и на беларуском, и на польском, и на литовском, и на латышском языках? Почему польскоязычных поэтов ВКЛ XVI – XVIII веков мы не задумываясь относим к польским или беларуским литераторам, а не к литовским? Неужели только на том основании, что беларусы и поляки — славяне, а литовцы — балты*? Неужели тогдашний писатель (будь то балт или славянин) не мог говорить на нескольких языках, в число которых не обязательно входил родной язык?

Вопросы, вопросы... Даже если руководствоваться только языково-территориальным принципом, то они остаются при оценке и современной литературы. Скажем, Алесь Адамович — писатель беларуский, русский или советский? «Что за вопрос! — воскликнут одни. — Конечно, беларуский!» — «Извините, Адамович — беларуский советский писатель», — возразят другие. «Нет, это беларуский русскоязычный писатель!» — уточнят третьи.

Почему так? Ответ очевиден — поскольку творчество Алеся Адамовича осуществлялось в идейном, эстетическом, культурно-историческом и художественном поле именно беларуской, а не русской литературы, язык творчества в данном случае не имел решающего значения. С исчезновением Советского Союза

* Автор еще ближе к истине, чем он сам думает. Ведь и беларусы — в этническом смысле — тоже балты. — *Прим. ред.*

как политической реальности отпала и необходимость в идеологизированном определении «советский».

Сказанное можно перенести на литературную ситуацию XVI–XVII веков. По большому счету, все писатели Великого княжества – «литовские» (так как их творчество протекало в идейном, культурно-историческом и художественном поле не беларуской, польской или литовской литературы, но литературы ВКЛ). Только после ликвидации ВКЛ в 1772–1795 гг. как политической реальности в XIX веке началась «перегруппировка» литераторов по языково-национальному признаку. Но еще не одно десятилетие «литовское» прошлое служило мощным творческим стимулом и эстетическим идеалом для многих и многих просветителей, писателей, ученых и художников, независимо от их этнической и языковой принадлежности, пока не взорвалось в классических строках «Пана Тадеуша» Мицкевича (1834 год):

Літва! Ты як здароўе ў нас, мая Айчына!..
Што варта ты, ацэніць той належным чынам,
Хто цябе ўтраціў...

Поэтому вопрос о принадлежности литературного наследия ВКЛ можно будет решить, если все «претенденты» признают очевидное:

1. Великое княжество Литовское, Русское и Жамойтское – общее государство беларуского, литовского, украинского, еврейского, латышского, татарского этносов, образовавших во времена существования ВКЛ его народ.

2. Литературное наследие ВКЛ, существующее на церковнославянском, латинском, «русском» (старобеларуском и староукраинском), польском, литовском, еврейском, татарском языках – общее достояние тех этносов, которые образовывали народ ВКЛ.

3. Литературное наследие ВКЛ – комплексное явление (культурное, художественно-эстетическое, идейное), которое способствовало формированию идеологий современных – беларуской, литовской, и частично – украинской, польской, еврейской.

Подобный подход является обоснованным в первую очередь потому, что не нарушает основного принципа, которым должен руководствоваться каждый добросовестный исследователь прошлого – принципа историзма. Невозможно оценить прошлое, сидя на высокой «колокольне» современного прогресса и глядя на него с «небоскребов» современной цивилизации. Очень полезно, для исследователя особенно, опуститься на землю и «углубиться в предмет». Это значит: понять мировоззрение предков, способ их мышления, кругозор, стремления – постичь смысл и дух их эпохи, отбросив свои априорные установки (вот это – наше, а это – чужое, что нет смысла изучать).

Говоря с определенной долей иронии, наши знания об истории (в том числе о литературе) собственного народа XIV – XVIII веков во многом такие, как будто мы живем еще в эпоху до 1492 года – времени открытия Колумбом Америки. Мы видим береговую линию, а сам новооткрытый материк скрывается в утренней дымке. Поэтому самое время вооружиться соответствующими приспособлениями и исследовать непознанное, но только не с саблей наперевес, а с умом и пониманием.

***

Понятно, что изучение старой письменности в любом государстве, кроме решения собственно культурологических задач, важна и для идеологии. Письменная традиция свидетельствует о давности традиций государственности на определенной территории, а значит – исторической легитимности («стаже») самого государства. Будучи составной частью идеологии современной нации, засвидетельствованная в литературных памятниках, традиция государственности служит фундаментом национального единства, что и наблюдается в наши дни в случае Летувы, Украины и многих других «новых» государств мира.

Отсюда – стремление придать национальную окраску многим явлениям, личностям и событиям прошлого. Часто это сопровождается проявлениями национального бахвальства у отдельных исследователей, желанием приватизировать в рамках одной нации то, что является плодом труда многих.

В случае ВКЛ чрезвычайно важно, чтобы беларуские, литовские, польские и украинские исследователи не только совместно изучали общее письменное наследие, но и интерпретировали его именно как общее достояние. Зададимся вопросом: возможно ли разделить документы великокняжеской канцелярии (Литовскую Метрику) по национальному признаку? Думается, ответ очевиден. Раньше всех других это поняли историки, свидетельство чему – успешная реализация международного проекта по изданию Литовской метрики (имеется в наличии свыше 600 томов). Поляки с 1987 года издали 6 томов, литовцы с 1994 года – 21 том, беларусы с 2000 года – 7.

Алесь Адамович — беларус, который жил в БССР, а свои книги писал на русском языке

Издание наследия (на языке оригинала и в переводе на современный национальный язык) не должно быть «частным» делом исследователей. Оно требует самого пристального внимания и поддержки со стороны государства – по той простой причине, что является элементом национального престижа, без преувеличения таким же необходимым ее символом, как гимн, флаг и герб.

Понимая это, правительства разных государств берут под свою опеку серийные издания памятников отечественной литературы. Стоит назвать многотомные «Памятники литературы Древней Руси» (издавались в СССР, а недавно изданы и в Российской Федерации); «Библиотеку польских писателей»(издается в Польше с XIX века!), «Памятники давней украинской литературы», «Старую литовскую литературу», чтобы убедиться в том, что и в Беларуси давно «созрела» и даже «перезрела» потребность в аналогичной серии.

Но, как видим, пока существуют только национальные трактовки истории общего литературного достояния ВКЛ.

Безусловно, литературное достояние прошедших эпох – не более чем явление культуры, если не происходит процесс его интеграции в цивилизационное пространство современного общества, если оно не служит для каждого предметом гордости за славное прошлое своего народа, а сами предки рассматриваются лишь как «приложение» к якобы чужому им государству.

Преодолеть расстояние между литературой прошлой и современной невозможно без издания разнообразных антологий, собраний сочинений старинных писателей, статей и монографий об их жизненном и творческом пути, факсимильных переизданий древних памятников. Только при таком условии можно поддерживать постоянный интерес общества к своему наследию и прошлому вообще, могут возникать выдающиеся произведения и культурные инициативы.

Сергей Ковалев (Сяргей Кавалёў) — современный беларуский литератор

Яркое свидетельство тому – творчество Сергея Ковалева, создавшего ряд пьес по мотивам переводных рыцарских романов XVI века («Балада пра Бландою», «Трышчан і Іжота») и по произведениям писательниц XVIII века («Чатыры гісторыі Саламеі», «Францішка, або Навука кахання»). Напомню также музыкально-хореографическую реконструкцию «Полацкага сшытка» ансамблем «Харошкі», реконструкции музыкальных групп «Стары Ольса», «Тестаментум», «Літвін Тролль», многочисленные рыцарские клубы, фестивали средневековой культуры...

Перечень можно продолжить, но и без того очевидно: осмысление места собственной культуры и истории в современном глобальном мире, востребованность такого осмысления обществом – это надежный показатель зрелости любой нации и ее перспектив на будущее.

* * *

Подобно древнему Колизею, искалеченному временем и равнодушными людьми, но прочное и незыблемое, возвышается в дымке столетий величественное здание «литовского наследства». Не всё, но многое сохранилось до наших дней. Иногда стоит только нагнуться, собрать упавшие камни и поставить их на прежние места. Для одного человека это долгий и напрасный труд – не успеет он как следует закрепить одну стену, уже валится другая, зато для многих – благодарный, хотя и кропотливый. Так и с «колизеем» нашего общего с соседями наследства – много народов строило его, вкладывая свою душу и таланты, значит, многим и восстанавливать.

Часть III. ЛЮДИ И СОБЫТИЯ

Непокорная Вера

Юрий Туронок

Вера Корчевская (в девичестве Матейчук, после первого брака – Масловская, Корчевская после второго брака) – одна из тех, кто основывал беларуские школы на Белосточчине, революционная деятельница, героиня политического процесса 45-и беларусов в Белостоке (1923 г.), поэтесса, выступавшая под литературными псевдонимами «Мурашка», «Вера Мурашка», «Беларуская Мурашка».

Отец Веры, Игнатий Матейчук, был родом из деревни Огороднички Дайлидской гмины, а мать, Анна Вишневская, из Супрасли. История фамилии матери необычна: дед Веры, известный всем как Николай Вишневский, в действительности назывался Михаил Домановский, о чем только перед смертью сказал своей семье. В молодости он сбежал от помещика-крепостника, поселился в Супрасли и жил здесь под фальшивой фамилией. Умер он в начале XX века в возрасте 96 лет, оставив в наследство внучке Вере гены непокорности.

Вера Матейчук родилась 24 марта 1896 года в Супрасли, только на втором или третьем году ее жизни семья переехала в Огороднички, однако в метрике местом рождения указана не Супрасль, а деревня Огороднички, видимо потому, что ее родители постоянно проживали именно здесь. Они имели всего лишь четыре десятины земли (43,7 кв. м) и десять детей. В таких условиях Игнату Матейчуку приходилось все время искать дополнительный заработок.

Начальное образование Вера получила в Огородничках и в Супраслевской школе для девочек. Вот как Николай Гайдук описывал Веру Матейчук:

> «Вера училась прекрасно. Учителя советовали ей учиться дальше. Но она узнала, что для этого отцу надо продать корову... И вместо того, чтобы сесть за школьную парту, пришлось ей «лапать нитки» на фабрике пана Цитрона...
>
> Однажды женщины-работницы забастовали, потребовали улучшить условия труда и повысить оплату. Вера не только приняла участие в забастовке, но даже возглавила ее. Однако нашлись штрейкбрехеры, забастовка провалилась, и Цитрон выгнал Веру с работы... Потом ей удалось поступить горничной в семью Иоганна Марушевского – немца, управляющего собственностью супраслевского фабриканта Бухголь-

---

Из сборника работ Ю. Туронка «Мадэрная гісторыя Беларусі» (Вільня, 2006), с. 820–826. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

ца. Хотя работы было много, а платили мало, Вера была счастлива: она поступила заочно в Свислочскую учительскую семинарию.

Днем работала, по ночам училась, а когда наступало время экзаменационной сессии, Игнат Матейчук запрягал коня и вез доченьку через Королев Мост, Городок, Яловку в Свислочь. Два дня тряслись на ухабах, ели что попало. Но было ради чего: Вера всегда успешно сдавала экзамены. Однако в 1914 году, когда столь желанный диплом учительницы был уже в руках, началась мировая война; получить работу в школе не удалось, пришлось сидеть без работы»*.

Болеслав Почопко

После отступления российских войск, в конце 1915 года немецкие оккупационные власти объявили новые правила деятельности школ на захваченных землях Российской империи. В частности, они постановили, что отныне школьные занятия должны происходить на родном языке местного населения. Так появилась возможность организации беларуских школ. Примерно через год – 16 октября 1916 г. – в Свислочи была открыта первая беларуская учительская семинария**. Ее директором был Бендеха из Силезии, а беларуский язык преподавал Болеслав Почопко – автор изданной в начале 1918 года первой «Граматыкі беларускай мовы»***.

Несмотря на ряд недостатков педагогического характера и трудности военного времени, Свислочская семинария сыграла важную роль в развитии беларуского школьничества на Белосточчине и Гродненщине. За первые два года ее работы (до 5 ноября 1918 г.) здесь прошли подготовку 144 учителя. Среди них, кроме Веры Матейчук, было много молодежи, в том числе Вера Рожка – учительница из деревни Студенки, Ольга Скавронская из Белостока, Ольга Гофман из Бельска, Александр и Константин Волковыцкие из-под Наровки...

---

* Гайдук М. З горда ўзнятым чалом // «Ніва», 1978, 30 ліпеня.

** Свислочь – местечко (ныне поселок) в районе истока реки Свислочь (бассейн Немана), в 90 км южнее Гродно. Учительская семинария в Свислочи работала с 1876 по 1915 год. Обучение занимало 4 года и происходило на русском языке. Беларуская семинария была создана на ее базе, она действовала до 1921 г.

*** Болеслав Почопко (1884–1940) окончил в 1907 г. духовную католическую семинарию в Вильне. В 1913–15 гг. сотрудник газеты «Беларус». В 1916–18 гг. преподаватель Свислочской учительской семинарии. С 1925 года – униатский священник. Печатался во многих беларуских газетах, автор пяти религиозных книг на беларуском языке.

«Грамматике» Почопко беларуская общественность дала негативную оценку. В помещенном в мае 1918 г. специальном «Отчете комиссии Беларуского научного общества в Вильне» сказано, что «через всю книжку красной нитью проходит тенденция к полонизации беларуского языка».

Позже беларуский языковед Язеп Лёсик писал: «Эта попытка написать грамматику беларуского языка не имела никакого значения. Автор ее не знал ни беларуского языка, ни грамматики вообще. Он... приступил к составлению грамматики совершенно не готовый к этой работе, без надлежащего образования, без грамматических знаний. Его работа сразу же встретила справедливую оценку (т.е. негативную – *Ред.*) да так и погибла, никому не известная».

Справедливости ради отметим, что сам Лёсик (1883–1940) был подготовлен не лучше Почопки. Он в 19 лет (в 1902 г.) окончил реальное училище (т.е. среднюю школу) в Новгороде-Северском, после чего три года работал учителем начальных классов. Вот и все образование этого «академика». – *Прим. ред.*

Осенью 1917 года их направили в беларуские народные школы, которых только на одной Белосточчине открылось несколько десятков. Поскольку район Белостока был неплохо обеспечен учителями, Веру Матейчук послали в деревню Грабовец Орлянской гмины, где она организовала беларускую школу. Работала там два года, оставив самые лучшие воспоминания в памяти учеников. Один из них, Филимон Бартошук, не забывал свою учительницу до конца жизни, навещал ее, писал письма.

Событием, которое в значительной мере обусловило дальнейшую судьбу Веры, стало ее участие в учительских курсах в августе 1919 года в Вильне. Курсами руководил один из создателей Беларуского научного общества в Вильне, член Виленской беларуской рады Ян Станкевич (1891–1976), который уже тогда слыл «новатором» в области беларуского языковедения.

Вера Матейчук со своими учениками (деревня Грабовец, 1917 г.)

Здесь делал первые шаги в области истории беларуской литературы Максим Горецкий, а историю Беларуси преподавал Вацлав Ластовский – известный деятель Партии беларуских социалистов-революционеров, позже председатель эмигрантского правительства БНР в Ковно и секретарь Беларуской Академии наук в Минске.

На памятной фотограмме, которую Вера бережно хранила до последних дней жизни, помещены портреты с фамилиями 109 курсантов – учителей из разных мест Беларуси; среди них Вера Матейчук и ее сестра Женя.

По свидетельству Веры, курсы были не только местом повышения педагогической квалификации, но и своеобразной школой общественных деятелей. Активную пропагандистскую деятельность вели здесь эсеры (Ластовский, Дуж-Душевский и другие), народники, христианские демократы. Все эти партии стремились приобрести сторонников среди учителей, через которых они надеялись

распространить свое влияние на население. Радикализм эсеровской идеологии нравился Вере.

После окончания виленского курса она в 1919/20 учебном году была школьным инструктором в Борисовском и Дисненском уездах Минской губернии. В Минске познакомилась со многими тогдашними беларускими деятелями, в том числе с Вацлавом Ивановским, Полутой Бодуновой и Леопольдом Родзевичем. Своим идейным наставником Вера считала Полуту Бодунову, под влиянием которой написала первое стихотворение «Ідзі!» напечатанное 27 июня 1920 года в минской газете «Беларусь»*.

В это же время (12 февраля 1920 г.) Вера вышла замуж за Владислава Масловского – беларуса с Виленщины, капитана польской армии, который вскоре погиб на польско-советском фронте.

В конце 1920 года Вера Масловская вернулась в родные Огородничкн с заданием создать на территории Белостокского, Бельского и Сокольского поветов подпольную повстанческую организацию. Организацией руководило эмигрантское правительство БНР во главе с Ластовским, находившееся в Ковно. Оттуда на Белосточчину шли инструкции, деньги, литература. Местом для конспиративных встреч был литовский пограничный городок Мерач, где находился штаб беларуских партизан-националистов. Туда время от времени выезжали Вера или курьер – ее сестра Женя Матейчук. К концу 1921 года повстанческая организация уже имела свои ячейки во всех поветах Белосточчины и Гродненщины, а в районе Беловежской пущи – партизанский отряд под командованием уроженца деревни Грабовец Германа Шиманюка («Скомороха»)**.

История этого отряда все еще плохо изучена. Так, например, в «отчете с белостокского «Процесса 45-и» (май 1923 г.) упоминается, что «Скомороха завербовала в организацию Масловская». Однако сама она в разговоре с автором (Ю. Туронком – *Ред.*) 22 апреля 1978 года отметила, что «в действительности это дело не было столь однозначным». Летом или осенью 1921 года Скоморох приехал к Масловской в Огороднички, где произошел первый их разговор. Действительно, он согласился тогда подчиниться представляемой Масловской повстанческой организации, но пришел не с пустыми руками: Скоморох уже возглавлял партизанский отряд, находившийся в Беловежской пуще.

В этой связи нельзя согласиться с утверждениями некоторых современных беларуских историков, что его отряд был создан на основании директив Мерачанского штаба.

---

* Ежедневная политико-экономическая и литературная газета «Беларусь» издавалась в оккупированном поляками Минске с октября 1919 по июль 1920 г. В 1919 г. редактором-издателем газеты была Ядвига Луцевич, в 1920 г. – Язеп Лёсик.

** В настоящее время установлено, что Шиманюка направил в Западную Беларусь диверсионно-партизанский сектор Разведывательного управления Штаба РККА (сектор действовал в 1921–25 гг.) – специально для развертывания партизанского движения и «перетягивания» на свою сторону партизан-националистов. Он же присвоил бывшему актеру Шиманюку кличку «Скоморох».

Лагерь отряда Скомороха в Беловежской пуще польские военные разгромили в мае 1922 г. Но с августа по декабрь 1922 г. выходил в свет нелегальный журнал «Беларускі партызан», редактором которого значился Скоморох.

В 1923 г. Шиманюк бежал в БССР. Работал директором техникума, был директором обувной фабрики в Гомеле. В 1937 году арестован НКВД, после чего бесследно исчез. Видимо, его уничтожили «как отработанный человеческий материал». – *Прим. ред.*

Масловская считала Скомороха беспартийным, а некоторые минские историки – эсером. Но Василий Петручук в своем очерке, опубликованном в «Беларускам календары» (Белосток, 1990 г.) показал, что родственники и соратники Скомороха считали его коммунистом и пропагандистом советской власти.

В сентябре1921 года по инициативе Ластовского в Праге происходило Всебеларуское национально-политическое совещание, обсуждавшее вопросы, возникшие в связи с заключением в марте Рижского мира и разделом Беларуси между Польшей и СССР. Вера Масловская участвовала в совещании как делегат от Белосточчины и Гродненщины (она приехала в Прагу с паспортом БНР через Летуву и Германию).

Вера Масловская (крайняя справа) среди участников Всебеларуской конференции в Праге (сентябрь 1921 г.)

В Праге Вера прославилась тем, что предложила резолюцию о необходимости борьбы за объединение всех беларуских земель, которая была принята вопреки проекту соглашательской резолюции Павла Алексюка*. Следует заметить, что пражское совещание не одобрило идею развертывания вооруженного восстания, но рекомендовало продолжать подготовку к нему.

Пражское совещание вызвало значительный резонанс в Польше. Зашевелились не только журналисты, но и полиция. В результате после возвращения Масловской на родину поле ее деятельности стало быстро сужаться. В декабре 1921 году в подпольную организацию был заслан провокатор, житель Сокулки Эдуард Ленкевич**. Он втерся в доверие к Масловской, благодаря чему глубоко проник в ряды конспираторов. И вот в марте 1923 года 43 подпольщика во главе с Масловской оказались в белостокской тюрьме***. К ответственности привлекались также С. Баран (1894–1937) и С. Яковюк (1881–1973), которые как депутаты польского сейма пользовались неприкосновенностью.

* Алексюк Павел (1892 – после 1931) – беларуский общественно-политический деятель польской ориентации.

** Ленкевич Эдуард (псевдоним «Сокол») исполнял в подпольной организации обязанности комиссара Сокольского повета. Благодаря его показаниям польская полиция вышла на след беларуского подполья на Гродненщине. В «процессе 45-и» в Белостоке Ленкевич участвовал как свидетель обвинения. Такую же роль сыграл на «процессе 72-х» в Гродно в 1925 г. Позже работал агентом польской полиции в Гродно.

*** Аресты беларуских деятелей происходили с февраля по июнь 1922 г. Веру Масловскую арестовали в марте.

Восемь дней, с 14 до 22 мая 1923 года происходил процесс в Белостокском окружном суде, вошедший в историю как «Процесс 45-и». Центральной его фигурой была 27-летняя Вера Масловская, которую обвиняли в том, что она создала подпольную организацию и руководила ею; участвовала в Пражской конференции; сотрудничала с беларуским партизанским штабом в Мерачи, откуда получала средства на конспиративную деятельность; агитировала и вербовала новых членов организации.

Вот несколько выдержек из отчета корреспондента:

«Масловская говорит по-беларуски. Признает, что принимала самое активное участие в организации, чтобы соединить в одно целое все части разделенной Беларуси, однако виновной себя не считает. Это не преступление, а обязанность каждого патриота перед его Отечеством, будь то беларус, поляк, или кто-то другой...

Масловская подробно и горячо, с убеждающей правдивостью, говорит о том процессе, который привел ее – скромную работницу на ниве просвещения родного народа – на путь революционной борьбы. На молодую Польскую республику беларуский народ возлагал такие надежды, с такой готовностью и радостью верила беларуская интеллигенция посулам первых вождей Польши после ее воскрешения! Но все эти ожидания были обмануты, от этой веры не осталось почти ничего...

Во времена немецкой оккупации беларуская национальная школа росла и развивалась. С приходом поляков сразу стала ощущаться, в этой дорогой и важной для беларуского народа области, необъяснимая враждебность Польши. Политика Польши стремилась убить саму душу беларуского народа – его живой язык»...

О своей деятельности Масловская говорит:

«...Действительно я была главным и единственным организатором движения. Работа наша чисто идейная, никакого шпионства в пользу Литвы организация не вела, никаких складов оружия у нас не было... Не отрицаю, что в дальнейшем оружие могло бы понадобиться, но мы все еще верили, что Польша нас поймет, что не станет уничтожать нас как национальность, что не надо будет браться за оружие»...*

Логичные аргументы Масловской скрестились с логикой защитников польского государства. Прокурор оценил деятельность этой молодой женщины как огромное преступление и настойчиво требовал для нее пожизненной каторги. Относительно позиции прокурора на Белостокском процессе сохранилось свидетельство известного беларуского культурно-просветительного деятеля и по совместительству агента польской дефензивы Ромуальда Земкевича, участвовавшего в процессе в качестве свидетеля. Вовсе не симпатизируя подсудимым, Земкевич, тем не менее, писал в своем рапорте во 2-й отдел Генерального штаба:

«Прокурор Каминский манерой опроса свидетелей, пристрастностью и ненавистью к левым партиям и непольским национальностям показал себя прежде всего как упрямый эндэк. Так его называли все без исключения в зале».

Что касается поведения Масловской, то Земкевич отметил:

«Вера Масловская вела себя исключительно хорошо и с достоинством. На вопросы всегда отвечала на отличном, чистом, даже изысканном беларуском языке. Всегда улыбчивая, спокойная, беззаботная, без тени искусственности, она приобрела симпа-

---

* Процесс 45-беларусов в Белостоке. Вильно, 1923, с. 28-30.

тии и доброжелательность не только публики, но и судей. Конечно, кроме прокурора. Ведь она и адвокаты постоянно выводили его из равновесия.

На обвинение прокурора, что Масловская в банде Шиманюка принимала участие в пьянстве и оргиях, подсудимая с возмущением клеймит низость прокурора, который единственный из всех стремится унизить человеческое достоинство обвиняемых, приписывая им грязные мотивы и цели, и заявляет, что пан прокурор ежедневно попивает водочку или ликеры, а они, бедняки, едва раз в год имеют такой праздник. Когда прокурор требовал наказания для Масловской в виде пожизненной тюрьмы с суровым режимом, подсудимая засмеялась ему в глаза»*.

Вера не привлекалась к прямой ответственности за действия отряда Скомороха, которые происходили после ее ареста. Как видим, вся ее «вина» была не больше, чем у тех польских патриотов, которые свыше ста лет боролись за объединенное и независимое отечество. Именно на это обстоятельство ссылался защитник Масловской, генерал Бобянский**. Он сказал:

«Если мы так ценим нашу собственную честь и Отчизну, то и у них тоже есть своя честь и Отчизна... Когда-то Польша умела делать всех своих граждан польскими патриотами, несмотря на их национальность, а родину – близкой и дорогой... Но тогда Польша умела делать это только для шляхты... Теперь же Польша должна уметь делать то же самое для всего народа. И вот от того, сможет ли когда-то сделать это новая Польша, безусловно зависит существование ее самой. Этот приговор, паны судьи, ваш приговор в первом политическом национальном процессе покажет впервые как и насколько удается Польше это умение. Ваш приговор безусловно будет иметь историческое значение. Можно сказать, что теми наказаниями смертью, теми пожизненными каторгами, которых требует от вас прокурор, можно добиться только углубления ненависти»***.

Прогноз генерала Бобянского оказался пророческим. Но как раз в это время власти Польши готовились к политическому процессу в Гродно («процесс 72-х»), поэтому белостокский суд не мог выступить против курса государственной политики. В результате, за покушение на территориальную целостность государства суд приговорил Веру Масловскую к 6 годам тюремного заключения.

Наказание она отбывала в белостокской тюрьме, варшавской «Сербии»**** и опять в Белостоке. Большую моральную поддержку заключенной Вере и ее товарищам оказывала беларуская общественность, в частности, активисты созданной летом 1922 года Беларуской революционной организации (БРА)*****. Пер-

---

* Чернякевич А., Пашкевич А. Психология измены: беларуское национальное движение глазами конфидента 2-го отдела польского Генерального штаба // «Arche», 2005, № 6, с. 249.

** Варшавский адвокат Александр Бобянский (1853–1931), генерал-лейтенант царской армии, бывший член российской Государственной думы, защищал беларусов на «Процессе 45-и» вместе с виленскими адвокатами Тадеушем Врублевским и Стефаном Мицкевичем. Позже он был адвокатом и на других судебных процессах над беларускими деятелями, в том числе на «Процессе 56-и» над лидерами БСРГ.

*** Процесс 45-ти беларусов, с. 290.

**** «Сербией» называлось женское отделение варшавской тюрьмы «Павяк».

***** Беларуская революционная организация – нелегальная революционно-демократическая организация в Западной Беларуси, действовавшая в 1922–23 гг. Выделилась из партии беларуских эсеров. Лидерами БРА были Язеп Логинович, Арсений Канчевский, Леопольд Родзевич. В конце 1923 г. БРА вошла в состав КПЗБ.

вым откликнулся Леопольд Родзевич, посвятивший Масловской свое стихотворение «Ночной горизонт»*.

Родзевич 19 июля 1923 года написал матери Веры, Анне Матейчук, в Огородничкі:

«Паважаная пані! Выдавецтва беларускай газэты «Наш Сьцяг» просіць Вас не адмовіцца прыслаць нам па ніжэй пададзенаму адрасу фатаграфію Вашай геройчнай дачкі Веры. Калі маеце яе рукапісы, як вершы, апавяданьні ці іншае, дык таксама просім прыслаць заказной аплатай на наш рахунак. Вельмі пажадана было б мець хоць бы кароткае жыцьцёапісанне пані Веры. Нецярпліва чакаем адказу. Пішыце па адрасу: Wilno, Wilenska 12 m. 6. Redakcja «Nasz Sciah». Сакратар выдавецтва Л. Родзевіч».

Неведомыми путями, через тюремные двери посылала Масловская на свободу свои письма и стихотворения. Среди них стихотворение, посвященное органу БРА, «Вольны Сьцяг», которое было напечатано в этой газете 16 сентября 1923 г. Стихотворения Масловской в то время печатала также русская газета «Рассвет»**, которая издавалась в США. Результатом усилий БРА и редакции «Рассвета» стала материальная помощь, которую организовали для заключенных беларуские эмигранты в Америке. В этой связи очередной орган БРА — «Змаганьне» (1923 год, 19 декабря) опубликовал следующую корреспонденцию***:

«Мы, все узники по Белостокскому процессу, шлём искреннюю благодарность за память о нас нашим братьям — беларусам в Америке. Посылаем из-за тюремных решеток свой искренний привет всем работникам-беларусам. От имени всех узников Вера Масловская».

Вера и Владимир Корчевские (начало 1944 г.)

Находясь в тюрьме, с помощью «грипсов»**** Вера Масловская заочно познакомилась с Владимиром Корчевским из деревни Пухлы, тоже учителем и политическим узником. Это знакомство превратилось в любовь. 6 июня 1927 года оба вышли на свободу, а 21 ноября того же года обвенчались.

* Это стихотворение было напечатано уже 30 мая 1923 г. в виленской газете «Наша жыцьцё», за что номер газеты конфисковали. Позже Родзевич послал его в Прагу, где Владимир Жилка напечатал в журнале «Перавясла» (1923, № 1, лістапад — снежань).

** «Рассвет» — ежедневная газета, которую издавали в 1924–40 гг. в Чикаго Нью-Йорке российские рабочие организации США и Канады.

*** Газета «Змаганьне» выходила в Вильне с 28 октября 1923 по 31 января 1924 г. под редакцией Николая Шило.

**** Грипсами заключенные польских тюрем называли маленькие записки, которыми они тайно обменивались между собой.

Однако как бывшие политзаключенные ни Вера, ни Владимир не могли работать в школе. Сначала жили в Гайновке, где Корчевский работал на скипидарном заводе, а потом в Ольпени на Полесье и в Кодани над Бугом, где Владимир был церковным псаломщиком, а Вера – организатором художественной самодеятельности (в Ольпени ставили, между прочим, «Павлинку», роль которой играла Вера). В это время изменился характер ее поэтического творчества: вместо революционного пафоса появились лирика, любование природой.

К учительской работе Вера с мужем вернулись только при советской власти. С осени 1939 года они работали в Колонтаях Волковысского повета, а летом 1940 вернулись в Огородничкі. Создали здесь беларускую неполную среднюю школу. В этой школе работали также во время немецкой оккупации – до Святок 1941 года, а позже, когда немцы запретили обучение, учили детей тайно. Беларуская школа в Огородничках снова открылась в конце 1943 года, и снова в ней работали супруги Корчевские.

Вера Масловская
в возрасте 82 лет (фото 1978 г.)

В Огородничках Вера работала и после войны, преподавая родной язык в параллельных классах с беларуским языком обучения. Однако это сильно раздражало польских подпольщиков – националистов. Из-за террористической угрозы Вере пришлось в июне 1946 года уехать в Жагань, в Силезию. Здесь она организовала детский сад, которым руководила пять лет. В середине 1951 года вернулась в Супрасль: заведовала городской библиотекой, работала в Лиге женщин*, была избрана депутатом в белостокскую Уездную народную раду.

В сентябре 1958 года вышла на пенсию.

Вера умерла 23 января 1981 года в Супрасли, ее похоронили на местном кладбище.

До последних дней жизни Вера активно интересовалась деятельностью беларуского культурного общества, была постоянной читательницей «Нівы» и «Беларускага календара», пела в Супраслевском церковном хоре. Ее небольшая квартира была своеобразным центром, где царила родная атмосфера, где можно было почитать издания на беларуском языке и многое узнать о прошлом.

Только в последние годы жизни она решилась представить подборку своих стихов, которые опубликовала белостокская «Ніва» (1978, 5 марта). С этого времени началось «открытие» Веры и ее интересной биографии, которую смело можно назвать калейдоскопом судеб нашей интеллигенции ушедшего поколения – с ее стремлениями, достижениями и ошибками, но всегда с непоколебимой верой в лучшее будущее.

* Лига польских женщин – массовая польская женская организация, которая ведет свою историю от 1913 г. Во времена ПНР имела официозный характер.

Кухарка во власти

Анатоль Тарас

Замечательным публицистом был Владимир Ульянов по кличке «Ленин». Многие его суждения стали «крылатыми фразами». Например, определение царской России как «тюрьмы народов». Или такое: «формально верно, но по существу – издевательство».

Попадал он своими формулировками, как говорится, не в бровь, а в глаз. Взять, к примеру, знаменитый тезис о том, что после победы пролетариата «каждая кухарка должна научиться управлять страной». Насчет всей страны – не знаю, а вот отдельными ее «сегментами» действительно управляли кухарки и подобные им персонажи.

Достаточно сказать, что средний уровень образования первых и прочих (вторых, третьих...) секретарей республиканских, областных и краевых комитетов коммунистической (большевистской) партии в 1939 году составлял по всему СССР четыре класса. А было таких комитетов около 150. Народные же комиссары (с 1946 года – министры) на лестнице иерархии «красного генералитета» находились ниже, чем «партайгеноссе» (по-немецки – «партийные товарищи»).

Это в буржуазных странах прогнившие правящие режимы имеют странную привычку доверять руководство образованием, экономикой, сельским хозяйством высокообразованным интеллигентам, например профессорам или докторам наук. Большевики отвергли такую практику как антинародную – и в целом по стране, и в каждой союзной или автономной республике в частности. Сами они, за очень редкими исключениями, «университетов не кончали». Главными достоинствами «настоящих большевиков» были не образованность и не владение какой-нибудь профессией, а «пролетарское сознание» и «классовое чутье».

Теперь покончим с теорией и познакомимся с некоторыми страницами истории народного образования в нашей стране.

Как известно, после завершения гражданской войны здесь происходили процессы «беларусизации» и «коренизации». К лету 1929 года 80 % начальных и средних школ Беларуси вели обучение на беларуском языке. В то время и наркомы были соответствующие – патриоты своего Отечества, горячие сторонники повсеместного распространения «роднай мовы». Это Всеволод Игнатовский (с декабря 1920 по февраль 1926 года) и Александр Балицкий (с февраля 1926 по август 1929 года).

Но после крутого поворота сталинской политики в 1929 году игры в беларусизацию кончились. Пришла пора «громить нацдемов». Этот поворот немедленно повлек кадровые изменения.

В августе 1929 года народным комиссаром просвещения БССР стал некий Антон Платун (1896–1938). Все его образование – народное училище, т.е. 4-классная начальная школа. Зато в Гражданскую он командовал отрядом частей особого назначения (ЧОН – «красной жандармерии»), потом был помощником

прокурора. Умел находить и истреблять всякую «контру». А для большевиков-ленинцев именно это во все времена и на любых постах было самым главным занятием в жизни. Вот, к примеру, о чем писал А.М. Платун в 1931 году в брошюре* «Итоги культурного строительства в БССР за 10 лет»:

«Привожу наиболее характерные выступления национал-демократов. Один из них, академик С. Некрашевич, в своем выступлении заявил: «Вот вы ведете борьбу против национал-демократов; интеллигенция восприняла это как борьбу против белорусской культуры и испугалась». Другой национал-демократ, известный проходимец А. Цвикевич заявил: «Вот вы от нас требуете, чтобы мы учились марксизму, чтобы наша работа была проникнута пролетарской классовой идеологией, а мы от вас требуем, чтобы вы учились говорить на белорусском языке» (с. 46)**.

Беларуские школьники младших классов (1930-е годы)

В марте 1933 года Платуна сменил Александр Чернушевич (1899–1938). У него и четырех классов не было! Грамоту освоил самоучкой. Такой вот «просвещенец». Зато – «партизан в годы гражданской войны» и «участник борьбы с бандитизмом» (т.е. с народным сопротивлением режиму большевиков) в 1920–22 гг. А в 23 года безграмотный головорез стал партийным работником в Бобруйском, потом в Витебском округе. В октябре 1932 его назначили секретарем горкома партии в Минск. Чернушевич просидел в кресле наркома три года без одного месяца – с марта 1933 по февраль 1936.

Потом высшие «партайгеноссе» решились на эксперимент. Доверили руководство некоторыми наркоматами и госучреждениями представителям новой, «рабоче-крестьянской» интеллигенции. Ведь зачем-то ее растили. Но быстро выяснилось что даже ускоренное образование, в форме рабочих факультетов, институтов красной профессуры и университетов коммунистических знаний способствует развитию опасной бациллы вольнодумства, толкает «отдельных отще-

* Надо отметить, что малограмотные партийные работники и народные комиссары сами ничего не писали – кроме коротких записок. Тексты речей, статей, брошюр готовили для них беспринципные интеллигенты, продавшиеся за «спецобслуживание», квартиры и другие житейские блага. «Руководящие товарищи» лишь знакомились с текстами, якобы сочиненными ими самими, и приказывали внести те или иные поправки.

** Степан Некрашевич (1883–1937) – с 1928 вице-президент АН БССР, с 1929 одновременно директор Института языкознания, а с января 1928 еще и председатель Главнауки при Наркомате просвещения БССР. Член ЦИК советов БССР в 1927–30. Арестован 21 июля 1930 по делу «Союза освобождения Беларуси», фальсифицированного органами ГПУ. В апреле 1931осужден на 5 лет ссылки, в 1935 ссылка продлена на 2 года. В ноябре 1937 снова арестован, а 19 декабря 1937 казнен. Реабилитирован в 1957 и 1988 гг.

Александр Цвикевич (1883–1937) – в 1921–23 министр иностранных дел, а в 1923–25 премьер-министр эмигрантского правительства БНР. В 1926 вернулся в БССР, работал ученым секретарем Инбелкульта. С 1929 научный сотрудник Института истории. Арестован 14 июля 1930 по делу «Союза освобождения Беларуси». В апреле 1931 осужден на 5 лет ссылки. В 1935 ссылка продлена на 2 года. В ноябре 1937 снова арестован и 30 декабря казнен. Реабилитирован в 1988–89 гг.

пенцев» к несогласию с «коллективным мнением партии» (в смысле – с мнением товарища Сталина) то по одному, то по другому вопросу. Пришлось красных профессоров отстреливать.

«Красный профессор» Александр Дьяков продержался в наркомате просвещения БССР 13 месяцев (с 15 апреля 1936 по май 1937); некий Ворончено исполнял обязанности наркома около 4-х месяцев; Владимир Пивоваров (1904–1942) сидел в комиссарском кресле 8 месяцев, с 29 октября 1937 по 2 июля 1938 года*.

Как всегда, выход из тупика указали гениальные слова великого Ульянова-Ленина. Конкретно – его призыв безбоязненно делать ставку на малограмотных кухарок! И вот в июле 1938 года партия «бросила» на ниву просвещения беларуского народа Дусю Уралову.

Можно сказать в этой связи, что Антон Платун в 1929 году начал, а Евдокия Уралова в 1939 году завершила отказ от национального (беларуского) содержания школьного обучения в БССР.

Беларуские школьники старших классов (1930-е годы)

Из биографии Е.И. Ураловой

Родилась Дуся в 1902 году в деревне Соколяны Климовичского уезда Могилевской губернии (Е.Г. Андреева в своей книге «Гісторыя народнай адукацыі Беларусі. 1917–1941», изданной в 2001 году, утверждает (с. 143), что Е.И. Уралова родилась в деревне Соколянки Шумяцкого уезда Смоленской губернии).

* В.И. Пивоваров был осужден 29 мая 1940 г. на 15 лет трудовых лагерей за «контрреволюционную деятельность». А 30 марта 1942 г. Особое совещание при НКВД СССР приговорило его (и еще 25 человек) к смертной казни за участие в восстании заключенных в Печорском лагере.

Отец погиб в русско-японскую войну. Мать, оставшись без мужа, с трудом вела крестьянское хозяйство, жила в бедности. Девочка училась сначала в церковно-приходской школе у себя в деревне, а потом в двухклассной «народной» (начальной) школе в соседней деревне Студенец.

В 1921 году, после завершения гражданской войны, 19-летняя Евдокия Уралова стала учительницей начальных классов. Она работала в сельских школах Климовичского уезда Могилевской и Рославльского уезда Смоленской губерний. Принимала участие в кампании по ликвидации безграмотности крестьян в деревнях Студенец и Надейковичи. Вступила в комсомол.

В это время высшее партийное руководство потребовало вовлекать «трудящихся товарищей-женщин» в общественно-политическую жизнь на местах. Исполняя решение московского партийного начальства по всей огромной стране при волостных и уездных комитетах партии стали создавать так называемые женские отделы. С 1925 до осени 1926 года Евдокия – женорганизатор при Петровичском волостном комитете ВКП(б) Рославльского уезда. В 1926 году ее приняли в партию и тогда она превратилась в инструктора при том же волостном комитете.

В конце 1927 года вышестоящее партийное руководство направило Уралову на работу в судебные органы. Женщине с начальным образованием поручили дело, от которого напрямую зависели человеческие судьбы и жизни! Но вскоре стало ясно, что «не по Дусе шапка». Поэтому в 1929 году ее послали в Москву на двухгодичные юридические курсы. Подучившись, Дуся с 1931 по 1937 год работала прокурором в Дорогобуже, Вязьме и Полоцке. Теперь уже никто не смел фамильярно называть ее Дусей, а только Евдокией Ильиничной.

Стоит напомнить, что это было время коллективизации и раскулачивания, преследования «национальных демократов», уничтожения многочисленных «вредителей» и «врагов народа».

В тонкостях юриспруденции «красные судьи» не разбирались, ибо ускоренное обучение на всевозможных курсах сводилось исключительно к ознакомлению с многочисленными партийными постановлениями и инструктированию о том, как применять статьи законов в духе этих постановлений.

Напомню заодно, что 7 августа 1932 года был издан закон «Об охране социалистической собственности». Он предусматривал осуждение на 10 лет лагерей или даже на смертную казнь за «кражу и расхищение колхозной собственности». Этот закон народ прозвал законом «о трех колосках», так как согласно ему следовало жестоко наказывать даже детей от 12 лет и старше, собиравших на колхозных полях колоски ржи или пшеницы, оставшиеся после уборки урожая.

А в декабре 1934 года ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР секретным совместным постановлением разрешили органам госбезопасности применять пытки с целью получения «нужных» показаний от арестованных «врагов народа», «троцкистов», «бухаринцев-зиновьевцев», «шпионов иностранных разведок».

В те времена в СССР что следователи, что судьи, что партаппаратчики главным доказательством вины обвиняемых считали признание последних в своих преступлениях (неважно, совершенных или несовершенных), а главной уликой – «непролетарское» происхождение (или род занятий). Поэтому понятие «презумпции невиновности» вызывало разве что улыбку у таких прокуроров

и судей как Уралова. Ссылки жертв советской карательной машины на отсутствие вещественных доказательств их вины, или на то, что признательные показания следователи из них «выбили» (в прямом смысле слова) не находили никакого отклика у «вершителей правосудия» (в смысле – произвола). Разве что могли добавить жалобщикам срок за клевету на чекистов – этих людей «с горячими сердцами и чистыми руками» (по определению Феликса Дзержинского, садиста и наркомана, главного советского палача с 1917 по 1926 год).

Беларуские студенты-педагоги (1930-е гг.)

Сколько загубленных человеческих судеб в послужном списке прокурора и коммуниста Ураловой – сейчас уже никто не скажет. Ясно лишь одно: все указания партийных органов она выполняла рьяно. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1937 году, когда сталинский террор достиг в СССР своего апогея, Евдокию направили на партработу. Она заняла пост второго секретаря Полоцкого окружного комитета, а после ликвидации округов в том же году поднялась еще выше – стала первым секретарем Полоцкого райкома КП(б)Б. Незамедлительно ее «избрали» (в смысле – партия назначила) депутатом Верховного Совета БССР первого созыва.

Наконец, в августе 1938 года Е.И. Уралову «бросили» на просвещение, доверили кресло народного комиссара просвещения Белорусской ССР. Что она смыслила в школьном деле, в педагогической науке, в детской психологии – со своими четырьмя классами сельской школы, юридическими курсами, одиннадцатилетним стажем прокурорско-партийной работы (и, вдобавок, не имея своих детей)?! А ведь надо было «одобрять» и «рекомендовать» учебные программы и учебники, «подбирать и воспитывать» кадры, организовывать внеклассную и внешкольную работу с детьми.

Вклад в сталинизацию и русификацию

Чуть раньше, в июне 1938 года, из Москвы в Минск приехал новый первый секретарь ЦК КП(б)Б Пантелеймон Пономаренко. Этот этнический украинец, уроженец хутора Шелковский на Кубани, когда впервые услыхал живую беларускую речь, был поражён и раздражен тем, что ничего не понимает, что это совсем не тот язык, о котором ему рассказывали, когда посылали сюда. В своем письме Сталину осенью того же года он искренне возмущался беларусами: «...они даже нашу Великую Октябрьскую революцию называют – Вялiкая Кастрычніцкая»... Поэтому русификацией беларусов Пономаренко занялся не только по приказу партии, но и по призыву своей оскорбленной души. Его верным помощником в этом деле была Е.И. Уралова.

Она была крайне далека от национальных интересов беларуского народа. Твердо проводила линию на русификацию беларуской школы, жестко внедряла в школьную жизнь сталинские принципы воспитания детей и подростков.

В соответствии с указаниями высшего партийного руководства, Евдокия Ильинична советовала учителям отбросить замшелый опыт «старой школы», ориентироваться на новые идеалы, чтобы воспитывать детей «в духе коммунизма». Она требовала от них «смело, упорно овладевать революционным учением марксизма-ленинизма», идти в «передовых рядах борцов за дело коммунизма».

С того времени, как Главное управление политического просвещения при наркомате просвещения РСФСР возглавила Надежда Крупская (а это произошло в 1920 году), считалось, что главная цель школы в «стране победившего пролетариата» – воспитание «настоящих коммунистов». Е.И. Уралова повторяла вслед за невенчанной супругой Ульянова-Ленина:

> «Коммунист (...) это человек, для которого нет более высокого, чем служение своей родине до последнего вздоха, это человек огромной воли и твердого характера, способный преодолеть любые препятствия, который (...) смертельно ненавидит врагов, это человек солнечной сталинской эпохи».

От учителей требовалось воспитывать детей так, чтобы они любили всю «советскую страну» (ни в коем случае не отдельно взятую родную Беларусь) до «последнего вздоха», а внешних и внутренних врагов ненавидели «смертельно». Как видим, гуманизмом тогда даже не пахло.

В аналогичном духе Уралова трактовала суть «братской дружбы» советских народов:

> «В нашей стране (...) народы, которые находились веками в угнетенном и отсталом положении, быстро поднимаются вверх к высотам культуры и цивилизации с помощью великого русского народа.
>
> Советский патриотизм – великое и возвышающее чувство. Быть советским патриотом – это значит верой и правдой служить своему отечеству, своему народу, свято исполнять указания партии большевиков и вождя народа товарища Сталина. Советский патриот не жалеет ни сил, ни самой жизни на службе любимому отечеству».

По наставлениям Ураловой, суть коммунистического воспитания заключалась в формировании чувства преданности «лично товарищу Сталину», партии большевиков и правительству, состоявшему из тех же большевиков. Причем

служить им надо было «не жалея сил и самой жизни» (понятно, что имелись в виду жизни рядовых граждан, а не партийных чиновников).

Вместо формирования полноценной личности, обладающей развитыми духовными, физическими и профессиональными качествами, учителям предлагали внушать детям слепую веру в гениального Сталина и в коммунистические идеалы, а также фанатическую готовность жертвовать в любой момент своей жизнью (не говоря уже о здоровье и личных планах) ради торжества дела «товарища Сталина»!

С пафосом Уралова восхваляла руководство компартии и советское правительство, заявляя, что они сделали интеллигенцию «гордостью народа» и «солью земли». Вслед за партийными пропагандистами она повторяла:

> «Советская интеллигенция – это цемент, без которого невозможно строительство светлого здания коммунизма... Советское учительство – передовой отряд нашей интеллигенции... Армия учителей (...) должна стать главной армией социалистического просвещения»*.

Е.И. Уралова

Эти ее слова фальсифицировали истинное положение педагогов. Сталинская карательная машина безжалостно уничтожала национальную интеллигенцию**. Уралова прекрасно знала, что все беларуские интеллигенты жили с огромным внутренним страхом перед сталинскими палачами, и что именно коммунисты создали такие условия, при которых учителя не могли более развивать беларуский язык и национальную культуру.

Вопреки фактам Уралова заявляла с трибун и в печати, что в БССР учитель превратился «в равноправного передового гражданина социалистического общества, гражданина, проникнутого чувством собственного достоинства и пониманием своего почетного места в жизни государства».

На самом деле учителя республики в своем большинстве не имели своего жилья, вынуждены были снимать комнаты в домах частного сектора. Зарплата у них была намного ниже, чем у сотрудников аппарата государственного управления. Но, несмотря на незавидное материально-бытовое положение, учителям вменялось в обязанность восхваление сталинского режима.

В соответствии с постановлениями XVIII съезда ВКП(б) (март 1939 г.) от них требовали убеждать людей в том, что «черное – это белое». А именно, что страна вошла «в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму». Уралова призывала учителей «бороться» за реализацию решений XVIII съезда партии:

---

* Вопросы работы школы. Сборник статей. Минск, 1939, с. 3–15.

** Из 11800 педагогов средней и высшей школы, имевшихся в БССР к 1929 году, до сентября 1939 года были репрессированы свыше 4-х тысяч (около 34 %). В первую очередь те, кто выделялся активной гражданской позицией, умом и способностями. См. сборник «История имперских отношений: беларусы и русские. 1772–1991», Минск, 2010, с. 418.

«Каждый учитель должен всестороннее изучить этот доклад /отчетный доклад ЦК – съезду партии. – *Авт.*/, продумать его с точки зрения тех выводов, которые мы должны сделать для улучшения всего дела народного просвещения и каждого его участка в отдельности... Учительству предстоит огромнейшая работа по разъяснению постановлений XVIII съезда среди учащихся средних школ».

Время войны

Но вот грянула война. Автор заметки в газете «Магілёўская праўда» от 23 августа 1989 года, некто Хомяков, написал:

«В начале войны Е.И. Уралова организовывала эвакуацию населения, материальных и культурных ценностей».

Чего не видел, того не знаю. Но сильно сомневаюсь. Есть на этот счет совсем другие мнения.

Елизавета Константиновна Юшкевич работала в Наркомпросе БССР инспектором детских домов. Война застала ее в должности секретаря наркома просвещения Е.И. Ураловой.

«24 июня 1941 года на крыше Дома правительства, под которой располагался комиссариат просвещения, эта женщина тушила зажигательные бомбы. К ней подошла Уралова: Елизавета Константиновна, вы уж тут подежурьте немножко, а я скоро. Обратно комиссарша вернулась только в 1944-м...

(Газета «На страже», 12.08.2005, с. 8).

Максим Васильевич Макаревич перед войной был заместителем наркома просвещения БССР по кадрам. Его супруга Елена Ивановна Колосовская вспоминала о том, как их семью застало известие о начале войны:

«Муж мой имел бронь (от призыва в армию – *Авт.*). У нас было двое детей – мальчик 10 лет и девочка 6 лет. В июне 41 года мужа послали в Могилёв принимать экзамены в пединституте. (...) Муж приехал, чтобы отправить меня в эвакуацию. Мама просила нас остаться, но он сказал, что как жену замнаркома меня не пощадят, дети погибнут, и он повезет нас в Могилёв. Мы поехали на вокзал и встретили там наркома просвещения Евдокию Ильиничну Уралову, которая ехала в эвакуацию. Она распорядилась судьбой моего мужа: «Максим Васильевич, отправляйте семью в эвакуацию, а сами на фронт идите». Глупая я была. Молодая и глупая. Надо было сказать, что у него бронь и он имеет право не идти на фронт. Но не заикнулась даже.

Сама-то Уралова не отпустила своего шофера, ехала в эвакуацию и даже не подвезла меня с детьми». (Сборник воспоминаний педагогов и выпускников минской школы № 2 «Школа на улице Энгельса», 2005).

Как видим, ничего Уралова не организовывала. Она, как и все высшее партийно-советское руководство БССР, 24 июня уехала в Могилёв, а оттуда в Москву, где и находилась до лета 1944 года.

В начале июня 1942 года эвакуированный ЦК беларуской компартии принял решение о создании республиканской Комиссии по истории Отечественной войны. Комиссия должна была собирать, систематизировать и обобщать документы по этой теме, поступавшие из ЦК КПБ, Центрального и Белорусского штабов партизанского движения, непосредственно из партизанских формиро-

ваний, записывать воспоминания руководителей партизанского движения и подпольных организаций. Кроме того, было предписано собирать сведения о подвигах воинов-беларусов на фронтах войны и о преступлениях оккупантов на территории БССР.

Возглавил комиссию секретарь ЦК КПБ по пропаганде Тимофей Горбунов (1904–1969). Одну из главных ролей в комиссии играла Е.И. Уралова*.

Вот так все три года оккупации БССР она «героически боролась» с врагами. Жила в отдельном номере московской гостиницы «Якорь», питалась в «спецстоловой», закрытой от рядовых граждан, участвовала в «закрытых» развлекательных мероприятиях – начиная с посещений Большого театра и кончая вечеринками в узком кругу «номенклатурных товарищей».

Беларуские учителя 1940-х гг.

Вернувшись в Минск в июле 1944 года, Уралова свыше двух лет продолжала руководить системой народного образования. К тем задачам, которые решал возглавляемый ею наркомат в предвоенные годы, добавилась еще одна – по выявлению учителей, осмелившихся при немцах работать в беларуских школах. А таких было много.

Достаточно сказать, что в 1942/43 учебном году только на территории Генерального округа «Беларусь» (Барановичский, Вилейский, Ганцевичский, Глубокский, Лидский, Минский, Новогрудский, Слонимский округа и город Минск) действовали 3012 народных школ, в которых 8443 учителя обучали 307.700 учеников**.

Установив факт «сотрудничества учителя с оккупантами», органы народного образования передавали имеющиеся у них данные в органы государственной безопасности. А чекисты без малейшей проволочки применяли к «предателям-коллаборантам» свои испытанные методы. Е.И. Колосовская вспоминает:

* В состав комиссии также входили Иван Кравченко (1902–1979), Иван Крупеня (ум. 1953), Михаил Лыньков (1899–1975), Владимир Малин (1906–1982), Сергей Притыцкий (1913–1971) и другие.

** Лыч Л.М. Нацыянальна-культурнае жыццё на Беларусі ў часы вайны. Мінск, 2011, с. 82.

«Прихожу однажды в школу и узнаю новость: 6 учителей арестованы. Шкода (математик) арестована, учительница немецкого и еще учителя, которые работали переводчиками у немцев». («Школа на улице Энгельса». Минск, 2005, с. 151).

Из кресла в кресло

Начиная с 1925 года и до выхода на пенсию в 1959, Евдокия Уралова занимала руководящие должности разного уровня.

Покинув в октябре 1946 года министерское кресло, она уже в начале следующего заняла другое – заместителя Председателя Республиканского общества по распространению политических и научных знаний. Оно и понятно, кто же лучше тётки с четырьмя классами и двухгодичными курсами мог разобраться в политических и научных знаниях!

А с октября 1950 года и до 1959, почти 10 лет подряд, Уралова была одним из заместителей Председателя Совета Министров БССР!

Вот такая счастливая судьба у этой «выдвиженки». Только вот беларуской школе сильно не повезло со всеми этими платунами, чернушевичами и ураловыми. Мало того, что не были они патриотами своего Отечества, так и в делах народного образования не разбирались. Были они исключительно «солдатами партии». Это значит – никем, мнимыми величинами.

Катынский список: беларуские страницы

Игорь Мельников

Событиям, связанным с «освободительным походом» Красной Армии в Западную Беларусь и Западную Украину в сентябре 1939 года, историки разных стран до сих пор дают неоднозначные оценки. Так, почти все польские исследователи называют это событие «советской агрессией», «ударом ножом в спину» или «четвертым разделом Речи Посполитой». В свою очередь, часть беларуских и большинство российских историков характеризуют «освободительный поход» как «акт исторической справедливости» со стороны Советского Союза, который «пришел на помощь братьям беларусам и украинцам».

Как бы то ни было, одним из результатов «освободительного похода» стало то, что в советском «плену»* оказалось значительное количество не только военнослужащих Войска Польского и полицейских, но и сотрудников государственного аппарата и гражданских лиц.

Среди военнослужащих было много офицеров запаса, призванных по мобилизации в связи с нападением Германии на Польшу. В основном, они представ-

---

* Использование понятия «плен» в контексте «Освободительного похода Красной Армии в сентябре 1939 г.» вызывает много вопросов. В словаре русского языка С.И. Ожегова «пленом» называется состояние порабощенности того, кто захвачен на войне противником и лишен свободы (с. 521). Но Советский Союз не находился в состоянии войны с Польшей, поэтому польских граждан, пускай и военнослужащих, оказавшихся в руках советских властей, военнопленными никак нельзя назвать. Отметим в этой связи, что в советских документах польских военнослужащих именовали и «пленными», и «интернированными» и «арестованными».

В соответствии с международным правом понятие «интернировать» означает принудительно задержать войска, вступившие на территорию нейтрального государства. Но поляки в сентябре 1939 г. находились на своей территории. Их ведь не под Минском и Киевом арестовывали, а на территории западнобеларуских и западноукраинских воеводств 2-й Речи Посполитой. Да и Советский Союз был отнюдь не нейтральным государством, 23 августа 1939 г. он заключил союз с нацистской Германией.

Получается, что советские власти, грубо нарушив нормы международного права, превратили в заложников тысячи граждан не находившегося в состоянии войны с СССР государства. Ситуация усугублялась еще и тем, что СССР не подписал Женевскую конвенцию 1929 г. «Об обращении с военнопленными». Именно поэтому дальнейшая судьба польских военнослужащих, полицейских, сотрудников государственной администрации и рядовых граждан, оказавшихся в руках советских властей, была неопределенной.

Решение не подписывать этот документ советское руководство мотивировало в своем духе. Так, в предисловии к опубликованной в СССР в 1932 г. конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» сказано: «Чем же регулируется положение военнопленных у нас и, в частности, какой режим военного плена будет применяться к больным и раненым? Ответ на этот вопрос вытекает из того, что Советский Союз не участвует в конвенции о военнопленных именно потому, что режим, устанавливаемый этой конвенцией, представляется ему мало удовлетворительным. Не связывая себя формально какими-либо конвенциями по этому вопросу, СССР будет разрешать его в порядке своего внутреннего законодательства».

Иными словами, не имеет значения то, о чем договорился весь мир, мы будем поступать с людьми, попавшими в наши руки, так, как захотим.

ляли интеллигенцию: инженеры, врачи, адвокаты, преподаватели, журналисты и т.п.

Аресты указанных категорий граждан продолжались во все время режима «первых Советов» (т.е. с сентября 1939 по июнь 1941 г.). Одна часть арестованных пополняла ряды заключенных ГУЛАГа. Других по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года обрекли на смерть и в апреле – мае расстреляли в Катыни, Осташкове, Харькове, Киеве и Минске. Специально отметим и подчеркнем, что никакого суда над ними не было. Приговоры выносили сотрудники НКВД на основании изучения личных дел арестованных польских граждан. Семьи обеих групп жертв депортировали в удаленные регионы СССР с суровым климатом, где многие из них погибли в результате недоедания, тяжелого физического труда и отсутствия медицинской помощи.

В 1994 году сотрудники Службы безопасности Украины обнаружили в архивах и передали Польше так называемый «Украинский катынский список». Это документ, в котором содержатся фамилии 3435 польских граждан, казненных органами НКВД на территории УССР. Большинство историков по ту и эту сторону Буга считают, что несомненно существует аналогичный «Беларуский катынский список». НКВД БССР не мог не вести учет заключенных. К тому же речь идет не о сотне арестованных, а о почти четырех тысячах.

Взятые под стражу представители так называемого «польского контингента» содержались в тюрьмах на территории западных областей БССР.

Как известно, народный комиссар внутренних дел СССР Лаврентий Берия 22 марта 1940 года подписал приказ № 00350 «О разгрузке тюрем НКВД УССР и БССР». В этом документе, в частности предписывалось из тюрем западных областей Белорусской ССР перевезти в Минскую тюрьму 3000 арестованных. В том числе:

из Брестской тюрьмы – 1500 человек; из Вилейской тюрьмы – 550 человек; из Пинской тюрьмы – 500 человек; из Барановичской тюрьмы – 150 человек.

Для оказания помощи НКВД БССР в организации перевозок арестованных приказывалось откомандировать начальника отделения Главного тюремного управления НКВД СССР, капитана государственной безопасности Чечева. Наркому внутренних дел БССР, комиссару государственной безопасности 3 ранга Лаврентию Цанава

Протокол обыска
в квартире полицейского Давидюка

предписывалось работу по перевозке арестованных из тюрем западных областей БССР в Минск закончить в декадный срок. Кроме этого, заместителю Наркома внутренних дел СССР комкору Масленникову и начальнику Главного управления Конвойных войск комбригу Шаранову приказывалось выделить необходимое количество конвоя и организовать тщательную охрану арестованных с целью недопущения побегов.

В соответствии с приказом, ответственность за обеспечение порядка при транспортировке возлагалась на командира 15-й бригады конвойных войск НКВД, полковника П. Попова. Отметим, что данное подразделение внутренних войск было создано 13 апреля 1939 года приказом НКВД СССР № 00206. В состав 15-й отдельной бригады конвойных войск НКВД входили: 226-й конвойный полк (Минск), 131-й (Гродно) и 136-й (Смоленск), а чуть позднее 132-й (Брест) и 137-й (Барановичи) полки, а также отдельные батальоны конвойных войск НКВД СССР.

Арестованные польские полицейские

В это же время на имя Народного комиссара путей сообщения СССР Лазаря Кагановича пришло особо секретное сообщение. Приведу ту его часть, которая касается Беларуси:

> «Для выполнения срочного оперативного задания необходимо вывезти в десятидневный срок заключенных из Западных областей БССР в гор. Минск – 3000 человек. Для этой цели НКВД СССР просит Вашего распоряжения предоставить по заявкам НКВД УССР и БССР оборудованные вагоны под людские перевозки со следующих дорог:
>
> Брест-Литовской железной дороги – 100 вагонов,
>
> Белостокской – 23 вагона,
>
> Западной – 32 вагона.
>
> Назначением в город Минск.
>
> О Вашем распоряжении прошу уведомить Наркомвнудел Союза ССР»*.

Еще раньше, 22 февраля 1940 года, комиссар госбезопасности 3 ранга Всеволод Меркулов направил директиву руководителям областных управлений НКВД, согласно которой всех сотрудников польской государственной полиции, тюремщиков, разведчиков, «провокаторов», «осадников», а также судебных работников, содержащихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях, приказывалось перевести в тюрьмы, в распоряжение местных органов НКВД.

Лагерному начальству предписывалось провести жесткую селекцию заключенных на предмет выявления сотрудников 2-го отдела польского генштаба (контрразведки), штабных офицеров, кадровых офицеров Корпуса Пограничной охраны, занимавшихся разведывательной деятельностью против СССР. Все

---

* IPN BU 1797/14, s. 181.

документы, касающиеся этих категорий «врагов народа», а также личные дела на них предписывалось передать управлениям НКВД по месту назначения. В результате исполнения этой директивы в Минск, кроме пленных военнослужащих Войска Польского, было доставлено и около 2 тысяч сотрудников польской государственной полиции.

Большинство арестованных, доставленных из тюрем Западной Беларуси в Минск, содержали во внутренней тюрьме НКВД (она известна под названием «американка»)*, а также в тюрьме по улице Володарского.

О том, в каких условиях содержали польских граждан в тюрьмах НКВД в Минске, свидетельствуют воспоминания Константина Рдултовского. Этот беларуский шляхтич родился в 1880 году в имении Чернигов-Горный на Новогрудчине. С 1930 по 1938 годы он был сенатором от Новогрудчины. Тогда же исполнял обязанности главы Виленской сельскохозяйственной палаты.

«Вагон-телятник»
для вывоза осужденных людей

Сразу после установления советской власти в Западной Беларуси Рдултовского арестовали и держали в тюрьме НКВД в Барановичах, затем этапировали в Минск. В исследовательском центре «Карта» (Варшава) хранится дневник землевладельца с Новогрудчины. Вот отрывок из него:

«1 апреля 1940 года. Около 10-11 часов утра мы приехали в Минск. Нас вывели из вагонов и усадили в грузовые машины. Проехали мимо памятника Ленину, а возле костела Св. Симона и Елены, построенного когда-то минским шляхтичем Эдвардом Войниловичем, грузовик резко повернул влево, и вскоре мы оказались возле старой тюрьмы. Среди тех, кто ехал со мной, было много знакомых из Гродно и Волковыска.

Нас провели на последний этаж и 120 человек поместили в одну камеру. Люди думали, что это на время. Оказалось, что навсегда. На каждого человека приходилось примерно 40 см свободного места. Было жарко, не хватало воздуха. Позднее нас стали выводить на прогулки. Кормили хлебом и водой с какой-то травой. Надзиратели называли это питье «чаем».

Среди заключенных было много землевладельцев, осадников, полицейских, офицеров Войска Польского. Заключенные говорили, что в соседней камере сидели несколько польских генералов. (...) Часто арестантов вызывали из камеры «с вещами». Больше мы этих людей не видели. На их место приводили новых заключенных.

Через две недели после пребывания в тюрьме мне зачитали приговор. За то, что я был землевладельцем и «эксплуатировал» 111 человек, меня приговорили к 8 годам исправительных работ»**.

---

* Печально известную «американку» построили в свое время по образу и подобию тюрьмы «Sing-sing» в Нью-Йорке – отсюда и название.

** Archiwum Wschodnie Ośrodka «Karta», Sygn.: AW II/2771.

Впрочем, сенатору из Западной Беларуси сильно повезло. В августе 1941 года его, работавшего в колхозе под Алма-Атой, освободили. Вскоре он вместе с другими соотечественниками оказался в армии генерала Владислава Андерса, а потом в Иране... Большинству других узников выпала иная карта.

«Американка»

По информации польского исследователя, бывшего узника лагеря в Козельске, Здзислава Пешковского, через минские тюрьмы прошли 5150 польских граждан, из них 3743 (72,7 %) были расстреляны. В число казненных вошли:

1642 военнослужащих Войска Польского (1 генерал, 68 полковников и подполковников, 107 майоров, 221 капитан, 310 поручиков, 394 подпоручика, 48 подхорунжих и кадетов, 272 подофицера, 171 рядовой);

1971 сотрудник государственной полиции (10 инспекторов и подинспекторов, 62 комиссара полиции, 15 подпоручиков, 137 старших сержантов, 229 сержантов, 409 старших постерунковых, 861 постерунковый, 247 рядовых);

130 гражданских лиц*.

Не стоит думать, что среди военнослужащих Войска Польского и других категорий польских граждан, ставших жертвами преступной расправы весной 1940 года, были лишь этнические поляки. Так, узники минской «американки» были из всех воеводств Польской республики:

35 % – из Силезского воеводства;
7,9 – из Варшавского;
7,7 – из Познаньского;
5,7 – из Львовского;
5,6 – из Белостокского;
4,9 – из Полесского;
4,4 – из Виленского;
3,9 – из Лудзского;
3,7 -из Новогрудского;
3,7 – из Поморского;
по 3 процента – из Краковского, Волынского, Келецкого, Любельского и Тарнопольского.

Как видим, 18,6 % этих арестантов являлись выходцами из «беларуских» воеводств 2-й Речи Посполитой – Белостокского, Полесского, Виленского, Новогрудского. Понятно, что среди них было много этнических беларусов.

Например, в 1951 году в одном из номеров издаваемой в Лондоне польской газеты «Ведомости» была опубликована статья, посвященная судьбе героического офицера 85-го Виленского пехотного полка Войска Польского Юрия Быховца. Этот беларуский офицер польской армии был командиром роты. 23 сентяб-

* Peszkowski Z., Zdrojewski S. Mińsk. Kuropaty. Łódź, 1999, s.135.

ря 1939 года в боях под Томашовым-Любельским солдаты под командованием Быховца захватили немецкие позиции, освободили польских раненых и при этом взяли в плен большое количество солдат Вермахта. Но 26 сентября Быховец вместе с сослуживцами сам был пленен кавалеристами Красной Армии.

Очень скоро польские офицеры оказались в советских лагерях, срочно подготовленных к их приему в качестве то ли «военнопленных», то ли «интернированных». Быховца отправили в Козельск. Там он был назначен комендантом одного из блоков для военнопленных. Фамилия беларуского офицера Войска Польского значится одной из первых в списке расстрелянных в Катыни. 3 апреля 1940 года Юрия Быховца с первой партией узников увезли из лагеря на железнодорожную станцию Гнездовая, а оттуда – в Катынский лес. Капитан Быховец стал одной из первых жертв Катынской трагедии.

Много этнических беларусов с польскими паспортами стали жертвами палачей из НКВД БССР весной 1940 года. Так, 17 октября 1939 года в Вильне был арестован Вячеслав Васильевич Богданович (1878 г.р.), бывший директор беларуской гимназии, известный журналист, политик, сенатор. Последним местом его пребывания зафиксирована минская «американка».

В Пинске НКВД арестовал польского полицейского, беларуса по национальности, Петра Николаевича Хвесюка. В 1940-м его отправили в распоряжение минского НКВД.

Сотрудник государственной полиции Станислав Давидюк был родом из Бреста. Он работал «постерунковым» (участковым) сначала в Мерачевщине, а затем в Косово. В октябре 1939 года его арестовали сотрудники НКВД. В марте 1940-го Давидюка доставили из Бреста во внутреннюю тюрьму НКВД в Минске. С того момента о судьбе этого человека ничего не известно.

6 февраля 1940 года сотрудники НКВД арестовали сельского учителя Владимира Степановича Жука. Сначала его содержали в пинской тюрьме, а в апреле 1940-го перевели в «володарку».

По статье 76 УК БССР (участие в к/р организации) к высшей мере наказания был приговорен православный беларус Потап Герасимович Войтенко, бухгалтер из деревни Поречье Брестской области. Местом его захоронения в официальной справке указан Минск.

* * *

Большинство исследователей сталинских репрессий в Беларуси считают, что основным местом расстрелов жертв минского НКВД были Куропаты. Об этом в воспоминаниях свидетельствуют сами «исполнители» из НКВД. Вот выдержка из показаний бывшего надзирателя внутренней тюрьмы НКВД А. Знака:

> «В 1939 г. меня назначили начальником склада. Я принимал вещи у задержанных, а потом отдавал их, когда арестованных выводили «с вещами». Я знал, что сотрудники комендатуры расстреливали заключенных. Они сами этого не скрывали. Но не говорили, кого и куда возят, потому что давали подписку о неразглашении. Однажды один из сотрудников комендатуры подвыпил и рассказал, что расстреливают в основном «западников» в лесу за городом, недалеко от дороги на Логойск»*.

* Gorelik J. Kuropaty. Polski ślad. Warszawą, 1996, s. 153.

А вот свидетельство другого надзирателя Ивана Кмита:

«Приговоры приводили в исполнение сотрудники комендатуры НКВД. Иногда, когда «пациентов» было очень много, им в помощь давали людей из других отделов»*.

По воспоминаниям сотрудников НКВД мы можем восстановить и то, как обстояла процедура экзекуции. Вот отрывок из рассказа вахтера комендатуры НКВД БССР Сергея Захарова:

Чекисты – убийцы по долгу службы и по душевной склонности

«По приказу коменданта я и другие конвоиры, фамилий их уже не помню, часа в 22–23 подъехали на крытой брезентом грузовой машине к «американке»... Охрана тюрьмы посадила в кузов несколько арестованных... Было их не менее 20 человек... Я не ходил туда, где расстреливали, я сидел в кузове и охранял осужденных... Не помню точно, кто – исполнитель или охранник – пришел, взял одного человека и увел. Раздался выстрел. Потом пришли за другим осужденным, вывели его, опять прозвучал выстрел. Таким образом расстреляли всех...

Уходя из тюрьмы, они забирали все свое, как мы называли, «приданое». Я сам видел в руках у осужденных свертки и сумки с вещами. Они выходили с ними из машины, а назад никто не возвращался... Судя по одежде, а особенно по обуви, среди конвоируемых было много жителей Западной Белоруссии. Одни были одеты очень роскошно, другие поскромнее. (...) В 1937–38 гг. на расстрел каждую ночь возили. И в 40-м, после присоединения Западной Белоруссии, работы тоже было много»**.

Удалось установить личности ряда «исполнителей» (палачей) из минских тюрем НКВД: Иван Бочков, Иван Ермаков, Степан Коба, Иван Кмит, Владимир Никитин, А. Острейко. На руках этих и других нелюдей кровь тысяч и тысяч безвинно убиенных граждан БССР и Польши.

***

В ноябре 2010 года президент Республики Беларусь Александр Лукашенко в интервью польским журналистам отметил, что большинство документов, касающихся катынского дела, было вывезено из Минска в Москву. Кроме того, основная часть предвоенных архивов минского НКВД погибла в июне 1941 года, когда столица БССР подвергалась ожесточенным бомбардировкам германской авиации.

Кстати, об этом же свидетельствуют в своих воспоминаниях бывшие узники минских тюрем. В архиве польского исследовательского центра «Карта» хранятся воспоминания бывшего узника минской «американки», уроженца Гродно Николая Злоцкого. Он рассказал, что уже 22 июня 1941 года, во время одного из

* Gorelik J. Kuropaty. Polski ślad. Warszawą, 1996, s. 155.

** Там же, с. 157.

первых налетов немецких бомбардировщиков на Минск, бомба попала в здание тюремного архива и полностью его уничтожила.

Другой польский заключенный, унтер-офицер Корпуса Пограничной охраны Казимеж Круликовский, был арестован в Граево в 1940 году, и после остановок в тюрьмах Белостока и Бреста оказался в беларуской столице. В своих воспоминаниях он тоже отметил, что во время немецкой бомбежки тюремная канцелярия минской «володарки» была разрушена до основания, а все документы погибли. Быть может, это и есть ответ на вопрос, что же стало с таинственным «Беларуским катынским списком»?

Однако проблема в том, что архивы КГБ Беларуси все еще закрыты для исследователей, поэтому историки не могут провести всесторонний анализ и сопоставление хранящихся там документов довоенного времени.

Другой «ниточкой», ведущей к разгадке тайны «Беларуского катынского списка», являются российские архивы. Наиболее авторитетный российский исследователь катынского преступления Наталья Лебедева в интервью польской «Газете выборчей» указала, что список расстрелянных в столице БССР польских граждан может находиться среди документов упомянутой 15-й конвойной бригады внутренних войск НКВД, осуществлявшей этапирование заключенных из тюрем Западной Беларуси в Минск. Перед отправкой всегда составлялись списки арестантов, которые должны были сохраниться в Москве.

Такое же мнение высказала Анна Ставицкая, адвокат родственников расстрелянных польских офицеров. В интервью «Радио Свобода» она подчеркнула, что «беларуский список» несомненно хранится в Москве, в центральном архиве ФСБ либо в архиве Президента РФ.

Но в 50 томах следственной документации по катынскому делу, переданных Россией Польше в декабре 2010 года, «беларуского списка» нет. Так что вопрос до сих пор остается открытым.

Польская общественность по-разному характеризует данную ситуацию. В апреле 2010 российский премьер-министр Владимир Путин во время встречи со своим польским коллегой Дональдом Туском «не передал» тому долгожданный «беларуский список». После этого польская газета «Жеч Посполита» в своем комментарии, ссылаясь на анонимного польского историка, отметила, что «российские архивы НКВД прекрасно сохранились, а вся история с «поиском» беларуского катынского списка — только фарс. Документы НКВД давно отсортированы, просто российское руководство «не хочет эти документы отдавать».

Сотрудник польского научно-исследовательского центра «Карта» пани Анна Дзенкевич выражает мнение, что Институту Национальной Памяти необходимо обратиться к беларуским властям с просьбой о помощи в поисках документов по «катынскому делу», находящихся в беларуских архивах.

Похожую мысль в разговоре со мной высказал шеф-редактор московского бюро «Газеты выборчей» Вацлав Радзивинович. Он, в частности, отметил, что если бы беларуские власти проявили активность в поиске этого документа, это весьма позитивно сказалось бы на имидже страны. Тем более сейчас, когда «катынская» тема снова в центре внимания польской общественности.

По мнению историка и политолога Польской Академии наук Войцеха Матерского, «Беларуский катынский список» не только стал бы последним звеном

в изучении катынской трагедии, но и сыграл бы важную роль для тех людей, чьих родственников убили в те страшные годы. Многие из них хотят узнать, где покоится прах их близких.

Поскольку, как уже сказано, «беларуский список» пока не обнаружен, в Польше и в Беларуси сейчас ведется работа по реконструкции этого документа. Исследователи опираются при этом на уже известные документы НКВД, а также на письменные свидетельства выживших жертв сталинского террора на территории БССР.

Такая работа важна, прежде всего, с человеческой точки зрения. Пришло время почтить память невинно убиенных людей. Не имеет значения, кто они были по национальности – поляки, беларусы или евреи. Важно то, чтобы они не оставались до бесконечности «пропавшими без вести». Чем скорее мы установим имена всех жертв из «беларуского катынского списка», тем скорее закроем эту неприятную страницу национальной истории.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Игорь Мельников — беларуский историк, политолог, журналист. Магистр истории Варшавского университета (2005 г.). В сентябре 2011 г. защитил кандидатскую диссертацию в БГУ. Победитель конкурса научных работ имени Е. Гедройтя, проводимого Посольством Республики Польша в Беларуси.

Автор более 100 научных и публицистических материалов и статей по истории Беларуси и Польши.

Адрес автора: katyn_blr@gazeta.pl

Павел Урбан против Лаврентия Абецедарского

Анатоль Тарас

Основной задачей советской историографии всегда являлось идеологическое обслуживание правящей партии ВКП(б) – КПСС. Российский историк и публицист Юрий Афанасьев справедливо отметил:

«...Партии и советскому государству были нужны историки, для которых политическая целесообразность была критерием (...) более важным, чем историческая правда. Причем это требование закладывалось в фундамент и профессионального образования, и формирования моральных качеств личности. Историк мог считаться профессионалом только в той мере, в какой он являлся «бойцом партии». Подобные обстоятельства нередко приводили к профессиональной и моральной деформации»*.

С 1938 года концептуальной и методологической основой советской историографии (а также других гуманитарных наук) служила книга «История ВКП(б). Краткий курс», вышедшая под редакцией И.В. Сталина. В 1939 году ее дополнил сборник статей Сталина «Марксизм и национально-колониальный вопрос», тоже получивший неофициальный статус «библии» для историков-марксистов.

С тех пор теоретическая и методологическая бедность советской историографии стала нормой. Чаще всего теоретический анализ проблемы заменялся подбором необходимых цитат из сочинений классиков марксизма-ленинизма (в первую очередь – из работ Сталина) либо из партийных документов, а само «исследование» ограничивалось подбором фактов, подтверждавших эти цитаты. При этом замалчивались те работы классиков, в которых оценки исторических событий отличались от «Краткого курса».

Согласно с решениями Пленума ЦК КПБ 1947 года, Институт истории партии при ЦК КПБ и Институт истории АН БССР разработали «Тезисы об основных вопросах истории БССР». Этот документ был опубликован в 1948 году и более чем на 40 лет стал программой для советских беларуских историков. Он явился квинтэссенцией «марксистско-ленинского понимания» истории Беларуси, основанного на упомянутых работах Сталина. При этом альтернативные взгляды были категорически отнесены к числу «антинаучных и лживых концепций, уже давно разоблаченных партией». С момента появления «Тезисов» начался процесс приведения всех версий освещения беларуского прошлого к общегосударственному стандарту.

Вследствие политической ангажированности большинства представителей советской историографии исторические факты довольно легко загонялись

* Афанасьев Ю. Феномен советской историографии // В сб.: Советская историография. Москва, 1996, с. 25.

в рамки идеологически «верных» концепций. Однако при этом формально господствовал культ исторического факта. Исследователям казалось, что их работа заключается именно в поиске «неопровержимых фактов». Вот только место поиска и те средства, которыми владел «искатель», определялись не в научных лабораториях, а в партийных кабинетах. А это обстоятельство самым существенным образом влияло на отбор фактов.

Партийные чиновники были уверены, что история пишется не в научных учреждениях, а на Пленумах ЦК и на семинарах «партийно-советского актива». Поэтому в советской историографии место научной объективности занимала политическая целесообразность, не имевшая ничего общего с научным поиском исторической истины.

Следствием упомянутой черты стала тематическая дискриминация досоветского периода истории Беларуси. Как подсчитал Игорь Шевчук, в 1991 году в БССР в области истории работали свыше 1200 человек, в том числе 80 докторов и 600 кандидатов наук. Но почти 90% защищенных диссертаций были посвящены советскому периоду истории Беларуси, причем 58% из них – истории КПБ. Сохранить профессионализм в таких условиях удавалось лишь единицам, в основном тем, кто работал на «периферии» исторических исследований – археологам, источниковедам, исследователям материальной культуры...

Безусловно, советская историография – это репрессированная наука. Объектом репрессий было не только научное сообщество, подвергались репрессиям идеи и концепции, закрывались архивы. Историки межвоенного поколения часто выживали только ценой человеческого и научного достоинства*. В течение 1930-х гг. историография превратилась из науки в разновидность идеологии, в средство фальсификации исторических знаний и деформации сознания. Людей заставляли изучать такую историю, которую никогда не переживали их предки.

* * *

Руководители ВКП(б) – КПСС и «партийные историки» считали марксистскую историографию не только неотъемлемой частью коммунистической идеологии, но и средством борьбы с пресловутыми «буржуазными фальсификаторами».

При этом специфика беларуских «партийных историков» заключалась в том, что они стремились сочетать «единственно правильную методологию» с российской великодержавной концепцией. Доктор исторических наук Михаил Бич позже отметил:

> «Этот «методологический гибрид» окончательно оформился в послевоенные десятилетия и полностью соответствовал установкам идеологов КПСС-КПБ на создание воспитанного в коммунистическо-имперском духе русскоязычного «советского народа» как новой исторической общности. При этом «национальные историчес-

* Достаточно напомнить «академическое дело», сфабрикованное органами ГПУ в 1930–31 гг. В рамках его были арестованы, обвинены в «антисоветском заговоре» и отправлены в ссылку несколько десятков российских ученых-историков, получивших признание еще до революции. Это А. Андреев, С. Бахрушин, Ю. Готье, Д. Егоров, Н. Лихачев, А. Лосев, М. Любавский, С. Платонов, В. Пичета, С. Рождественский, Е. Тарле, А. Яковлев и ряд других.

кие ценности и ориентиры были почти целиком выброшены из отечественной истории. Попытки объективной научной оценки явлений и деятелей национальной истории заканчивались политическими обвинениями и репрессиями»*.

Для дискуссий, которые вели представители советской исторической науки, было характерно «черно-белое» мышление. Одна сторона считалась «черной», другая – «белой». Тех, кто попадал в «черную» категорию, разоблачали как идейных врагов. В результате «дискуссии» больше походили на публичные расправы, которые обычно кончались судебными или административными репрессиями.

Лаврентий Абецедарский

Соответственно, в беларуской советской историографии утвердилось конфронтационное видение прошлого беларуского народа. Трагические исторические события обычно объяснялись с помощью «образа врага», который в зависимости от конкретного эпизода приобретал соответствующий социальный, национальный или религиозный облик.

В связи со вторжением советских войск в Чехословакию в 1968 году (для подавления так называемой «пражской весны») Москва усилила борьбу против «идеологических диверсий империалистической пропаганды» в союзных республиках. Пленум ЦК КПБ в 1968 году требовал от «всех коммунистов» активизировать идеологическую работу с народом. В ответ руководство Института истории АН БССР публично обещало, что это учреждение будет вести «непримиримую борьбу против фальсификаторов истории белорусского народа». Под фальсификаторами имелись в виду в первую очередь «буржуазные националисты» и эмигранты, они же «предатели советского народа», «пособники нацистов».

Дать им «отпор», подкрепить фактами марксистскую доктрину истории Беларуси высшие «партайгеноссе» поручили главному авторитету беларуской советской историографии – доктору исторических наук, профессору Лаврентию Абецедарскому (1916–1975). Он был автором единственного школьного учебника истории БССР, переизданного 14 раз без каких-либо изменений, а также одним из составителей школьной программы по этому предмету.

Абецедарский играл настолько важную роль в официальной историографии БССР 1960-х – первой половины 1970-х годов, что его фамилия позже стала нарицательной для определения историографии той эпохи. Бывшие коллеги по работе подчеркивали, что он «в каждое свое исследование вносил партийный дух». Именно в таком духе Абецедарский написал брошюру с характерным названием «В свете неопровержимых фактов», изданную в 1969 году**.

* Біч М. Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь // «Беларускі гістарычны часопіс», 1993, № 1, с. 17.

** Абецадарскі Л.С. У святле неабвержных фактаў. Мінск, 1969, с. 16.

По словам автора, она была посвящена тем вопросам, «которые наиболее часто искажаются буржуазными фальсификаторами». Но особенность их подбора заключалась в том, что все они (за исключением вопроса о закономерности большевистской революции в Беларуси) прямо либо косвенно касались места и роли ВКЛ в истории Беларуси.

Абецедарский рассмотрел вопросы происхождения беларусов, образования ВКЛ и его характера, правового положения беларусов в ВКЛ и Речи Посполитой, место церковной унии в беларуской истории, историко-культурные связи Беларуси с Россией. Именно эти темы еще в «Тезисах» 1948 года рассматривались как «основные вопросы» истории БССР, и на каждый из них был дан директивный ответ, поэтому Абецедарскому осталось лишь подобрать удобные факты под готовые формулы.

* * *

На брошюру Абецедарского ответил Павел Урбан, представлявший историографию беларуской эмиграции. Ответил солидной книгой «В свете исторических фактов», которую в 1972 году издал Беларуский институт науки и искусства*. Своим объемом она превосходит брошюру Абецедарского примерно в пять раз и основана на обширном круге источников.

Урбан показал, что работа Абецедарского написана с позиций российского шовинизма и представляет собой сознательное «обкрадывание» истории беларуского народа**.

Павел Урбан

По всем основным вопросам Абецедарский фактически солидаризировался с российскими шовинистами.

Урбан обратил внимание и на события партийной жизни, произошедшие вскоре после издания брошюры Абецедарского. В частности, он напомнил о ноябрьском 1970 года Пленуме ЦК КПБ, на котором были осуждены «ошибочные взгляды» в беларуской исторической науке (тут же последовали кадровые перестановки), а также о XXIV съезде КПСС (1971 г.), где была озвучена концепция «советского народа как нового исторического сообщества».

Весьма показательно то, что при этом закреплялось доминирование в таком сообществе «великого русского народа». Становится ясно, что Абецедарский в 1969 году исполнял партийный заказ. Именно этим объясняется 30-тысячный тираж его брошюры.

---

* Урбан П. У святле гістарычных фактаў (У сувязі з брашурай Л.С. Абэцэдарскага). Мюнхен – Нью-Ёрк: БІНІМ, 1972.

** Шовинизм (от фамилии французского капрала Шовена, преклонявшегося перед Наполеоном) – это национализм, доведенный до абсурда. Шовинизм проповедует превосходство одних наций над другими (вспомним тезис о «старшем брате»), оправдывает захват чужих территорий во имя национальных интересов (вспомним «борьбу России за выход к Балтийскому и Черному морям»), превозносит культуру одной нации в ущерб другим (вспомним тезис о культуре «социалистической по содержанию, русской по форме») и т.д.

Урбан отметил, что работа Абецедарского была направлена не столько «против предателей» за границей, сколько против тех беларуских «буржуазных националистов», которые, как вдруг выяснилось, «свили гнездо» в самой БССР*. И вообще против «всяких проявлений беларуской самостоятельной жизни» (Урбан, с. 1).

Историк-эмигрант убедительно доказал сомнительность многих якобы «неопровержимых» фактов. Их анализ позволил Урбану утверждать, что в брошюре Абецедарского роли исторических врагов беларуского народа играли (помимо современных «прислужников империализма») монголо-татарские завоеватели, немецкие «псы-рыцари», беларуские, литовские, польские феодалы и шляхта, римские папы, католическая церковь, иезуиты, униатское духовенство, городские «богатеи», помещики и кулаки, беларуские капиталисты (например, Скирмунты) и, наконец, «дореволюционные буржуазно-националистические фальсификаторы истории».

Но увлечение «образом врага» неизбежно вело к тому, что в беларуской советской историографии беларусы не были создателями собственной истории. Они являлись исключительно пассивным объектом воздействия различных внешних сил, практически никогда не выступая в роли субъекта истории.

Даже марксистская идея о народных массах как движущей силе истории не способствовала приданию этим «массам» живого человеческого облика. Как правило, они выступали в виде обесчеловеченной теоретической конструкции. А выдающиеся деятели отечественной истории поголовно стали жертвами такого подхода. Ведь все они были магнатами, шляхтичами, священниками, купцами, предпринимателями — то есть, представителями «класса эксплуататоров».

Бросаются в глаза особенности стиля Абецедарского. Его брошюра переполнена такими характеристиками оппонентов, как «буржуазные фальсификаторы», «враги мира и прогресса», «гитлеровские прислужники», «идеологи империализма», «наемники империализма». Подобная терминология полностью противоречит нормам научной дискуссии.

И, кроме того, «чья бы корова мычала?!» Вот сам он действительно был партийным прихвостнем «по жизни», ничтожеством в науке. Стоило измениться политической ситуации, и всего через 16 лет после смерти Абецедарского (он умер 6 июля 1975 г.) его «труды» превратились в пыль, потому что лишены ка-

* В данной связи Урбан напомнил одну историю. В 1964–66 гг. в журнале «Полымя», главным редактором которого был в то время народный поэт Беларуси Максим Танк, были напечатаны смелые статьи литературоведа Николая Прашковича и философа Николая Алексютовича. Они заявили о различии исторических судеб Беларуси и России и попытались вернуть ВКЛ облик «своего» государства, а униатскую церковь назвали «национальной». Их поддержали в своих публикациях Вячеслав Чемерицкий, Александр Яскевич, Владимир Аниченко и другие авторы.

И вот на страницах газеты «Советская Белоруссия» В. Люкевич и Я. Трещенок (аспиранты Л.С. Абецедарского) раскритиковали публикации «Полымя», в которых давались новые оценки ВКЛ и униатской церкви:

«Измышления о том, что ВКЛ было белорусским государством, что в этом государстве народ благоденствовал, что уния была специфически белорусской религией, не оригинальны и не новы. Полная научная несостоятельность и сомнительный политический смысл их давно разоблачены советскими историками. Поэтому появление на страницах «Полымя» этих ложных утверждений не может не вызвать удивления». (См.: Истине вопреки. «Советская Белоруссия», 1966, 22 февраля).

кой-либо научной ценности. В них нет ничего, кроме тезисов партийной пропаганды, подкрепленных специально подобранными цитатами.

Важной чертой советской историографии была самоизоляция, которая проявлялась в нежелании вступать в научный диалог с представителями немарксистских взглядов. Впрочем, историческая литература, появлявшаяся за пределами «социалистического лагеря» была физически недоступной для советских историков (кроме горстки «особо избранных», по иронии судьбы не владевших иностранными языками), а в теоретическом плане автоматически попадала в рубрику «буржуазная фальсификация».

Вот и Абецедарский опирался почти исключительно на работы историков СССР (не считая нескольких дореволюционных авторов). В том числе он цитировал 13 беларуских историков. Несомненно, он стремился создать впечатление, что предложенные им характеристики являются общепринятыми в исторической науке БССР. Однако надо отметить, что некоторые цитаты из монографий беларуских авторов, которыми Абецедарский подтверждал свои мысли, противоречили контексту тех работ, откуда были взяты.

По воспоминаниям доктора исторических наук Анатолия Грицкевича, Абецедарский любил повторять: «историк должен уметь находить факты для своей концепции». Метод, использованный им при работе над текстом брошюры «В свете неопровержимых фактов» свидетельствует о сугубо выборочном отношении к научной литературе. Те работы, содержание которых ставило под сомнение «неопровержимые факты», он просто игнорировал.

* * *

Критический анализ брошюры Абецедарского, осуществленный Урбаном, в предельно кратком изложении можно свести к следующему.

Вводный раздел брошюры Абецедарского («Фальсификаторы истории Беларуси») показывает, что автора интересовало не столько прошлое Беларуси и беларуского народа, сколько взаимоотношения между Беларусью и Россией. Абецедарский критиковал здесь тезис о принадлежности России и Беларуси к разным культурам и к разным цивилизациям, резко критически высказался о характере освещения беларуско-российских отношений в историографии «буржуазных националистов» и «гитлеровских прислужников».

В разделе, посвященном происхождению беларуского народа («Кто по своему происхождению белорусы?»), он пересказал концепцию так называемой «древнерусской народности», придуманную Борисом Рыбаковым (с. 9–14)*. Вслед за Рыбаковым автор утверждал, что именно на ее основе с XIV века «начали формироваться три братские народности – белорусская, украинская и русская (великорусская)» (с. 16). Концепцию «балтского происхождения» беларусов Абецедарский отверг, заклеймив ее ярлыком «бездоказательная».

Рассматривая вопрос о беларуской государственности («Существовало ли в прошлом беларуское государство?»), Абецедарский утверждал, что «до Вели-

** Эта концепция была изложена в труде «История культуры древней Руси», изданном под редакцией и при деятельном участии Б.А. Рыбакова. Первый том вышел в 1948, второй – в 1951 году.Автор-редактор был щедро награжден. В 1949 и 1952 гг. он получил Сталинские премии, за первый и второй том соответственно.

кой Октябрьской социалистической революции никогда не было беларуской государственности. Только благодаря победе Октября беларуский народ получил право на самоопределение вплоть до государственного отделения, создал свое рабоче-крестьянское государство» (с. 40).

Свои тезисы Абецедарский формулировал в категоричной форме: ВКЛ являлось исключительно «государством литовских феодалов», следовательно, «бывшие гитлеровские прислужники», называя его беларуским «беззастенчиво врут».

Брошюра Абецедарского

Ведь, *во-первых*, «белорусский народ, как и другие народы, не мог иметь своего (без кавычек) государства, ибо в классовом обществе государство всегда – государство эксплуататоров». А *во-вторых*, «не существовало также и государство белорусских крепостников-феодалов» (с. 32). В подтверждение своей правоты Абецедарский процитировал Владимира Пашуто: «Белоруссия была страной, подчиненной и эксплуатируемой литовской феодальной знатью» (с. 31)*. БНР не упоминалась вообще.

В разделе «Народоправство и золотой век» Абецедарский доказывал, что деспотическая крепостническая Россия была страной, где народу жилось значительно лучше, чем в Великом княжестве Литовском. Вопреки фактам он писал: «усиление феодальной эксплуатации крестьян России отставало от такого же усиления феодальной эксплуатации крестьян ВКЛ примерно на полстолетия» (с. 47).

Униатскую церковь автор характеризовал как «хитрый манёвр Ватикана», рассчитанный на постепенное окатоличивание Восточной Европы, а главное – России. Создание униатской церкви он назвал установлением режима «дикого национально-религиозного угнетения» (с. 61–62).

Раздел «Беларусы и Россия» посвящен обоснованию тезиса о «воссоединении братских народов» в границах Российской империи. Абецедарский утверждал, что «стремление белорусских крестьян к объединению с Россией было одной из форм их борьбы против усиления крепостнической эксплуатации», и что проявлением этого стремления было массовое «добровольное» переселение беларусов на русскую территорию во время войны 1654–1667 гг.

Повторяя идею «Тезисов» 1948 года о стремлении «беларуских националистов» путем рассмотрения истории ВКЛ исторически обосновать отрыв Беларуси от России, он сам раскрыл истинный смысл категорического отрицания наличия в ВКЛ хоть каких-либо «белорусских элементов». Дескать, объявляя ВКЛ беларуским государством, националисты «по-мошеннически стремятся создать впечатление, что к России враждебно относилась не литовская феодальная знать, а... весь белорусский народ», и обосновывают «враждебность между братскими народами».

Абецдарский пытался показать, что социальное и правовое положение беларуского народа и условия развития его культуры в ВКЛ и Речи Посполитой бы-

* См.: Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 322.

ли исключительно тяжелыми. И что Россия наоборот благотворно влияла на Беларусь, что беларусы вели борьбу против социального и национально-религиозного угнетения – «за объединение с Россией».

В частности, он заявил, будто бы торговые связи Беларуси и России позитивно повлияли на развитие беларуских городов (как видим, Магдебургское право, торговля с Польшей и соседней Пруссией не сыграли абсолютно никакой роли). А «после воссоединения с Россией в Беларуси было уничтожено религиозное и ослаблено национальное угнетение», а также ускорилось экономическое развитие, ибо «Россия шла тогда по пути прогрессивного развития» (сс. 70, 73–74, 78, 80). Все это почти дословно совпадает с «Тезисами» 1948 года.

В разделе «Некоторые вопросы истории беларуской культуры» Абецедарский объяснял культурный подъем ВКЛ в XIV–XVI вв. именно русско-беларускими торговыми отношениями, а также культурными связями с украинцами и русскими. При этом он отметил влияние беларуской культуры на Россию в XVI–XVII вв. (с. 92). Автор закончил раздел комплиментом в адрес беларуского народа, который «в жестоких условиях католической реакции (...) нашел силы сохранить свой язык, свою культуру». Но главную роль сыграла, конечно же, Россия, потому что только «воссоединение» с ней «вывело его /беларуский народ/ на прогрессивный путь экономического и культурного развития» (с. 97).

В разделе «Был ли в Беларуси классовый мир?» Абецедарский написал, что рабочий класс был «беларуским по своему национальному составу», что «везде рабочие-беларусы составляли преимущественное большинство». И это в стране, где 40 % городского населения составляли евреи, а 50 % – поляки и русские! Как видим, «партийный историк» врал по-крупному.

Книга Урбана

Ну, а поскольку рабочий класс Беларуси (по Абецедарскому) состоял из беларусов, то он был «единственный последовательный борец за освобождение беларуского народа от социального и национального угнетения» и возглавил «борьбу трудовых масс против царизма, против помещиков и капиталистического рабства с начала XX века» (с. 106).

В конце брошюры Абецедарский подвел итог своим изысканиям, пронизанным «партийным духом»:

> «Так выглядят в свете документов, неопровержимых фактов исторической правды убогие попытки бывших гитлеровских прислужников исказить, фальсифицировать досоветский период истории беларуского народа. Но историческая наука не терпит вранья. И всякий раз, как только буржуазно-националистические фальсификаторы пытаются выдать свое антисоветское вранье за правду, вранье неизбежно бьет самих изолгавшихся наемников империализма» (с. 110).

Павел Урбан, комментируя пассажи Абецедарского, иронично заметил:

«...нет ни одного самостоятельного слова, которое принадлежало бы самому профессору Абецедарскому. Все живьем заимствовано из общей советской исторической и партийной литературы».

Подметив политическое, а не научное происхождение основных постулатов брошюры Абецедарского, Урбан метко раскрыл и их суть. Утверждения о вековом «единстве» Беларуси с Россией, с одной стороны, о чужеродности ВКЛ и враждебности Запада, с другой, повторялись как заклятие не потому, что тому имеются исторические доказательства. Дело совсем в другом. Если бы советская историография признала самостоятельное развитие беларуского народа вне связи с Россией, то Россия утратила бы «исторические права» на Беларусь. В советской схеме ВКЛ и Беларусь оказались разведенными на противоположные полюса именно для того, чтобы оставить последнюю в рамках истории России.

Краткая биография П. Урбана

Павел Урбан родился 27 марта 1924 г. в деревне Заколивье (Закалiўе), расположенной в нынешнем Лепельском районе. Родители – обычные крестьяне. У них было семеро детей. Во время хуторизации 1920-х гг. отец получил 9 гектаров земли, но вскоре началась коллективизация, и семью объявили кулацкой. Отца арестовали, он провел свыше 6 месяцев в лепельской тюрьме в ожидании приговора. Выпустили его оттуда после публикации статьи Сталина «Головокружение от успехов». Вернувшись из тюрьмы, отец был вынужден вступить в колхоз.

После 7 классов десятилетки Павел учился в Витебске в фабрично-заводском училище. Во время войны вступил во вспомогательную полицию в Лепеле. Позже перешел на службу в БКА. В июне 1944 г., покинув Отчизну, служил в 30-й дивизии ваффен СС, которая была переброшена во Францию. Там сдался американцам. После окончания войны сумел избежать принудительного «возвращения на родину» и присоединился к своим соотечественникам в лагере для перемещенных лиц (DP) в Регенсбурге.

Сначала в Регенсбурге, потом в Михельсдорфе Павел учился в беларуской гимназии имени Янки Купалы, был активным участником скаутского движения, хорошим гимнастом. В январе 1948 г. вместе с десятью друзьями-скаутами из михельсдорфского лагеря уехал на заработки в Англию. Там более двух лет работал в шахтах, добывал уголь.

В 1950 г. поступил в Лювенский университет в Бельгии, на исторический факультет, который окончил осенью 1954 г. О своей общественной нагрузке в Лювене Павел написал так: «Во время учебы был секретарем и казначеем лювенской студенческой организации (число студентов-беларусов доходило до 50 человек), секретарем Союза Беларусов Бельгии. Участвовал в студенческом хоровом и танцевальном ансамбле».

После Лювена Урбан провёл год в Риме, где работал над диссертацией по истории Беларуси – «Великое княжество Литовское во времена великого князя Александра. 1492–1506 гг.». Защитив ее, получил степень доктора философии по истории.

В конце 1955 года П. Урбан стал сотрудником Института изучения СССР в Мюнхене. Работал редактором, возглавлял отдел биографических справочников, был членом президиума ученого совета и его секретарем. Писал статьи для журнала «Запісы БІНІМ», для газеты «Бацькаўшчына».

Вот как отозвался о нем один из руководителей Института, доктор Шульц в 1970 году:

> «П. К. Урбан работает редактором наших биографических справочников и отличается исключительной старательностью, добросовестностью и чудесным характером».

После того как в 1972 г. Институт изучения СССР прекратил свою деятельность, с 1974 г. и до выхода на пенсию в 1989 г. П. Урбан был сотрудником Беларуской редакции радио «Свобода» в Мюнхене.

Он активно соединял профессиональную работу с общественными делами и политической деятельностью. Был членом Рады БНР, сотрудничал на общественной основе с газетой «Бацькаўшчына», был казначеем и администратором одноименного книжного издательства, секретарем мюнхенского филиала БІНіМ.

В 1961 г. Павел вступил в брак с Ларисой Осадчей, тоже эмигранткой из Беларуси. У них родилась дочь.

Павел Урбан умер 2-го февраля 2011 года в Мюнхене, на 88-м году жизни.

Беларусы и космос

Владимир Орлов, кинорежиссер

В 1979 году я снял телефильм «Хлопец з вёскі Белае» о нашем земляке Владимире Ковалёнке (1) – он тогда только что вернулся после почти пятимесячного пребывания в космосе. В декабре фильм получил одну из главных наград Всесоюзного фестиваля телевизионных фильмов. На денежное приложение к призу мы с оператором накрыли шикарный стол в прежней «Беларуси», куда вместе с соратниками прибыл и герой фильма.

«Двадцать лет спустя» – точно как у Дюма, – в 2001-м, появился фильм «Командир из деревни Белое». Ковалёнок тогда командовал Военно-инженерной Академией имени Жуковского в Москве.

И вот теперь, еще «десять лет спустя» – снова всё как у Дюма! – снимаю новый фильм с тем же героем.

– Как назовешь? – спросил Владимир Васильевич.

– «Пенсионер из деревни Белое», – шучу. Но после несогласия и насмешливого возмущения космонавта раскрываю тему: – «Беларуский след в космосе».

– Володя, я в космосе не «следил», а работал!

Вместе решили, что в заключительной части трилогии речь пойдет про беларуский космос.

***

Так уж мне везет: едва начинаю «копать» некую тему, как со всех сторон, откуда и не ждешь, плывет материал для будущего фильма. Ну, кто мог подумать, што на учете в «Байконуровском братстве» Беларуси еще недавно насчитывалось более полуторы сотни человек!

– Теперь всего 52, – вздыхает руководитель объединения Иван Уминский – ушли в вечность, поразъехались...

– У нас на Слутчине 22 земляка, работавших на Байконуре! – гордится старший научный сотрудник районного краеведческого музея Светлана Жуковская. – Из них двое были даже командирами этого космодрома: Герчик, Жуков! А знаменитый Косберг?! Это же ему лично Юрий Гагарин...

Но «стоп»! – начнем с истории.

Что советский народ знал о космосе?

Что в этой области «мы впереди планеты всей». Что космонавты были любимцами народа – именами самых первых называли младенцев: Юрий, Герман. Что рестораны, пионерские лагеря и сигареты называли «Космос», «Орбита», «Спутник». Что на родине каждого, кто слетал дважды, ставили его памятник – бюст. Кажется, все... Ах, да – что подготовка тяжелая: тренаж, барокамера, центрифуга.

Беларусы, считалось издревле, какая-то «земная» нация. И действительно: носители «беларусчины», нашей национальной идеи – Купала, Колас, Богдано-

вич, да и современные поэты – писали и пишут о своем родном уголке, знакомом с детства горизонте, про отчий дом да материнские лакомства и песни.

Но вот сенсация: генерал-лейтенант коронной артиллерии ВКЛ Казимир Семенович (2) – родом с Витебщины – в свой учебник по артиллерии, который издал в 60-е годы XVII века, включил раздел об устройстве фейерверков и других огненных развлечений со схемой... трехступенчатой ракеты! Он на 200 лет опередил изобретение Циолковского!

Автор статьи со Светланой Жуковской (2011 г.)

И здесь слово неутомимому исследователю, бывшему «байконуровскому» военпреду, а сегодня члену исполкома ветеранов космодрома Владимиру Дудко. Он разворачивает необычную карту.

– При царе Петре I мой земляк, случак Илья Копиевич (3), издал первую карту звездного неба с объяснением: «Уготование и толкование ясное повертания (и зело изрядно краснообразного) кругов небесных». Причем карта эта с сеткой координат. Познакомившись с ней, царь Петр подписал Указ «О создании математическо-навигацкой школы»...

А вот совсем недавно отметили 160-летие еще одного случака Витольда Карловича Цераского. Он основал обсерваторию МГУ, которая с течением времени превратилась в Российский Астрономический институт. Фамилией Цераского названы кратер на Луне и малая планета.

Сам подполковник Дудко был представителем по телеметрии Управления ракетных войск СССР. Сбор сведений о знаменитых земляках, причастных к космосу, теперь основное занятие военного пенсионера.

Вообще, Байконур – место какой-то особенной активности беларусов – и, в основном почему-то тех, которые родились на Слутчине.

Три стенда краеведческого музея посвящены им. Возле стендов Светлана Жуковская. Она говорит:

Владимир Дудко

– Генерал-полковник Константин Васильевич Герчик (4) командовал космодромом Байконур с 1958 до 61 года. Поводом для его смещения послужил взрыв ракеты на 41-м стартовом комплексе, где погибли около сотни сотрудников, в том числе маршал артиллерии Митрофан Неделин. Он со «свитой» сидел на табурете рядом с ракетой, подгоняя технарей. Ракету ремонтировали, не слив 150 тонн топлива. «Надо слить! – настаивал Герчик, но его не послушали.

Срочный старт межконтинентальной ракеты именно в эти дни нужен был лидеру страны Хрущеву как весомый аргумент при переговорах в Америке. И, конечно же, как всегда с позиции силы. Но все закончилось трагедией. Руководители запуска – Неделин и Герчик. При расследовании катастрофы председатель комиссии Леонид Брежнев коротко бросил: «Сами виноваты». Герчик остался в живых случайно: обходя ракету, в тот момент оказался за пожарной машиной. Она, словно щит, его и закрыла. Герчику и пришлось отвечать – ведь погиб маршал... На Байконур Константин Васильевич больше не вернулся. Но и в дальнейшем оставался Председателем Госкомиссии по испытаниям ракетного комплекса «Темп-2 С».

На стенде фотографии, личные вещи, мундир, документы – все, что знаменитый командир незадолго до кончины передал в музей на своей родине.

Константин Герчик

– С 1983-го в течение шести лет начальником Байконура был генерал-лейтенант Юрий Жуков (5). Это при нем произошел запуск космического корабля военного назначения «Зенит», и космической системы «Буран» – «Энергия» – продолжает рассказ С. Жуковская. – Штурманом наземного экипажа «Луноход-1» был Константин Давыдовский из недалекой отсюда деревни Изборище. Прокатка «Лунохода» была накануне 8-го марта, и штурман колесами тележки выписал на Луне цифру «8» – подарок женщинам к празднику. Ветров и пыли на Луне нет, потому след должен сохраниться.

В разное время работали на Байконуре на ответственных должностях: ведущий специалист военной приемки космических войск Борис Неронский, который родился в деревне Липники, случак Евгений Жолковский – председатель ко-

миссии по запускам и управлению полетами аппаратов народно-хозяйственного назначения...

– Какой-то город у вас «космический», – говорю я Светлане. – «Слуцкая космическая аномалия»!

А потому, может быть, что у нас самая старая – аж с 1617 года! – гимназия. Ее заканчивали люди, которые в дальнейшей жизни стали очень знаменитыми!

Жуковская и их бы перечислила, но это не тема моего с оператором визита.

Стоит добавить, что старшим в группе по отбору кандидатов в космонавты был беларус, полковник Борис Белоусов, который родился почему-то не на Слутчине, а в Хотимске Могилевской области...

Владимир Ковалёнок продолжил перечень фамилиями космонавтов:

– Родители Георгия Гречко с Витебщины, род Шониных ведется с Гомельщины, оттуда же родом наша дорогая «Чайка» – Терешкова – из деревни Терентия, ну, Пётр Климук, я...

Генерал Юрий Жуков

* * *

А с 1972-го в течение 15 лет на Байконуре в наземных испытаниях кораблей «Союз», станций «Салют» и «Мир» непосредственно участвовал подполковник космических сил СССР Николай Васильевич Смердов – легендарный человек, который живет в Минске и о котором мои сослуживцы уже сняли когда-то отдельный фильм.

– Я небольшого роста, потому меня из всех инженеров отобрали в качестве «робота-космонавта». Я около месяца проводил на корабле в кресле космонавта, за его пультом: шла тщательная проверка всех систем. Я, что называется, «согревал кресло» будущему космонавту, был последним, кто оставлял корабль, прямо за мной уже входил экипаж. И вот как-то пару предназначенных космонавтов в последний момент отклонили от полета по каким-то там анкетным несоответствиям – и полетел дублирующий экипаж, где командиром беларус Петр Климук (6). Было фото: мы у входного люка корабля с Климуком. Он там уже в скафандре, а я в белом халате – чтобы не видно было моих погон... Все же сплошь – секреты! Фото- то теперь только у Климука. Зато у меня остался штурвал от корабля его первого полета в 73-м. Я показал этот штурвал ему на последней встрече.

Каждый полет – вероятность трагедии, что неизвестно с какой стороны обрушится. А цена риска – жизнь космонавта.

– Самое драматическое событие моей работы: полет «Союза-18» с космонавтами Макаровым и Лазаревым. За пятнадцать лет существующая система электроконтактов между кораблем и ракетой зарекомендовала себя как надеж-

ная. А в этом полете вдруг сам по себе появился неожиданный контакт – какой-то «блуждающий плюс»! – он и включил одностороннюю половину контактов отделения ракеты от корабля! Систему стало, что называется, «переламывать» надвое, корабль потерял штатное направление. И – срочная посадка, лишь бы куда...

Снова в дублерах Климук с бортинженером Севастьяновым. И полетели! На Байконуре шутили: такой Петр Ильич «везунчик», уже два полета из дублеров! Говорили даже: если новогодняя игра в лотерею, то шампанское обязательно выиграет Климук.

– А вот еще, – продолжает Смердов, – кто мог предусмотреть, что в капсуле с отлетавшими уже космонавтами Зудовым и Рождественским соленая вода озера Тенгиз разъест плату, сработает цепочка контактов и раскроет в воде резервный парашют, который, конечно же, намок, погрузился и потянул капсулу. Потопить ее не смог, но все же опрокинул люком ко дну озера – и как выбраться?.. В общем, космос – всегда драматическая неожиданность.

***

В стране, что называлась СССР, никто не работал так, чтобы просто ритмично работать, а все как-то нервно: «встречные планы», «предпраздничные вахты», «рабочие почины», личные и коллективные «обязательства» – так уж было заведено... Навстречу очередному съезду партии выплавляли сверхплановую сталь, выдавали «на-гора» эшелоны угля, в сводках натягивали рекордные урожаи и надои; бывало, что «вывозили на поля удобрения... органические... навстречу Пленуму».

Но те не рисковали жизнью: ну, попеняют за приписки да переведут чиновника на другую должность – нередко еще более «хлебную».

Иное дело – космос.

Стыковку с орбитальной станцией корабля «Союз-25» с космонавтами Владимиром Ковалёнком – тем самым «парнем из деревни Белой» Крупского района – и Валерием Рюминым именно в дни празднования 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции запланировали власти СССР как очередное доказательство превосходства советской политической и экономической системы над другими. Тогда в Москву съезжались руководители всех (!) компартий мира, и триумф в космосе был рассчитан, конечно же, в первую очередь на них.

Утром после старта, 10 октября 1977 года, первые страницы газет полностью были посвящены полету: оптимистическая информация, взвинченные репортажи с космодрома, биографии космонавтов, предстартовые интервью с ними!.. В дом Ковалёнка районные власти привезли очень дефицитный тогда телевизор: чтобы мать, бабушка, брат и односельчане космонавта своими глазами видели триумф земляка.

«Началось сближение корабля «Союз-25» со станцией «Салют-6», и затем с расстояния 120 метров началось причаливание, – так через день от начала полета писала «Правда».

Но выяснилось, что стыковка ковалёнковского «Союза» со станцией не произойдет. И писалось в «Правде» уже совсем коротко, почти раздражённо:

> «Из-за отклонений от предусмотренного режима причаливания стыковка отменена. Экипаж начал подготовку к возвращению на Землю».

И все. Что за «отклонения»? Народ насторожило неожиданно быстрое возвращение экипажа. Вызвало недоумение то, что не произошел прием космонавтов высшим руководством страны, что их не удостоили званий Героев, которые обычно присваивали за первый полет, а ограничились вручением «только» орденов Ленина... Правду можно было бы узнать, слушая, хоть и с сильными звуковыми помехами, «Голос Америки» или «Би-Би-Си». Но обычно сведущие в наших делах «вражеские» радиостанции тоже хранили молчание об этом полете.

Ковалёнок трижды пытался пристыковать свой «Союз-25» к станции штатно: есть «обнаружение», есть «прикосновение»... а «мехзахвата» – нет. Заканчивалось топливо – оставалось его только на возвращение.

Районные власти приехали в Белую и демонстративно, забрали из материнского дома телевизор. Позор на всю деревню...

Космонавт
Владимир Коваленок

Что же в действительности произошло тогда в космосе?

Началось расследование причин неудачи, но основная версия возникла сразу: обвинили экипаж в неумелом управлении кораблем, дескать, они повредили стыковочный модуль, погнули штыри на станции – тем более, что оба, Ковалёнок и Рюмин, полетели впервые. Следом запустили экипаж Гречко – Романенко. Задача: выяснить, что конкретно повредил, «натворил» командир предыдущего корабля Ковалёнок?

– Они еще летали, а от них уже требовали отчет о ремонте стыковочного модуля, будто бы поврежденного мной, – еще и сегодня с отвращением вспоминает Владимир Васильевич. – Георгий Гречко осмотрел модуль: все в целости, ничего не надо ремонтировать – и доложил на Землю: «Торец целый, блестит, будто только со станка!» Подписывать под принуждением акт о виновности Ковалёнка он отказался.

Тогда комиссия насела на Романенко: Подпиши! – Он стал уговаривать Гречко: «Давай, Жора, покажем, как просят». Но Георгий не «согнулся» – по сути, спас меня. С Сашей Романенко об этом не говорили, но при встрече он отводит глаза...

Наиболее вероятная разгадка тайны стыковки, которая не произошла, выяснилась: метеоусловия. И строка репортажа в момент старта как будто уже предсказывала это: «Ветер наносит белые клубы тумана...»

Вслед за туманом, как обычно, пошел дождь, и вода, заполнившая открытые «чашечки» стыковочного модуля корабля, при выходе его в атмосферу, конеч-

но же, замерзла и потому не дала возможности ввести в «чашечки» модуля штыри станции.

Несколько месяцев, пока шло расследование, провел Коваленок в отчаянии, в тоске...

А дальше у Ковалёнка был тот триумфальный пятимесячный полет на «Салюте-29» с Александром Иванченковым, после которого и появился фильм «Парень из деревни Белой».

* * *

Наверное, чтобы беларус на орбите не грустил по родине, ему прислали туда земляка – Петра Климука, родом из деревни, что на Брестчине. А с ним путешествовал на станцию Мирослав Гермашевский – родом из соседней Польши.

– Летим на Европой, – вспоминает В. Ковалёнок. – Сашу Иванченкова оставляем за пультом, следить за приборами, а сами втроем подплываем к иллюминатору, рассматриваем Землю: вот Варшава... вот Брест – здесь родина Петра... вот Минск, шоссе Минск – Москва, мои места...

Космонавт Петр Климук
в домашней обстановке (фото 1979 г.)

– Ковалёнок мне признался: дескать, забыл запах леса, шепот травы под ветром, и от того грустил, – рассказывает Петр Климук. – А мне, знаете, приснилось, что я собираю грибы! И потом с этой полной корзиной иду, вхожу куда-то... Просыпаюсь – а я на космическом корабле.

Живые, почти все здоровые, сегодня земляки встречаются не часто. В Звёздном городке жили в одном доме, квартира над квартирой, а теперь работают в разных учреждениях и дома их далеко...

* * *

Первый эпизод фильма «Беларуский вокзал»: бывшие, уже состарившиеся десантники – актеры Папанов, Глазырин, Леонов и Сафонов – на кладбище, на похоронах своего боевого друга... Какое отношение этот отличный фильм имеет к уроженцу Колодищ, что под Минском, шестикратному рекордсмену по парашютному спорту Валентину Даниловичу? Да самое непосредственное: это его могила.

Всемирно известный спортсмен имел мечту: космос. Узнав каким-то «тайным» образом, что к полетам готовятся и штатские – инженер Феоктистов, врач Егоров, – 12 июня 1964 года он написал заявление Главному маршалу авиации К. Вершинину: «Прошу включить меня в группу космонавтов для полета в космос в качестве инженера или фото-кинооператора». Просьбу Даниловича удовлетворили. Начались долгие месяцы тренировок, испытаний, теоретических занятий.

Но Валентину Ивановичу стало известно, что на кораблях «Алмаз», которые готовило КБ академика Челомея для высадки космонавтов на Луну, полетят все же военные. И в апреле 65-го Данилович подал заявление о переводе его в военное ведомство, а конкретно в «лунную» группу подготовки. И эту просьбу удовлетворили: оформили его на работу в Военно-воздушную Академию.

Но вот незадача: в 66-м умер Королев, 24 марта 67-го погиб космонавт Комаров, ракеты-носители Н-1, предназначенные для Луны, сплошь взрывались на старте. К тому же 20 июля 1969 года американские астронавты на «Аполло-11» высадились на Луне. Советским властям и конструкторам ничего не оставалось, как сделать вид: так мы на Луну и не рвались, наша цель совсем другая – запустить туда тележку-луноход. Короче, «лунную» группу космонавтов расформировали.

Данилович стал испытателем кресла К-36 для пилота, которое, будто бы с гибнущего самолета, «выстреливала» катапульта, затем на высоте раскрывался парашют – и мирное приземление, спасение. При последнем испытании решили одеть Даниловича в космический скафандр. Спускаться пришлось почему-то в воду: стропы запутались, и Валентин Иванович в неуклюжем скафандре просто захлебнулся, утонул. Спасательный катер опоздал...

Тот испытатель, который вслед за ним «довел» до серии конструкцию К-36, стал Героем Советского Союза. Обидно за Валентина. Он жизнью заплатил за от-

Юрий Гагарин и Валентин Данилович

личное кресло, которое в будущем спасло жизни, может быть, пяти сотням летчиков, самолеты которых попали в катастрофу.

Съемки сценарного эпизода «Похороны однополчанина» для знаменитого в будущем фильма киношники запланировали на Введенском кладбище Москвы. Как раз в это время родные и друзья собрались там на «девятины» по Даниловичу. Режиссера обрадовало то, что не надо устраивать декоративную могилу, что некоторые участники ритуала были в мундирах с голубыми петлицами десантников – это совпадало со сценарными биографиями героев! Помните песню: «Десантный наш, ударный батальон»... В числе присутствующих родители Даниловича. Среди цветов и венков, если остановить киноленту на стоп-кадре, можно на табличке пирамидки со звездочкой прочесть имя: «Валентин...» Это имя дали в фильме и покойнику, которого поминали киношные «друзья». Тем более, что так звали и автора отличного сценария Трунина, плодотворно работавшего и в беларуском кино.

Артист Алексей Глазырин – он играл в фильме директора, – расчувствовавшись, сказал: «Умру – вот здесь, рядом меня и положите». Вскоре он умер, покоится артист прямо за могилой Даниловича.

Кстати, в Минске живет родной брат Валентина Ивановича, который поведал о «киноподробностях» похорон, которые вошли в мой фильм.

***

После общеизвестного «Поехали!» следующим высказыванием Юрия Гагарина было, когда включился двигатель при выходе на орбиту: «Косберг сработал!»

«Кос-берг» – это что? Марка секретного изделия? Шифр? Или аббревиатура?

Старший лейтенант Гагарин должен был вернуться из космоса майором. Но за то, что раскрыл по радио на весь мир фамилию конструктора двигателя третьей степени, хотели дать только капитана. Все же простили разглашение.

Косберг – большая тайна в СССР, такая же, как Королев, Глушко, Янгель, Челомей, Мишин (7). Их фамилии не всегда становились известны народу даже после смерти Главных конструкторов из секретных проектов.

– Уроженец Слуцка, старший из семи детей кузнеца, с детства помогал отцу в его «огненно-железных» делах, – рассказывает С. Жуковская, затем останавливается на биографии Семена Ариевича, и добавляет: «Советские самолеты в начале войны уступали немецким «фоккерам» в скорости. Косберг разработал оригинальную систему впрыска топлива в двигатель, которая дала нашим «Ла-5» возможность превышать скорость немецких самолетов».

В музее стоит покрашенный в зеленый цвет макет «косберговского» изобретения для поршневых самолетов. Но когда пришла эпоха реактивных, он стал ведущим конструктором ракетных двигателей. Под его руководством созданы ракеты-носители для кораблей «Восток» и «Союз». На фото, сделанном после полета Гагарина, он в светлом плаще, рядом с Королёвым. Пропуск на Байконур у Косберга был под номером «2». Нетрудно догадаться, кто имел первый. Тут же, в музее, газета «Волжская коммуна» с портретом Гагарина, его автографом и надписью: «Косбергу за третью ступень»; нарукавная повязка с автографами первых космонавтов, макет ракетного двигателя для АМС – автоматических межпланетных станций.

– Они направлялись к Венере, Марсу, Луне, также двигатели для «Протонов», для ракет Р-9, что более 20 лет стояли на вооружении Советской Армии, – это все создания моего отца, – рассказывает Григорий Семенович Косберг, сын знаменитого конструктора, сам испытатель авиадвигателей. Он передал в Слуцкий музей более двух десятков ценных экспонатов из «изобретательского» наследия отца. – Он был Героем Социалистического труда, награжден Ленинской премией... В январе 65-го погиб в автокатастрофе под Воронежем, о чем весь мир сразу же услышал по «Голосу Америки». А советская пресса сообщила об этом аж на третий день. Все секреты, секреты – от кого?

Семен Ариевич Косберг

Из-за «секретности» пострадал журналист Герман Назаров: его исключили из партии, сняли с работы «за утрату бдительности». Он написал для Большой Советской энциклопедии статью о С. Косберге и окончил словами: «Погиб в Воронеже». Тем самым он якобы «рассекретил» местонахождение КБ. А «Голос Америки» прямо назвал город, где находилось КБ Семена Косберга: Воронеж.

* * *

В конце 20-х годов прошлого века в беларуской гимназии Новогрудка преподавал Язеп Дроздович. Землянин, бродяга с мольбертом, со взглядом в небеса, – он стал основателем космической темы в живописи, причем космос на его рисунках рождался в мечтах.

В те же годы учился в той же гимназии Борис Кит (8). Образы, частенько на простой клеенке, которые рисовал учитель, не могли не впечатлить юношу. Но до «китового» космоса было еще далеко.

Закончив Виленский университет, Борис устроился инспектором и открыл в Западной Беларуси более ста беларуских школ, за что «пшы польском часе» стал на некоторое время заключенным. При фашистской оккупации в последнюю войну он в Молодечно организовал Административно-торговое училище, за что был немецкими властями брошен за решетку – едва спасли ученики. Чтобы не попасть еще и в советскую тюрьму – как же, работал «при немцах»! – Борис Владимирович в 44-м эмигрировал.

Беларус Борис Кит – всемирно известный математик, физик, химик, философ. Высшее проявление его знаний и деятельности: создание жидкого топлива для американских космических ракет, в том числе для полетов к Луне.

– Слушайте, я только формально принадлежал к американским гражданам. Но я не предал беларуского народа – ни на каплю, никогда! Знаете, каждый человек кто-то есть. Я – беларус! Всё! – так по-беларуски исповедуется Борис Владимирович перед камерой, навестив родину. – Я работал не для Америки, а для всего человечества. Я – против войны, за благополучие, за мировую семью. Не хочу хвалиться, но я виднейший из беларусов Америки.

Борис Кит – ему в этом году исполнился 101 год – академик многих Академий мира... Кроме советских. Он преподавал и читал лекции в университетах США, Германии, Канады, Франции, Японии, Индии... Но не не в вузах СССР. Почему? И почему всемирно известный и признанный ученый в Беларуси всего лишь «Почетный гражданин» райцентра? Почему он смог навестить свой Новогрудок только в 94-м, через полстолетия после того, как оставил родину?

Потому что советские власти подозрительно, с неприязнью относились к личности Кита: мало того, что эмигрант, так еще и работал на «американский космос». А куда же девать выдающиеся изобретения и мировую славу?

– Полет «Аполлона» на Луну готовили, – продолжает Борис Владимирович, – слушайте: чтобы запустить космический корабль, там такая компьютерная техника! То, что делали там – было использовано в общественной жизни: получилась компьютерная революция, компьютерная эпоха. Работали для прогресса всего человечества.

* * *

Но вернемся в СССР. Газета «Правда» от 10 апреля 1979 года:

> «Сегодня в 20 часов 34 минуты московского времени в Советском Союзе осуществлен запуск космического корабля «Союз-33». Космический корабль пилотирует международный экипаж: командир корабля дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Николай Рукавишников и космонавт-исследователь гражданин народной Республики Болгария Георгий Иванов».

Конечно же, полет этот – «свидетельство успешного осуществления научно-технической интеграции стран социалистического содружества»; разумеется, «бортовые системы функционируют нормально»; и конечно, «экипаж работает по намеченной программе».

Дата запуска – вечер 10 апреля – избрана не случайно: стыковка со станцией «Салют-6» должна произойти точно 12 апреля, в День космонавтики. И снова в результате поспешного старта «к дате», как говорится, «наступили на те же грабли».

В те дни я был в Москве, снимая «квартирные» эпизоды Ковалёнка. Все, о чем рассказываю, услышал от него.

В праздничный вечер в кафе «Юность» свободные от дел космонавты отмечали свой «День». Традиция эта пошла еще со времен Гагарина. Когда его не стало, застолье вела его жена Валентина.

Вдруг влетает посыльный с приказом Ковалёнку немедленно, срочно прибыть в ЦУП. Срочность вызова была такова, что за ним одним послали автобус – других свободных машин на тот момент не нашлось. Владимир Васильевич помчался в ЦУП, забыв в ресторане свою шинель. Понимал: на орбите назревает трагедия. Как же ситуацию на второй день «подала» газета «Правда»?

«В процессе сближения возникли отклонения в работе двигательной установки корабля «Союз-33», и стыковка со станцией «Салют-6» была отменена».

Какая там «стыковка», какие «отклонения»?! У «Союза» отказали, вообще не работают двигатели! А ресурс работы малого резервного двигателя – несколь-

ко десятков секунд. А если и он не включится? Кислорода и еды у космонавтов – на пять дней. И что с того? А дальше?

Шанс: остаться вечным спутником, ибо спасти их никто не сможет просто технически. Еще шанс: даже если включится резервный двигатель, можно резко направить корабль к Земле, но велик риск сгореть при входе в атмосферу.

– Это так называемый «баллистический спуск, – объясняет инженер М. Смердов. – А проще: камнем лететь к земле. Не волнообразно, а прямо!

По-любому: космонавтам уготована ужасная судьба.

Быстрый совет в ЦУПе с участием опытного Ковалёнка принял решение: попытаться вернуться, но Николай Рукавишников должен перейти на ручное управление космическим кораблем. Риск – но зато хоть какой-то шанс на спасение...

Направились к Земле. Перегрузка давления – 20 ж, 20 единиц (высшая норма – 6).

– Умножьте свой вес на двадцать! – замечает М. Смердов. Это при нем произошел этот старт.

«Спускаемый аппарат совершил посадку в заданном районе», – объявила «Правда».

Какое там «в заданном» – вранье: едва не приземлились в Китае, с которым тогда были очень напряженные политические отношения.

«Состояние здоровья товарищей Рукавишникова и Иванова после приземления хорошее», – читаем в «Правде».

Ничего себе «хорошее», если на них уже дымились скафандры!

– Спаслись, остались живыми чудом – только благодаря мастерству Рукавишникова, мастера ручного пилотирования, – взволнованно оценивал событие Ковалёнок. – Этот наш исконный стиль: «Давай!» Парад – единственный метод управления, в традициях коммунистической системы. Сделали хуже, чем могли. Трагедия могла быть «к дате»!

* * *

После первых полетов, уже в далекие 70-е, Петр Климук пророчествовал:

– Космонавт сегодня – это слава, популярность! Но пройдут несколько десятилетий – и профессия эта станет обычной.

И они прошли уже, эти десятилетия. «Глобальный кризис», «терроризм», «экология»... А про космос сегодня мало говорят: кто-то взлетает, кто-то там садится – ни особых радостей, ни – спасибо Богу! – трагедий ни в России, ни за океаном. Сегодня космос – немодная тема.

– Умер Паша Попович – самый веселый, обаятельный. В прессе – одна скромная сухая информация, – грустит Владимир Ковалёнок. – А про бандита Япончика, про его экстрадицию по телевидению целый месяц показывали!..

В моей деревне Белой на углу улиц поставили вывеску, на дюралевой пластине: «Здесь родился...» Что я, на углу родился?! Неужели нельзя написать: «Дважды Герой, летчик-космонавт, генерал-полковник, Председатель Федерации советских космонавтов, профессор...» А там остановка автобусная: люди ходят, дети... Может быть, какое зернышко у них бы зародилось.

Дети беларуские нас радуют: побеждают на международных конкурсах по математике, по изобретательству, по владению компьютером. Причастные к космосу беларусы остались в XX-м веке. XXI-е столетие ждет своих Дроздовичей, Китов, Ковалёнков, Косбергов, Климуков...

Они уже родились.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Коваленок Владимир Васильевич (1942 г.р.) – летчик-космонавт, генерал-полковник авиации, действительный член Международной академии информатизации. Дважды Герой Советского Союза (1978, 1981). Родился в деревне Белое Крупского района. Состоял в отряде космонавтов с 1967 по 1983 год. Совершил три полёта в космос: 1) с 9 по 11 октября 1977; 2) с 15 июня по 2 ноября 1978; 3) с 12 марта по 26 мая 1981.

(2) Семенович Казимир – см. в 5-м выпуске «Дедов» статью «Гений артиллерии», посвященную К. Семеновичу.

(3) Копиевич Илья (1651–1714) – беларуский литератор, переводчик, издатель. В 1667 г. эмигрировал в Голландию, где в 1697 г. познакомился с царем Петром I и стал работать на него. В 1698–1706 гг. составил и издал около 20 учебников и словарей.

(4) Герчик Константин (1918–2001).

(5) Жуков Юрий (1933–2010).

(6) Климук Петр Ильич (1942 г.р.) – летчик-космонавт, генерал-полковник авиации, действительный член Космической академии. Дважды Герой Советского Союза (1973, 1975). Родился в деревне Комаровка (ныне в Брестском районе).

Состоял в отряде космонавтов с 1965 по 1978 год. Совершил три полёта в космос: 1) с 18 по 26 декабря 1973 (командир корабля «Союз-13»); 2) с 24 мая по 26 июля 1975 (командир корабля «Союз-18»); 3) с 25 июля по 5 августа 1978 (командир корабля «Союз-30» и орбитальной станции «Салют-6»). С 1976 зам. начальника, с 1991 начальник Центра подготовки космонавтов им. Гагарина.

(7) Королёв Сергей Павлович (1907–1966), Косберг Семен (1903–1965), Глушко Валентин Петрович (1908–1989), Янгель Михаил Кузьмич (1911–1971), Челомей Владимир Николаевич (1914–1984), Мишин – советские конструкторы ракетной и космической техники.

(8) Кит Борис (1910 г.р.) – см. в 6-м выпуске «Дедов» статью о нем «Кит науки».

Новейшая история ятвягов

Андрей Дынько

Попытка создать литературный западнополесский язык на основе диалектов Брестчины и Пинщины, а также добиться признания населения этих регионов отдельным народом была сделана в 1985–96 годах Николаем Шелеговичем и группой молодой интеллигенции – выходцами с юго-запада Беларуси. Сначала эта инициатива приобрела широкий общественный резонанс и много сочувствующих, но вскоре круг активистов регионалистского движения начал стремительно сужаться – после того как Н. Шелегович стал навязывать «ятвяжскую теорию» происхождения брестчан и пинчуков и сделал ставку на развитие перенасыщенного неологизмами и архаизмами варианта языка, оторванного от народных диалектов. Отпугивала людей и его напористая политическая деятельность.

А. Риттих и Е. Карский относили Брестчину и Пинщину к этнографически украинским территориям, М. Довнар-Запольский – к беларуским. Украинские и беларуские националисты оспаривали эти регионы, заселенные «тутэйшым» населением с ослабленным национальным сознанием. В первой половине XX века украинское тождество там явно преобладало, но с присоединением этих земель к БССР стало укрепляться беларуское.

Полесское автономистское движение – удивительный продукт взаимного наложения разных культурных влияний на регион, находящийся на стыке Беларуси, Украины и Польши.

Часть I. Создание народа
Неполная хронология с комментариями, цитатами и зарисовками с натуры

1985 год – первая отдельная публикация на западнополесских диалектах (журнал «Беларусь», 1985, № 12).

Это была поэзия Николая Шелеговича, написанная «белым стихом», с предисловием к ней Ивана Шамякина («в лице Николая Шелеговича мне видится хороший беларуский поэт, который и стал-то поэтом благодаря своему родному языку»). Напечатана она была подвалом, и не менее символично то, что рядом на развороте вторым подвалом, с предисловием Михася Стрельцова, были опубликованы стихотворения будущего лидера новой беларуской литературы Адама Глобуса (Вячеслава Адамчика), которые позже вошли в книгу «Парк». Зато сверху на обеих страницах печатались стихотворения Людмилы Петруль и Евгении Мальчевской. Насколько же бессмертно умение беларуских редакторов топить самых перспективных творцов!

Из журнала «Arche», 2000, № 6, с. 3–15. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

1988 год – создание Общественно-культурного объединения «Полісьсе» (Полесье), первой самостоятельной организации, претендовавшей на выражение интересов всего населения Брестчины и Пинщины и ставившей целью автономное национально-культурное строительство.

Николаю Шелеговичу, сотруднику возглавляемого аграрием Иваном Чигриновым Беларуского Фонда Культуры, этого фантасмагорического приюта тихих националистов, удалось если не ангажировать, то по крайней мере заинтриговать немалую часть минской и брестской интеллигенции, причем не только выходцев с Брестчины и Пинщины.

Переводчик Василь Сёмуха участвовал в учредительных заседаниях «Полісься»; главный редактор издательства «Мастацкая літаратура» Михаил Дубенецкий успел поспособствовать возникновению «Полісься».

Будущего директора Беларуской службы Радио Свобода, а тогда журналиста «Звязды» Александра Лукашука вызвали в ЦК КПБ, требуя выйти из «Полісься».

Прозаик Александр Трушко (Алесь Наварыч), нынешний корреспондент France Presse Валерий Калиновский и литераторка «нашенивского призыва» Наталия Бабина работали редакторами газеты «Збудінне» («Пробуждение»), критик «Мыхалко Тычына» пожертвовал на его издание 10 рублей и приветствовал возникновение западнополесской литературы на Западнополесской (Ятвяжской) научно-практической конференции. Картограф Лев Козлов и языковед Федор Климчук приняли активное участие в подготовке этой конференции.

Филолог Иван Лучиц-Федорец и философ Георгий Антонюк подписывали обращение к правительству за создание системы образования на западнополесском языке.

Культуролог Енё Синчук печатал свои философские заметки, гродненский историк Едрусь Мазько – стихотворения.

Педагог-теоретик Сафрон Жлоба развивал на страницах «Збудіння» полесскую теорию воспитания детей, а педагог-практик Мыкола Мынзар – вел милую детскую страницу, в качества иллюстраций к которой печатались снимки дочерей Шелеговича.

Оформилась и противоположная партия. Лидеры Товарищества беларуского языка Нил Гилевич, Евгений Цумаров и Олег Трусов (вот где гнездо беларуского фундаментализма!) возглавили фронт борьбы против «ятвяжского сепаратизма» на страницах «Літаратуры і Мастацтва», «Нашага Слова» и в Верховном Совете, и «Збудінне» клеймила их выступления как «провокашыны лытвынськых шовыныстив».

Поэт Микола Федюкевич взволнованно сообщал, что его дарагичинские дядьки ятвяжского языка не понимают и что «особую настороженность вызвали у полесских хлеборобов следующие строки»:

А то бачыш ты, пановыч:
«Нырозуме, ныпрывык...»
Почытај, шо Шыляговыч
Пышэ про родныј язык!..» –

Речь шла о напечатанном на полесской странице «Чырвонай змены» патриотическом стихотворении «Дідова наука» директора сельской школы из деревни Чухово Пинского района Валерия Солоневича.

Деньги, большие деньги, давали директор минской «моторовыробныці» Константын Устымчук и министр «водогосподаркі» Алексей Шахнович, директор брестской «летрыко-тыхныцькиј выробныцы» Григорий Шкурдай, директор Березовской агрофирмы Иван Данилевич, президент «лытвынсько-гамэрыцько-полецького супилного заклада» «Ankor» Иван Анташкевич. Отчего давали? На этот вопрос не так просто ответить. Может из-за гордости за свою малую родину, а может по приказу сверху.

Молодой искусствовед Сергей Хоревский приветствовал издание в «Чырвонай змене» («оно поможет нам раскрыть еще не известные нам веточки славянства»), историк и авантюрист Олег Дернович напечатал статью в «Збудінні». Журналист Анатолий Козлович высказывал искреннюю благодарность «Балесам Полісься» и «как полешук, и как человек, связавший свою жизнь со Словом».

Николай Шелегович

Алесь Рязанов готовился стать руководителем Беларуского товарищества Рериха (судьба которого, как представляется сегодня, во многом напоминает судьбу «Полісься») и почтил своим присутствием западнополесскую вечеринку в Доме литератора. В ответ на вопрос взвинченной полесской активистки он сказал, что из выступающих выделил бы молодого Наварыча и брестского школьника Дынько, у которых сильная энергетика, только у Наварыча — темная, а у Дынько — светлая.

1989 год — основание газеты «Збудінне», первого регулярного издания на западнополесском (ятвяжском) языке в варианте Николая Шелеговича.

«Збудінню» предшествовала литературное издание «Балесы Полісься», появлявшееся сначала на страницах «Чырвонай змены», а потом в самиздате. Выпуск газет, которые многим показались «своими», сделала возможным «така неждана, така чудова» перестройка. Журналист «Советской Белоруссии», активист «Полісься» и поэт Василь Брыль, он же классик украинского постмодернизма Александр Ірванэць, радовался в своем стихотворении «Дзякуем перабудове»:

Батьку, мамо, свето в нас, свето!
Выйшла на нашиј мовы газэта!
Шэ ны газэта – шэ но бочына,
Алэ зрадніты сыба ны причина?
Славмо-жэ ріднэньку пырыбудову,
Шо отчынее заганьбляну мову!

«Збудінне» было настоящим знаком эпохи. Радостно открывало оно свои полосы всем, кто хотел в нем печататься: и столичным философам, что писали про «путь западных полешуков во всемирной истории» и их «язык, богатый первозданной лексикой», и провинциальным фотографам, которые публиковали на

первой полосе снимки топмоделей из Жабинки с подписями типа «Такы хорошы j даровыты жывуть на Етвызі дывчета. На здымковы Ларыса Абульмамбетова». Без комментария перепечатало «Збудінне» из виленской «Нашей Нивы» ответ Зенона Позняка в опросе об эротике. Короче, эта газета давала народу возможность в разных доступных формах и диалектах выражать те чувства, которые ему не удавалось адекватно выражать в конвенциональных языках и жанрах.

В Бресте газету мало кто знал. Зато не перелистать «Збудінне» считалось дурным тоном среди молодой минской богемы. В столице Беларуси она имела вдвое больше читателей, чем в несостоявшейся «чолотвэрді Етвызі» Пинске. Минские свежеиспеченные националисты очень гордились тем, что не только независимость завоевали, но и обзавелись собственным аутентичным и автохтонным национальным меньшинством.

Декларированный тираж газеты скакал в 1990–91 годах между 5 и 12 тысячами экземпляров, что, вероятно, не всегда соответствовало действительности, ибо, как только газета перешла на фабрику «Красная звезда», где приписок не позволяли, он упал до 2700 экземпляров и колебался между 2700 и 3300 экземплярами вплоть до 1993 года, пока накануне выборов 1994–95 годов Николай Шелегович не сказал: «Даешь рост тиража на 1000 %»! Если верить редакционной статье первого (и последнего) номера «Збудіння» за 1995 год, на него в том году подписались аж 56 тысяч «пудпысувалныкэj» и тираж должен был вырасти в 18 раз против июня 1993 года. К сожалению, рекордного роста тиража зафиксировать в книге Гиннеса не удалось, ибо, как сообщал тот же номер, «здарылоса так, шо «Збудінне» нывыjшло, бо нызмогло рышыты всіх фынансовых пытаннюв», и редакция вернула деньги всей этой громаде тайных подписчиков.

Символично и то, что последний номер газеты получился рекламно-агитационным — за кандидатов в Верховный Совет от блока ятвягов и беспартийных в Пинске в составе самого Н. Шелеговича, а также руководителя Пинского отделения Сбербанка М. Ивашевича и заместителя директора предприятия «Діло» Г. Качановского. Пролетели все трое.

Логотип газеты менялся вместе с содержанием: от псевдорунического в первых номерах через геометрически-прагматический в 1992–93 годах ко все большей стилизации под старославянский напоследок. Да и существовала газета до 1995-го, до «победного» майского национального референдума, меняясь вместе с переменами политической моды.

В полесском движении отразились все беларуские веяния и ветры, только некоторые в гипертрофированном или деформировавшемся виде: стихосложение, этнографизм и собирание памятников старины, романтизм, игры в демократию и национализм, поиск балтских корней, увлечение языковыми экспериментами, латиницей и, наконец, возвращение к славянским корням.

1990 год – проведение Западнополесской (ятвяжской) научно-практической конференции, провозгласившей право населения Брестчины, Пинщины, а также Северной Волыни, польского Подляшья и Холмщины на формирование самостоятельного этноса.

Конференция должна была пройти в Пинске. Тогдашняя «огуречная столица Беларуси» была совсем не такой, как теперь, ее еще не обескровил крах легкой

промышленности и речного флота. Тогда Пинск (вместе с Новополоцком, Могилевом, Гомелем, Минском и Гродно) имел относительно «демократический» горсовет. Но, несмотря на это, Пинск оказался не готов принять конференцию, и она собралась в Минске.

Успех конференции можно объяснить тем, что, как отметил Геннадий Цихун, «в отличие от некоторых администраторов и культурных деятелей, славянская лингвистика с благосклонностью встретила появление еще одного литературного микроязыка». О новом «поэтическом языке», как еще называл его господин Цихун, писали покойный московский славист Никита Толстой (праправнук Льва), Александр Дуличенко из Тарту и Олег Поляков из Вильни, минчанин Федор Климчук.

Лингвисты, однако, избегали контрверсийного определения «ятвяжский», предпочитая название «западнополесский (литературный) язык (микроязык)», используя термины «русинско-полесский», «полесско-русинский» или просто «полесский» либо «русинский». Последнее название использовал и Н. Шелегович в одной из первых своих и наиболее громких публикаций в газете «Голас Радзімы» (1987). Кстати, прежде чем остановиться на слове «мова», он употреблял два других слова: рэмза (сравните с «румзаць») и волода (сравните с латышским «valoda»).

Как раз где-то в это время, когда известность движения достигла кульминации, Шелегович перестал акцентировать внимание на культурнической, краеведческой и «полесской» сути движения и переключился на разработку «ятвяжской теории».

1990 год – публикация проекта программы Суйдіння, то есть Движения, первой парaполитической организации западных полешуков.

«Суйдінне» по-настоящему так и не создалось. Под конец того же года Шелегович поставил вопрос о создании Ятвяжской национальной партии. Через некоторое время, когда стало ясно, что вызывают у полешуков названия и Суйдінне, и ЯНП, брестская активистка «Полісься» Голэна Мазько попыталась создать Западнополесскую краевую партию, но снова безуспешно. Через какое-то время явились на свет предвыборные объединения «Берасцейскі выбар-94» и «Пінскі выбар-94», эти уже в полном соответствии с новыми политическими реалиями, без политактивистов-диссидентов, зато с участием директоров отделений банков и президентов компаний с конгениальными названиями типа «Girstvo» (это по-шелеговски «спадарства»), из тех, кто строил небоскребы на блатных площадках в центре Минска.

По окончании карьеры ятвяжского кунигаса Николай Шелегович и сам станет одним из наиболее успешных минских бизнесменов.

1994 год – выдвижение Николая Шелеговича в качестве кандидата в президенты Беларуси.

В предвыборных листовках Шелегович предстает поэтом, грамматиком, ученым, просветителем, знатоком шести иностранных языков, генеральным продюсером Фестиваля западнополесской песни (фото: сидит в мажорском галстуке за столиком с фруктами, рядом – жена).

«Не злопамятен, не мстителен, но решителен и тверд». «Будем бдительны, выберем достойного кандидата!» – так кончалась листовка Шелеговича. В ней

отмечалось также, что он обладал «незаурядными вокальными данными», но «оперным певцом стать ему не было суждено – сорвал голос». Короче, Фицкаральдо полесской Амазонии.

Когда Шелегович вознамерился в президенты, в составе «Полісься» уже не было первого руководителя его пинской «гуртыны» и вождя пинских униатов Каленика Лукашевича-Удавидчика, человека, одним своим именем символизировавшего экзотику истоков. Не осталось более ни романтики, ни романтиков.

Если не считать демонической фигуры Шелеговича – это отдельная история, – полесское возрождение было романтическим порывом молодой интеллигенции, стремившейся – как ни пошло это звучит всего через 10 лет после той поры – к возвращению исторической справедливости применительно к миллиону обитателей Брестчины и Пинщины, хотя и не знала точно, в чем эта историческая справедливость должна заключаться. Не могла знать, выйдя из советской вечной ночи в ослепляющий мир свободной жизни. Украинскость этих территорий уже не была очевидной. А беларускость на них все еще оставалась чьим-то чужим, формальным, радио-литературным. Живым явлением, закрепленным и легитимизированным борьбою за сохранение независимости и демократии, беларускость станет на этих территориях, как и во всей Беларуси, за годы правления Лукашенко.

Порыв был цинично использован амбициозным гением Николая Шелеговича, которым, возможно, манипулировали спецслужбы. Но это ли помнится с тех лет? Нет, не усы Шелеговича, который набивался в соратники к Гайдукевичу и Лукашенко, встают в памяти. Вспоминается другое. Вспоминается, как мы с Надей Крищук, Натальей и Дмитрием Бабиными ставили в 1989 году в их квартире, в панельном доме возле универсама «Рига», «Пинскую шляхту» Винсента Дунина-Марцинкевича в оригинале («Хрін тобі в гочі!»).

Вспоминается не «Збудінне» времен его заката, отданное на откуп обиженным философам-безумцам. Вспоминается напечатанный в 1987 году на полесской странице «Голаса Радзімы» (газета печаталась тогда на редкой в Советском Союзе белехонькой бумаге, на первой странице был снимок 85-летней белыничской ткачихи на фоне рушников и тыкв, на последней – перечень пунктов подписки на «Голас Радзімы», подписаться можно было даже в Заире и Перу) стихотворение Мынзара:

Знов быру былета до Янова
На курјерськиј бырыстэйськиј појізд
Відаю, шо проводныця словом
Знов поліським душу мні напојіть...

Стихотворение называется «Риднэ». Все остальное называется «законом человеческой памяти». Впрочем, может быть следует переставить ударение: «человечной памяти».

То движение было полесским для большинства его участников, а ятвяжским – только для Шелеговича, Трушко и еще нескольких человек. Его история хочет остаться в памяти не как антибеларуская или антиукраинская интрига, а как опыт, соединяющий два народа, две традиции. Остаться попыткой ностальгического путешествия в страну мечты. Попыткой жить – и писать – закрыв глаза,

в мире, где все – политическое. Закрыв глаза, хотя те, кто живут закрыв глаза, заведомо проиграют.

Позже, со временем, с возрастом, приходила к разновозрастным участникам полесского движения интеллектуальная и моральная «взрослость» вместе с новым, более глубоким чувством своей «украинскости» и «беларускости» и с новым измерением интеллектуальной и творческой ответственности. Приходило и горькое чувство взрослого desillusion.

ЗБУДІННЕ

Газета «Збудінне»

Полесье как понятие культурное оказалось похороненным под Ятвезью, понятием политическим, грубо политическим, неудачно политическим, бездарно политическим, шарлатанским. Идея культивирования и сохранения региональных особенностей Брестчины и Пинщины притягивала и организовывала людей. Ятвяжская же теория своей произвольностью и мошенничеством дезориентировала и действительно нанесла большой вред беларускому и украинскому возрождениям в регионе – если кто-то добивался этого, то добился. Русификация сделала еще один шаг вперед.

Однако русификация, как оказалось, имеет неизбежным последствием национальную консолидацию беларусов. Русификация была неизбежным переходным этапом на пути к такой консолидации – неизбежным из-за начальной слабости надрегиональной идентичности и очевидной разнородности этнической массы.

1996 год – последний Фестиваль западнополесской песни (первый был проведен в 1994 году), вскоре после которого исчезли последние признаки деятельности автономистского движения.

Что осталось от ятвягов? Пустоватый сайт в Интернете под названием «Звырок» (слово простое, но не все беларусы сразу сообразят, что это означает просто «зверек»), с уточнением «Про шляхетну лывірочку» – http://mensk.newmail.ru. Но не спешите подсоединяться к Сети, коллекционеры экзотики: и этот сайт в последнее время его неизвестный мне хозяин перевел на беларуский язык.

Отложился еще в голове убогий, мясорубочный мотив несостоявшегося ятвяжского гимна – заставки Телефестиваля западнополесской песни:

«Етвызь! Ту-ту-ту!..
Сымбол нашиј завшыні!..
Етвызь! Ту-ту-ту!..
Память нашиј давныні!..»

Эту гадость как раз и хочется стереть в памяти, но она назойливо возвращается. Пожалуй, до смерти не отстанет. Етвызь – загородившая дорогу к Полесью.

Часть 2. Народ, который не сложился. Наброски структурного анализа

Программа ГКЗ «Полісьсе» («Збудінне», 1990, № 4), достаточно полное толкование которой дал Николай Шелегович в своей статье «С кем идет «Полісьсе»?» («Збудінне», 1990, № 8), была типовым документом нациотворческого движения на его автономистской стадии. Она требовала для западных полешуков государственности в форме автономии при неизменности государственных границ, с приданием Брестчине и Пинщине статуса автономного края, который в перспективе образовал бы с собственно беларуской частью страны федеративное Беларуско-Ятвяжское государство. Она декларировала приверженность к многоукладной экономике с акцентом на достижение самодостаточности региона; наконец, программа представляла собой характерный для той эпохи набор популистских лозунгов.

В своей статье «Ятвяжская национальная партия» («Збудінне», 1990, № 7) Николай Шелегович писал, что «процесс обновления ятвяжского общества имеет потребность в ятвяжской национальной социал-демократии». Акцент делался на языковой, культурной и образовательной политике, причем, отмечала «Збудінне», «если создания ятвяжской научно-методической базы добиться не удастся», то обучение в средних и высших учебных заведениях предлагалось вести на украинском языке — согласно стратегии «меньшего зла».

Идеологическая доктрина движения стремительно менялась от панбалтизма к панславизму, вместе с союзниками, в зависимости от конъюнктуры. На первых порах Минская гуртына «Полісься» (которая отражала позицию Шелеговича) вступила в БНФ, потом вышла оттуда, и так колебалась вплоть до вступления в промосковский Народный Рух Беларуси в 1994 году и выхода из него в знак несогласия с тем, что НРБ поддержал на выборах кандидатуру Кебича, а не Лукашенко (впрочем, это произошло уже после того, как Кебич проиграл в первом туре, так что не следует переоценивать политическую интуицию Шелеговича).

Западнополесское движение на первом этапе своей деятельности носило прежде всего филологический характер. Все «новоятвяги», в том числе протагонист проекта Николай Шелегович, — начинали с литературного творчества. Почти все они были если не прозаиками, то поэтами. Они наследовали тому пути, который прошли другие нации Центрально-Восточной Европы, что начали формироваться с опозданием и на первом этапе не имели собственной национальной буржуазии: украинцы, беларусы, словаки. Писатели, филологи, историки были кузнецами их национальных идентичностей. Потому протонационалистическая программа действий ГКЗ «Полісьсе» предусматривала в первую очередь кодификацию литературного языка и распространение текстов на нем.

Как языковед, Шелегович предпринимал теоретически правильные шаги по созданию литературного языка: принял фонетический принцип правописания, конструировал новообразования. Но он не обладал эстетическим даром и игнорировал социокультурную реальность. Его язык вызывал эмоциональное неприятие аудитории.

Стратегия

Мало сформулировать нациотворческую программу. Надо иметь еще исторические, этнические и экономические предпосылки для возникновения нации.

Предпосылок на Брестчине и Пинщине недоставало. Стратеги, однако, мало обращали внимание на это.

Основой стратегий сторонников создания «ятвяжской» нации, как и любой новой нации, была постепенная замена элементов доминирующей культуры элементами культуры новосозданной. Это должно было происходить через распространение газеты, поддержку самобытной национальной литературы, основание фольклорной группы «Етвызь», спонсирование поп-исполнителей и телефестиваля западнополесской песни, подготовку к созданию собственной образовательной системы через «ятвяжский» центр при НИИ педагогики министерства просвещения, осторожные попытки политической деятельности (в первую очередь влияние на государственные структуры и постепенное укрепление параполитической организации). Вся эта деятельность должна была привести к созданию третьего балтского народа и четвертого восточнославянского языка. Однако такой балтославянизм изначально был источником внутреннего противоречия.

Николай Шелегович попытался тогда снять противоречие, ища или фабрикуя доказательства того, что слово «ятвяг» было в позднем Средневековье не этнонимом, а означало конфессиональную принадлежность, что «ятвягами» называлось языческое сообщество, или что этноним «ятвяги» обозначал политическое образование, в состав которого входили и балтские, и славянские элементы. Было, однако, уже поздно. Эпоха национально-политических трансформаций кончалась.

Идеологические и организационные формы национализма, а также модели для формирования национального языка Шелегович просто копировал с беларуских и литовских образцов. Интеллигенция, сплоченная вокруг его харизматической фигуры, находилась под влиянием романтичной концепции нации, перенятой советской наукой, согласно которой нация отождествлялась с простонародным языком. Раз существует особый диалект на Брестчине и Пинщине, значит, существует здесь и отдельная нация, считали они. «Будители народа» Брестчины и Пинщины не делали различия между этнической нацией и политической нацией, и считали, что нация, как и ее язык, – это продукт природы, наделенный врожденным правом на развитие себя и своей культуры. При этом государство и государственность казались им, романтикам, чем-то искусственным и текучим. Не удивительно, если учесть, как часто разные режимы власти сменяли друг друга на лесных и болотных просторах междуречья Буга и Припяти в XX веке.

Откуда пришли ятвяги

Среди условий задержки национального развития брестчан и пинчуков были: сильная ассимиляция, запоздалая, непоследовательная и половинчатая модернизация колониального типа, осуществленная отсталой российской метрополией, неполнота социальной структуры, замена городского и высших слоев

сельского населения с еврейского и польского на русское в середине XX века, ментальные травмы, прикрытые тоталитарными режимами, открытое истребление образованных или социально или национально активных граждан тоталитарными режимами в 40–50-е годы XX века, исключительная слабость гражданского сообщества как следствие коммунистического правления.

Истинным отцом «ятвяжского» проекта был Иосиф Сталин. При проведении границ УССР и БССР осенью 1939 года Брестчина и Пинщина, где население говорило на диалектах украинского языка, оказались в составе Беларуси – чтобы проще было управлять транспортной магистралью Москва – Брест. Беларуси Брест по большому счету было не нужен, но он был нужен метрополии.

(Вопрос определения принадлежности диалектов Брестчины и Пинщины, как лакмусовая бумажка, выявляет политизированность, а иногда и поверхностность советского языкознания. Если кто-то из минских лингвистов делил все диалекты на украинские и беларуские ровненько по линии беларуско-украинской границы, это можно отнести на политический счет, но когда корифеи украинского языкознания проводят границу между беларускими и украинскими диалектами по этой же границе или по северу Каменецкого и восточной административной границе Пружанского и Кобринского районов, это уже невесть что, ведь между диалектами Кобринщины и Дрогичинщины совсем нет никакой разницы.)

Процесс формирования украинской идентичности в окружении автохтонов и линии притяжения к украинской национально-государственной орбите были насильственно прерваны. Репрессивный аппарат заработал на истребление всего украинского.

Только по официальной советской статистике за принадлежность к украинским националистическим организациям в 1943–1953 годах на Брестчине и Пинщине было арестовано 1282 человека, большинство из которых домой не вернулись. Драму здешних селян, зажатых между разными неравно вооруженными силами, трудно описать. Достаточно, например, напомнить сведения, которые привел в своей статье, напечатанной в журнале «Архивы и делопроизводство», сотрудник архивов КГБ Игорь Валаханович: во время только одной пацификации антисоветского подполья на Брестчине и Пинщине, которая проводилась с 15 января до 20 февраля 1945 года, советские войска и силы МГБ окружили 839 населенных пунктов, обыскали 48.479 дворов, проверили 165.137 человек, прочесали 12 тыс. кв. км лесов и болот. В результате они разгромили 33 вооруженные группы, убили 98 и арестовали 3808 человек. Свободу и жизнь можно было потерять за одно наличие в доме произведений украинских классиков, за малейшие проявления украинских национальных чувств. По сути дела такая же политика проводилась здесь и в 60–80-х, только менее насильственными методами.

Зато беларуская идентичность начала формироваться поздно и притяжение к беларускому центру не успело укрепиться (это произойдет только в 90-х). Как следствие, на Брестчине и Пинщине сохранялась этническая группа с ослабленной идентичностью, которая к середине 80-х еще владела, активно или пассивно, местными диалектами украинского языка. Новая «весна народов», забушевав в регионе, не могла не посеять мучительного смущения в душах неуверенных в своей национальной принадлежности паспортных беларусов Брестчины

и Пинщины. К тому же, за время пребывания в составе Беларуси за счет русификации и беларусизации усилились отличия местной культуры и диалектов от украинских.

Найти историческую легитимацию самостоятельному нациотворческому проекту, однако, было не просто: средневековые Берестейское и Пинское княжества никогда не представляли самостоятельной силы. Николай Шелегович выделил «ятвяжскую теорию», хотя так и не смог убедить в ней большинство своих соратников (как свидетельствуют протоколы заседаний Управы ГКЗ «Полісьсе», его друзья все время подчеркивали сдержанное отношение к ней).

Полесская область БССР в 1944—54 гг.

Этнический материал, из которого предполагалось создать четвертый восточнославянский или третий балтский народ, был на тот момент уже сильно русифицирован (согласно Федору Климчуку, который основывался на данных переписи 1989 года, русский язык назвали тогда родным 22,5 % коренных жителей Брестчины и Пинщины, реальная же цифра тех, кто пользовался русским языком в быту, была еще выше). Русский язык был языком администрации, крупнейших городов, многочисленных военных баз. Носителями внегородских (брестских) диалектов оставались преимущественно слои крестьян и рабочих. Поскольку условием социального продвижения, вхождения в высшие слои русского, польского и советского обществ был переход на язык господствующей национальности и принятие ее культурных кодов, только незначительная часть интеллигенции продолжала отождествлять себя с «тутэйшай» традицией.

Кроме того, большинство интеллигентов, что впряглись в реализацию западнополесского проекта, жили в Минске, а не на Брестчине и Пинщине (инаковость лучше ощущается в сравнении). Самобытной культуры современного, урбанистического типа полешуки не имели, и даже хуже – урбанистическая украинская и беларуская культуры сами на то время были недостаточно развиты, не давали адекватного образца. Приходилось искать себе святыни в архаике.

Плод труда

«Новоятвяги» претендовали и на украинские, и на польские земли: Ровно, Луцк, Сарны, Белую Подляску, Бельск. Эти претензии, однако, не подкреплялись сколько-нибудь значительными аргументами. Украинские и польские друзья «Полісься» (например, белостокская журналистка Анна Кондратюк и луцкий филолог Виктор Давидюк) сначала просто не понимали, куда их втянули, а когда поняли, покраснели и разбежались. Деятельность группы Шелеговича фактически ограничилась Беларусью. Но и здесь характер деятельности был преимущественно филологический (хотя при этом корпус созданных «новоятвягами» текстов не превысил несколько сотен страниц, а газета «Збудінне» так и не набрала более 400 реальных, а не фиктивных, подписчиков, а в регионе через киоски продавалось экземпляров не больше, чем расходилось по подписке).

Критический момент падения Советского Союза и централизованной экономики настал, когда западнополесское автономистское движение по степени своей известности в народе еще не было к этому готово. Шелегович всегда видел перспективы возглавляемого им движения в контексте обновленного Советского Союза. Именно во время последней всесоюзной переписи в перечень национальностей и народностей были включены «пинчуки» (с которыми почти никто себя не отождествил), а «Збудінне» было изначально зарегистрировано во Всесоюзном комитете по печати.

Автономистское движение оказалось слабым и на Полесье. Число его активистов так и не превысило сотни, а симпатизирующих – нескольких тысяч.

Но и украинское движение там, разделенное на несколько конкурирующих на непринципиальной основе организаций, оказалось не более крепким, чем западнополесское автономистское. Несравненно более слабое, чем в 20–30-х и 40–50-х годах, оно сплотило преимущественно или бывших политзаключенных, или мигрантов из Большой Украины. Но ни первые своих внуков, ни вторые своих детей в движение уже привести не смогли. Украинцы издавали газету «Берестейський край» – нечто среднее между настенным боевым листком и «раёнкой», провели пару псевдофольклорных песенных фестивалей, немного пошумели в СМИ, попытались организовать преподавание украинского языка в школах – неудачно. Украинскость оказалась непривлекательной прежде всего из-за ужасающей бедности и экономической отсталости соседней Волыни, которая и формирует у брестчан образ Украины.

Фактически, оказалось, что советское государство сумело за 40 лет уничтожить украинское сознание и на Брестчине, и на Пинщине. Малоприятный факт успеха принудительной денационализации. Ятвяжский проект засвидетельствовал прежде всего кризис украинской идентичности в регионе.

Сворачивание

Завершение переходного периода в обществе, отсутствие желаемой реакции широких масс, постепенное заполнение идеологического вакуума, который стремились использовать полесские «будители» – все это заставляло последних постепенно сворачивать свою деятельность. Еще несколько лет, и их движение полностью исчезло с культурной и политической карты Беларуси.

В 1994 году Николай Шелегович присоединил «Полісьсе» к реваншистско-советскому Народному Движению Беларуси, участвовал вместе с руководителем компании «Лада-ОМС» Вагановым и одиозным журналистом Гуковским в создании Партии всебелорусского единства и согласия, ездил в Москву для подписания протокола о намерениях совместных действий с партией ПРЕС (с российской стороны бумагу подписал нынешний политэмигрант Сергей Станкевич), пытался выдвинуть свою кандидатуру в президенты страны, но набрал только 3700 подписей в свою поддержку – при необходимости 100 тысяч (вопрос, сколько из них было сделано одной и той же рукой, не выяснялся).

Через год он еще раз баллотировался в парламент, но проиграл в Пинском округе, не прошел даже во второй тур, уступив и кандидату от «партии власти», и коммунисту, и представителю БНФ. Такой же результат постиг других активистов движения в Янове и Кобрине. Старые соратники Шелеговича из рядов демократической интеллигенции чуждались «Полісься», возмущенные его гешефтами с красно-зелёными...

И вот, словно выполнив свое задание, Шелегович – поэт, Шелегович –политик, Шелегович – лингвист, Шелегович – издатель внезапно исчезают, только Шелегович – бизнесмен продолжал разъезжать по Минску то на своем сером «Мерседесе», то на зеленом «БМВ».

Сравнивая со схемой Гроха

По теории чешского историка Мирослава Гроха, классическая схема развертывания нациотворческих движений безгосударственных народов Центрально-Восточной Европы имела обычно три этапа.

Первая фаза характеризуется активностью малого круга, состоящего в основном из интеллигенции, которая не обязательно даже говорит на национальном языке. Эта небольшая группа документирует традиционную народную культуру и пытается очертить общие представления о своем народе.

Во время второй фазы безгосударственный народ возрождает свой язык, который раньше считался простонародным диалектом, все более использует его в образовании, литературе, культуре, возникает пресса на этом языке.

На третьей фазе создаются организации национального типа, возникают политические партии и происходит политическая мобилизация – последняя фаза длится вплоть до образования национального государства.

Если идти за этой схемой, то западные полешуки прошли (языковеды Климчук, Лучиц-Федорец, археолог Кухаренко, филолог Шелегович и др.) первую стадию, начали вторую (газета «Збудінне», писатель Трушко, телефестиваль «Етвызь», включение Министерством просвещения Беларуси западнополесского языка в перечень языков, на которых можно вести обучение и т.д.), но реализа-

ция этих этапов была частным делом одиночек, а не организованного круга, причем одиночек, для которых это дело часто являлось просто плохим компромиссом, легальным заменителем полностью нелегального украинофильства. «Полісьсе» так и не стало организацией в полном смысле этого слова.

Стратегии западнополесского «возрождения», импульсы к реализации которых поступали извне, не вызвали изменений в массовом сознании и психологии людей, за исключением узкого, в пару десятков человек, круга активистов, культурный «новодел» не оставил следа в сознании здешнего населения. Интерес к местному фольклору, диалектам, истории, территориальный патриотизм не нашли точек сцепления с политическим проектом.

Среди причин отсутствия обратной связи можно назвать целую жменю:

– неудачно избранный этноним «ятвяги»;

– употребление избыточного количества узкорайонных слов, свойственных исключительно южнояновским диалектам;

Вымпел полесского движения

– излишек архаизмов и не всегда удачных неологизмов в языке, всех этих слов, непонятных даже образованному читателю;

– сложный алфавит языка («самый отдаленный брестско-пинский диалект нам ближе, чем вариант западнополесского литературного микроязыка Шелеговича», – такое характерное высказывание местной интеллигенции цитирует Ф. Климчук);

– спорный выбор протонационального центра – не университетский и промышленный Брест (правда, сильно русифицированный), а районный Пинск;

– политический оппортунизм лидера;

– слабость связи с местными политическими и экономическими элитами (отношением властей, как центральных, так и местных, было скорее игнорирование);

– отсутствие естественных границ, обособленного рынка и исторической традиции;

– недостоверность символической легитимации, тех оснований для «гордости малой родиной», благодаря которым постепенно преодолеваются связь и идентификация с «большой родиной», большой нацией, и происходит смена идентификации, которая заключается не столько в смене языка, сколько в смене культурных кодов, системы национальных символов и мифов.

«Ятвяжский» миф «a priori» лишен их: не было в прошлом могучего ятвяжского государства, не было национальных героев или пророков.

Подозрения

Поэтому некоторые считают, что «ятвяжский» проект с самого начала был направлен не на широкие массы – через различные средства коммуникации от церковных проповедей до электронных медиа, ибо только так возможно зало-

жить фундамент нации – а на узкую, восприимчивую к сепаратистскому дискурсу и предварительно подготовленную культурно-краеведческим движением группу интеллигенции. И имел целью этот проект, считают они, не подготовить участников движения к широкой просветительской, а в перспективе и политической работе, а наоборот, отвернуть их от присоединения к какому-либо движению национальной эмансипации, направив на заведомо тупиковую колею.

Действительно, движение «новоятвягов» можно рассматривать как попытку реализации нациотворческого проекта, а можно – как масштабную политическую интригу или умелую провокацию КГБ против беларуского и украинского национально-освободительных движений. Дескать, как в Молдове создали Приднестровье, так здесь хотели создать Ятвязь.

Остается без исчерпывающего ответа вопрос о том, что более всего двигало недавним преподавателем беларуского языка и литературы в Минской школе КГБ и сотрудником насквозь гэбистской газеты «Голас Радзімы» Шелеговичем: желание заложить фундамент нового национального тождества или, наоборот, задание уничтожить предпосылки к этому, дискредитировав движение в зародыше.

Как только Шелегович отмахнулся от своих, как он теперь говорит, «юношеских заблуждений», и его «ятвяги» исчезли, «аки обры».

Крах «ятвяжского проекта» засвидетельствовал еще раз, что развитие национализма является в первую очередь политическим, а не культурным вопросом. Нациотворческий проект оказывается успешным тогда, когда он опирается на историческую традицию и совпадает с удачной политической конъюнктурой. Только тогда «сообщество» оказывается способным «вообразить себя» сообществом и реализовать свое единство.

А в западнополесском возрождении 80–90-х все теперь кажется сном постмодерниста: единственной книгой, что вышла на «западнополесском языке», была книга по шахматной композиции замечательного кобринского тренера Степана Давидюка, а единственной грамматикой западнополесского языка, так и не вышедшей печатным изданием, была грамматика, составленная в качестве дипломной работы студентом филфака Николаем Шелеговичем. «Кубыла ысториjі» (пусть Юзё Дынысюк простит мне заимствование названия его стихотворения) понесла этот сон в вечность.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Андрей Дынько (1974 г.р.) — публицист и переводчик. Учредитель журнала «Arche — Пачатак», главный редактор газеты «Наша Ніва».

Часть IV. О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Толерантность беларусов сквозь призму национальной культуры

Наталия Гребень, Эдуард Дубенецкий

Одной из отличительных особенностей характера беларусов принято считать толерантность. Она выступает одновременно и как аутостереотип (представление о самих себе), и как гетеростереотип (представление о других). По определению, социальный стереотип – это «схематическое (т.е. упрощенное) и привычное представление (или образ) человека о социальном явлении (или объекте), обычно эмоционально окрашенное и обладающее большой устойчивостью (отсюда выражение «в плену стеоретипов»)*.

Применительно к этническим группам стеоретипами называют схематические устойчивые образы таких групп, отражающие их психологические и поведенческие особенности (обычно в форме мнений представителей одних этнических групп о других).

Одной из отличительных особенностей характера беларусов принято считать толерантность. Она выступает одновременно как ауто- и гетеростереотип, т.е. схематизированный устойчивый образ этнической общности, отражающий ее психологические и поведенческие особенности о самой себе, либо мнение одной этнической группы о другой.

Стереотипы воспринимаются на веру, без критического осмысления. Но, с одной стороны, они не вполне соответствуют объективной действительности, а с другой – не всегда очерчивают конкретные особенности проявления стереотипизированного свойства. Это замечание прямо касается пресловутой толерантности беларусов.

Прежде всего надо раскрыть само понятие толерантности. Под толерантностью в современной гуманитарной науке понимается терпимость индивида (или группы людей) к представителям других этнических групп, конфессий, политических партий, общественных организаций.

* Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск, 2005, с. 764.

Однако для нас наиболее значимо психологическое понимание толерантности – как способности индивида без возражений и противодействия воспринимать отличающиеся от его собственных мнения, образ жизни, характер поведения и иные особенности других индивидов, а также как доминанты отказа от агрессии*. Соответственно, чертами толерантной личности являются расположенность к другим людям, доброжелательность, терпение, склонность к компромиссам и т. п. А понятие интолерантности охватывает совокупность психических проявлений, противоположных по своей направленности (нетерпимость к чужим мнениям и действиям, неуживчивость, склонность к агрессии, корыстность и т.п.).

* * *

Теперь обратимся к сфере культуры. Видный американский ученый-культуролог Дэвид Мацумото пишет:

> «Культура – это трудноуловимое, абстрактное понятие, которое в значительной мере образует основу нашего понимания жизни. Это сумма всех усвоенных образов жизни, которые передаются из одного поколения к другому в форме ритуалов, традиций, материального наследия и поведения»**.

Из данного определения следует, что культура проявляется (выражается) в различных формах, каждая из которых имеет свой психологический смысл. Именно анализ смысла традиционных форм национальной культуры беларусов составляет главную цель нашей статьи.

Важная особенность исторического пути развития беларуской культуры заключается в том, что на протяжении многих столетий она развивалась в сложных, а иногда крайне неблагоприятных внешних и внутренних условиях. Имеются в виду многочисленные войны, оккупации, восстания, конфликты на социальной и религиозной почве.

Кроме того, начиная с эпохи Средневековья население Беларуси было полиэтническим, а его традиционная культура, опиравшаяся на стародавние народные традиции, была открыта разнообразным культурным влияниям и с Запада, и с Востока.

Все это, вместе взятое, оказывало существенное, притом неоднозначное воздействие на ментальность и национальный характер беларусов. А они, в свою очередь, обусловили некоторые специфические черты отечественной культуры в целом и ее видов (жанров) в отдельности.

Далее мы попытаемся выявить проявления толерантности и интолерантности беларусов на примере анализа беларуской культуры.

Ритуалы, традиции, образ жизни

К числу явлений духовной жизни жителей Беларуси безусловно надо отнести такие феномены народной культуры, как стародавние народные праздники – Коляды, Масленица, Радуница, Ярила, Сёмуха, Купалье, Жниво, Богач, Деды.

---

* Бондырева С.К., Колесов Д.В. Толерантность: Введение в проблему (Учебно-методическое пособие). Москва – Воронеж, 2003, с. 5.

** Мацумото Д. Человек, культура, психология. СПб., 2008, с. 70.

Купалье

Во время этих праздников люди устраивали массовые гулянья и совместные застолья; целыми семьями отдавали дань памяти и уважения своим предкам.

В этот же ряд феноменов следует отнести и такие специфичные белорусские народные традиции, как «бонда», «талака», «сябрына». Речь идет о том, что наши предки сообща помогали своим односельчанам, соседям, родственникам, оказавшимся в трудной житейской ситуации (потеря дома и имущества в результате пожара или наводнения, гибель урожая, падеж скота, смерть кормильца и т.п.). Однако не стоит преувеличивать их «толерантообразующую» роль, поскольку они проводились нечасто – исключительно по мере необходимости.

В то же время надо учесть и то, что на территории Беларуси в течение свыше трехсот лет (считая с момента введения «Уставы на валоки», 1557 г.) преобладали обособленные хуторские хозяйства. Это обусловило формирование у крестьян индивидуалистических установок, обостренного чувства собственника, привычки рассчитывать на свои силы, не надеяться на помощь со стороны. Отсюда недоверчивость и настороженность по отношению к «незнаёмцам», «чужакам».

Язык

Язык представляет собой одну из главных форм проявления духовной культуры, он отражает особенности мышления его носителей, специфику их ментальности. Современная психолингвистика, предметом изучения которой выступает язык, выделяет ряд характеристик для его изучения: лексику, синтаксис, грамматику, фонетику, темп, проксемические характеристики и т. д.

По классификации А. Кэпелла*, взявшего за основу «синтаксическую доминанту», языки можно разделить на три основные группы. В одной группе преобладает категория «действия», в другой – «предметности», в третьей – «числовой доминации». Беларуский язык относится к той группе языков, где доминирует категория «предметности». Особенностью языков этой группы является то, что в них преобладает вектор пассивности, фиксации текущих событий и состояний, а это в свою очередь выражает тенденцию отказа от мгновенной реакции на внешние раздражители (события, явления), а также отсутствие склонности к агрессивным действиям.

* Цит. по: Леонтьев А.А. Основы психолингвистики /3-е изд./ М.-СПб., 2003, с. 194.

В лексике беларуского языка содержится много уменьшительно-ласкательных слов (например, «браточкі», «гаспадынька», «гаспадарчык», «госцікі», «дачушка», «дзетачкі», «матачка», «сыночак», «татка»), настраивающих собеседников на доброжелательное общение. Кроме того, в беларуском языке отсутствует табуированная лексика, эквивалентная русским матерным выражениям, психологический смысл которого заключается в проявлении вербальной (т.е. словесной) агрессии по отношению к другому человеку или группе людей.

Кстати, не случайно в беларуском языке существует немало слов для характеристики добрых, мягких, душевных людей – вспомним хотя бы такие широко распространенные определения, как «лагодны», «рахманы», «памяркоўны», «добразычлівы»...

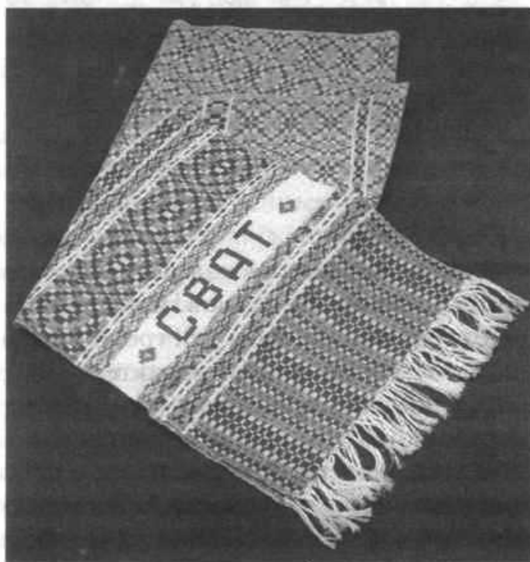
По своим фонетическим характеристикам беларуская речь отличается мягкостью звучания, милозвучностью, манерой говорить как бы «нараспев». А еще беларусам присущ немного замедленный темп речи, что косвенно тоже выражает исходную доброжелательность по отношению к собеседникам.

Говоря о проксимических особенностях беларуского языка*, необходимо отметить, что в ситуации общения с незнакомыми или малознакомыми людьми беларусам свойственно держаться настороженно и на весьма существенной дистанции (1–1,5 м).

Язык жестов у наших соотечественников весьма сдержанный («скупой»), что резко контрастирует с южными народами (например с итальянцами, испанцами). Эти особенности речи беларусов позволяют говорить об их определенной замкнутости, закрытости, «отгороженности», тенденции к избеганию всего, что ново, непонятно или кажется опасным, таящим угрозу.

Ремесла и народные промыслы

Одним из видов материальной культуры народа являются ремёсла и промыслы. Традиционно среди беларусов были распространены ткачество, вышивка, плетение из соломы, резьба по дереву, гончарство, кузнечное дело, бондарство. Все эти виды прямо связаны с производством изделий утилитарно-бытового предназначения, тогда как искусство изготовления различных видов оружия на беларуских землях не было развито.

Рушник

Одним из наиболее распространенных видов декоративно-прикладного искусства беларусов является плетение из соломы. В число

* Проксимальный (латин.) – характеристика, указывающая на расположение объекта относительно центра тела субъекта. – *Прим. ред.*

популярных соломенных изделий, помимо предметов чисто утилитарного назначения (таких как головные уборы и различные ёмкости) входили разнообразные украшения. Это реальные и фантастические изображения людей, птиц, животных, птиц, объемные геометрические фигуры, инкрустации, имеющие весьма мирный и «добрый» характер. То же самое можно сказать о традиционных гончарных изделиях, у которых преобладает «округленность» форм и спокойная цветовая гамма.

Народная мастерица

Сдержанной красотой и определенным лиризмом отличается традиционный беларуский орнамент (вышитый, тканый и рисованный), в котором используются в основном разнообразные геометрические фигуры, стилизованные изображения цветов, птиц, животных. Оригинальным артефактом народной культуры являются так называемые «рушники» (полотенца), выполняющие одновременно эстетические и ритуально-обрядовые функции. В этих рушниках, так же как и в большинстве образцов традиционной народной одежды, наблюдается сочетание в основном бело-черно-красных цветов. При этом агрессивный красный цвет с небольшой примесью деструктивного черного цвета всегда гармонично уравновешивается за счет преобладания спокойно-позитивного белого цвета.

Архитектура

В Беларуси много культовых сооружений – церквей, костёлов, часовен (каплиц), молитвенных домов, монастырей. Большинство их возведено в прошедшие столетия, но много построено уже и после 1990 года. В результате «и поныне основной визуальной характеристикой панорам городов и местечек Беларуси являются стройные башни храмов, вознесшиеся над более низкой постройкой»*.

Далеко не случайно в окраске и культовых сооружений, и других построек (жилых домов, хозяйственных сооружений) у нас преобладают светлые цвета – в основном белый и серый. Декоративное оформление культовых и жилых строений тоже выполнено преимущественно в светлых тонах – белом, голубом, зеленоватом.

---

* Современная Беларусь: энциклопедический справочник. Том 3. Культура и искусство. Минск, 2007. с. 163.

В конфигурации построек обычно преобладает прямоугольность либо некоторая «округленность», «заостренные» детали как правило отсутствуют. Иначе говоря, традиции народной архитектуры подтверждает тезис о доминировании в характере беларусов толерантных черт, отсутствие ярко выраженной воинственности, агрессивности, нетерпимости.

Фольклор

Доказательством толерантности беларусов могут служить многие произведения устного народного творчества, например, праздничные и бытовые песни. Вспомним хотя бы такие строки из беларуской народной «шчадроўкі», которая исполнялась во время празднования Коляд:

«Добры вечар таму, хто ў етым даму
Добры вечар добрым людзям!
А ў етым даму сам пан гаспадар
Шчодры вечар добрым людзям!»

или из песни «валачобнікаў»:

«Добры вечар, пане гаспадару!
Вясна красна на ўвесь свет
Прыйшлі мы да пана як да багача
Хочам пана дай павітаць...»

В этом же ряду находятся пословицы, поговорки и присказки (например, «Жывы у зямлю не палезеш», «Узяўся за гуж, не кажы што не дуж», «Не зарадзіў мак, перабудзем так», «Там дзе згода, заўсёды добрая прыгода», «Не да каляд, калі загад», «Трэба жыць, як набяжыць»).

В этих и им подобных «формулах» народной мудрости выражена психологическая установка терпимости к неблагоприятным условиям.

Анализ беларуских народных сказок показывает, что главные герои чаще всего побеждают зло путем прохождения определенных испытаний, которые они мужественно переносят, иногда даже поступаясь собственным благополучием (например таких – «Як курачка пеўніка ратавала», «Праўда і крыўда», «Храбры певень», «Каваль»), или же побеждают не столько силой (что связано с открытой агрессией), сколько умом (например, сказки «Не сілай, а розумам», «Стары конь», «Несцерка», «Асілак», «Іванка-прастачок», «Каваль і аднавокае гора»).

Разумеется, в произведениях устного народного творчества встречаются также высказывания интолерантного характера, выражающие сарказм, иронию, даже определенную враждебность. Но объектом интолерантного отношения всегда выступают представители привилегированных сословий (чаще всего «паны», т.е. помещики и чиновники, иногда священнослужители), либо пришлые проходимцы, не говоря уже об иностранных завоевателях. Такие примеры тоже можно найти в народных сказках (например, «Пану навука», «Мужык і пан», «Кірыла Кажамяка» и проч.), а также в пословицах и поговорках («Багаты беднаму не сябра», «Няпрошанаму госцю лыжкі няма», «Пана не кляні, а віламі кальні», «За наша жыта многа ворагаў пабіта», «Лепей смерць на полі, чым мукі ў няволі»), в народных песнях, припевках (частушках), анекдотах.

Литература

В Беларуси литература традиционно была доминирующим видом искусства. Специалисты даже говорят о своеобразной «литературоцентричности» беларуской национальной культуры. Наибольшее развитие у нас получили поэзия и проза, в значительно меньшей степени – драматургия.

Необходимо отметить, что на беларуских землях никогда не пользовались популярностью модернистские течения, как это имело место в странах Западной Европы и России конца XIX – начала XX века. Свидетельством укорененности в литературе преимущественно толерантных начал является доминирование таких поэтических и прозаических произведений, где много места отводится описаниям природы и повседневных, будничных занятий соотечественников. В то же время в этих произведениях практически отсутствуют формальные языковые эксперименты, радикально-нетерпимые характеристики творчества своих предшественников (что весьма характерно для модернистских течений, например таких как футуризм, сюрреализм, дадаизм). Не случайно в беларуской поэзии никогда не было интолерантных «литературных титанов», как русский поэт Владимир Маяковский или французский поэт Андре Бретон.

Что касается ритмической организации стихов, то в беларуской поэзии преобладают плавные, мягкие ритмы при весьма небольшом числе произведений с маршевыми, резкими ритмами.

Все же по сравнению с народными песнями, которым присущ насыщенной лиризм, задушевность, в произведениях литераторов-профессионалов встречаются проявления интолерантности. Например, в таких специфичных поэтических жанрах, как «клёнічы» и «праклёны» (у Янки Купалы, Якуба Коласа, Пимена Панченко, Максима Танка, Аркадия Кулешова и некоторых других) можно найти гневное осуждение и даже проклятия. Но опять-таки, они направлены исключительно в адрес эксплуататоров, оккупантов, врагов беларуского народа.

В целом, присущую беларусам толерантность подтверждают очень многие произведения поэзии, прозы и драматургии, герои которых отличаются добродушием, мягкосердечием, душевностью. Вспомним хотя бы некоторых персонажей произведений Якуба Коласа (Михал и Антось в поэме «Новая зямля»; Андрей Лобанович в трилогии «На ростанях»); Янки Купалы (Янка Здольник из пьесы «Тутэйшыя»; Лявон Зяблик из драмы «Раскіданае гняздо»); Максима Горецкого (Игнат Абдиролович из повести «Дзве душы»); Василя Быкова (Петрок из повести «Знак бяды»); Нила Гилевича (Степан Вечорко из романа в стихах «Родныя дзеці»)...

Основной доминантой всех перечисленных персонажей является именно толерантность – в смысле добродушия, мягкосердечия, стремления решать все проблемы мирным путём. И только в исключительно неблагоприятных жизненных ситуациях они способны на решительные, смелые, даже отчаянные действия и поступки.

Но при этом следует разделять литературных героев на две условные группы – «положительных» интолерантов и «отрицательных». Первые нетерпимы к «чужынцам», врагам, настоящим или вымышленным недоброжелателям, отличаются меньшей способностью идти на компромиссы, большей прямолинейно-

стью, резкостью, дерзостью и т.д. Например, таковы Сымон Зяблик в пьесе Янки Купалы «Раскіданае гняздо»; Алесь Загорский из романа Владимира Короткевича «Каласы пад сярпом тваім»; Степанида в повести «Знак бяды» Василя Быкова; Василь в «Палескай хроніцы» Ивана Мележа.

Как правило, «положительные» интолеранты восстают против социальной несправедливости, активно борются против насилия над человеческой личностью. «Отрицательные интолеранты» обычно приспособленцы, беспринципные конформисты, наглецы, хамы, нередко они презирают культуру и язык своего народа.

Коник
(изделие из соломки; 1976 г.)

Что касается современного этапа развития отечественной литературы, то он отличается активными поисками новых средств художественной выразительности, расширением диапазона сюжетов, тематики и образов произведений. Но общая толерантная направленность сохраняется в большинстве произведений нынешних беларуских литераторов.

Конечно, встречаются исключения из этой общей тенденции, но это именно исключения, да и те обусловлены скорее стремлением как-то выделиться, привлечь внимание к себе, чем патологией собственного характера и негативизмом к обществу.

Музыка

Историческое развитие беларуской музыки подтверждает, что беларусам с давних времен были присущи преимущественно толерантные установки. Одним из проявлений этого может служить широкое распространение на беларуских землях, начиная с эпохи Средневековья, духовной храмовой музыки. Кстати, это направление в музыке активно развивается и в современный период (с конца 1980-гг.), когда свобода совести и вероисповедания после долгих десятилетий антирелигиозной советской пропаганды стала, наконец, важным фактом и фактором общественной жизни.

В целом, беларуской народной и профессиональной музыке присуща миролюбивая тематика сюжетов, психологически углубленная трактовка человеческих характеров. Классическая музыка на Беларуси представлена, прежде всего, творчеством талантливых отечественных композиторов – таких как Михаил Огинский, Николай Зарембо, Антон Абрамович, Флориан Миладовский, Николай Равенский, Николай Щеглов (Куликович), Евгений Глебов, Д. Смольский, С. Кортес и целого ряда других. В основе их произведений различной жанровой принадлежности (оперы, симфонии, кантаты, вокальные циклы) – преимущественно лежат гуманистические, жизнеутверждающие начала, практически отсутствуют деструктивные «ноты».

Дух толерантности проявляется и в беларуской эстрадной музыке. Возникнув еще в 1920-е гг., она получила наибольшее развитие во второй половине XX ве-

ка. В тот период для нее была характерна хорошая композиторская основа, неплохая литературная база (хотя чаще всего русскоязычная в своей основе), мелодичность и задушевность. Все это было хорошо представлено в творчестве наших знаменитых ансамблей «Песняры», «Верасы», «Сябры», эстрадных исполнителей В. Вуячича, Т. Раевской, Я. Евдокимова, Я. Поплавской и А. Тихановича. К сожалению, сегодня эстрадная музыка (так называемая «попса») отличается не только слащавостью, но и примитивизмом как мелодии, так и текста, явным подражанием продукту соседних государств.

Значительное развитие получила в Беларуси рок-музыка, которая по своей внутренней сущности явно выражает интолерантные черты. Ускоренное развитие рок-музыки началось в 1980-е годы, причем своим содержанию она выражала в то время нонконформизм, настроения и взгляды, оппозиционные по отношению к коммунистическому режиму. Именно поэтому в текстах самых известных и талантливых отечественных рок-групп («Мроя», «Крама», «Улисс», «НРМ», «Нейродюбель», «Ляпис Трубецкой») нередко встречались (и продолжают встречаться) весьма резкие, агрессивные высказывания в отношении властных структур и политики государства, а сами группы периодически находились под запретом.

Вселяет определенные надежды наличие в отечественной музыкальной среде национально сознательных людей, активно работающих над популяризацией истории и культуры Беларуси.

Живопись

С эпохи Средних веков развитие изобразительного искусства на территории Беларуси было тесно связано с византийскими христианскими традициями. На протяжении многих столетий в изобразительном искусстве доминировало религиозное содержание – таковы фрески христианских храмов, иконы, книжные миниатюры. Бесспорно они способствовали духовному развитию человека, укрепляя в нем гуманистические, толерантные установки.

Во второй половине XIX–XX веков беларуская живопись получила существенный импульс для своего дальнейшего развития. В этот период на наших землях активно творили такие самобытные и одаренные художники, как Казимир Альхимович, Витольд Белыницкий-Бируля, Аполинарий Горавский, Викентий Дмаховский, Язеп Дроздович, Сергей Зорянко, Наполеон Орда, Фердинанд Рущиц, Петр Сергиевич, Никодим Силиванович, Иван Хруцкий и целый ряд других (Виленская и Витебская школы). Основная тематика их картин – миролюбивая и гуманная (пейзаж, портрет, натюрморт), а преимущественная цветовая гамма – мягко-пастельная, приглушенная.

Подобные тенденции (наряду с новаторскими поисками) были характерны и для таких талантливых художников советской и постсоветской эпохи, как В. Цвирка, Г. Ващенко, Л. Щемелев, Г. Поплавский, А. Исачёв, М. Селещук, В. Слаук... Были в беларуской живописи и явные новаторы, художники модернистского плана (например, Казимир Малевич, Марк Шагал, Лазарь Лисицкий), но даже в их творчестве нет внутренней агрессивности, нет озлобленности.

«Цветет клевер» (худ. А. Горавский; 1895 г.)

Вообще, беларуской живописи традиционно не свойственны (если не брать во внимание полотна, посвященные теме Великой Отечественной войны) мотивы и сюжеты с явной агрессией, а также шокирующие образы, что очень часто встречается в изобразительном искусстве Западной Европы с начала XX века.

Что касается тематики картин современных беларуских художников, то и она чаще всего миролюбива – это пейзажи, натюрморты, портреты. А вот батальных сцен в современный период (в отличие от советского периода) очень мало. Работы молодых художников, имеющие характер «вызова» (например, изображающие всякую «нечисть») опять-таки ставят своей главной целью привлечение внимания к себе. Это эпатаж, игра, это неискренне.

***

Таким образом, в ходе проведенного анализа мы пришли к выводу, что в беларуской культуре в большей степени отражены черты толерантности. В основном толерантными являются такие формы беларуской культуры как язык, литература, ремесла и промыслы, ритуалы и традиции, архитектура и живопись. Интолерантная направленность иногда встречается в некоторых литературных произведениях, но чаще в таких видах фолькора, как пословицы, поговорки, присказки, анекдоты, частушки. Своего апогея интолерантность достигает в таком направлении беларуского музыкального творчества, как рок-музыка.

Несмотря на то, что отечественная культура свидетельствует преимущественно о толерантности беларусов, мы не можем утверждать, что наш народ является исключительно толерантным. Чтобы прийти к окончательному выводу, необходимо также рассмотреть и другие факторы – исторические, религиозные, социальные, анализ которых не входил в задачи данной статьи.

Патогенез беларуского менталитета

Виталий Кошелев, врач-эндокринолог

Чаму ж ты не ўстаеш,
К волі светлай ня йдзеш?
Ці ты волю забыў?
Ці ўжо выбіўся зь сіл?
(Уладзімер Жылка)

«Недостаток собственной воли неизбежно порождает готовность исполнять волю чужую, быть гостем в своем доме». И это безволие с радостью воспевают гости-хозяева, декламируя панегирики беларускому добродушию, уступчивости, кротости и толерантности. Где границы этой толерантности? Где искать ее корни?

Наши восточные соседи традиционно восхищаются добродушием и кротостью так называемых «малочисленных народов Севера», а западные путешественники по океанским просторам – такими же качествами туземцев с островов Полинезии...

Может быть, менталитет (и его внешние проявления) зависит от земли, где живет народ? Правда ли, что «знак проклятия лежит на нас от рождения, и потому так тяжело нам прокладывать путь к Беларуси...»? (NN, кандидат медицинских наук, доцент).

Среди наших восточных соседей-евроазиатов (так они теперь себя называют) весьма популярной является концепция этногенеза, предложенная выдающимся историком и философом Львом Гумилевым. Согласно ей за аксиому принимается наличие у нации желания (потребности, воли) к активной деятельности, к действиям, направленным на расширение ареала своего существования за счет других этнических групп. Наличие этой «национальной силы воли» автор концепции называет ПАССИОНАРНОСТЬЮ.

Уровень пассионарности зависит прежде всего от возраста нации, который Гумилев высчитывает особым образом, доказывая, что:

(а) явная пассионарность – признак молодости этноса;

(б) каждый народ, словно мифический великан-Антей, питается от своей земли, но не каждому она дает нужный уровень энергии.

Сила агрессивной воли по отношению к соседям зависит еще и от ландшафта, который каким-то мистическим образом влияет на формирование национального характера.

Периодические всплески проявлений национальной силы воли (пассионарности) Гумилев объясняет повышением космической активности (связанным, скорее всего, с усилением внутрисолнечных термоядерных процессов), которое выводит из равновесия многочисленные народы, заставляет их создавать надна-

циональные конгломераты, которые в конце концов изменяют устоявшийся мировой порядок.

Эта концепция этногенеза хотя и не выходит за границы российской имперской традиции, но значительно отличается от примитивных идеологических мифов прошлых времен. Отличается попыткой комплексного анализа исторических материалов в совокупности с изучением биосоциальных и даже космических влияний на формирование той мозаики событий, которая потом будет названа историей: на возникновение и упадок империй, на возвышение и гибель народов.

Повышение уровня пассионарности можно сравнить с таким природным процессом, как внезапное появление туч саранчи – явлением, непонятным до сих пор, ибо саранча – это не особый вид насекомых, а нарушение их обычного последовательного развития. На определенной стадии линьки личинки обычных степных кузнечиков получают возможность быстрого безудержного размножения, причем потомки «пассионарных» степных кузнечиков имеют развитые крылья и безмерный аппетит, сбиваются в многомиллионные скопища и специфически изменяют окружающую среду, особенно ее сельскохозяйственное слагаемое.

Насчет возраста наций, наверное, можно спорить вечно, ибо тот же автор считает беларусов реликтовой нацией, которая осталась нетронутой со времен «лоскутной империи Рюриковичей» (изречение Ф. Энгельса) и доживает свою старость исключительно по милости соседей. Но, если брать за пункт отсчета времена ВКЛ или БНР, можно отстаивать противоположный взгляд, считая наш народ «историческим младенцем», которого агрессивные соседи хотят задушить еще в люльке. Поэтому оставим эти явно политизированные развлечения-головоломки любителям исторической математики и математической этнографии и рассмотрим то слагаемое пассионарности, которое ввиду своей объективности может оказаться пригодным для анализа.

Влияние ландшафта

Через какие механизмы материального вида среда может влиять на менталитет? Л.Н. Гумилев пишет:

> «Разнообразие ландшафтов Евразии благотворно влияло на этногенез ее народов. Каждому находилась приемлемая и милая ему местность: русские обживали долины рек, финно-венгерские народы и украинцы (беларусов он редко упоминает самостоятельно, ибо не очень отличает от украинцев либо называет их литовцами – *В.К.*) – пространства водоразделов, тюрки и монголы – степную полосу, а палеоазиаты – тундру» (1).

Все знают, как сильно отличаются темпераменты горца-джигита и жителя болотных равнин. Но неужели «дети гор» более стойкие в борьбе за собственные интересы и собственное достоинство только по той причине, что виды горных вершин вызывают больше поэтических чувств, а их дом – крепость в буквальном смысле слова? Так или иначе, наши соотечественники отличаются патологической, можно сказать, толерантностью и безграничным пессимизмом также

и в сравнении с народами равнин, нашими соседями. Вспомним нашего классика, Янку Купалу:

Шумныя бярозы
Пабяліў мароз,
Хацеў бы я плакаць,
Дый ня маю сьлёз;
Хацеў бы я пеці
Аб сваёй бядзе,
Дый мне сэрца ные,
Песенька ня йдзе...

Купала едва ли не напрямую обвиняет в своем плохом настроении родной пейзаж и природу:

Невясёлая старонка,
Наша Беларусь:
Людзі – Янка ды Сымонка,
Птушкі – дрозд ды гусь.
Поле – горы ды каменьне,
Потам зліта ўсё,
Сенажаць – адно карэньне,
Сівец ды куп'ё.

Ну, нарекание на неурожайность почвы – традиционная крестьянская тема... Ну, может быть, Янка и Симонка чем-то и провинились перед поэтом; но какой изъян могут скрывать в себе птицы?! Гусям, как мы знаем, посчастливилось спасти Рим, а дрозды через много лет на весь бывший Союз ССР рекламировались как «певчие избранники России».

Так может быть, это наш менталитет не дает нам возможности другими глазами взглянуть на родные пейзажи? Может быть, пассионарности горцев хватает и на то, чтобы разобраться с пришельцами-гяурами, и на то, чтобы распевать песни о красоте своего края, где камней намного больше, чем на наших полях? Может быть, причина не снаружи, а внутри?

Это уже медицинская тема. Недаром говорят: «Скука хуже чесотки», что в переводе с общечеловеческого языка на медицинский жаргон означает: «Депрессивно-фрустрационные отклонения эмоционального состояния субъективно воспринимаются пациентами значительно тяжелее, чем зуд кожи в результате ее поражения Scabies vulgaris».

Но опять же, почему именно воспевание депрессивных и фрустрационных состояний – излюбленная тема беларуской поэзии?

Отчего представители разных народов по-разному реагируют на стрессы: одни борются до последнего, а другие столбенеют, едва услышат имя врага?

Лесли Дж. Де Грут (Leslie J. De Groot), эндокринолог мирового уровня, в своей монографии (Endocrynology. Phyladelphia, 1989) пишет:

> «Острый стресс у крупных животных стимулирует функцию щитовидной железы, у малых животных наблюдаются случаи ингибиции щитовидной деятельности».

Йод и менталитет

Из всех микроэлементов сосредоточим внимание пока только на йоде, ибо именно о нем пишут: «Черные пятна йодного дефицита рассеяны по всей планет» (2). К большому сожалению, к этим пятнам принадлежит и Беларусь. Далее позволю себе ограничиться цитатами.

«В пространствах йодного дефицита особенно часто отмечаются признаки биологического вырождения, недоразвитости организма, различных наследственных уродств, вызванных, очевидно, дисфункцией ДНК» (3).

Другая цитата:

«Особенности характера людей в зоне йодного недостатка:

1) отсутствие подвижности влечений и аффекта (эмоционального взрыва);

2) аффективные (чувственные) взрывы наблюдаются редко; наиболее распространенной аффективной реакцией является страх, который возникает во время столкновения со всем, что новое, непривычное» (4).

Короче говоря:

«А литвак тут чувэ, нох фар дер авейрэ» (литвак кается, еще не согрешив) – поговорка из местного еврейского фольклора, которая еще раз доказывает, что окружающая среда изменяет стиль поведения здешнего люда независимо от происхождения.

В беларуской свинине йод отсутствует

Далее «Клиническая эндокринология» бесстрастно продолжает:

«3) В раннем возрасте возникают необратимые психические нарушения, которые ведут к кретинизму...» (5)

Сразу надо отметить, что нельзя путать диагноз кретинизма с вариантами олигофрении: дебильностью, имбецильностью и идиотизмом. Слово «кретин» образовалось от французского «chretien», что буквально означает «христианин» или «похожий на Христа». К больным кретинизмом относились с определенным уважением, ибо в стародавней Европе считалось, что люди, отмеченные этой болезнью, несут на себе знак Божий, ибо, имея характер открытый и терпимый, настолько просты и искренни, что неспособные даже на грех. Использовать бесхитростность Божьих избранников в корыстных целях считалось великим позором.

Жаль, что гуманистические принципы Средневековья не используются в межгосударственных отношениях теперь, когда под дребезжание блестящих стеклянных четок так называемой интеграции на глазах всего мира беспардонно готовится ликвидация древнего, пусть и «реликтового» этноса тиреопатов.

Современные исследователи отмечают, что и теперь «Республика Беларусь, по сведениям Всемирной организации здравоохранения, относится к странам с легкой и средней степенью нехватки йода». И, как и раньше, «нехватка йода несет вред здоровью человека в нескольких направлениях, важнейшим из которых является эндемический зоб и нарушение нормального развития мозга» (6).

Значительная нехватка йода деформирует не только шею больного – через развитие зоба, но и психо-эмоциональную сферу человека.

Воздействие патологии на организм начинается еще в чреве матери. Дети очень подвержены недостатку этого слагаемого в воде и пище.

Йод и дети

Нормальная ежедневная потребность человека в йоде (мг/день):

Младенцы 50–80
Дошкольники 100–120
Школьники 140–200
Взрослые 180–200
Беременные, кормилицы .. 230–260

Главный детский эндокринолог нашей страны доктор Клавдия Радюк в своем интервью «Белорусской деловой газете» сказала:

> «По мнению экспертов Всемирной организации здравоохранения, недостаток йода является наиболее распространенной причиной умственной отсталости, избежать которой можно только через своевременное употребление медицинских препаратов. Я думаю, что наша так называемая «памяркоўнасьць» в определенной мере – состояние патологическое» (БДГ, 20 марта 2000 г.).

Йод и география

Беларусь вместе с Папуа-Новой Гвинеей, Эквадором, Гималаями, Уралом, Марий-Эл, Альпами и Карпатами отмечается как биогеохимическая «провинция» (7). Зональные биогеохимические провинции, бедные йодом (и кобальтом), находятся на водоразделах рек; на возвышенных равнинах; в лесистых местностях; на торфянисто-болотистых и подзолистых почвах.

Все эти характеристики точно соответствуют географической ситуации нашей страны. В своей «Географии Беларуси» (8) Аркадий Смолич повторяет их почти слово в слово: и про водораздел, который идет точно через середину нашего края, и про почвы...

Так и вспоминается купаловское: «Паміж пустак-балот беларускай зямлі...», Аркадий Смолич еще и добавляет: «Беларуская равнина среди европейских равнин поднята выше всех. Тогда как Берлин поднят над уровнем моря на 15 саженей, Варшава на 52, то даже наш Пинск поднят над уровнем моря на 67 саженей, а Могилев на 84... Наивысший пункт в Беларуси – Лысая Гора, поднят на 161 сажень» (9).

Опять же, весь набор микроэлементов (и прежде всего йод и кобальт, которых мы имеем меньше всего) вместе с водой стекает отсюда к морям.

А может быть что-то все-таки остается хотя бы в наших подземных водах? Ответ можно найти в «Большой медицинской энциклопедии» (10). Он, к сожалению, неутешителен. Беларусь на схематической карте подземных минеральных вод СССР выглядит почти белым пятном – такой бледно-салатовый цвет свидетельствует, что наши подземные воды содержат менее чем 50 г/л минералов. Да и то – преимущественно обычная соль ($NaCl$). А с йодом, кобальтом, кальцием, фосфором, медью и бором – плоховато.

А может и ничего? Может как-то без йода жить можно? Жили ведь люди. Но как жили? На карте культур бронзового века (11) только западные окраины Беларуси и среднеднепровский регион могут похвастать находками материальных признаков таких культур. А на большей части нашего края этот весьма значительный для других народов период не оставил никаких следов, хотя в предыдущие времена неолита свидетельств людского существования (находок каменных инструментов) – много. Потом сразу начинается «железный век». Наверное, наши предки, так же как и мы, не слишком спешили за прогрессом – бронзовые изделия считали не очень нужными и в поисках собственных путей развития не собирались идти вслед за тогдашним «цивилизованным миром».

Недаром польский историк Владислав Грабеньский еще в 1910 году писал:

> «Славянин жил изо дня в день, не заботясь про день завтрашний. Все это создавало трудности в объединении племен, которые в своей раздробленности не проявляли достаточной силы во время столкновений с врагами. Поэтому славяне вплоть до IV века были в неволе у скифов, сарматов, вандалов, готов, гуннов, а потом жили под игом аваров, франков, немцев, болгар, венгров и норманнов.

Обратите внимание на отрешенное выражение лиц беларусов

Славянин, от природы тяжелый на подъем, с трудом принимался за энергичную деятельность, зато легко поддавался апатии, хотя и не терял хорошего состояния духа даже в несчастье, отчего и получил от немцев прозвище невольника, который пляшет (sclavus saltans)» (12).

Подобные сведения встречаются и в современных российских славянофильских публикациях – если таким источникам вообще можно верить. Например, автор книги «За други своя, или Всё о казачестве», описывая сцену продажи пленных на рынках Востока, утверждает:

«Когда пленных выводили на площадь для продажи, торговец очень громко выкрикивал, что выставленные невольники новые, простые, бесхитростные, королевского (то есть польского, литовского и украинского) народа, а не московского, который считался в Крыму «хитрым», коварным, способным к удачным побегам и по этой причине был относительно дешевым» (13).

Это цитата из книги Михалона Литвина (с. 72):

«...новые невольники, простые, бесхитростные, только что пойманные, из королевского народа, не московского (Moscovitico). Ибо род московитян (Moschorum), как хитрый и лживый, весьма дешево ценится там на невольничьем рынке».

Названия «славянин» и «невольник», к великому сожалению, на протяжении веков стояли рядом. В английском языке слово «slave» означает «раб», «невольник», как и в немецком – «Sklave», как и в латинском – «sclavus».

Но недостаток собственной воли, определенная инерционность мышления и действий, готовность подчиняться чужим приказам не всегда рассматривались как отрицательные качества. Такое сочетание черт характера с успехом использовалось военными предводителями всех времен и народов. И военная история свидетельствует, что абсолютно отрицательных черт характера не существует – иногда легкая нехватка йода дает возможность легче, не нервничая, терпеть трудности жизни, в частности – военной службы. Военная история мира сохранила удивление предков и современников терпеливости шотландских солдат-наемников, швейцарских гвардейцев, прусских гренадеров, латышских стрелков, десантников Витебской дивизии. Это все люди из популяций, которые живут на просторах, где фиксируется определенная нехватка микроэлементов, в частности – йода.

Так может быть, большинство наших проблем связано именно с нехваткой йода (и кобальта)?

Последствия нехватки йода (зоб)

Деятельность glandulae thyreoideae (щитовидной железы) влияет на формирование характера индивида (животных или человека), и в конечном счете – на менталитет популяции. Нарушение деятельности щитовидки ведет к понижению иммунитета вплоть до явного иммунодефицита (14).

Когда йода недостает, организм компенсирует его малую концентрацию увеличением ёмкости и размеров органа, который этот йод содержит. Развивается эндемический зоб, так как почти весь йод концентрируется в щитовидной желе-

зе. А уже эта железа и влияет на дыхание (обмен кислорода), водный и углеводный обмен, синтез белка и жиров.

И здесь медицинские энциклопедии дают ряд не очень утешительных для нас сведений:

> «У жителей местностей, эндемических в отношении недостатка йода, ухудшается электрическая активность головного мозга».

Дальше – больше:

> «Для появления проявлений эндемического зоба может быть достаточным пребывание в «зобном регионе» в течение нескольких месяцев» (15).

Оказывается, если даже к нам прибьется мулат из Африки или Америки, то через пару месяцев он может заболеть «беларуским менталитетом», который, как гласит популярная шутка, проявляется в «агульнай млявасці, пераходзячай у абыякавыя адносіны да жыцця». То же самое (только другими словами) утверждают серьезные медицинские источники.

Повседневная практика это подтверждает. На приеме у врача иностранцы (преимущественно минские студенты, происходящие из стран Африки, Азии и Латинской Америки, которые, естественно, не имеют никакой генетической связи с Беларусью), чаще всего без всякого специального сбора данных для анамнеза, самостоятельно рассказывают, что именно «общая млявасць» (вялость) – их главная проблема. И еще: когда они выбираются на родину на каникулы, над ними все время подшучивают друзья и подруги, строя насмешки преимущественно в том смысле, что всю их былую силу, живость и импет (напор) забрали беларуские девушки.

То ли полное спокойствие, то ли полная покорность

Эта новоприобретенная в Беларуси «памяркоўнасьць» особенно пугает родителей студентов из Минска, и мамочки очень часто приглашают местных авторитетов в делах оккультизма, чтобы «снять порчу».

И не удивительно то, что состояние приезжих из биогеохимических провинций вызывает заботу матерей, которые расценивают излишнюю «уступчивость» и «покладистость» своих детей не иначе как проявления болезни. Именно так эту ситуацию рассматривали и рассматривают эндокринологи. Ф. Краус, Р. Гирш (1910) писали:

> «В зобных местностях встречается эндемический кретинизм; таким образом уже само это обстоятельство указывает на внутреннюю связь зоба и кретинизма. Когда у взрослого наступает полное либо частичное нарушение деятельности щитовидной железы, то эти нарушения проявляются в психических явлениях депрессивного типа, в общей телесной слабости, ревматических болях, снижении умственных способностей и др. Больные часто сами заявляют, что «их характер испортился». Они во многом напоминают животное в состоянии зимней спячки» (16).

Сам зоб – не кара небес, а защитная реакция организма на нехватку йода – гиперплазия. Наиболее выразительно гиперплазия щитовидки заметна у наших женщин независимо от их этнического происхождения. (Медицинской нормой считается состояние, когда щитовидка не только невидима глазом, но ее даже нельзя нащупать во время обследования.)

Женщина и зоб

Сначала вместе с увеличением железы отмечаются элементы ее сверхдеятельности (гиперфункции): подвижность эмоционального слагаемого характера, богатство психической сферы, активность вегетативной нервной системы (так называемая «игра вазомоторов»): «румянится как красная девица», плюс характерный вид лица – всегда блестящие большие глаза (элементы экзофтальма). Все это способствует особой красоте и привлекательности беларуских женщин.

Но ничто не дается даром. Каждый орган, который долго работает на грани возможностей (а именно так можно охарактеризовать уровень обменных процессов в гиперплазированной щитовидке), относительно быстро «утомляется». Наступает упадок его деятельности, полная противоположность первой фазе – гипофункции. Это означает постепенное развитие гипотериоза.

Гипотериоз

Вот его проявления:

1) быстрая усталость;
2) замедленность движений, нейропсихических процессов;
3) сонливость;
4) зябкость, снижение температуры и сухость кожи;
5) запоры;
6) ломкость ногтей, волос;
7) хриплость голоса, невнятность речи;

8) развитие атеросклероза, сердечной недостаточности и ожирения;

9) снижение памяти и интеллекта;

10) снижение тонуса симпатической нервной системы, рефлексов, слуха;

11) снижение уровня деятельности надпочечных желез (cortex glandulae suprarenalis);

12) снижение потенции и полового влечения;

13) преждевременное старение.

Достаточно сравнить вид наших 60-летних «жэншчын» с видом западных 80-летних туристок, резвые кучки которых заполняют все уголки мира. К сожалению, этот контраст часто бросался в глаза каждому из нас.

Вот они, толерантные селяне. С ними можно делать все, что угодно

Недостаток йода у мужчин проявляется менее отчетливо. Если в популяции на одного представителя сильной половины с проявлениями гипотериоза приходится 8 женщин с такими проявлениями, значит, эндемия в этой местности может считаться легкой; если соотношение больных мужчин и женщин равно 1:5 – очаг эндемии классифицируется как средний; если соотношение 1:3 – это тяжелая эндемия.

Питание и щитовидка

Но это еще не все. Оказывается, существуют местности, где все перечисленные проявления гипотериоза фиксируются даже тогда, когда в окружающей природе йода достаточно. Такие зоны зарегистрированы в Эквадоре.

Механизм развития проявлений гипотериоза связан там с блокадой обмена йода в самой щитовидке. Веществами, способными подавлять обмен, являются парааминосалициловая кислота, винил-тиоксазолидон (vinil-tioxazolidon), гойтрин (goitrin) и другие.

Дело в том, что жители этих местностей употребляют преимущественно растительную пищу из группы крестоцветных (брюкву, капусту), содержащую активные струмогены (вещества, вызывающие зоб). Повышенные концентрации струмогенов содержат также шпинат, соя, кукуруза.

Зоб может развиваться даже у детей, которые питаются молоком коров, которых кормят капустными кочерыжками: это – влияние тиоцианатов (tiocyanates).

Довольно печальная получается картина, если вспомнить, чем в основном питается наше население всю зиму. После этого не хочется даже вспоминать, что блокада щитовидки может быть вызвана радиоактивным йодом – именно таким, огромное множество молекул которого выбросил в наше небо взрыв Чернобыльской АЭС.

Не хотелось бы на такой пессимистической ноте заканчивать рассуждения о медицинских аспектах беларуского менталитета.

Так есть ли выход из этой ситуации? Каким образом можно уменьшить отрицательные эффекты, через которые недостаток йода влияет на здоровье и менталитет нации, а в конечном счете – на ситуацию в обществе?

Что делать?

Что надо делать, чтобы исправить или хотя бы не ухудшать ситуацию, бездумно питаясь струмогенами?

– Избегать избыточного потребления белокочанной капусты, хрена, салата, кукурузы, сладкого картофеля, сои, содержащих эти вредные вещества.

– Употреблять воду, которая не содержит загрязнений животного и химического происхождения: нитратов, тиацинатов, высоких концентраций кальция.

– Помнить, что определенные лекарства также блокируют деятельность щитовидки: меркозалил, перхлораты, соли лития, сульфаниламиды (17).

– Нельзя забывать о том, что потребность в йоде значительно повышается в период полового созревания, беременности и кормления грудью.

Е. Полякова («Медицинский вестник», 24 августа 2000 г.) пишет:

> «Недостаточное потребление йода женщиной, которая готовится стать матерью, влечет необратимые нарушения мозга у плода, что в итоге замедляет и снижает умственное и физическое развитие ребенка, а иногда вызывает тяжелую умственную отсталость – кретинизм».

По данным Всемирной организации здравоохранения в Беларуси наблюдается йодный дефицит средней степени. Что до рекомендаций, согласно которым каждый новорожденный должен получать 40 мкг йода ежедневно, так только 6% детей получают с молоком матери эту норму йода, остальные практически лишены этого микроэлемента. Йодный дефицит выявлен почти у 81% детей и подростков Беларуси.

Виден ли свет в конце тоннеля?

С учетом того, что йодный недостаток вызывает негативные последствия как для здоровья людей, так и для национальной безопасности, решение проблемы требует медицинского и социально-политического подхода.

1) Медицинский подход – йодирование продуктов питания.

Чаще всего йод добавляется к соли (иногда – к воде), но еще со школы мы знаем, что йод – такое хитрое вещество, которое из твердого состояния сразу возгоняется до состояния газа и улетает в атмосферу. Беларуское обыкновение прятать соль про запас (на случай очередной войны) в значительной степени перечеркивает надежды на большую эффективность этой формы профилактики. Надо добавить, что термическое воздействие на йодированную соль дополнительно сокращает количество йода, связанного с продуктами питания. Есть наработки украинских медиков относительно попыток йодирования растительного масла: йод более прочно связывается с этим продуктом, который обычно потребляется за достаточно короткий срок.

В Беларуси существует служба противозобных диспансеров, которая могла бы активно заниматься не только наблюдением за контингентами с патологией щитовидки, но и профилактикой этой патологии. Главным направлением должна быть профилактика рака щитовидной железы, который обычно развивается параллельно с возникновением узлов в больном органе. Для усиления службы, безусловно, нужны деньги, которых на медицину традиционно не хватает.

2) Социально-политические меры

Современная политика «беларуских» властей направлена на ликвидацию национального иммунитета, на ликвидацию нации под настырные мелодии «славянских базаров», попсовых и политических.

Пример решения социальных проблем, которые возникают в странах, что волею судьбы находятся в бедных микроэлементами биогеохимических зонах, показывают Швейцария и Андорра, которые сталкиваются с менталитетом своих граждан, похожим на беларуский. Эти страны издавна имеют самые жесткие в Европе требования к процессу натурализации (то есть, к процессу принятия иностранцев в свое гражданство). Кроме того, Швейцария вводит ограничение количества иностранцев, которым разрешено постоянное проживание и работа в стране (не более 18% от общей численности населения).

Принятие такого modus vivendi является вполне естественной мерой, ибо для толерантных народов очень важно определенным образом иммунизироваться от излишней пассионарности активных, а иногда просто голодных соседей. Но это предложение осуществить еще труднее, чем замену йодирования соли йодированием масла.

(Из журнала «Arche» за 2000 год. Перевод А.Е. Тараса)

ИСТОЧНИКИ

1. Л.Н. Гумилёв. От Руси к России. Москва, 2000, с. 292.
2. В.О. Мохнач, 1974, цит. по: В.И. Смоляр. Гипо- и гипермикроэлементозы, Киев, 1988.
3. В.И. Смоляр. Гипо- и гипермикроэлементозы, Киев, 1988.
4. Клиническая эндокринология. Руководство для врачей. /Под ред. проф. Н.Т. Старковой/ Москва, 1991.
5. Там же.
6. Т. Мохарт, Н. Гриневич. Йодный недобор и здоровье. Минск, 1999.
7. БМЭ, том 6, с. 878. Москва, 1958.
8. А. Смолич. География Беларуси. Вильно, 1923; Менск, 1993.
9. Там же.
10. БМЭ, том 18, с. 607–610. Москва, 1960.
11. БЕЛСЭ, том 2, с. 402–403. Минск, 1970.
12. В. Грабеньский. История Польского Народа. Санкт-Петербург, 1910.
13. За други своя, или Всё о казачестве. Москва, 1993.
14. Клиническая эндокринология. Руководство для врачей. /Под ред. проф. Н.Т. Старковой/ Москва, 1991.
15. Там же.
16. F. Kraus, R. Hirsch. Organotherapie. Berlin – Munchen, 1910.

Самоубийства на беларуских землях в начале XX века

Ксения Гатальская

Начало XX века на беларуских землях – сложный и противоречивый этап. Никогда раньше мир, окружающий людей, не менялся с такой скоростью. Быстро увеличивался объем информации, облегчался доступ к знаниям. Изменялся темп жизни. Особенно это стало очевидным после проведения разветвленной сети железных дорог и телеграфных линий. Жизнь преобразилась на памяти одного поколения. Важные изменения в жизни общества расширили группу суицидального риска – людей, не нашедших себе места в трансформирующемся обществе, пострадавших от перемен.

Суицид стал предметом научного интереса в Российской империи во второй половине XIX века. Им заинтересовались многие ученые: юристы, статистики, социологи, педагоги. Но наибольший вклад в исследование проблемы самоубийства внесли медики. Оформились два основных подхода в понимании суицида: биологический и психопатологический. Сторонники первого придерживались взгляда на самоубийство как на результат нарушения строения черепа и мозга, их оппоненты видели причину в психическом расстройстве и болезни личности.

XX век привнес абсолютно новую, созвучную времени трактовку самоубийства – о нем заговорили как о явлении, вызываемом неблагоприятным сочетанием социально-экономических факторов. Открыто писать об этом и не бояться быть осмеянным в научной среде за «публицистику» стало возможным после выхода в Париже в 1897 году исследования Эмиля Дюркгейма «Самоубийство. Социологический этюд».

Парижское издание было хорошо известно российским специалистам, чему способствовали появившиеся рецензии в прессе [1]. Окончательно публике Дюркгейм был «открыт» в 1912 году с выходом в свет перевода на русский язык. Отныне можно было ссылаться на авторитет французского «мэтра» в противовес обвинениям в ненаучности.

На это издание откликнулись многие исследователи, в том числе Питирим Сорокин, опубликовавший в 1913 году очерк, посвященный указанной проблеме. В нем молодой социолог сформулировал базовый постулат российской науки начала XX века в отношении исследуемой проблемы:

> «Главная общая причина роста самоубийств – это рост одиночества личности, ее оторванность от общества, в свою очередь представляющая результат нашего беспорядочно организованного общества.» [3]

Смену медицинских трактовок причин суицида на социальные теории можно объяснить рядом причин.

Во-первых, самоубийство как явление начало занимать умы не только ученых, но и любого жителя империи, читающего газеты. Пресса обрушила шквал информации о случаях самоубийств на читателя, который начал задаваться вопросом о причинах такого масштаба этого явления. В поисках ответа он скорее принимал версию о социальной природе самоубийства, а не медицинской. Такое толкование проще и понятнее, к тому же человеческая психика обладает свойством искать виновного в самоубийстве, а в данном случае потеря работы или измена любимого человека гораздо более приемлемые объяснения, чем неправильное строение черепа.

Эмиль Дюркгейм

Во-вторых, объяснение природы самоубийства сочетанием социальных и экономических факторов прекрасно вписывалось в мироощущение декаданса, характерное для начала XX века. Декаданс, декларируемый узким кругом части интеллигенции и буржуазии, стал эстетическим понятием, заключавшим в себе неприятие мира, пессимизм, высокую степень обособления личности, мистицизм. Декаденты осознавали себя представителями высокой, но идущей к упадку культуры, для них были характерны настроения одиночества, отрешенности, безысходности. Эти настроения были созвучны с установившимся мнением, что страна переживает небывалую «эпидемию самоубийств». [4], [5].

Говоря о самоубийстве на беларуских землях как о социальном явлении, нельзя обойти стороной его количественное выражение. Общемировой бум в исследовании суицида был вызван резким его ростом в европейских государствах. Дюркгейм приводит данные второй половины XIX века для различных государств. Наибольший показатель числа самоубийств на 100 тыс. населения зарегистрирован в Саксонии – 33,4, в Дании – 25,5, во Франции – 16, в Австрии – 13 [6]. В Российской империи он не превышал трех случаев на 100 тыс. населения для европейской части страны. Исключение составляли крупнейшие города – Петербург, Москва, Киев, где этот показатель мог возрастать в десятки раз. Такое различие было связано с более точной регистрацией фактов смерти в городах по сравнению с сельской местностью, а также с условиями жизни в городской среде, способствовавшими обособлению личности, нарушению традиционного уклада жизни, высоким темпам маргинализации.

Питирим Сорокин

Беларуские земли (Виленская, Витебская, Гродненская, Минская, Могилевская, Смоленская губернии), относились к числу регионов

с высоким показателем самоубийств. Однако этот показатель не был стабильным на продолжении всего периода начала XX века. (см. табл. 1)

Закономерности изменения индекса числа самоубийств могут быть объяснены следующими факторами. Некоторое снижение числа суицидов в 1906 году было обусловлено революционным подъемом переживаемой эпохи. Уменьшение числа самоубийств в годы войн и революций считается аксиомой в науке. Принято считать, что насыщенная неординарными событиями реальность отвлекает от суицидальных мыслей.

Таблица 1. **Динамика изменения количества самоубийств на 100 тыс. населения**

Год	1903 г.	1906 г.	1908 г.	1912 г.
Число суицидов на 100 тыс. населения	2,9	2,76	4,1	3,4

В то же время периоды, следующие сразу за упомянутыми событиями, характеризуются реакцией, приносят разочарование в надеждах, что полностью оправдывает резкий рост самоубийств, зафиксированный в 1908 г. (на 33% больше, чем в 1906). Напомним также, что кроме политического кризиса, Российская империя переживала в 1904–08 гг. еще и экономический кризис. С 1908 года началось некоторое оживление экономики, которое превратилось в бурный рост, продолжавшийся до начала Первой мировой войны. Стабилизация условий жизни выразилась в снижении относительного числа самоубийств в 1912 году на 17 % по сравнению с показателем 1908 года.

Особенностью беларуской действительности являлся высокий показатель самоубийств среди женщин (см. таблицу 2). Как правило, на один женский суицид приходится 3–4 мужских [7]. Общество, где это соотношение отклоняется в большую или меньшую сторону, считается несбалансированным по ответственности и тяжести забот, возложенных на один из полов. Большинство самоубийств среди женщин связано с неразрешимостью семейных проблем. Поэтому причиной, вызывающей высокий уровень женских самоубийств, можно считать патриархальность жизненного уклада, при которой конфликт женщины с мужем, родителями или другими родственниками, в особенности по мужской линии, является практически неразрешимым для нее. В патриархальном обществе развод почти полностью исключен, возможность принимать решения о своей судьбе у женщины значительно ограничена.

Таблица 2. **Самоубийства по гендерному соотношению**

На одно самоубийство женщины приходилось мужских самоубийств	1903 г.	1906 г.	1908 г.	1912 г.
	2,3	2,8	2,9	1,75

В рассматриваемый период происходили важные изменения в динамике крестьянских самоубийств (см. таблицу 3). В середине периода их относительное число значительно уменьшилось, но к его завершению вновь возросло.

Таблица 3. **Социальное происхождение самоубийц (в %)**

Социальное происхождение	1903 г.	1906 г.	1908 г.	1912 г.
Крестьяне	62	49	50	60
Мещане	33	35	33	30
Дворяне	2	10	8	6
Военные	1	5	6	1
Другие	2	1	3	3

Спад числа крестьянских суицидов пришелся на время проведения столыпинской реформы, которая должна была решить наболевший аграрный вопрос. Крестьяне ожидали изменения жизни к лучшему в результате проведения новой политики. Но результаты реформы оказались не столь радужными, усилилась социальная дифференциация в деревне. Одна из задач реформы заключалась в увеличении прослойки зажиточных («крепких») хозяйств, однако этот процесс всегда взаимосвязан с ростом числа обедневших и безземельных крестьян. Эти данные показывают, что городское сословие оказалось наиболее устойчивым к потрясениям начала XX века. Процент мещанских самоубийств в данный период оставался стабильным на уровне 33 –35 % от общего числа, а оживление экономической жизни немного понизило показатель в 1912 г.

Пятикратный рост самоубийств среди дворян в 1906 году по сравнению с 1903 и постепенное его снижение к 1912 году, видимо связаны с ощущением упадка общества, усилившимся в период революции.

Чутко прореагировало на поражение в русско-японской войне, революционные события и первые годы реакции военное сословие. Отметим, что полицейские данные о самоубийствах среди военных не могут быть полными в связи с корпоративизмом и особыми представлениями о «чести мундира» у этой группы населения. Указанная группа в большей степени, чем все остальные, считается предрасположенной к суициду. Это обусловлено, с одной стороны, доступностью огнестрельного оружия и спецификой отношения к ценности человеческой жизни. С другой стороны, военные, живя обособленно от окружающего населения, имея возможность скрывать порочащие сословие происшествия, вероятнее прочих могли сокрыть факты суицида.

К категории «Другие» были отнесены лица, чье происхождение полиция не смогла установить, а также иностранные подданные и маргинальные элементы.

Рост числа самоубийств в городской среде и одновременный спад их количества в сельской местности в период 1903–1908 гг. (см. таблицу 4) можно объяснить экономическим кризисом, сокращением производства, уменьшением

Таблица 4. **Самоубийства по месту совершения (в %)**

Год	1903 г.	1906 г.	1908 г.	1912 г.
Урбанизированная среда (город, местечко)	36	48	54	43
Сельская среда, частновладельческие имения	64	52	46	57

числа рабочих мест и заработной платы, потерей перспектив работы в городе и одновременно с этим некоторым оживлением в деревне, вызванным аграрным реформированием. Этот тезис подтверждается уменьшением количества самоубийств в городах и местечках Беларуси в 1912 г., году экономического подъема, и ростом суицидов в сельской местности после разочарования части крестьян в результатах реформы.

Коротко стоит сказать о способах самоубийства. Традиционно наиболее доступным и чаще всего выбираемым способом суицида считается повешение. На беларуских землях оно использовалось в половине случаев (табл. 5). Популярность этого способа легко объяснить наличием в любом доме веревки и места, куда можно ее привязать.

Таблица 5. **Самоубийства по выбору способа (в %%).**

	1903 г.	1906 г.	1908 г.	1912 г.
Повешение	52	52	45	45
С применением огнестрельного оружия	18	20	17	21
С применением холодного оружия	3	4	4	1
Отравление	10	15	25	25
Утопление	15	7	6	7
Другое	2	2	3	1

Каждое пятое самоубийство совершалось с помощью огнестрельного оружия, доступного в то время различным категориям населения. В первую очередь им пользовались военные и дворянство, однако среди крестьян и мещан оно тоже не было редкостью.

За десятилетие с 1903 по 1912 год возросло использование ядов как способа самоубийства. Если в 1903 году такой способ выбирал каждый десятый, то в 1912 – уже каждый четвертый самоубийца. К этому добавим, что отравление

являлось одним из самых ненадежных способов. Так, в Минской губернии в 1912 году из 87 зафиксированных отравлений только 25 (28,7 %) привели к смерти. Также надо учитывать, что всегда существует значительное количество неудачных суицидальных попыток, с легкими последствиями для здоровья, о которых полиции известно не стало. В качестве яда чаще всего выбирались уксусная эссенция, карболовая и серная кислота, нашатырный спирт. Большинство из этих веществ были легкодоступны.

Невысокий процент самоутоплений связан со сложностью фиксации. Это способ, с помощью которого легче всего скрыть самоубийство. Из зарегистрированных полицией утоплений подавляющее большинство было совершено в колодцах или в открытых водоемах при свидетелях. Умышленное утопление без свидетелей практически невозможно отличить от несчастного случая на воде. Утопление же по неосторожности в отчетах о насильственных и случайных смертях занимает одну из ведущих позиций. Следовательно, действительный процент самоубийств при помощи утопления был выше, нежели фиксируемый.

К категории «Другие способы» относятся, в основном, случаи умышленного падения с высоты и попадания под поезд. Последний способ являлся наиболее техногенным и изучался тщательнее прочих. О нем единственном немедленно телеграфировалось губернатору, и расследовался он жандармерией, а не обычной полицией.

***

Говоря о самоубийстве как социальном явлении, характеризующем эпоху, нельзя забывать, что все же оно, в первую очередь, является фактом личной биографии и при всех допустимых сравнениях и обобщениях остается уникальным событием в каждом отдельном случае.

Наиболее полную документальную информацию современному исследователю о самоубийствах на беларуских землях могут предоставить полицейские рапорты, которые составлялись уездными исправниками и полицмейстерами обо всех зафиксированных случаях суицида, а также неудачных попытках к оному. Необходимость реагировать на такие случаи полицией проистекала из двух причин: во-первых, любая насильственная или вызывающая подозрение смерть требовала расследования, во-вторых, самоубийство в Российской империи по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 г. считалось преступлением, за которое следовал отказ в христианском погребении и объявление недействительным духовного завещания [8].

Полицейские рапорты должны были включать в себя определенный набор информации о факте самоубийства, благодаря чему сегодня мы можем получить сведения о личности пострадавшего и обстоятельствах трагедии. В рапортах содержатся данные о месте, времени происшествия, указаны имя, возраст, вероисповедание, социальный статус и род занятий самоубийцы. Особо в этих источниках раскрываются причины самоубийства. Их выяснение было необходимо не только для отчетности и исключения возможности убийства, но и для того, чтобы определить, каковыми будут юридические последствия для суицидента и его семьи. Так, самоубийство, совершенное в состоянии умопомешательства, припадке беспамятства, для сохранения целомудрия или государствен-

ной тайны, считалось ненаказуемым. Зафиксированный в отчете полиции припадок сумасшествия тоже был достаточным основанием для разрешения христианского погребения самоубийцы [9].

Однако при сравнении рапортов XIX и XX столетия становится заметным важное различие между ними. Чем позже составлен документ, тем реже в нем причиной самоубийства называется умопомешательство, приступ душевной болезни, меланхолии, «ненормальное состояние духа» или «расстройство умственных способностей» – наиболее распространенные формулировки того времени. Вряд ли это можно объяснить тем, что люди с психическими расстройствами реже стали совершать самоубийства – изменился подход к ним у составителей документа. С ослаблением табуированности проблемы суицида становилось возможным говорить (и писать) о нем не только как о следствии душевной болезни, но как о результате сложных обстоятельств, в которых вполне нормальная по общепринятым меркам личность может решиться на убийство себя.

Эти процессы нашли свое законодательное выражение. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 года, о котором речь шла выше, перестало соответствовать реалиям жизни в вопросе о наказуемости самоубийства. Указанное уложение легко было обойти, имея свидетельства родственников и соседей о временной невменяемости самоубийцы, чем часто пользовались заинтересованные особы. В 1903 году был подготовлен проект реформы законодательства, по которому самоубийство переставало считаться наказуемым деянием, а ответственность предусматривалась лишь за подговор к нему. Хотя проект был принят только в 1912 году, негласно им широко пользовались уже на протяжении 10 лет.

Утопление – традиционное средство лечения от «несчастной любви»

На первое место среди причин самоубийства в полицейских рапортах начала XX века выходят бытовые трудности и любовные переживания. По данным для Минской губернии, среди установленных причин самоубийства в 1903 году 49 % приходилось на случаи психических и физических болезней, а 51 % составляли немедицинские проблемы (безответная любовь, смерть близкого, бедность, неприятности на службе, боязнь наказания за совершенное преступление и т.д.). В 1908 году это соотношение было 45 и 55 % соответственно, а в 1912, в год выхода обновленного закона о самоубийствах, оно составило 10 и 90 %.

Среди немедицинских причин наиболее часто упоминаются материальные проблемы («неимение средств к жизни», «бедность, доходившая до крайней нищеты», «тяжелые условия жизни»). Например, крестьянин Бобруйского уезда Тимофей Пакуш 23 июня 1901 г. повесился из-за «крайне бедного состояния, терпел во всем нужду и недостаток, вообще тяготился жизнью» [10].

Близки по смыслу к указанной категории осложнения в профессиональной деятельности, часто выступавшие в качестве обстоятельств, приведших к самоубийству. Наиболее серьезной проблемой в данной ситуации было увольнение. Так, 23-летний крестьянин Георгий Гусаков не смог перенести увольнения от должности управляющего имением помещиком Булгаком и пытался покончить с собой, приняв уксусной эссенции в Минске в Губернском саду 30 мая 1908 г. [11]. Игнатий Сакович, 55-летний крестьянин столь же остро отреагировал на увольнение, в рапорте об его самоубийстве 30 марта 1903 г. отмечено, что причиной к нему послужило «удаление от должности казенного лесника, так что после этого удаления он постоянно досадовал и говорил жене, что воспитывать детей ему не придется» [12].

Причиной самоубийства могли выступить осложнения в отношениях с начальством и сотрудниками. Например, грубое обращение хозяина Я. Залкинда и подмастерья М. Голланда толкнуло 31 мая 1903 г. 14-летнего подмастерья Янкеля Гурвича, поступившего для обучения портняжному искусству, на суицид [13].

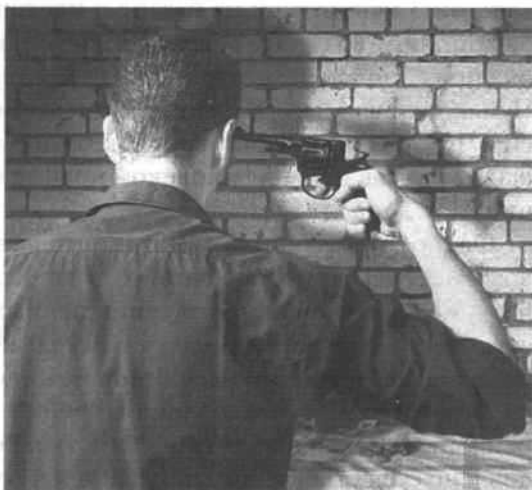
Часто неприятности по службе были сопряжены с должностным преступлением или растратой казенных денег. Иван Максимович, пинский нотариус, застрелился из револьвера в своей квартире 3 марта 1908 г., оставив записку на имя представителей судебной и полицейской власти: «Возвращаясь накануне около 12 часов ночи из своей конторы по Киевской улице, был ограблен тремя неизвестными на сумму до 8000 руб., не имея возможности покрыть ограбленную сумму и будучи потрясен случившимся он предпочел смерть тревожной жизни и просит в его смерти никого не винить» [14]. В ходе расследования эта информация не подтвердилась, зато выявилась растрата крупной суммы денег. Поскольку уездный член Окружного суда Введенский назначил на 6 вечера в день смерти ревизию нотариальной конторы, а Иван Максимович в этот же день пытался занять денег в городе, пинский полицмейстер сделал вывод, что он, избегая позора, лишил себя жизни, а для сохранения чести семьи прибегнул к вымыслу об ограблении.

В Бобруйске приказчик аптекарского магазина Норкина 19-летний Абрам Розов 29 апреля 1912 г. отравился морфием от стыда, так как, хоть и ранее был замечен в мелком воровстве товаров из магазина, но накануне обнаружилась крупная кража, за которой бы последовала огласка его преступления [15].

Боязнь наказания за совершенные преступления и проступки, не связанные со службой тоже толкала на самоубийство. Например, страх попасть в тюрьму за порубку казенного леса, за что крестьянин Бобруйского уезда Павел Потапейко состоял уже третий раз под следствием, вынудил его 11 января 1903 г. повеситься [16]. В Новогрудском уезде крестьянка Антонина Кривая, сокрывшая рожденного ею ребенка, боясь ответственности и наказания за детоубийство, 13 мая 1903 г. отравилась фосфорными спичками [17].

Любовные переживания составляют обширную группу причин самоубийства. Эта категория включает в себя ревность, измены, невозможность быть рядом с любимым человеком в результате запрета жениться или его смерти и т.д. Если романтические причины или ревность, как правило, вызывали самоубийства у возрастной группы 15–30 лет, то смерть супруга, как причина суицида, характерна для старшей группы.

В Пинске 18-летний Фавст Малинин, служивший писцом у инженера Димича, застрелился в доме терпимости Кустовой. Причина его самоубийства стала известна полиции по оставленной им записке в стихах на двух пустых коробках от конфет, в которой он просит никого не винить в его смерти, так как он лишил себя жизни добровольно из любви к проститутке Хенрике Гутковской [18].

Мужчины предпочитали выстрел в висок

Крестьянин Новогрудского уезда 51-летний Петр Дроздь неудачно пытался зарезаться ножом. После оказания ему медицинской помощи признался, что поводом к самоубийству «послужило обстоятельство, сопряженное со смертью его жены, после которой произошел полнейший беспорядок в семье и по хозяйству, почему он еще в прошлом году решил покончить с собой, так как с каждым днем жизнь для него становилась невыносимой» [19]. Игуменский мещанин Иван Петровский 26 мая 1903 г. пытался застрелиться, узнав о любовной связи своей жены Варвары с другим лицом [20].

Особый вид самоубийств, чаще всего возникающих на почве острых любовных переживаний, это суицид, совершаемый после убийства. Обычно он встречается у людей, чьи взаимоотношения продолжительны и запутаны, где сложно провести грань между любовью и ненавистью, часто связан с домашним насилием и, как правило, направлен на близких людей [21]. Его следует различать с самоубийством, совершенным от страха наказания за совершенное преступление (убийство). Характерной особенностью его является выбор жертвы. Как правило, мужчины убивают своих жен или партнерш, а потом совершают самоубийство. Женщины же в этом случае чаще всего убивают своих детей.

Этот своеобразный тип самоубийства также глубоко связан с пониманием ответственности и заботы, хоть и извращенной, о своем близком. В этом случае самоубийца считает жизнь жертвы своей собственностью, о которой он должен позаботится перед совершением суицида. Так, крестьянка Игуменского уезд Вера Деркач утопилась вместе со своим 6-месячным ребенком в припадке отчаяния из-за притеснений со стороны свекра и свекрови [22], а крестьянин Пинского уезда Петр Леоновец повесился после убийства своей жены Натальи, совершенного из ревности и нежелания дальше жить [23].

Разочарование в жизни и невозможность достигнуть желаемого тоже становились причиной самоубийств. Дочь пинского мещанина Рохля Найдич отравилась карболовой кислотой, «вследствие неудовлетворения желания поступить на акушерские курсы за неимением средств» [24].

Бедность и разочарование составляли наиболее удручающее сочетание. Дознанием по делу о повешении Иосифа Чумака 4 мая 1904 года было выяснено, «что он 3 мая, будучи на базаре в местечке Раков, купил себе лошадь за 9 руб. 50 коп., но лошадь эта оказалась настолько слаба, что, когда он вел ее домой, то она при самой деревне околела. По предположению жены покойного Анастасии Чумак, оставшейся с 8 малолетними детьми, а также братьев его и соседей – Иосиф Чумак лишил себя жизни исключительно вследствие неудачной покупки лошади, так как он был человеком крайне бедным и на покупку истратил последние свои деньги» [25].

Особое место среди самоубийств занимают те, которые совершались под воздействием представлений о чести. Кроме некоторых упомянутых выше случаев, сюда можно отнести суициды, вызванные желанием сохранить дворянскую честь. XIX век породил так называемую американскую дуэль [26]. Суть ее заключалась в том, что поединок между ее участниками как таковой исключался. Взамен им следовало тянуть жребий, вытянувший его, обязывался в оговоренный срок совершить самоубийство. Возникновение такой формы было обусловлено существовавшим наказанием за участие в дуэли, она позволяла избежать не только кары за поединок, но и нежелательной огласки. Также она могла быть предложена тогда, когда не пристала открытая дуэль, например, из-за высокого поста одного из дуэлянтов или большой разницы в возрасте между ними.

Вот, к примеру, рапорт полицмейстера сообщает о самоубийстве сына титулярного советника Ричарда Лунского, 17 лет, который застрелился из револьвера на Набережной улице г. Минска. Полиции он оставил записку с просьбой никого не винить в его смерти. В другой же, заранее отправленной хозяину квартиры, где он жил, статскому советнику Иосифу Дулевичу молодой человек изложил настоящую причину – необходимость исполнить обязательство по условиям американской дуэли и просьбу телеграфировать родителям о случившемся [27]. Вероятно, этим он пытался избежать нежелательной огласки и доверил свою тайну другому дворянину, который не счел нужным ее сохранить.

К «громким» самоубийствам в культурной среде Беларуси начала XX века следует отнести самоубийство Сергея Полуяна (Есеновича), уроженца местечка Брагин, молодого прозаика, публициста, основоположника беларуской профессиональной литературной критики. К 19 годам он во многом сумел раскрыть свой многогранный талант, однако не смог перенести неблагоприятного стечения обстоятельств. Ему пришлось покинуть родительский дом из-за ссоры с отцом на почве распространения революционных идей и поселиться в Киеве. Сергей зарабатывал на жизнь репетиторством и написанием сочинений для нерадивых учеников, писал много своих статей.

В связи с конфликтом с редакцией «Нашей Нивы» публиковался мало, жил в бедности, голодал. Одновременно с этим весьма болезненно переживал послереволюционную реакцию в стране. Оказавшись далеко от дома, без духовной и материальной поддержки близких людей, видя, как идут прахом мечты о ско-

ром изменении общественной жизни, о развитии беларуского языка и культуры, в ночь с 7 на 8 марта 1910 года перед Пасхой он покончил с собой.

Полуян оставил своеобразное духовное завещание – написанное перед смертью короткое произведение «Христос воскресе!». Оно проникнуто неожиданным для такой ситуации оптимизмом и энтузиазмом, надеждой на предстоящее возрождение беларуского народа и его культуры:

«Прачынайся ад сну, Беларусь!
Годзі стагнаць ды жаліцца!
...Ідзі будаваць зруйнаваную бацькаўшчыну!
Наперад па шчасце!
Хай злое ўсе дрогне: Вясна ўжо на сьвеці:
Хрыстос Уваскрос!» [28]

Сергей Полуян

Максим Богданович восхищался тем, что С. Полуян смог найти в себе силы

«...приветствовать в своем предсмертном стихотворении «Христос воскресе» зарю белорусского возрождения: morituri te salutant»* [29].

Предсмертная записка Полуяна не сохранилась, но ее по памяти восстановила его сестра Зинаида:

«Жыцце ў марах – казка, а на самой справе – гніенне раба і вечная незабяспечаннасць. Але не думайце, што з-за незабяспечаннасці я паміраю. Так трэба. (...)
Я так люблю жыцце, светласць і красу, ды не на маю долю выпала гэта» [30].

Человек с суицидальными настроениями живет в специфическом мире, видимые причины самоубийства не всегда кажутся логичными окружающим, а тем более исследователям другой эпохи. Часто абсурдность и малозначительность повода наталкивала современников на мысль о душевной болезни самоубийцы, что вполне укладывалось в медицинскую канву трактовки самоубийства, в то же время «серьезная» причина (смерть близкого, нищенство и т.д.) в некоторой степени могла оправдать его.

Особенно часто несоответствие серьезности поступка и повода встречается в самоубийствах подростков, что объясняется повышенной в этом возрасте восприимчивостью. Так, отказ матери сшить платье толкнул игуменскую девицу Роху-Лею Бруслан к повешению 26 мая 1912 г. [31].

Среди подростковых самоубийств выделяются в отдельную группу самоубийства учащихся, вызванные неудачами в учебе или общении со сверстниками. Наибольшее количество суицидов приходилось на экзаменационную пору. 29 июня 1903 г. ученик IV класса коммерческого училища в Пинске Лейма Милецкий повесился на чердаке дома родителей из-за того, что «в текущем году не выдержал экзамена по алгебре, чем сильно огорчился» [32]. Ученик III класса минской гимназии, сын ревизора Московско-Брестской железной дороги 13-летний Александр Петров застрелился 22 мая 1904 г., оставив записку родителям с признанием, что не перешел в следующий класс [33].

* Идущие на смерть приветствуют тебя (латин.).

Рост школьных суицидов и внимание свободной прессы к этой проблеме вынудили заговорить о серьезности проблемы. Официальные государственные органы тоже отмечали опасность роста самоубийств среди молодежи. На протяжении 12 лет, вплоть до 1917 года, издавался статистический сборник «Самоубийства, покушения на самоубийства и несчастные случаи среди учащихся учебных заведений Министерства Народного Просвещения», выходили многочисленные публикации, в том числе излагавшие взгляды зарубежных ученых на эту проблему. [34] Российские исследователи высказывались о необходимости реформирования школьной системы. «Уничтожение переходных экзаменов, отметок, системы наказаний и устрашения должно благоприятно отразиться на интересующем нас вопросе» [ученических самоубийств – *К.Г.*], – писал И.Е. Майзель [35].

Представители радикальных кругов использовали факт роста числа самоубийств среди молодежи в качестве своего рода политического аргумента. Например, Н.К. Крупская писала, что рост количества самоубийств «иллюстрирует полную непригодность всей современной школьной системы... и вопиет о необходимости создания новой, свободной, построенной на совершенно иных педагогических основах, школе» [36].

Таким образом, самоубийство из постыдного факта и личной трагедии к началу XX века приобрело качества явления общественного масштаба. Произошла частичная демедикализация суицида, отныне о его природе компетентно рассуждали педагог и юрист, политик и журналист, не только медик. Самоубийство как характерная черта эпохи заполонило страницы бульварных изданий и специализированных научных журналов, важное место на своих страницах отводили ему издания, декларирующие абсолютно иные интересы. Например, культурно-просветительская газета «Наша Ніва» в 1911 году 24 раза обращалась к теме самоубийства. Современники начали воспринимать суицид в качестве своеобразного признака эпохи.

ИСТОЧНИКИ

[1] А.Р. О самоубийстве. Социологический этюд Дюркгейма.// Образование. Педагогический и научно-популярный журнал. 1898. № 5–6. С. 140–149.

[3] Сорокин П.А. Самоубийство, как общественное явление. Рига, 1913. С. 45.

[4] Майзель И.Е. О самоубийствах среди учащихся// Вестник воспитания. 1908. № 8. С. 58.

[5] Жбанков Д.Н. Современные самоубийства// Современный мир. 1910. № 3. С. 27.

[6] Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1998. С. 34.

[7] Girard C. Age, gender, and suicide.//American Sociological Review. 1993. № 58. P. 553–574.

[8] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Глава II, раздел 10, ст. 1016, 1017, 1472.

[9] Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). Часть II. Москва, 1993. С. 1352 – 1353.

[10] Национальный Исторический Архив Республики Беларусь (НИАРБ) Фонд 295. Опись 1. Дело 7092. Л. 14.

[11] НИАРБ Ф. 295. Оп. 1. Д. 7830. Л. 738.

[12] НИАРБ Ф. 295. Оп. 1. Д. 5490. Л. 226.
[13] НИАРБ Ф. 295. Оп. 1. Д. 7296. Л. 56.
[14] НИАРБ Ф. 705. Оп. 1. Д. 7830 Л. 135 – 136.
[15] НИАРБ Ф. 21. Оп. 1. Д. 129. Л. 674 – 675.
[16] НИАРБ Ф. 21. Оп. 1. Д. 108. Л. 99.
[17] НИАРБ Ф. 295. Оп. 1. Д. 5490. Л. 465.
[18] НИАРБ Ф. 295. Оп. 1. Д. 7299. Л. 299 – 299 об.
[19] НИАРБ Ф. 295. Оп. 1. Д. 7830. Л. 466 – 466 об.
[20] НИАРБ Ф. 295. Оп. 1. Д. 7296. Л. 76
[21] Stack S. Homicide followed by suicide.// Criminology.1997. № 35. P. 435 – 453.
[22] НИАРБ Ф. 295. Оп. 1. Д. 7299. Л. 158.
[23] НИАРБ Ф. 295. Оп. 1. Д. 5490. Л. 470.
[24] НИАРБ Ф. 295. Оп. 1. Д. 7830. Л. 139 – 139 об.
[25] НИАРБ Ф. 295. Оп. 1. Д. 7407. Л. 245 – 245 об.
[26] Востриков А.В. Книга о русской дуэли. СПб., 2004. С. 284.
[27] НИАРБ Фонд 295. Опись 1. Дело 7407. Л. 362 – 362 об.
[28] Гадаўшчына смерці Сергея Полуяна.// Наша Ніва. 1911. № 14. С. 197–198.
[29] Багдановіч М. Новый период в истории белорусской литературы.// Багдановіч М. Збор у двух тамах. Том 2. Проза, літаратурна-крытычныя і публіцыстычныя артыкулы, пісьмы. Мн., 1968. С. 125.
[30] Кабржыцкая Т., Рагойша В. Слядамі знічкі. Пра Сяргея Палуяна. Мн., 1990. С. 36, 52.
[31] НИАРБ Фонд 21. Оп. 1. Д. 129. Л. 1055.
[32] НИАРБ Фонд 295. Оп. 1. Д. 7326. Л. 110.
[33] НИАРБ Фонд 295. Оп. 1. Д. 7407. Л. 363.
[34] Самоубийства среди учащихся. Дискуссии Венского психо-аналитического ферейна. При участии: д-ра Alfred Adler'a, профессора S. Freud'a, д-ра Karl Molitor'a, д-раI. Sadger'a, д-ра W. Stekel'я, Unus Multorum'a. / Пер. с нем. М. Бикермана/ Одесса, 1912. – 78 с.
[35] Майзель И.Е. Указ.соч. С. 166–167.
[36] Крупская Н. Самоубийства среди учащихся и свободная трудовая школа.// Свободное воспитание. 1910 – 1911. № 10. С. 5.

Этноконфессиональные стереотипы в современной беларуской деревне

Николай Антропов, Елена Боганева, Татьяна Володина

Самоидентификация определенного сообщества, в том числе конфессионального, происходит не только через презентацию собственных ценностей и приоритетов, но и в результате сознательного обособления себя от соседей, осознания как отличия от них, так и своей особенности. Существенные штрихи добавляет видение «своей» веры (и культуры) через призму «чужой», так как представители другой веры обращают внимание на нечто такое в соседней, что привычно для носителей последней и потому остается вне сферы их внимания и рефлексии.

Такое очерченное выявление «своего» важно и для понимания «чужой» культуры. «Чужой» при этом понимается как «другой», отличающийся от «своего», совсем не обязательно враждебный, но, как правило, «худший» в оценочном поле значений. В традиционном сознании, сформированном многовековой мифологической традицией, сопряженной с ценностями христианской культуры, складываются этноконфессиональные стереотипы, а представители той или другой конфессии, выстраивая образ своей веры через соседнюю, не только усваивают «чужих», но и глубже постигают себя.

В этнолингвистике под стереотипом понимается схема и способ репрезентации определенного явления, его истолкование и ценностная характеристика; этностереотип формируется под непосредственным влиянием аутостереотипа и разворачивается в русле универсальной оппозиции «свой – чужой».

В современных беларуских деревнях среди конфессиональных групп, которые представляют различные религиозные направления (а их на территории Беларуси сегодня насчитывается 26), выделяются православные, католики, староверы (поповцы и беспоповцы), протестанты (баптисты, пятидесятники, штундисты и др.), иудеи, мусульмане. По данным на 2005 год, на территории Беларуси действовали 1315 православных, 33 старообрядческих, 433 римско-католических, 257 баптистских общин. Нередко представители разных конфессий живут в одних и тех же населенных пунктах, совсем рядом, что закономерно приводит как к повышенному вниманию к соседям, так и к необходимости так или иначе выстраивать свои взаимоотношения с ними. Это обстоятельство вызвало активное рефлексирование самих сельчан, например:

---

* Из журнала «Беларускі гістарычны агляд». Том 14, № 1–2, декабрь 2007, с. 141–177. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

Смяшай Госпадзі ўсякага народу! К прымеру, у Відзах, там жылі рускія і беларусы, татары і палякі, усякай нацыі. Яўрэеў там очень много было. Ну і літоўцы жылі ад нас кілёметраў дзесяць [1].

Чаще всего в народном сознании смешиваются понятия «нация» и «вера», что актуализирует такую категорию, как конфессионим (название групп населения по их конфессиональной принадлежности). На вопрос о вероисповедании информант обычно называет свою национальную принадлежность, то есть не католик, а поляк, не православный, а беларус или русский:

<А каталікі і палякі – гэта адно і тое?> *Адно* [2];

У нас праваслаўных называлі – рускія, католікаў – палякі [3];

<А Вы сябе па нацыянальнасці кім лічыце?> *Стараверка* [1].

В связи с этим не случайно в беларуском заговоре перечень «вер» дается следующим образом:

Господзь Бог ішоў мяжою,
Ступаў ножкай святою,
Біў звіх, кранаў.
На верах настаўляў:
Яўрэйскай, цыганскай і нашай веры хрысціянскай... [4].

Цыгане, хотя и являются православными, в представлениях беларусов воспринимаются как ярко выраженный «чужой» народ, внешним обликом, образом жизни и моральными убеждениями противоположный здешним оседлым земледельцам (7).

Вместе с тем, сегодня признак *конфессионности* уже не обязательно идентифицируется с признаком *этничности*:

<Хто Вы па нацыянальнасці?> *Я Беларусі пілнуюся, ну а так, па-рэлігійнаму, каталічка. Ну якая я палячка?* <А> *польскі язык я добра знаю, гаварыць магу* [7].

Сравним зеркальное отражение ситуации, когда этническую идентификацию информантка-католичка все же непосредственно связывает с знанием (или незнанием) польского языка:

«Якая з мяне там полька, калі ж я не размаўляю па-польску» (8).

Но процесс смешения идет дальше, в частности, информанты-православные иногда соотносят язык с конфессией: не польский и русский, а «католический» и «православный». А. Казанцева (2005 г.) объясняет подобную замену определенной «мифологизацией» чужого языка, принятым на веру «стереотипным постулатом», чему, судя по контексту, не противоречит такое же отношение к хотя и далекому, но все же *своему* церковнославянскому языку православного богослужения.

Совместное проживание на одной территории представителей разных этносов и конфессий содействовало не только хорошему знакомству с верой соседей, формированию межконфессиональных стереотипов, но и активному включению в «чужую» религиозную жизнь. Так, в упомянутом выше небольшом посел-

ке Видзы Браславского района Витебской области до 1939 года находились, по словам нашей информантки-православной, костёл, молитвенный дом староверов, мечеть и три синагоги. Обращает на себя внимание тот факт, что наличие здесь православной церкви не декларируется. Это еще раз свидетельствует в пользу универсалии, согласно которой обычно обсуждается и даже мифологизируется нечто особенное, явно отличное от своего, заметное. Норма же, как правило, не замечается. Свободное владение несколькими языками, знакомство с вероучением и обрядовыми практиками соседей в таких регионах были и остаются обычным явлением:

<Як людзі між сабой жылі?> *Ну, літовцы разгаварівалі па-літовскі, мы разгаварівалі па-сваёму, палякі па-польскі* ... <А ў школе як размаўлялі?> *Па-польскі.*

<А паміж сабой?> *Сматря с кем сайдзёшся: с палякам я, к прімеру, как і с Вамі, разгаваріваем па-польскі, с рускім разгаваріваем па-рускі... Все время с палякамі, с палякамі, польскія школы. І ксёндз прыязжаў, і бацюшка. Ксёндз пріедет, прівезёт канфет шакаладных, а дзецям жа эта інцярэсна... І расспрашывает катэхіз, хто як знаець. Ну а я вазьму і раскажу. Так он мяня па галавы гладіт і гаваріт: „Вот старабжэндовка, вшыстко в'еш! А ты, – гаваріт, – усел, усел», – на паляка, каторый дзействіцельный паляк* [8].

Кроме указанных моментов, интерес вызывает разностороннее взаимодействие представителей разных конфессий, празднование ими основных праздников, переход из одной конфессии в другую и т.д. Ниже на материале главным образом полевых записей последних десяти лет (с 1996 по 2005 гг. – *Ред.*) рассматриваются эти и другие аспекты взаимоотношений представителей разных христианских течений: православных, католиков, староверов, протестантов (баптистов и штундистов), – с необходимыми отсылками к распространенным в Беларуси нехристианским конфессиям, а именно иудейской и мусульманской.

Исследование представляет собой попытку не только научной рефлексии, наблюдений, так сказать, извне, но и стремление показать этноконфессиональную ситуацию изнутри, глазами самих носителей и знатоков народных представлений. В статье использованы записи бесед с верующими преимущественно трех конфессий: православных, католиков и староверов-беспоповцев.

Все информаторы – пожилые деревенские жители, 1920–1945 гг. рождения с начальным и средним образованием. Записи велись прежде всего на территориях смешанного проживания верующих разных конфессий, в районах, где находятся общины староверов (Браславский, Полоцкий, Ветковский). Вместе с тем, рассуждения селян с мест компактного проживания православных (например, из Чаусского района) интересны для наблюдения изменения ценностной оценки в зависимости от соседства / отдаленности представителей разных направлений и конфессий.

Основная цель статьи – введение в научное обращение «голоса самой Традиции» – полевых записей, высказываний самих деревенских жителей, попытка описания и осмысления того, как беларуские крестьяне осознают «свою» и «чужую» веры.

Православные и католики

Наиболее массовые и традиционные конфессии в границах беларуской этнической традиции – православие и католицизм, в связи с чем интересно проследить взаимопредставления православных и католиков, их отношение к другим конфессиям, самоидентификацию применительно к национальной (этнической) принадлежности.

Бесспорным и даже «непоколебимым» убеждением любого конфессионального сообщества выступает постулат о приоритете «своей» веры над верой этнических соседей или соплеменников-иноверцев.

Однако применительно к беларусам-католикам и беларусам-православным этот постулат выглядит намного менее категорично вследствие объективной генетической близости данных конфессий и их многовекового соседства на одной территории. Если беларусы-католики и православные беларусы говорят друг о друге, то даже при определении недостатков соседней конфессии подчеркивают, что «Бог у нас один»:

Куды ты не пойдзеш – ці ў царкву, ці ў касцёл, нада ўсюды вясці сябе харашо. Бог у нас адзін, толькі не адны словы [9];

А ксяндзы спамінаюць праваслаўных у касьцёле. Это браця нашы. <А вера?> *Адна. Усё адно ж, па-руску, ці то па-славянску – адно Пана Езуса ўзнаюць, і Матку Боску знаюць, як і каталікі* [10].

Православный священник

Иногда внимание обращается на смысловое единство той и другой веры в морально-этическом плане:

<А праваслаўная вера справядлівая ці не?> *Такая, як і наша. Прашчаць, цярпець...* [11].

Вместе с тем, имеющийся материал дает основания заметить, что несомненное преимущество своей религии утверждают прежде всего православные, причем информанты из их числа иногда стремятся обосновать свои убеждения народно-этимологическим соотнесением первого слога в паре «правильный – православный»:

Праваслаўная ета вера, нашская вера, лучьшэ усіх. Правільній, жаласлівій, атзывчівая такая [12];

Самая правільная вера – праваслаўная, так вона завецца. Все воно ідзе по-божому. Так, як колісь апостол Паўло проповедаў у Грэцыі, так оттуль пошла вера, правільна вся вера [13].

Но обычно попытки собирателя экспромтом спровоцировать реакцию информанта на этот вопрос не приводят к каким-либо определенным выводам:

Праваслаўная вера найсільнейша. <А чаму Вы так лічыце?> *Я патаму так шчытаю... што яно гэтак і есьць* [14];

<А чым адрозніваецца праваслаўная вера ад каталіцкай?> *Бацюшка казаў, што наша вера іконам пакланяецца ўсем. А гэтыя каталічэскія толька Ісусу Хрысту. Праваслаўная вера самая найсправядлівейша, сама сільна вера* [15].

Иногда, однако, в высказываниях о других предметах, например, при сопоставлении прошлого и современного, собеседник может очень точно сказать, какой позитивный социальный заряд несла его вера. Например:

Вот мы пагарэлі былі, уся дзярэўня згарэла. Адзін аднаму памагалі і дзяліліся, а цяпер не... Раньшэ как-то уважэнье было друг к другу, как-то ўзаімна. Баяліся Бога, Бога баяліся. А цяпер ні Бога, ні ўласьці, ні міліцыі. Есьлі народ абраціцца з вераю жыць... Нада жыць з верай і любоўю. І надзеждай на што-та ў будушчэм. А это жывуць адным днём, і кажды стараецца ліш бы я, а другі як хочэ [16].

Показательно, что при утверждении в целом преимуществ и недостатков своего вероисповедания православные нередко отмечают те обстоятельства, которые им нравятся у католиков и не нравятся у себя. В основном эти замечания касаются более строгих норм поведения, которых придерживаются в костёле католики во время мессы, во время отправления праздничных храмовых обрядов:

І мне кажэцца, як я во чытаю Біблію, што наша вера найсправядліваяйшая... Вот рэлігія наша стараславянская: ана очэнь справядлівая і даўнейшая. Але ўжо католікі, яны болей такія адзін за аднаго. Палякі больш культурнейшыя. Нашы, знаеце, такія... У нас свянцаюць ваду, усё раўно яны рукі памочуць, лезуць, каб ета..... Вот ім ужо нада. А пачэму жа ты не можаш пачакаць? А ўжо палякі не. Роўненька станушъу в очэрэдзь, вот мне гэта панаравілася [17].

К этой же мысли присоединяются и католики:

У нашым касцёле слова ніхто не мае сказаць, а ў іхняй цэркве, гаворацъ, што хочуць, якая іхняя цэркаў, калі яны гаворацъ. Нельга гаварыць! [18];

Бацюшка прыйдзе, а ўсе: ду-ду-ду-ду – і цалуюцца ў цэркві: „Ай мая міленькая, ай мая сястрыца, як ты маесься?». А ўжо ў нас у капліцы як хто стане гаварыць, адразу ксёндз кіне імшу і запрэт дае разгавору [19].

На вопрос о приоритете католической или православной религии католики отвечают немного иначе, чем православные. Прямые утверждения преимуществ своей конфессии встречаются довольно редко и связываются обычно с известным давлением на католическую конфессию в БССР:

O, nasz kościoł silniejszy za cerkwi. Bardzo silne nasze kościoły. Nasze ludzie silniejsze za prawosławne, bardzo silne nasze ludzie, przetrwali tyle, prawda? W takich ciężkościach, w takim ucisku. A jednak wszystko jedno mieli w sobie [odwagę] i teraz mają (запись с беларуско-польского культурного порубежья) [20].

Однако чаще размышления на эту тему у католиков носят общефилософский характер с указанием ценностей, объединяющих обе конфессии:

Справядлівасьці няма. Адзін Бог. Толькі што людзі самыя убедзіліс, што іхная вера лепшая. А праваслаўныя і каталікі – адна вера і адзін Бог. А вот ужо жыды, татары, дак ужо тамака іхная накшай [2];

У праваслаўных пойдзеш у царкву, яны думаюць, што іх вера самая важная. Хто ў якую веру верыць, той думае, што ягоная вера самая галоўная, а Бог жа адзін для ўсіх – для праваслаўных і для каталікаў [18].

Экуменическая позиция беларусов-католиков (в частности, на Гродненщине) поддерживается костёлом, а в некоторых случаях, вероятно, и исходит от него. Во всяком случае ответы наших информантов можно интерпретировать именно так:

<А як да праваслаўных ставяцца каталікі?> *У нас харашо. У нас есьць вот тутака праваслаўныя, і мы і хараніць памагалі, і ўсё чыста ....* <А ксяндзы як кажуць?> *І ксяндзы з імі дружаць... Як дочка прыедзе – то яна больша чытае, так яна знае – і кажа: „Мама, праваслаўная вера, то эта і ксёндз наш гаварыў, што гэта две веры наілучшыя на ўсім сьвеце». Праваслаўная і польская, каталічэская* [21];

У кажнага чалавека е áнёл. Раз у ксéндза пыталі: ці ў праваслаўных áнёл стаіць ці не? Ці анно ў палякаў? А ксендз кажа: „Ва ўсіх стаіць. Вшысткі, кто в Пана Бога верыць, то ва ўсіх ён стаіць, кала кажнага чалавека. Каля кажнага чалавека ён сьцеражэ» [22].

Часто беларусы-католики рассказывают о благословении ксендза отбывать такое важнейшее таинство, как исповедь, в церкви, если она находится ближе, чем костёл:

Знаеш, дзеткі, што я скажу? Вішнеўскі старык, ксёндз, яму ўжо да сотні гадоў. І я рабіла ў касьцеле восем гадоў у Жойдзішках. І я прошу ксендза, ці можна мне ў бацюшкі выспавядацца? Так ён кажа: „Спавядайся, можаш, але калі каплан ёсьць, ксёндз, так тады ў свайго. Але і бацюшкі – тое самае. І ты, Марыся, можаш іці спавядацца". Вот так і казаў [23].

Беларусы-католики отмечают также, что им позволяется навещать церковь, если это необходимо, например, при похоронах родственника или односельчанина-православного:

Вот, дапусьцім, я па нябожчыку сьпіваю. І паміраe праваслаўны. І нас просіць. Мы ўмеім: і рускія песьні сьпіваем, і польскія. А ў царкву мы едзем, тожа молімся за нябожчыка. Не то што яго атдзяляем, што ён праваслаўны, мы за яго маліцца не будзем. Дажа можам і да споведзі схадзіці, есьлі родственніка харонім, за яго душу. <Да споведзі куды?> *У царкву, да папá.* <І прымае?> *Как жа ён не прыме? Прыме. Патаму што схадзіць, быць толькі як свідзецелем, прыйшоўшы да касьцёла, да царквы? Бог адзін, і нада маліцца.* <А ксёндз гаворыць, што да праваслаўных можна

Крещение

ісці?> *Можна. У нас быў ксёндз на набожэнства пад крыж прыязджаў, і я даже вапрос задала... І ён казаў, ён аб'ясьняў у касьцеле, што ідзеш у цэркву, то не стой за сьвідзецеля, а маліся. Бог-то адзін. Маліcь, як умееш. Але маліцца нада прыйшоўшы* [24].

В данном случае информантами акцентируется мысль о важности не только ритуализации поведения, что естественно для сакрализованной территории «своей» конфессии, но непосредственного участия в богослужении в таком же, но «чужом» пространстве, общей молитвы («Бог один»), личного предстояния перед Богом.

Как об исключительном случае деревенские женщины рассказывали о посещении церкви священником-католиком:

У нас Паска не разом – Паска перва польска, потым наша. І вот наш свяшчэннік і ксёнз с Польшчы, так разам падружылі яны. І <ксёндз> *гаворыць: „Я хачу, каб прыйсці у цэркаў». Вот ксёндз прыйшоў, і нас паздравіў с празнікам. І мы яму засьпявалі* <па-польску> *Велікодну песню: „Вісолы нам дзень настаў»– то вы знаеце што: он плакаў. „Што, – гаворыць, – я зашоў у цэркву, і мяне рускія людзі так встрецілі, дажэ міне паздравілі»* [25].

Однако, несмотря на взаимные декларирования «равенства» вероисповедания католиков и православных, родители, особенно в недавнем прошлом, обычно не одобряли браки между представителями разных конфессий, не обращая внимания на взаимную склонность молодых людей и потенциальные материальные выгоды такого брака:

<Ці былі шлюбы паміж каталікамі і праваслаўнымі?> *Трошку не надто хацелі, раньшы, пры Польшчы, з тымі хлопцамі гуляць* <з праваслаўных>. *Гэто трэба было нявесце перайсці на праваслаўную іли яму на католіка. Но это бальшанство радзіцелей протів* [3];

...Патаму што ў жыцьці бывае плоха. Ён цягне дзіця да касьцёла, ана да цэркві, і вот у іх палучаюцца і разнагласія, бывае і разводы [17];

Już teraz pomieszali się też dzieci, tak jak i nasze w Bohatyrewiczach. U Teresy też pomieszane, zięć Ruski, pomieszali się. Język, głуипо, że język był. Jak po prostu kto mówi, jaki cłiopiec mówi, to już, aha, jest kacap, wsio kacap. Już takie odrzutne, odrzutne. U mnie taki śliczny kawaler był – Ruski. I bogaty. Mówił: «Pójdę do kośctoia i co chcesz,tylko idź»– żeby ja szła za jego. Żeby ty, mówię, Polak był, to by ja poszła, mówię, za ciebie, a tak to za nic. I bogaty okropnie był. Majątek oni kupili za polskich czasów. Był ładny, był czarniawy taki. Ale to było odwrotnie bardzo, bardzo przykro było. A teraz zmieszało się uszystko, zmieszalo się [26].

Нередко случалось, что подобная предусмотрительность родителей ломала судьбы молодых людей:

Яна не пашла замуж, яе мужык..... вот не узяў яе. І ён шлюб браў <з другой>, *а яна адрэзала палатна два метры, пашла да Маткі Боскай у Баруны і ета палатно палажыла да Маткі Боскай – то ана ахвяравалася. Две свечкі запаліла і зламала. Людзі як увідзелі, этыя свечкі і патушылі.* <А нашто яна так зрабіла?> *Каб жызнь яго* <зламаць>, *панімаеце? Яна пражыла – пад каровай памерла, а ані доўга жылі. Яна сама вінавата, і радзіцелі яе вінаваты. Ён хацеў яе ўзяць. Ён быў праваслаўны, а яны – каталікі. І ані не аддалі, каб на праваслаўную* <веру> *не шла... Музыкантам ён быў, тут, у Трасечанятах. Тут праваслаўных болей* [27].

Отдельного рассмотрения заслуживают представления о совмещении православного и католического вероисповеданий, характерные для большого числа

семей, в которых один из супругов – православный, а другой – католик. Так, одна из информанток-католичек, рассказывая о том, что в их семье дважды празднуется Пасха, дважды Коляды, неожиданно замечает, что, видимо, именно потому ей и не повезло в жизни, и жалуется на свою незавидную судьбу:

Можа я і награшыла за гэта, што пацярала свайго сыночка. <Так а які ж у гэтым грэх?> *Ну што два. Абычна заходзюць за праваслаўнага, сваё кідаюць ілі яго кідаюць – адзін празьнік. А я – дзве Троіцы, два Вялічкі, двое Каляд* [28].

Более естественным считалось держаться в семье одной веры, поэтому, как правило, жена принимала веру мужа, хотя вообще перемену веры считали грехом и православные, и католики:

<Ці можна пераходзіць праваслаўнаму ў каталіцтва?> *Не, то грэх. Але пераходзяць. Але грэх* [15].

Похороны

В связи с этим нередко после смерти мужа жена возвращалась к своей предыдущей конфессии:

Мая бабка... Не бабка, а прабабка, называлася Ізабэла. Яна была каталічка. Выйшла за прадзеда майго праваслаўнаго і жыла з ім усё жыццё. А ён першы памёр. А яна, як умірала, усё раўно перайшла на сваю веру, на каталіцкую веру. А ўсю жызьню жыла з сваім дзедам на праваслаўнай веры. А ўміраючы, перайшла на каталіцкую веру, бо казала, што гэто <заставацца ў праваслаўі> *нiможна, што гэто грэх* [29].

Однако как нежеланное могло оцениваться и возвращение к вере своих родителей, которое в таких случаях понималось уже не как возвращение, а как еще одна перемена:

Я сама, знаеце, польская, але выйшла замуж за беларуса. Венчалася ў царкві... Усё ўрэмя як зьвянчалася я ў царкві, так я не хацела ўжо кідацца ні сюды, ні туды. Ужо як зьвянчалася ў царкві, так і хадзіла ў царкаў. І да споведзі хадзіла, і прычасьць прымала, – усё рабіла так, як закон гласіў, панімаеце? І вот і па сённяшні дзень – ходзяць жа да касьцёла ў Гарадзей, так часта мяне прыглашаюць, – што, Паўлаўна, чаму Вы да касьцёла не ходзіце? А я кажу: «Вы знаеце, не хачу перакідáцца: то сюды, то туды. Ужо трэба дзяржацца аднае веры» [30].

Мотивирование греховности перехода православных и католиков из одной конфессии в другую тесно связано с представлениями этих конфессий друг о друге. Реплики в спорах о «правдивости» веры часто представляют собой типичные в традиционном мировоззрении оппозиции: красиво – некрасиво; чисто, бело – нечисто, испачкано; простой – непростой, чужой. Так, в конце XIX века в Витебской губернии католики утверждали, что католическая вера лучше потому, что в костеле краше, чем в церкви; играют на органе; на иконах в костеле «белые лица», а в церкви «чумазые» (12). Православная информантка в Докшицком районе на вопрос о вероисповедании отвечает, что мы «прастыя», т.е.

православные [31]. Более частные противопоставления обобщаются как правильное – неправильное:

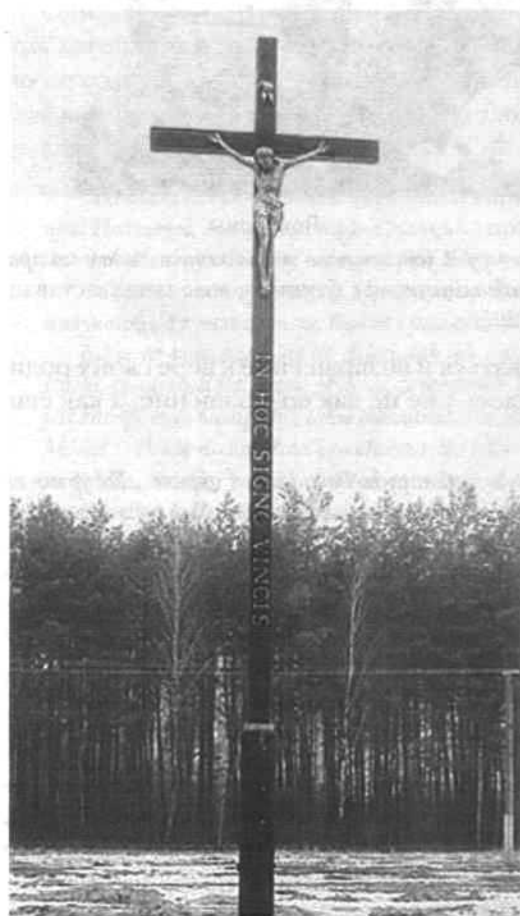
Нашы ко́ляды правильные. А польские – нет [32].

Далее информант разъясняет, что на «польские» не бывает луны.

Противопоставления старый – новый, первый – второй в отличие от других оппозиций этого плана в мнениях католиков и православных друг о друге, как правило, не имеют категории оценки, просто констатируется факт или представление, причем чаще вне исторических реалий:

а) православные в отличие от католиков держатся «старой» веры:

А гэта яны ідуць, праваслаўныя, па старой, старой, старой веры. Бог у іх адзін <з каталікамі>. *Вот за тое гэты крыж у нас во такі* <*чатырохканцовы*>, *а ў іх вот такі* <васьміканцовы>. *Папярэчка яго называюць, папярэчныя.* <А што гэта азначае?> *Ну, што яны адзначыліся ад каталікоў. Яны пераламаныя ад каталікоў. У іх права сваё. Іхная вера была першая. І вот цяпер, дапусьцім, Новы год. Увесь век, усюды Новы год – гэта Рымска-каталіцкая вера. А ў іх жа ж па старынке* [2];

Крест у дороги — древняя традиция беларусов

б) католики в отличие от православных первыми „узнали» Иисуса Христа:

<Чым адрозніваецца каталіцтва ад праваслаўя?> *Кажуць якой парой сазналі Ісуса Хрыста. Вот каталікі первымі, а мы ўжо другія, праваслаўныя* [18].

Зато подобным расхождениям всегда резко противопоставляется факт неверия:

Як ні верыць: ці па-праваслаўнаму, ці па-каталіцкаму – то адзінакава як чалавек верыць... Пан Бог адзін есьць. А як чалавек не верыць, то дзе ён будзе? Хто не модліцца ні па-праваслаўнаму, ні па-каталіцкаму – то адзінакаво, ці хто ў цэркву ідзе, ці хто ў касцёл. <Нельга>, *каб хто шыдэрыў* <смяяўся>: *ці то каб рускія шыдэрылі з польскіх, а польскія каб з праваслаўных. Не можно, не можно!* [22].

Обращают на себя внимание факты признания близости и непротиворечивости католичества и православия в приграничных с Польшей (в разные времена) районах: Гродненском, Берестовицком, Свислочском, Щучинском, Вороновском, Островецком, Ивьевском, Ошмянском (все в Гродненской об-

ласти); Поставском, Браславском, Миорском, Верхнедвинском (в Витебской области); Брестском, Каменецком и Пружанском (в Брестской области) – при резком противопоставлении и даже враждебности этих объективно близких конфессий в отдельных деревнях центральной Беларуси, например, в Несвижском районе Минской области (13). Однако сообщения такого типа редкие, хотя и не единичные:

У нас бывае іхнюю веру абгаварваюць, а яны нашу. Ну гэта ж не паложано. Яны гаворацъ Пан Езус, а мы Ісус Хрыстос. От такая разьніца, што яны па-польску, а мы па-руску... Цяпер на праваслаўных каталікі кажуць: хам'ы, ну гэта ж будта нягодныя людзі. А каталікі ж будта людзей катавалі. <А жэняцца ў вас каталікі на праваслаўных?> *Жэняцца! Цяпер ужо памяшаліся... І ўсё адно будзе казаць, есьлі яна сама польская... Вот тутака была апцекáр. Яна была польская, а ён быў рускі. І ўсё роўна на яго: „Хам! Хам ты!». На кажнам шагу. У нас тут часта гавораць: о, прышлі* <б> *палякі, так гэтыя хамы нам будуць ногці мыць ці чысьціць... А казаў* <паляк> *у магáзіне: „Нічога не хачу, анно, каб мне пажыць, каб на хамэ паарацъ». Во што сказаў перад людзьмі. Анно ж памёр, не дажыўся. Ну так як жа ж тут казаць, што не кажуць? Кажуць.* <Так каталікі сябе панамі лічаць?> *Ну да, як панамі. А мы ж ужо хамы* [33];

Вы знаеце, я сама, сама служыла ў пана. Так як польска Радзяство раней, так яно цёплае. А наша ўжо, беларускае, пазней, так яно маразы, больш холодно. Так сам пан казаў: „О, відзіш, як нашэ Божа Народзэння – як цёпло. А як на тых хамув, так збвшэ мруз». А яно зачэм? <Значыць хамамі ўсё ж такі называлі?> *Называлі.... Ужо нас, знаеце, гэтыя палякі* <паны> *уважалі, што мы польскія. Так больш неяк уважэння было. А як на беларусаў – так усё: хам, хам. Усё хамы называлі* [30].

Староверы и православные / католики

Староверы – сторонники старообрядчества, религиозного течения, которое возникло в России в результате раскола в Русской православной церкви. Староверы отказались признавать церковные реформы патриарха Никона второй половины XVII века. На беларуских землях староверы появились во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. (известны и переселенцы с Псковщины середины XIX века). Старообрядчество Беларуси неоднородно: здесь сосуществуют и находятся в сложных взаимоотношениях поповские и беспоповские старообрядческие согласия: ветковское, поморское, федосеевское, филипповское и др. До 1917 года именно староверы составляли значительную часть, а до 1863 года основное большинство русского населения Беларуси.

На сегодняшний день староверы-беспоповцы живут, в основном, в Витебской области (преимущественно в Браславском, Миорском, Шарковщинском районах, где сохранились их обособленные поселения), частично в Минской (Борисовский, Крупский районы), староверы-поповцы – в исторической Ветке в Гомельской области*.

Религиозной догматикой старообрядчество не отличается от реформированной православной церкви, но оно настойчиво сохраняет старую обрядность

* Ветка была важнейшим духовным и организационным центром староверства на территории Беларуси. Староверы, бежавшие из Московии, основали здесь слободку еще в 1685 году, которая затем притягивала беспоповцев.

(отсюда и название в русском языке – старообрядчество). Благодаря компактному поселению, особенной преданности своей вере и эндогамным бракам староверы сохраняли традиционный уклад жизни и быта, поэтому долгое время оставались не втянутыми в активные ассимиляционные процессы. Известная исследовательница старообрядчества, в том числе *ветковских* староверов в Беларуси, С.Я. Никитина отмечает:

> «Казалось бы, яркая и мощная культура автохтонного населения должна была «подмять под себя» культуру пришельцев. Однако этого не произошло. Сегодня мы имеем две культуры, четко противопоставленные друг другу с хорошо осознанными различиями, то есть две культуры с развитым самосознанием. Культурная рефлексия особенно свойственна староверам по причине их сознательно стимулированной отделенности от конфессионально чужих соседей» (16).

Противопоставление православных и староверов ярко проявляется в названиях и самоназваниях по отношению к национальности (см. распространенное москали – беларусы, а в юго-восточных районах Беларуси – москали – хохлы, однако также: *мазепа* /т.е. не старовер/, мужык /беларуский крестьянин в отличие от русских староверов/, хахол /беларус/ (17). В Гродненском районе староверов называли *разгон* (видимо, трансформированный аппелятив к *раскол*), а беларусы в деревнях в районе Троков (Тракая, Летува) – *бурлаки*: возможно, именование по роду деятельности (см. ниже об асташах).

Беларуский сельский ксёндз

Показательна в этом смысле отмеченная в Борисовском районе (Минская обл.) полуинвективная пара (однако явно инвективная в речи детей, особенно школьников) рус. *уад, уадаўка* /православный, *-ая*/ с чуждыми местным старообрядческим диалектам фрикативным *«г»* (вряд ли умышленно фарингальным) и беларуским *«ў» – бел. ерятік* /старовер/ с такими же несвойственными центрально-беларуским диалектам мягкими *«р»* и *«т»*. Вероятно, такого же рода наименование староверов «кони», зафиксированное в Гомельском районе (19).

Информанты констатируют близость или даже единство вероучения старообрядчества и собственно православия. Различия, особенно между православными и староверами-поповцами, сводятся преимущественно к соблюдению последними православных канонов, которые

бытовали в России до реформ патриарха Никона. По словам нашей собеседницы-староверки:

Эта ж адно і то жа. Толька што праваслаўныя крэсцяцца трём пальцам, а мы двум пальцам. Ну, тут разніцы нікакой нет. А пеніе тое самае. Тутка <у праваслаўных> *кароткае пают, а у нас расцягвают* [1].

Это подтверждает и православный информант:

Цяпер во, харанілі тут аднаго..... – адзінакавае маленне. Толька што вот яны крэцюцца двум пальцам... А мы вот крэсцімся – трайнёй. Трайнёй, да. А яны двум. Вот адно толька [34].

Однако несмотря на глубинную родственность и, казалось бы, чисто формальные различия, православные и староверы в народно-конфессиональных воображениях оказываются значительно дальше друг от друга, чем православные и католики:

«Конфессиональный фактор стал решающим в характере и степени взаимных культурных контактов. Ни территориальная близость, ни общность занятий (там, где она была) не смогли сделать эти контакты более близкими» (20).

Применительно к староверам у беларусов существовала в значительной степени *мифологизированная* система представлений, в которой первые выступали как «чужие» по многим жизненно важным параметрам. В.А. Лобач отмечает, что в мифопоэтической картине мира беларусов Полоцко-Невельского пограничья староверы-«асташы» – русские рыболовы-промышленники из Осташковского уезда Тверской губернии – выступают как представители инфернальной сферы (21). На символическом уровне это проявляется в соотнесенности их с зимою (сезон их промысла), Севером (откуда они приходят), ночью и даже с внешним обликом чужаков с их широкой бородою. Последняя деталь была тем более знаковой, что беларусы (особенно католики), за исключением населения Могилёвской губернии, бороды и усы в основном брили (22). Морально-этическую и правовую анормальность поведения староверов второй половины XIX века применительно к традициям и обычаям беларусов Витебщины подчеркивали М. Янчук и А. Сементовский:

«У апошні час асабліва часта чуюцца скаргі на стараведаў. Яны часта пападаюцца на дзёрзкіх крадзяжах, і сяляне беларусы ненавідзяць іх да глыбіні душы. Калі сустракаецца старавер, якога яны адразу ж пазнаюць па даўгаполым адзенні і барадзе, яны пальцамі ў яго тыцкаюць і ўголас лаюць „кацапам» і іншымі крыўднымі словамі» (23);

«раскольнікі наогул не прызнаюць святасці шлюбу і наогул мала шануюць повязі шлюбнага жыцця; жанчыны-раскольніцы, у сваю чаргу, не надаюць вялікай каштоўнасці дзявоцтву і вернасці ў шлюбе, так званы звальны грэх паміж імі – справа самая звычайная; маральнасць раскольнікаў наогул ніжэй маральнасці беларусаў. Першыя параўнальна часцей абвінавачваюцца ў разнастайных рабунках, разбоях, гвалтах, крадзяжах, канакрадстве і г.д.» (24).

На неприязнь к староверам указывал и В. Ластовский:

«Адносінне вяскоўцаў да акалічных маскалёў (так называлі стараверау, паселеных тут пасля 1863 года) было непрыязным. Сяляне ўнікалі іх, як толькі маглі».

Правда, причиной этого Ластовский назвал не отличия в вере, а «разный характер и психику» (25). В этой связи неслучайно, что в значении названия *маскаль* выявляется сема «плохой, непослушный мальчик, парень с преступным поведением» (26).

Вместе с тем, представлениям беларусов (православных и католиков) о староверах была свойственна определенная амбивалентность и непоследовательность, благодаря которым, может быть, эти конфессии всегда мирно уживались на одной территории. Староверам приписывалась дозволенность их верою совершать смертные грехи, такие, как кража и даже убийство, но одновременно о них же говорят (те же информанты), что староверы невредные, хорошие были; насмехаются над обрядовой практикой староверов и тут же отмечают, что они хорошо молятся [35].

То же самое можно сказать и об отношении староверов к беларусам. С одной стороны, существовала известная «поганая» кружка для иноверцев, с другой стороны, они же принимали обходы католиков в разгар своего поста, ходили в православную церковь на праздники и вступали в конфессионально смешанные браки.

Среди устойчиво приписываемых староверам признаков выделяется склонность к кражам, что объясняется сравнительной незначительностью этого греха в их моральном кодексе и легкостью избавления от него (по мнению соседей-иноверцев):

Гаворюць: трі паклоны атбіў – і греху нет [36].

Представления о склонности староверов к кражам воплощаются в устойчивых фольклорных формах. Так, на Беларуском Подвинье существуют сюжеты о краже «маскалямі» свойской скотины, которую обували в лапти, чтобы запутать следы [37].

По представлениям беларусов Витебщины, как православных, так и католиков, вера староверов позволяла совершать не только кражи, но и более тяжкие преступления, если они будут «выкуплены» соответствующей ритуально-молитвенной практикой, например:

Такія быліў іх ціпа кругленькія шарычкі. Вот ён сядзіць шарычкі <перабірае>... *Называліся ў іх лесенкі. А ў нас тут радам маскалі былі. Так вот сорак етых лесенак, сорак етых шарычкаў у руках перадзяржаць..... І хоць і бацьку заб'ець* [38]*;*

<Чалавека заб'еш, то колькі трэба паклонаў зрабіць?> *Восемдзесят надобі аткланяцца.* <І што, адпусціцца грэх?> *Яны гаварылі, што просіцца. Ну а я ж там ня знаю. Я ж там не была. І сорак раз сказаць „Святый крепкій, святый бяссмертный, памілуй нас».* <І дастаткова?> *Да сарака, да* [35]*;*

А патом маліліся і ўсё прашчалася. Вот як эты чачэнцы. Значыт, пабілі тут во, а тады сталі на калені – усё, грахоў нету [39].

Однако вместе с тем до сегодняшнего дня среди православных достаточно устойчиво распространено представление о приличии староверов. Моральный императив в их поведении в таких случаях стирает противопоставленность и «чуждость»:

Сталаверы... Тожа ў іх свая вера. Яны ў Бога верáць. І вот мы ў іх карову купілі. Яны чалавека не абмануць. Яны чалавека не прададуць. Яны не наклявечуць на чалавека, во так. У іх такі закон, кааб не абіжаць чалавека. Яны тожа ў Бога веруць. А там ва ўсі сьвятыя, ці што, мусі, такога не [17].

Православные беларусы иронично относились к определенным обрядовым традициям староверов, в частности к похоронным:

Маскалі накадзяць, як пакойнік ляжыць, аж цёмно. Прідешь паглядзець, дак ня відно. І стаяць; усе хором дзяруць, як пятух – страшно. Мы, хахлы, чыстай веры рускай. Дак мы пелі з кніжек псальмы [40];

У іх была свая цэркаў. А як памрэць, тады стаіць у клеці, на куце не ляжэць, яку нас. Паложаць і стаіць [35].

Богамаленныя былі. І моляцца па-чэснаму, не так, як нашы [35].

Костёл Святой Троицы в деревне Гервяты (Островецкий район Гродненской обл.)

Одним из самых устойчивых и повсюду распространенных сигналов взаимоотношений староверов и их соседей в недалеком прошлом было наличие у них отдельной кружки для чужих, так называемой «поганой кружки», воспоминания о которой живы до сих пор:

У іх свая была вера. Яны з тый кружкі, што самі п'юць, табе не дадуць. У іх для пастаронніх кружка атдзельная. Называлась: паганая кружка. <А ці дружаць зараз з вамі маскалі?> *Зараз, а чаго ж, маладыя. А старых тых ужо няма.* <А маладыя> *адзінакавыя сталі. Яны ўжо ўсё і п'юць, і ядуць* [41];

А тада нельзя ж было з кружкі піць..... А мы, бывала, возьмем, да абпаганім. Паганім з кружкі нарошна, смяёмся, маладыя... [42];

Вот прыдзіце к ім, хоць бы і Лукашэнка во цяпер прыйшоў бы к ім... Цяпер я ўжо не знаю, а раньша. І яны б яму з сваей кружкі – не. І сказалі там, калі б бацька сказаў: «Прынясі там паганую кружку!» [39];

Кала нас маскалёў не было. Яны пад Вулу былі. У Лісоўні яны заўсёды былі. Там людзей і перaймалі. <Як гэта?> *То паадбіраюць, што ў каго ёсь, а то і саўсім могуць забіць.* <Што ж яны – такія ўрэдныя?> *Да, да, да, да.* <А ці казалі, што яны і кружкі не дадуць напіцца?> *Эта ўжо точна. Не захадзі і нічаво не прасі. Скажуць: «Дзе наеўся, там і напіся»* [43].

Даже парадоксально, что у беларуских староверов вместе с жестким идеологическим отграничением «своих»-единоверцев от «чужих»-иноверцев наблюдается редкая веротерпимость, которая проявлялась, например, в совместном праздновании основных христианских праздников и по григорианскому, и по юлианскому календарям.

В этом смысле достаточно показательны воспоминания нашей информантки-староверки З. Михайловской из Браславского района о праздничных рождественских и пасхальных обходах, во время которых взаимопосещения католиков, православных и староверов были фактически обязательными, так как включение в обход поселения всех дворов, вероятно, имплицитно содержало идею завершенности и замкнутости праздничного обхода именно в рамках «своей» конфессиональной обрядово-ритуальной практики:

а) *І вот раньшэ польская кутья. Здесь мы жылі на футарі, а здесь паляк жыл, а вот здесь жыл літовец. І в паляках кутья – ані завсягда к нам,* <стараверам>, *тріхадзілі. Пуйдзем і пуйдзем! Ну і ідзеш на кутью. У іх тожа здзелана ўсё поснае: клёцкі посныя тамака, ну ў іх каша пярловая – у нас кутья. Каша там пярловая ілі там рісавая. А патом мы іх пріглашаем на сваю кутью;*

б) *Ряжаныя хадзілі. На Ражаство і на Крященне, дажэ з Варшавы пріязджалі...* <А гэта са старавераў хадзілі?> *Всякія, і з старавераў, і із палякаў. Я помню первый раз: мы сідзім – дзеці – пріходют. Нясут такій жлобічак перад сабой, паставілі перад сабой, паставілі этат жлобік, там ляжыт Ісус Хрыстос – крыжык такой. Ну і вот ані сталі маліцца. Памаліліся. А чем жа ім плаціць? Сваё ж уважэнье нада паказаць, людзі та са свету! Ну, тады мама: «Тлушч бэндзеце браць?» – «Да, пані, тлушч бэндзім браць!». Ну, мама прынясла ім сала, заплаціла. А даўней была мода ў руку цалаваць жэншчын. Ну, в руку пацалавалі, паблагадарілі, пайшлі ва втарой двор, трецій... Так і хадзілі да Хрышчэння... Яны* <не танцавалі>, *толькі Богу маліліс;*

в) *Валоўнікі* <валачобнікі-праваслаўныя> *хаділі. Как толька вот прідем ужэ с вечерні... і слышым:„Хрістос васкрес! Хрістос васкрес! Хрістос васкрес! Ці можна хату прісвятіть?». Ну і пают...* <А раней хадзілі старавeры і праваслаўныя?> *Да. І палякі хаділі, была польская Паска на трі неделі раньшы.*<Але яны да вас не хадзілі?> *Хаділі... Ну палякі прідут і спрашывают: „Чі можна павэсэлыць дом?» – „Ну пруша». Ну і пают: „Вэсэлы нам дзень настаў, ктарэго Хрыстос з мэртвых встаў. Алелюя, Алелюя, Алелюя».* <Так у стараверaў і праваслаўных яшчэ самы пост ідзе. Вы ім дазвалялі заходзіць?> *Ну так слушайце! Вместе жывя, ну как не разрешыць? Ну што ані плахова зделалі? Ні акно ні б'ют, ні ругаютца. Памаляцца па-свойму – усё, какая разніца?!* [1].

Как и в случае с католиками, которым разрешено в исключительных случаях навещать православную церковь и молиться в ней (см. выше), староверы Браславщины считают за лучшее посещение православной церкви, чем игнорирование храма вообще:

<І на Ўсяночную на Пасху ходзіце?> *Да. Давеча ў Буеўшчыну,* <дзе знаходзіцца малельны дом стараревераў-беспапоўцаў>, *не пайшла – сілы нет. Пайшла сюда в цэркав.* <У праваслаўную?> *Да. Какая разніца?.. Эта ж адно і то жа... Памаліліся, прішлі патомака разгавляцца* [1].

Стереотип старовера (глазами соседей-православных) составляют, по записям из Полоцкого и Шумилинского районов, его хорошее здоровье, закаленность и зажиточность:

Яны здаровыя былі. Яны ж крэсцюцца, крэсцюцца у вадзе. Не так нам... У цэркве нас абліваюць, а... яны – у ваду. Значыць ён нікагда не балеіць. <Як у ваду апусцішся, так болей здаровы будзеш?> *Да* [39];

Атрабатывалі ім. І я хадзіла работаць: палола і жыта жала .... <Стараверам?> *Стараверам, да. Кароў злучаці вадзілі – яны багатыя былі,* <к> *быкам вадзілі.* <А стараверы багацейшыя за вас былі?> *Багацейшыя былі* [35].

Смешанные браки со стороны староверов заключались преимущественно с православными. Например:

Хадзілі к нам на танцы, хадзілі мальцы, праважалі яе <Казлову> *дажа вон. Чуць замуж не выйшла. Каб не вайна, так і замужам ба была за маскалём* [35].

Более того, в отдельных местах смешанного поселения православных и староверов-поповцев (например, в деревне Огородное Добрушского района) православные парни считали за честь взять жену от староверов, так как такие девушки считались, с одной стороны, более «знатными» (!), с другой – более строгого поведения. Девушки-староверки тоже стремились выйти замуж за православных парней (часто вопреки воле родителей), ибо считали их более удалыми и веселыми. Так, всегда чтимые в деревнях музыканты были обычно из православных семей. Рассказывают, что их сверстники-староверы неоднократно стремились исправить эту «несправедливость» кулаками, в деревнях даже происходили целые уличные драки, однако все оставалось по-прежнему [44].

Исповедь

Раньше уже отмечалось, что иногда в определенном обрядовом контексте «чужая», но все же христианская вера и обрядность могла восприниматься как нечто более престижное по сравнению со «своим» (28). В частности, это касалось практики отправления заупокойной службы, когда при прощании с православным умершим приглашался чтец-католик, который читал над покойником, естественно, польские молитвы (29).

Типологическую параллель представляет зафиксированное на Браславщине устойчивое убеждение, что среди знахарей наиболее сильные здесь — знахари-староверы. Именно они широко практикуют традиционную народную медицину среди местного населения и являются ее наиболее признанными и опытными носителями. Староверам как бы сама их религия позволяла лечить людей магическими средствами:

Наш духоўны настаяцель, еслі знал, что в абшчыне маюцца знахары, то толька добра пра іх гаварыў [45].

В католической традиции феномен волшебства полностью отрицался, и ксендзы запрещали обращаться прихожанам к знахарю, отсюда и наличие среди католического населения наиболее негативного стереотипа применительно к староверам. Именно католики рассказывали наиболее интересные истории, где староверы определялись как волшебники:

Ого, гэтыя маскалі, яны ўсе чаруюць, гэта ў іх ад чорта [46].

В свою очередь сходное негативное отношение у староверов сложилось именно в отношении к католикам. Если спрашиваешь у староверов, знают ли они про волшебников, то они чаще всего отвечают:

Варожаць у нас на нядобрае толькі каталікі [45].

При особенно тяжелых болезнях наблюдались случаи обращения к священникам другой конфессии или к «чужим *знахарям*». Более того, в беларуском Подвинье — регионе, где сосуществуют православная и католическая традиции, сложились уникальные методики заговаривания, когда одновременно применяются и беларуские, и польские заказываемые молитвенные тексты — с мотивацией «Чтобы Бог скорей услышал» [47]. «Чужой» воспринимался как представитель того света, потому иноверцам одновременно приписывались черты как человека потенциально опасного, так и возможного подателя благ.

В Гомельском уезде в XIX веке православные при серьезной болезни заказывали литые металлические изображения больных частей тела — головы, ног, рук, ушей, глаз, грудей, туловища и т.д., которые несли в ближайший костёл (но не в церковь) и клали там перед чтимой иконой как жертву; одновременно просили ксендзов отслужить за плату мессу перед этой иконой за здоровье больного. Католики, наоборот, просили отслужить обедню в православных церквах (32). Сходная практика фиксируется в зонах конфессионального порубежья и в наше время:

Вось як мне вельмі балела нага, я няпоўныя два месяцы ляжала ў бальніцы, там мне яе і абагравалі і ўколы давалі, быта нага і не баліць. Пакуль я прыйшла з аўтобуса дамоў, я апяць на нагу ступіць не магу. Тады прыйшла да мяне падруга праваслаўная. У мяне ўзяла кветкі-півоні, яна кажа: занясу ў цэркаў. Я нарвала ей самых лепшых і кажу ей, каб занесла іх бацюшку. Каб ён памаліўся, кветкі ў алтар пастаўце, мне можа перастанець балець нага – і па сей дзень у мяне нага не баліць. І паколькі я каталічка, але кветкі баба занясла ў праваслаўную цэркву, і мне памагло [18].

Однако такой взаимообмен текстами или знахарями не мог распространяться на евреев, наоборот, факт ритуальной помощи еврею приводил к потере знахарем его силы [48].

Сегодня старообрядчество в Беларуси переживает существенные перемены: сокращается число общин, наблюдается отток верующих, происходит стирание различий между старообрядческими направлениями. Однако существенно при этом повсеместное сохранение важнейших элементов предметного кода в погребальном обрядовом комплексе, а именно савана и четок (ружанца), которые обязательно кладут в гроб.

Баптисты и православные — католики

Протестантизм (от *латин.* «protestans» – «несогласный, тот, кто возражает») – наряду с православием и католицизмом одна из основных разновидностей христианства. Главное ее отличие – учение о прямой связи человека с Богом без посредничества церкви, духовенства. Протестанты считают, что «божья милость» даруется человеку сразу от Бога, без вмешательства церкви.

Почти во всех протестантских течениях сохранено относительно немного религиозных праздников, нет культа святых, ангелов, Богородицы, отсутствует поклонение иконам и реликвиям, число таинств сведено до двух (крещение и причащение), богослужение состоит преимущественно из проповедей, совместных молитв и пения псалмов. Формально протестантизм основывается исключительно на Библии. На Беларуси распространялся с XVI века в виде лютеранства, кальвинизма, арианства, в XIX–XX вв. появились баптисты, евангельские христиане, адвентисты, пятидесятники и другие (33).

Православные, католики и частично староверы осознают близость своих вероучений на основании веры в Христа, Богоматерь, святых, в отличие от «баптистского» и «еврейского» направлений, которые причисляют к «ненастоящим».

Протестантизм в Беларуси раньше назывался «немецкой» верой. «Раньше немцы были такие как мы, пока Мартин Лютер не съехал с рассудка от большой науки и не *устанавіў* новой «немецкой веры»», – записал в свое время Михал *Федеровский* на Гродненщине (34). Остатки такого осознания остались в среде старшего поколения деревенских информантов и по сей день, что наглядно иллюстрирует следующее утверждение:

> *У жыдоў і ў немцаў разгавор адзін – адна нацыя* [49].

Правда, в данном случае надо учитывать и тот факт, что идиш – один из германских языков, бытовой и письменный язык ашкеназских (германских по происхождению) евреев.

По шкале «чуждости» протестанты воспринимаются в современной беларуской деревне – и православными, и католиками – наравне с иудеями и мусульманами. В связи с этим им, как и иудеям, приписывалось даже неверие в Христа:

> *А жыды верацъ у небеса і звёзды... Наверна, верацъ у нябеснага Бога. Так як і бапцісты... Да. Ну ў Хрыста ж не верацъ бапцісты* [2; 7];
>
> *Воны не верацъ у ІсусаХрыста. Оны толька у Бога. А Бог... я не знаю, хто у іх бог...* [50].

Однако даже при констатации факта признания баптистами Иисуса Христа все равно выделяются атрибуты, которые отличают «бaптыстых» от «настоящих» христиан – православных и католиков:

Баптісты чоловек – это той жа верующчы, только вроде вероваў у Ісуса Хріста. Только мі хрісцімся, мі хрістіянской веры, а оні вроде не хрісцяцца. <Так не хрысціянскай яны веры?> *Это як сказаць... Ето нехрісціянская вера, это ну – сектанцкая вера* [51];

А воны <баптысты> *не верують у крэста..... крэста ж оні не прызнаюць – што ж то можа быць за вера?* [52].

Естественное в традиционном сознании соотнесение всего «чужого» с демоническим пространством обусловливает приписывание, в том числе чужим конфессиональным особенностям, дьявольских, отрицательных характеристик того света. Так и применительно к вере баптистов начинает акцентироваться подозреваемая демоническая суть:

І одна пошла... кажэ: „Мні Бог руку показываў". Руку показываў. Покажа ёй Бог рýку! Мо і показываў. Мо ў іх і гэты (здесь и далее подчеркнуто нами. – *Авт.*), *а яны шчытаюць за Бога, я знаю?! ... Колісь моя маты хоцела* <ісці да баптыстаў>. *...А ёй сніцца: ідэ вона на тое собрання. Кажэ: „Іду, а там перелаз быў. Я до того прэлаза доходжу, а воно з-за сарая як выскочыць, такее чорнэ, як стоўб, така голова, рогі. Я назад, навцёкі, – а юбкі былі шырокі, – я юбку подбіраю (это у сне так ёй), і назад тэй дорогою утэкаю". А мáты, ужэ ж покойніца мбты, перастрычбе ее ды кажэ: «А што, дочунька, ты пэраляказаса? А ты ж ужэ рэшыла до ёго іцці Богу моліцца, о. Ты рэшыла до ёго іцці Богу моліцца, а ты ёго злекаласа. Ты не бойса, а ідзі моліса»... І всё, амін, не пошла* [53].

Иногда вокруг веры баптистов разворачивается целая дискуссия, итогом которой становится вывод, что баптисты в своей вере тождественны евреям и мусульманам:

У Хрыста ж не верацъ бапцісты. – Яны верацъ, Броня, буду спорыць. У маіх родсвеннікаў ёсьць бапцісты... – Не, не верацъ. – У іх, як у жыдоў. Мусульманская вера. <А хто такія мусульмане?> *Так, як і ў жыдоў.* <А што такое „страшная ноч"?> *А гэта калі бацька дочку, сын маці і ніхто слова не гаворыць.* <Дык гэта ў яўрэяў ці бапцістаў?> *Адзінакава. Адзінакава.* <А ў баптыстаў таксама мусульманская вера?>*Да, да. Мусульманска вера, як і ў жыдоў* [2; 7];

А бапцісты у нас ужэ ў старане, гэта ўжо ат нас атпадае. Гэта ўжо саўсем другое. Там яны ў алахі нейкія, што мы ў гэтыя веры не знаем гэтага [54].

Однако наибольшее возмущение вызывает непочтительное отношение к Божьей Матери, святым, крестному знамению, отсутствие постов и многих праздников:

<Мы верым> *у свою віру: хрыстіянскую,праваслаўную. А бапцісты – в свою. Воны нэ хрістятса, в Матэр Божую нэ вірутъ... Откуда ж ІісусХрыстос узявса?! Як я нэ матэрь, я б нэ вроділа нікого... А то в Матэру нэ вірутъ! Ну як то, гэто ж главное, Маты! У Хрыста вірутъ, а в Бога нэ вірутъ гэтыя баптісты, і нэ хрыстятса – тожэ інтярэсная віра!* [55];

<І святых не прызнаюць?> *Не прызнаюць. Кажуць: „Пан Езус – байструк", – бапцісты так* [10];

Верующчые, воны ж не хрысцяцца, тыя, што ў бапцісты ідуць. Воны не хрысцяцца, а кажуць:„У нас одын Бог, одын Бог" <з праваслаўнымі>. *Ну, які ж одын Бог? Ты перакрысцішся,*

крэста пакладзеш:„Во імя Отца, і Сына, і святога Духа, амінь», – всё, ужэ эты ліхіе отступляцца. А воны ж то нэ хрысцяцца, то ж нэ одын Бог! [53];

Воны не верують у Божаю Мацер, воны і этых празнікоў не... Вот у нас жа всякіе празнікі – і Божая Маці, і Прэчыстая, і Зьвіжанне, а воны ж гэтого не прызнають. <А пасты?> *Не, воны... не прызнають. Што ж можэ быць за этое, як воны нічого не прызнають? Якая ж можэ то рэліг'я быць?* [52].

Крещение – самый главный обряд у баптистов

В традиционном сознании также отчетливо осознается различие внешней религиозной атрибутики баптистов, в первую очередь отсутствие образов:

У іх жа іконы нет. І ўжэ ж на куце палатно, і напісана:„Бог есьць любоў» [17];

У іх іконы, вот, як кармушкі ў кароў. <Смеется> *Не, праўда. Во так во трохугольнік* [39];

У бапцістаў абраз, я вам скажу! Келік, і гадзюка абвіўшы яго і галаву во так у келік сунне... І палавінка месяца [2].

Браки между православными /католиками и баптистами были редкостью и категорически осуждались деревенским сообществом, ибо в этих случаях переход из одной веры в другую должен был сопровождаться порицанием предыдущих религиозных атрибутов:

Мусіць, есьлі наша дзяўчына йдзе <замуж за баптыста> *– гэта ж во йшла з Слабады гэтай, ішла за бурлака (35) замуж – мусіла палажыць ружанец і абраз і патаптаць.* <І яна пагадзілася?> *Яна пагадзілася і абразы патаптала. І абразы, і ружанец, усё.* <А хто такія *бурлакі?*> *Тожа стараверы такія, як і бапцісты. Не кураць, не п'юць, а ў крэст не верацъ. Цяпер* <пасля таго, як зрабіла> *пайшла* [7].

Отмечаются и особенности отправления молитвы, причем богослужение представителей других конфессий, описанное в терминах «своей» традиции, воспринимается как странное поведение, несовместимое, с точки зрения другой культуры, с понятием «молитвы», «литургии» (36). Вот характерные примеры:

Яны ж молюцца проста дзераву. У іх жа ікон нету. Вось знайдуць дзерава, дзе там сучок і моляцца яму (37) [56];

Штунды – во так сагнецца і нешта гаворя, гаворя, нешта там пляце: «Каб майму сыночку харошая жызьня, каб майму сыночку харошая здароўя, каб вялікі рос». Во так во круцюць і ўсё [57].

В последней записи обращает на себя внимание мотив вращения – плетения относительно отправления молитвы, который, безусловно, еще раз подчеркивает неправильность, нечистоту, несакральность и того, кто молится, и его молитвы.

Противопоставление «своих», то есть «правильных», христиан и баптистов проводится по явно мифологическим бинарным ориентирам и часто характеризуется через оппозицию светлое – темное (черное):

Дзе секты жывуць? Паздымаўшы хаты, чорным завешаны [58];

У іх царква чорная, цёмная, а наша царква харошая, праваслаўная. Нашы іконы ажно гараць, а там чорна [59].

Показательно, что до нашего времени продолжают бытовать сюжеты о жестоких обычаях баптистов. Вот, например, одна из местных версий «кровавого наговора»:

Яны ж, во, думаюць, што як чалавека палажыць яшчэ жывога ў гроб і прабіць яго цераз гроб штыхамі, то ён, той чалавек да Бога адразу пойдзіць. Та вот у мужыка аднаго жонка бапцісткай была. Ну, ён прыходзіць да хаты з работы і пытаецца ў дзяцей: „Дзе мамка?». А сынок, што старэйшы, гаворыць: „Мамка да Бога пайшла». Ну ён та і здагадаўся. Схапіў сякеру і пабег туды. А яе ўжо тыя бапцісты палажылі ў гроб і ўжо хацелі прабіваць яе штыхамі, але мужык іх паразганяў сякерай ды выслабаніў жонку [60].

Подобное всеобщее сознание относительно баптистов не могло не влиять отрицательным образом на их убеждения относительно своей веры (немалую роль здесь играло отсутствие достаточно прочных традиций протестантизма на беларуской почве). Можно полагать, что самым действенным средством осуждения, которого не могли выдержать даже убежденные баптисты, была насмешка, издевка, презрение (кстати, это средство общественной неприемлемости через смеховую культуру было категорически запрещено моральным кодексом беларусов православных и католиков относительно друг друга):

<Ваш бацька быў баптыстам?> *Быў.* <І памёр баптыстам?> *Не. Потом в Гэрманію ёго забралі, ён пріехаў аттудава, ... ужэ другіе баптістыя сталі доказаваць правату. Тады ён мусіў коньчыць сваю баптісносць, потому што... Я праўду вам роскажу, это не брехня. Едзе мой покойны бацько чэрэз воду, водою, лодкою. Едзе, а Буня, знаеце ж Буню... Стала, а яна ж страшно шырокее, розняла, ды стоіць. Подняла сподніцу, думае: ето ж баптіста, ён жа мяне не вдарыць. А вон едзе, вяслом – не вінесла душа поэта позора мелочных обід! – да этым вяслом как бахнуў ёй по задніцы! Яна подскочыць ды кажэць: „Баптіст, баптіст!». А вон ні слова не сказаў, паехаў дальшэ* [51].

Стереотип баптиста в современной беларуской деревне переживает определенные изменения: на фоне тотальной алкогольной зависимости на деревне позитивным фактором в поведении баптистов становится неупотребление ими спиртного:

Бапцісты гарэлку не пілі, збіраліся, Богу маліліся. Добрыя яны, гарэлку не пілі. Плахога не рабілі. Яны дужа красіва пілялі [61];

<А чаго ў баптысты людзі ідуць?> *Я вам роскажу, чого ідуць. Воны ідуць, з одной стороны, шчоб не піць, не курыць,а з другей стороны – збіваюцца ж з пуці* [13].

Таким образом, фольклорно-мифологическое истолкование образа «чужого» (в том числе конфессионально) динамично разворачивается между двумя полюсами – отчуждения (каждый представитель иноэтничной и иноконфессиональной группы воспринимается как существо опасное и почти потустороннее) и толерантности (включение «чужих» в сферу традиционной обрядовости, магических и религиозных практик) и сочетает в себе на первый взгляд противоречивые и несовместимые характеристики.

Однако именно в этой полярности заключается уникальность всего комплекса представлений о «чужих», в котором отразились и этноконфессиональная полемика, и гражданское противостояние, и культурные взаимовлияния, и «мифология соседства» (38). На территории Беларуси черты «чуждости» в этноконфессиональных стереотипах свойственны прежде всего взаимоотношениям между христианами и нехристианами, православными – католиками и баптистами; взаимоотношения католиков и православных представляют собой картину «включаемого соседства».

Однако в любом случае можно говорить о настороженном отношении к иноконфессиональным соседям и концентрации мифологического в их стереотипах, которое имеет тенденцию к сгущению, чем дальше друг от друга находятся компактные поселения конфессиональных групп. Непосредственное же соседство демонстрирует если не взаимопонимание и приятие многочисленных проявлений иноконфессиональности, то хотя бы стремление к этому.

ПАСПОРТА ЗАПИСЕЙ

Сноски в квадратных скобках [1] – [61] – это ссылки на конкретных людей (с указанием возраста и вероисповедания) и населенные пункты Беларуси, где производились опросы. Редактор снял их для экономии места.

ПРИМЕЧАНИЯ

(7) Згодна з сюжэтам распаўсюджанай на Беларусі легенды Бог дазволіў цыганам красці, падманваць і бажыцца, бо цыган пры ўкрыжаванні скраў цвік, пашкадаваўшы Хрыста („каталіцкі»варыянт), ці не забіў цвік у сэрца (галаву), падмануўшы яўрэяў, што ўкрыжоўвалі Збаўцу („праваслаўны» варыянт): Так вот цыганям прывілегія цяпер за ета. У іх няма нічога, ездзіюць, можна і красьць, можна і што хочаш... І не грэх [5]; Вот яныні зямлі неробяць, ездзяць сабе табарам, і ніякіх труднасцей ім няма [6]. І хоць легендарная „прывілегія» цыганоў звязаная з выключна напружаңай у народным хрысціянстве тэмай распяцця Хрыста, уяўленне пра іх чужасць усё ж аказваецца мацнейшым, і вера цыганоў у замове падаецца, такім чынам, адпаведна з нацыянальнай прыналежнасцю – „цыганская», якая супрацьпастаўляецца хрысціянскай.

(8) Engelking A. Tożsamość „tutejsza» na wielojęzysznym pograniczu. Spostrzeżenia na przykładze parafii nackiej // Język a tożsamość na pograniczu kultur / Pod red. E. Smułkowej i A. Engelking. Białystok, 2000. S. 18 (перевод наш. – *Авт.*).

(12) Цит. по: Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской культурной традиции. М., 2005, с. 79 (к сожалению, источник в книге Беловой не указан).

(13) Надо отметить, что по территории Несвижского района до 1939 г. проходила граница между Польшей и СССР, и это не могло не влиять на динамику этноконфессиональных стереотипов.

(16) Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993, с. 42. Выражение „сегодня» относится ко времени написания книги, т.е. к 1992 году.

(17) Манаенкова А.Ф. Словарь русских говоров Белоруссии. Минск, 1989. С. 113-114, 121, 216.

(19) Белова О.В. Этнокультурные стереотипы... С. 79.

(20) Никитина С.Е., с.43.

(21) По С.В. Максимову, асташов «забабонны тутэйшы люд лічыць чарадзеямі і чортавымі братамі» (Максимов С.В. Белорусская Смоленщина с соседями // Живописная Россия. Т. 3. СПб., 1882. С. 446).

(22) Лобач У.А. Вобраз „асташа» (старавера) у творах Яна Баршчэўскага // Старообрядчество как историко-культурный феномен.Гомель, 2003. С. 165.

(23) Янчук Н. По Минской губернии (заметки из поездки в 1886 г.) //Известия имп. общ-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. LXI. Труды этнограф. отдела. Кн. IX. Вып. 1. Москва, 1889. С. 76.

(24) Сементовский А. Этнографический обзор Витебской губернии.С.-Петербург, 1872. С. 20.

(25) Ластоўскі В. Пагост. Успаміны з нядаўняй мінуўшчыны // Ластоўскі В. Выбраныя творы. Мінск, 1997. С. 190.

(26) Станкевіч Я. Беларуска-расійскі (Вялікалітоўска-расійскі) слоўнік / Byelorussian-Russian (Greatlitvan-Russian) Dictionary by Dr. J. Stankevich. New York, [1990]. С. 678.

(27) Показательная аппеляция, связанная, с одной стороны, с представлением о чеченцах как мусульманах, которым их религия позволяет убивать «неверных», а с другой – с десятилетием постоянных упоминаний (в основном негативных) о Чечне и чеченцах в СМИ.

(29) См.: Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1890, с. 544 (запись из Волковысского повета).

(30) Обращает на себя внимание народно-этимологическое притяжение лексемнай пары «чаравацъ – чорт» на базе омофоничного сближения гласных.

(32) Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. 8. Вильно, 1912. С. 309.

(34) Federowskij M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. T. 1. Kraków,1897. S. 234.

(35) Судя по контексту, информант под „бурлаками» имел в виду не староверов, а баптистов, с которыми он в конце бурлаков и отождествляет. Староверы любого направления не могли бы «поганить» предметы, которые они уважают не меньше, чем православные и католики: иконы, четки, крест.

(37) Параўн. з падобнымі ўяўленнямі пра малітвы яўрэяў: А вот яўрэі, я знаю, моляцца ў сук. Эта я запомніла. Сук у дзеряве. Вот сук тырчіць у дзеряве, а яны на каленах: бу-бу-бу, бу-бу-бу, а збіўся – ўсё, зноў начынают. Каждаму свой сук [56]. Дарэчы, гэта безумоўнае пацверджанне думкі пра тое, што вера баптыстаў і іх рытуалы аказваюцца „змаляванымі» з яўрэйскіх рытуалаў у іх „фальклорным прачытанні» (Белова О.В. Этнокультурные стереотипы... С. 88).

О беларусах, которые любят поесть

Алесь Антипенко

С давних времен известно, что беларусы любят поесть. Но суть дела как раз не в этом. Беларусы любят поесть хорошо и вкусно. «Ну-у-у, добра пад'еў» – скажет сам себе беларус, чтобы выразить высшую степень удовлетворения. И в этом «добра» и «пад'еў» – целая философия. «Добра – значит «в охотку», «с глубоким осознанием всей прелести мира и жизни». А «пад'еў» – это значит: «Дай Боже и в следующий раз!»

Одно из самых важных для беларуса воспоминаний детства – это воспоминание о том, как, что и когда готовилось. Мельчайшие детали здесь – очень важны. Ибо главная цель рассказчика в том, чтобы у слушателя потекли слюнки. А когда тот, наконец, зальется слюной, то и сам рассказчик расчувствуется от своих воспоминаний.

По причине неистребимой особенности беларуса иметь твердую память на все вкусное, что он ел за свою жизнь, осмелюсь утверждать, что самые гурманские описания кушаний и способов их приготовления имеются только в нашей литературе.

За всю свою долгую читательскую жизнь мне никогда не доводилось встречать у кого-либо из всемирно известных писателей таких описаний кушаний, от которых мой желудок начинал бы интенсивно выделять сок. В беларуской же литературе даже графоманы мастерски опишут вам, как они пили из горлача, наклоняя его, парное молоко или кроили душистое дедово сало, обсыпанное тмином и прозрачными бриллиантами-кристалликами соли.

Не говорю уже о наших классиках! Кто ж не помнит знаменитых сцен приготовления пищи и ожидания вкусностей из «Новой земли»? Близкие каждому беларусу, эти сцены раскрывают необъятный космос беларуского детства и светлых воспоминаний о нем. Вот одна из них:

Услон заняў сваё ўжо места,
На ім стаяла дзежка цеста,
І апалонік то і дзела
Па дзежцы боўтаў жвава, смела
І кідаў цеста ў скавародкі,
Давала піск яно кароткі,
Льючыся з шумам на патэльні,
І ў жар стаўлялася пякельны...
Пякліся гладзенькія пліткі...
І ўжо адтуль рукою маткі
На ўслон шпурляліся аладкі,
А дзеці іх даўно сачылі
І на ляту бліны лавілі...

Из журнала «Абажур», 2005, № 1–2, с. 59–60. Перевод и редакция А.Е. Тараса

Весьма характерен в этом смысле и наш фольклор. Если вы не специалист по фольклору, то никогда не догадаетесь, о чем думает беларус, когда встречает весну и о чем ее спрашивает. Весна для беларуса – это не только пора романтических стремлений или новой красоты пробудившейся природы.

Беларус поет:

Гэй, вясна, ды гэй, красна,
Што ты нам вынесла?
Ці сала кусочак,
Ці масла брусочак,
Ці па яечку, ці па піражэчку?

Застолье в беларуской деревне часто бывает на воздухе...

Вот и получается, что не беларус встречает весну, а на самом деле весна встречает беларуса с яйцами и салом. И очевидно, что ни один народ на земле не сумел так себя поставить.

По причине того, что многие из нынешних граждан Беларуси как бы и не живут в своей стране, а мечтают жить на Западе или «войти в Россию», среди них распространено мнение, что беларуская кухня – очень простая, без всякой изысканности. Должен засвидетельствовать, что это не так.

Вот, например, французы пишут о том, что у них свыше 400 сортов сыра. А в Беларуси уже довольно давно издали книгу под названием «500 блюд из картофеля». Это какую же надо иметь кулинарную фантазию, чтобы изобрести такую прорву кушаний из простой и всем хорошо известной бульбы?!

Так что беларус любит поесть вкусно. А «вкусно» в беларуском варианте означает прежде всего съесть то, что сам приготовил. Кто ж себе плохо сделает?! «Ну-у-у, это – магазинное», – высказывает беларус презрение ко всему, что он не сделал сам, своими руками. А потому настоящая колбаса для беларуса – только та, которая пальцем пиханная. Палец, как известно, никакой машиной не заменишь.

В XX веке беларус переехал в город, долгое время казавшийся ему местом безделья. Городская жизнь изменила многие привычки беларусов. Но неизменным осталось желание хорошо и вкусно поесть. Имея теперь больше времени для этого важного дела, беларус засвидетельствовал свой переезд в город простой и понятной всем «посполитым людям» констатацией: «Как сяду есть, так, кажется, ел бы да ел, а как работать, так какая-то вялость».

А посидеть за столом беларус очень любит. Удивительная вещь, но от беларуса не часто услышишь: «Вот был вчера в гостях и объелся». И это совсем не значит, что «в гостях» нечего было есть. Означает это лишь то, что в нашем крае «объесться» – явление столь же редкое, как землетрясение или молния посредине зимы.

Знают это и хозяева, приглашая гостей. А потому всегда готовят много, «смажаць и пражаць», как говорят у нас, и величайшим позором для себя считают, если за столом чего-то не хватило. «Пусть лучше останется», – говорит всегда хозяйка, когда чистит бульбу или режет окорок и колбасы.

И в городе беларусы любят выпить и поесть...

А потому приготовленный к приходу гостей стол являет собой нечто необычное. Заставленный самыми разными кушаньями, это стол, если за ним вдруг очутится иностранец, изрядно напугает бедолагу. И он сразу сникнет, будет сидеть тихо, говорить совсем мало. Но через какое-то время на него никто уже и не обращает внимания.

Понятно, что тесно уставленный разными кушаньями стол – это только начало. Зная об этом, хозяйка даже и не садится за него, гости приличия ради несколько раз ее позовут, она прибежит, пригубит чарку и снова исчезнет на кухне.

Когда же гости разговеются и потребление кушаний немного замедлится, хозяева начнут волноваться. «Неужели не вкусно?!» – всерьез обеспокоится хозяйка. «Может, мало выпили?» – подумает хозяин. Но через какую-то минуту все вдруг решится. Хозяйка с легкой укоризной посмотрит на хозяина и скажет: «Наливай, Юзик. Ведь не едят!» И, услышав это, гости сразу же приободрятся. А беларуское застолье начнет свой новый круг, еще веселее и шире.

И много потом будет выпито чарок за здоровье хозяев. Кто-нибудь обязательно похвалит хозяйку и скажет, что все было очень вкусно.

А завершится традиционное беларуское застолье совсем не «оглоблевой» чаркой, как некоторые до сих пор ошибочно думают. Кончится оно чаркой «заречной». Это значит, что после долгих прощаний с гостями расстроившиеся хозяева через десять минут вспомнят о своих гостях, успевших уже отъехать от дома. Догонят их за речкой и там выпьют последнюю чарку – «заречную».

Забытое великанье

Надежда Зыль

В наследство от наших далеких предков нам остались интересные и содержательные праздники. Когда-то их проводили в форме театрализованных представлений, в которых участвовали как взрослые, так и дети.

К сожалению, многое мы утратили безвозвратно. Но сохранились самые значительные и любимые народом праздники – Великанье, Сёмуха, Купалье, Коляды, Радуница...

Одним из наиболее желанных и красивых всегда было Великанье, или Великдень (издавна в разных регионах Беларуси это праздник называют по-разному).

За 40 дней до Великанья, как и сейчас, начинался Великий пост. В это время крестьяне употребляли в пищу только растительные продукты: овощи, орехи, фрукты, семечки тыквы и подсолнечника. В воскресенье можно было есть рыбу. В Великий пост нельзя было употреблять алкоголь, ссориться, совершать плохие поступки. В ожидании праздника люди очищались не только физически, но и духовно, духовно – в первую очередь.

Непосредственно к Великанью готовились заранее, потому что в праздничные дни запрещалось работать. Даже пищу для себя и животных готовили в субботу. А в четверг убирали в хате и стирали белье, в пятницу или субботу ходили в баню.

После поста, накануне Великанья, люди одевали лучшее из того, что у них было, выходили на улицу, собирались группами, искренне радовались солнцу и приходу весны. Все славили Господа Бога, просили у него хорошей погоды, чтобы земля поскорее прогрелась, «задышала», и можно было начать сев.

За неделю до Великанья праздновали Вербное воскресенье. Люди шли в храм, чтобы освятить воду, соль и веточки вербы. Потом все это приносили домой и ставили на полку под образами. Если болела скотина, ее трижды обносили освященной солью, а потом подсыпали немного этой соли в корм.

Праздник Великанья продолжался три дня, но главным из них был первый – воскресенье. Именно от него отсчитывали начало других святых дней – Великанья умерших (покойников) – через три, Радуницы – через девять дней. Следовало прибрать могилы, помянуть умерших родственников. До сих пор во многих местах Беларуси люди украшают могилы небольшими фартучками и ставят большие кресты на перекрестках дорог. Считается, что эти кресты оберегают живых от нечистой силы.

В первый день Великанья накрывали праздничный стол. Трапеза начиналась с яйца, покрашенного в красный цвет. Его посыпали освященной солью и делили на всю семью. Потом ели мясо с хреном, колбасы, винегрет, кушанья из грибов и овощей, пили квас, сваренный из свеклы с грибами. На обед подавали кра-

---

Из журнала «Абажур», 2008, № 2. Перевод и редакция А.Е. Тараса

сивый душистый пирог с березовым соком. Надо было разговеться после поста, но есть много в дни Великанья не позволялось, считалось большим грехом.

Люди ходили в гости друг к другу только на третий день Великанья. Взрослые навещали своих крестников. То же самое делали повитухи, которых называли «бабулями». Детям приносили разные подарки, крашеные яйца, пряники и другие сладости. Ближние и дальние родственники тоже наведывали друг друга.

Во вторник под вечер собирались так называемые «валачобники» (только взрослые, детей к этому не допускали). Они ходили от хаты к хате, пели веселые валачобные песни, за что их одаривали яйцами, пирогами и колбасами. Потом эти подарки раздавали бедным или устраивали большой общий стол, где угощались все, кто хотел. Люди от души веселились и пели.

Пасхальное поздравление

Многие другие праздники тоже имели важное значение для беларусов, но Великанье было самым светлым и радостным.

Через семь недель после Великанья начинается Сёмуха. По стародавнему обычаю она отмечалась три дня. В первый день на полку под образами ставили большой букет цветов, веточки рябины или березы. Молились Богу и благодарили его за оживление природы: все вокруг красуется, бурно растет, зреет урожай. Надо радоваться, веселиться и просить Господа, чтобы и дальше он способствовал хорошей погоде.

В советское время власти запретили почти все народные праздники. Даже яйца нельзя было красить. Несмотря на запрет, многие все же праздновали, тайком просили стариков, чтобы они освятили в церкви воду, соль или вербу. Вместе с другими духовными праздниками большевики запретили и Великанье, и Сёмуху, и Радуницу. Однако уничтожить дорогу к храму им не удалось.

Организаторы духовного геноцида, как и их вожди, осуждены историей. Но народ не дождался от коммунистов покаяния за кровавые грехи репрессий. Как, впрочем, и за весь 75-летний идеологический эксперимент, целью которо-

го было строительство «коммунистического общества» с единым сообществом людей – «советский народ». Но без национальных и этнических традиций, без родного языка и культурных особенностей – это не народ, а серая человеческая масса, даже не этнос.

Мне кажется, что сегодня процесс духовной дезориентации беларусов приобрел новые черты. Одни хотят вести нас в Россию, другие – на Запад. А ведь в Беларуси есть свое, родное, накопленное предками, проверенное веками.

И стоит ли нам менять Великанье на *Пасху*, Каляды – на *Рождество*, Сёмуху – на *Троицу?*

Кто хочет, пусть отмечает эти навязанные праздники, а нам оставьте наши исконные, беларуские.

«Валачобнікі»

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

Выпуск 8

Составитель и редактор *Тарас Анатолий Ефимович*

Адрес для писем:
А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь
Электронный адрес: AETaras@tut.by

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 24.11.2011.
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура «NewBaskervilleC». Усл.-печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 25,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 2087.

Ответственный за выпуск: *А. Е. Тарас*

Издательство ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, г. Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42

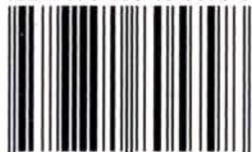
Республиканское унитарное предприятие
«Минская фабрика цветной печати».
ЛП № 02330/0494156 от 03.04.2009.
Республика Беларусь, 220024, Минск, ул. Корженевского, 20

Серия «Неизвестная история»

Сданы в производство или готовятся к печати следующие работы:

Беларусь превыше всего! Сборник статей (2-е, переработанное издание)
Гісторыя беларускай музычнай культуры XIX – XX ст. (Зм. Сасноўскі)
Доля беларускае культуры пад Саветамі. 1918—1957 гг. (Ул. Сядура)
Забытая Беларусь (В. Деружинский)
Музыкі на Беларусі: Ад архаікі да сучаснасці (Р. Абрамчук)
Партизаны СССР: От мифов к реальности (С. Захаревич)
По следам «литвы» (Д. Ситько)

ISBN 978-985-18-0579-8

НЕИЗВЕСТНАЯ
ИСТОРИЯ